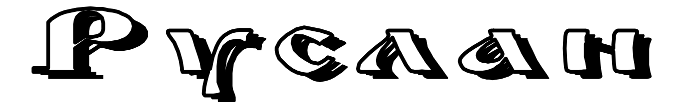
ВНУТРЕННИЙ ПРЕДИКТОР СССР

200-летию со дня рождения А.С.Пушкина посвящается

и

Развитие и становление государственности народа русского и народов СССР в глобальном историческом процессе, изложенное в системе образов Первого Поэта России А.С.Пушкина.

Санкт-Петербург
1999 г.

Оглавление

Внутренний Предиктор СССР: пояснение принятой терминологии

Термин «предиктор-корректор» — название одного из методов вычислительной математики. В нём последовательными приближениями находится решение задачи. При этом алгоритм метода представляет собой цикл, в котором в последовательности друг за другом выполняются две операции: первая — прогноз решения и вторая — проверка прогноза на удовлетворение требованиям к точности решения задачи. Алгоритм завершается в случае, когда прогноз удовлетворяет требованиям к точности решения задачи.

Кроме того, схема управления, в которой управляющий сигнал вырабатывается не только на основе информации о текущем состоянии системы, но и на основе прогноза её дальнейшего поведения, также иногда называется «предиктор-корректор» (предсказатель-поправщик, в переводе на русский, хотя по существу более точно «предуказатель-поправщик»). По схеме предиктор-корректор обеспечивается в принципе наиболее высокое качество управления, поскольку часть контуров циркуляции информации замкнута не через свершившееся прошлое, а через прогнозируемое будущее. Это обстоятельство и позволяет свести *запаздывание управления относительно возмущающего воздействия* до нуля, а при необходимости перейти к упреждающему управлению, при котором управляющее воздействие упреждает причину, вынуждающую к управлению. При рассмотрении конфликтных ситуаций, с точки зрения теории управления, схема предиктор-корректор достаточно часто исключает даже возможность противоборства с упреждающе готовой к нему системой.

То есть термин «предиктор-корректор» достаточно широко распространен среди специалистов математико-технических профилей подготовки на Западе.

По отношению к социальным системам управление по схеме предиктор-корректор, как явствует из истории, осуществлялось уже в древности. Так высшее жречество древнего Египта звалось “иерофантами», что означало их умение читать судьбу (т.е. матрицу возможных состояний), предвидеть будущее. Последнее есть основа управления, поскольку: управлять это — на основе знания возможных состояний приводить систему (в данном случае, — общество) к избранному определенному варианту из множества возможных. Естественно, что избрание варианта обусловлено истинной нравственностью и произволом тех, кто поднялся до предвидения и управления на его основе.

Жречество занято жизне-речением во благо общества.

Фонетика, корневая и понятийная система русского языка таковы, что эту фразу невозможно перевести на иные языки без того, чтобы не потерять оттенков смысла и многие ассоциативные связи. Чтобы не тяготить парней и барышень из Лэнгли необходимостью адекватного подбора слов из американского лексикона, мы избрали общеупотребительное словосочетание предиктор-корректор, которое уже несет необходимую нам смысловую нагрузку, но пока не в общем, а в узком технико-математическом смысле. Тем самым мы исключили возможность того, что переводчики, по словам А.С.Пушкина, «подставные лошади просвещения», выполняя социальный заказ, подобрав какие-то иные слова, навяжут англоязычному читателю извращенное понимание того, о чем говорим мы.

Русскоязычному читателю полезно знать термин предиктор-корректор. Но по отношению к вопросам истории и социологии ему следует пользоваться словами родного для многих русского языка: ЖРЕЦ, ЖРЕЧЕСТВО, ЖИЗНЕРЕЧЕНИЕ — вопреки тому, что за тысячу лет знахари — иерархия византийцев и переводчики Библии — изгадили и извратили объективно свойственный этим словам смысл:

> **Предвидением, знанием, словом заблаговременно направлять течение жизни общества к безбедности и благоустройству, удерживая общество в ладу с биосферой Земли, Космосом и Богом.**

Знахари заняты своекорыстной эксплуатацией общества на основе освоенного ими знания, с какой целью умышленно культивируют в обществе невежество и извращенные знания.

> **В этом отличие жречества от знахарства.**

Лад общества, его культуры и биосферы Земли предполагает глобальный уровень ответственности и ЗАБОТЫ о благополучии всех народов Земли. Поскольку английский язык в наши дни наиболее употребителен в качестве глобального языка общения разных людей, то нам пришлось самим позаботиться о том, чтобы всем англоязычным было понятно то, что мы хотим донести до их сознания, а не то, что пожелают им навязать в качестве нашего мнения хозяева «подставных ослов просвещения».

Точно также, нам самим не нужны термины: «концепция», поскольку есть русское *жизнестрой;* «автократия концептуальной власти», поскольку в русском языке вполне возможно обойтись и без мертвоязычных слов.

Но наши оппоненты должны понять, что монополизм их кончился. Образно говоря: Мы наливаем нашу “ключевую воду” в их “старые мехи”, дабы их “мехи” лопнули: нам не нравятся и их “мехи”, и их дурманящее “вино”.

Вместо эпиграфа

«А на росстанях — камень бел-горюч, льется свет небес из-за черных туч. Три пути лежат на три стороны. И кричат кружат черны вороны. Русь могучая, Изначальная! О тебе моя величальная!

Я приму любой, даже смертный бой, ведь твоя Любовь каждый миг со мной. Слово правды ты мне как меч дала. Пусть погибну я — лишь бы ты жила. Задрожит земля. Гром прокатится. И споткнется враг, вспять покатится!

А на росстанях — камень бел-горюч и на Родине есть заветный[1] ключ… И склонишься ты над моей бедой, возродишь меня ты Живой водой. Встанут витязи Бога Ясного, утвердят они жизнь прекрасную. Русь могучая, Изначальная, ты — Любовь моя нескончаемая…»

На основе слов песни
“Величальная”[2],
измененных так, чтобы войти
в Русское жизнеречение.

---

[1] Не ветхо- и не ново-, а единозаветный.

[2] В 1970-е гг. была в репертуаре Марии Пахоменко. Музыка С.Пожлакова, стихи В.Максимова.

Основные персонажи-символы:	Содержание символов — ключи к иносказанию:
Руслан	Центр, формирующий стратегию развития народов России, глобального уровня значимости (Внутренний Предиктор).
Людмила	Люд Милый — народы России
Финн	Святорусское ведическое жречество.
Владимир	Благонамеренные управленческие структуры государственного уровня значимости.
Черномор	Надгосударственный центр управления. (Глобальный Предиктор).
Голова	Все Правительства России под пятой Черномора (от Владимира — до наших дней).
Наина	Раввинат и высшие структуры масонства.
Фарлаф	Жиды всех национальностей и низшие слои масонства.
Ратмир	Элита славянских племен, принявших иудаизм (Хазарский каганат).
Рогдай	Языческая военная элита.
Печенеги	Национальные “элитарные” структуры.
Конь	Толпа, не вызревшая до народа.
Двенадцать дев	Исторически сложившееся христианство.

ВВЕДЕНИЕ

Сорок седьмой номер “Аргументов и фактов” за 1991 год (тираж около 25 млн. экз.) вышел с “сенсационным” заявлением на первой странице:

“Пушкин — российский пророк”

В краткой заметке под заголовком “Только для читателей АиФ” сообщается:

«Нас ожидает мировая сенсация. Таганрогская газета “Миг” приступила к публикации “философических таблиц” — математических моделей развития человечества, по утверждению местных специалистов, принадлежащих перу великого Пушкина. Публикация материала подготовлена на основе архива, который Пушкин передал на хранение своему приятелю — наказному атаману Войска Донского Д.Кутейникову в 1829 году, завещав открыть их 27 января 1979 года. По разным причинам этого не было сделано до настоящего времени.

По оценкам хранителя архива, потомка рода Кутейниковых, И.Рыбкина, модель Космоса Пушкина не только не уступает буддийской, арабской и христианской, но даже превосходит их.

Весь свой архив — “Златую цепь” — Пушкин продублировал, “закодировав” в художественные произведения смысл научных работ. Так, после передачи архива Кутейникову он написал чудо-пролог к поэме “Руслан и Людмила”, который по сути и есть завещание великого поэта. Здесь каждое слово — иносказательно».

Мы не знакомы с таганрогским архивом, хотя и не сомневаемся в том, что через пушкинскую символику, народы России, в частности, и Человечество в целом соприкасаются с новым знанием, способным изменить все

общество. Разгерметизация этого Знания уже идет в соответствии с «законом времени» и многое, из предсказанного поэтом, сбывается.

Второе столетие интерес к творческому наследию А.С.Пушкина не ослабевает и каждый читатель, встречаясь с тем или иным произведением поэта, пытается понять причину их особой притягательности. Другими словами, все ищут в них скрытого смысла. Почему? Да потому что зачастую он не очевиден на уровне, так называемого, сюжета; он закрыт определенной системой символов, то ли разработанной самим Пушкиным, то ли данной ему Свыше. Именно это обстоятельство вызывало неприкрытое раздражение у многих современников поэта и даже возбуждало по отношению к нему открытую неприязнь. Со временем в России и за рубежом выросла целая армия профессиональных "пушкинистов", постаравшихся скрыть эту сторону творчества нашего поэта.

Чтобы разобраться в особенностях пушкинской символики, нам придется вернуться в Древнюю Грецию, в VI век до н. э. и при этом ответить на вопрос: почему Эзоп, фригийский раб, в своих иносказательно-нравоучительных историях пользовался персонажами из мира животных? Вероятнее всего мы имеем здесь дело с очень древней традицией, истоки которой возможно следует искать в «тотемизме»[1] или как теперь принято говорить — в «устойчивых стереотипах восприятия окружающей действительности».

«Традиционная басенная символика способствует уяснению, вернее узнаванию "характеров" персонажей-зверей читате-

[1] Тотемизм (Т) — форма религии, характерная для родового строя. Основная черта Т. — вера в сверхъестественную связь между родом и каким-либо животным или растением, которые называются тотемом (слово из языка племени светроамериканских индейцев-алгонкинов, означающее «его род»). Сородичи верят, что находятся в кровном родстве со своим тотемом. Обычно тотем запрещалось употреблять в пищу; члены одной тотемной группы (рода) не могли вступать в брак между собой. Пережитки тотемизма отчетливо выступают в мифологии и культе греков и римлян. Почти всем греческим и римским богам свойственны атрибуты — священные животные, птицы, растения (Афине соответствовала сова, Арею — волк, Зевсу — орел, Асклепию — змея и т.д.). В мифах часты примеры перевоплощения богов в зверей и в растения. Христианство (имеется ввиду христианство историческое, которое противостоит учению Христа: примеч. авт) унаследовало тотемистические представления («агнец божий», «святой дух» в образе голубя и др.) — "Мифологический словарь", с. 249 — 250, Изд. «Просвещение», Москва, 1965 г.

лем. Еще В.Тредиаковский[1] заметил, что баснописец изображает “чувствительное подобие тихости и простоты в Агнце; верности и дружбы во Псе; напротив того, наглости, хищения, жестокости в Волке, во Льве, в Тигре... Сей есть ***немой*** язык, который все народы разумеют”».[2]

Если же рассматривать басню, как один из самых древних литературных жанров[3], то невольно возникает вопрос, почему никто из профессионалов “пушкинистов” не обратил внимания на одно странное обстоятельство: пробуя свой талант во всех литературных жанрах (рассказ, повесть, роман, поэма, пьеса, эпиграмма), Пушкин не написал ни одной басни? Или написал, но как-то иначе т.е. так, что «басен» А.С.Пушкина в качестве басен не признали? — Чтобы правильно ответить на этот вопрос всегда следует помнить, что Пушкин никогда никого не копировал; он был новатором, но не столько самих литературных жанров, сколько их содержания. Новизна же содержания, в отличие от новизны формы, не так бросается в глаза; чтобы её оценить требуется умение видеть «общий ход вещей». Она почти неуловима, но каждый по-своему её воспринимает благодаря системе символов, формируемой автором в творческом процессе.

Искусство вообще символично. Но одни художники через свою систему символов (возможно даже этого не осознавая) «поднимают человека с колен», другие — опускают, иногда даже на четвереньки. Чтобы понять, о чем идет речь, необходимо сделать небольшой экскурс в область человеческой психики, особенно в те её области, которые принято считать “само собой разумеющимися”, или, другими словами, о которых не принято говорить в кругах профессиональных психологов.

Психика человека многокомпонентная система. И одни и те же компоненты в психике разных людей могут не только достигать разной степени развитости, но могут быть и различным образом взаимосвязаны между

---

[1] Василий Кириллович Тредиаковский (1703 — 1769) поэт и теоретик литературы один из первых в России стал перелагать прозаические басни Эзопа на стихотворный лад.

[2] А.Потебня “Из лекций по теории словесности”, г. Харьков, 1894 г., с. 27.

[3] Эзоп, калека-раб из Фригии, сам басен не писал, а собирал их в народе и пересказывал, развлекая круг общения хозяина-рабовладельца Ксанфа, который сделал Эзопа вольноотпущенником. Ходившие в народе и приписываемые Эзопу басни, собрал воедино Деметрий Фалерский. Более поздняя обработка, так называемых, Эзоповых басен принадлежит Бабрию и Федру. Басни Эзопа оказали влияние на творчество Лютера, Лафонтена, Лессинга и Крылова. “Словарь Античности”, перевод с немецкого, Издательство «Прогресс», 1994 г., с. 648.

собой, образуя качественно различные структуры управления информационными потоками. В зависимости от архитектуры структуры психики, она оказывается способной поддерживать один образ мыслей и его выражающее поведение индивида, и не способна поддерживать другие, с нею не совместимые.

Конечно, людей на Земле уже около 6 миллиардов[1], и психике каждого индивида свойственна уникальность — неповторимое своеобразие. Тем не менее всё это разнообразие поддается вполне определённой классификации. Пушкин, по-видимому, какое-то представление об этой классификации имел еще в начале прошлого века.

Суть затронутого нами вопроса о психической подоплеке культуры состоит в том, что поведение особи биологического вида, называемого ныне *Человек Разумный, подчас безо всяких к тому оснований в поведении большинства представителей этого вида,* строится на основе взаимодействия:

- врожденных инстинктов и безусловных рефлексов,
- бездумно-автоматической отработки привычек и освоенных навыков поведения в ситуациях-раздражителях,
- разумной выработки своего поведения на основе памятной и вновь поступающей информации,
- интуиции, выходящей за границы инстинктивного и разумного, рекомендации которой впоследствии могут быть поняты разумом.

Хотя в психике всех людей всё это так или иначе присутствует, но у разных людей эти компоненты по-разному взаимосвязаны и взаимодействуют между собой. В зависимости от того, как все эти компоненты иерархически организованы в психике индивида, можно говорить о строе психики каждого из них. Можно выявить следующие основные типы строя психики индивидов:

- **животный строй** психики, если поведение индивида подчинено инстинктам — вне зависимости от степени его отесанности культурой, в которой голые инстинкты скрываются под различными оболочками, предоставляемыми цивилизацией, порабощая разум и интуицию (т.е. теоретически возможна, хотя исторически и не состоится, *цивилизация* идеально телесно человекообразных и говорящих, но всё же *обезьян — по существу их психической организации*);

[1] «TV-6 Москва» 09.07.1998 г. сообщило, в одном из выпусков новостей, что в 1999 г. население Земли достигнет 6 миллиардов человек.

- строй психики **зомби-биоробота**, если в поведении индивида над инстинктами господствуют бездумные привычки и культурно обусловленные комплексы как традиционные, так и нововведенные, подавляющие их волю, свободомыслие, интуицию, и непосредственное чувство Божьего промысла по совести;
- строй психики **демона**, если индивид осознанно или бессознательно упивается своей силой воли, подчиненными воле возможностями и индивидуальной разумностью, вышедшими, по его мнению, из под диктата инстинктов и культурно обусловленных программ поведения.

Но и это еще не всё. Индивидам, образующим общество и его подмножества, свойственно порождать коллективную психическую деятельность и эта коллективная психическая деятельность может быть в общем-то всего двух видов:

- в одном случае к ошибкам, совершенным одним индивидом, статистически преобладает добавление ошибок, совершаемых другими. Ком множества их ошибок растет и угнетает общество до тех пор, пока оно не сгинет под их гнетом либо же, пока оно не начнет порождать коллективную психическую деятельность второго вида;
- во втором случае преобладает иная статистика, в которой ошибки, совершенные одним индивидом, устраняются и компенсируются другими, но при этом каждый заботится о том, чтобы самому совершать меньшее количество ошибок, чтобы не обременять других необходимостью устранения их последствий.

Но кроме того индивиды могут различаться и по взаимоотношениям их индивидуальной психики с порождаемой ими коллективной. При этом индивид:

- либо подневолен коллективной психической деятельности и тогда это — стадность даже в том случае, если в этой психической эгрегориальной стадности есть вожак, деспот над стадом — сам часть стада, подневольная стадности;
- либо он свободный соучастник коллективной психической деятельности (тем не менее и при этом по отношению к одной стадности он, возможно, выступает в качестве пастуха, будучи не свободным в каком-то ином качестве). Также следует иметь в виду, что и «стадность», и «коллективная свобода», в зависимости от характера информационных процессов в них, могут порождать как «лавину бедствий и ошибок», так и некоторое безошибочное функционирование коллектива в целом.

Это означает, что все достижения культуры как духовной, так и материальной, все теоретические знания и практические навыки (теоретически формализованные и неформализованные), освоенные индивидом, — только приданное к его строю психики.

> Иными словами, человеческое достоинство выражается не в образовании, знаниях и навыках, а в определённом строе психики. То же касается и обществ: общество людей характеризуется не достижениями его культуры в области науки, техники, магии, а определенной организацией индивидуальной и коллективной психики.

> Отсюда, состоявшимися людьми являются те, чей разум в их жизненном развитии опирается на инстинкты и врожденные рефлексы, кто прислушивается к интуитивным прозрениям, различая в *интуиции вообще* Божье водительство, наваждения сатанизма, проявления активности коллективной психики общества, и своею свободной волей строит свое поведение в ладу с Божьим промыслом, не порождая в обществе коллективную психику типа разрастающаяся лавина ошибок.

Не осознавая всего этого, многие индивиды на протяжении всей своей жизни пребывают при одном каком-то строе их психики, но многие другие на протяжении жизни изменяют строй своей психики необратимо и неоднократно; также многочисленны и те, чей строй психики неоднократно, но обратимо изменяется даже на протяжении одного дня, а не то чтобы в течение их жизни.

Вся эта многовариантность организации психики тех, кому Свыше дано быть людьми *в предопределённом Богом смысле этого слова*, — объективная данность на каждом этапе исторического развития, которую можно рассмотреть еще более детально, чем это сделано в настоящей работе.

И именно с позиций признания этой объективной данности можно сказать, что общественный прогресс выражается в вытеснении в обществе одних типов организации психики другими. Соответственно этому человечество может продвигаться:

- в направлении скотства при статистическом преобладании животного строя психики, когда человекообразных цивилизованных обезьян будут пасти биороботы, запрограммированные культурой, при господстве над теми и другими демонических личностей;
- в направлении биороботизации, когда скотство будет беспощадно подавляться, а над массой биороботов будут, как и в первом варианте господствовать демонические личности;

- в направлении человечности, в которой скотство, биороботизация и демонизм будут поставлены в состояние невозможности осуществления.

Мы не можем сказать определенно насколько все это понимали Эзоп, Лафонтен, Крылов и другие известные баснописцы; можно лишь предположить: подмечая сходственность черт характера отдельных животных и людей, они фиксировали (скорее всего неосознанно) на уровне второго смыслового ряда басни присутствие животного строя психики у человека. И традиционно все культурные (в смысле принадлежности к библейской культуре) люди воспринимали творчество баснописцев, как искреннее стремление искоренить человеческие пороки. Но вряд ли кто из создателей басен и их читателей задумывался над тем, что сами животные непорочны: какими их создал Всевышний, такими и уходят они в мир иной. То есть от рождения и до смерти они — всегда полноценные бараны, быки и волки, поскольку лишены свободы воли и свободы выбора, и нет в том их вины. Другое дело человек: он награжден от Бога разумом, интуицией, свободой воли и чувством меры; но не каждый родившийся человеком состоялся при своей жизни в качестве человека. Так, одни, благодаря воспитанию, уже на стадии детства преодолевают в своем строе психики некоторые черты животных, другие — в пору зрелости, а многие до конца жизни не осознают, что животный строй психики доминирует в их поведении.

Другой, не менее важный вопрос: насколько басни, высмеивающие пороки от природы непорочных животных, действительно могли оказать помощь человеку в преодолении им животного строя психики? Судя по “достижениям культуры” наиболее развитых стран Запада, можно прийти к печальному выводу: животный строй психики по-прежнему доминирует там как в личностном плане, так на уровне коллективного бессознательного. Причина такого положения в том, что все искусство Запада насквозь пронизано иронией, сатирой[1], юмором. Возможно поэтому немецкий писатель

[1] Термин — «сатира» пришел в русский язык из древнегреческого, в котором «сатирами» назывались низшие лесные божества, **демоны** плодородия, составляющие свиту Диониса. Мифы изображают сатиров ленивыми, похотливыми, часто полупьяными; они постоянно заняты игрой, танцами. В ранний период античного искусства сатиры изображались полулюдьми-полукозлами, с заостренными, похожими на козьи, ушами, козьим (или лошадиным) хвостом, растрепанными волосами и тупым вздернутым носом. В современном языке сатир — синоним пьяного и похотливого существа. “Мифологический словарь” с. 222, Изд. «Просвещение», г. Москва, 1965 г.

Введение

Томас Манн, один из столпов современной западной культуры, выражался по этому поводу в том смысле, что «мир спасет ирония».

В действительности же дело обстоит таким образом, что осмеянный порок всего лишь перестает быть страшным и не осознается в качестве реальной опасности, а значит и в какой-то мере сохраняет свою привлекательность. Достаточно вспомнить с каким упоением Запад смеялся над образами Гитлера и его планами, созданными гением сатиры и юмора первой половины XX века Чарли Чаплиным. Этот комик много сделал для подготовки общественности Запада ко второй мировой войне и, видимо, не случайно благодарные режиссеры этого трагического глобального спектакля поставили ему памятник в Швейцарии, на берегу Женевского озера. Придет время и, вполне вероятно, подобные памятники будут поставлены Райкину, Альтову, Жванецкому и другим гениям сатиры и юмора времен “холодной войны”: они также неплохо поработали “на победу”, о которой до сих пор с упоением говорят заправилы Запада. Наши юмористы своим поведением также демонстрируют окружающим животный строй психики в повседневной жизни, потому что о другом — человечном — не имеют даже представления.

Баснописцам прошлого нельзя все это ставить в вину, поскольку они жили и творили в пределах толпо-“элитарной” логики социального поведения[1], которая доминировала в обществе до середины XX века.

Чтобы понять, как все это сказалось на самом процессе творчества, необходимо вспомнить, что басня, как устный вид творчества, появилась в очень далекие времена, по крайней мере не позднее чем во времена перехода общества от родоплеменного к рабовладельческому строю. Из письменных источников того времени известно, что рабовладельцы считали рабов “говорящими животными”; рабы же, как правило принадлежа к другому роду, то ли следуя традициям “тотемизма”, то ли по-своему защищая свое человеческое достоинство, сочиняли истории, в которых их хозяева-рабовладельцы тоже выступали в качестве животных.

История говорит о том, как Эзоп, собирая на рынке эти шедевры устного творчества, рассказывал их в кругу ближайших друзей своего хозяина-рабовладельца и те с удовольствием их слушали и смеялись, отдавая должное уму и сообразительности Эзопа. Другими словами, хотели этого или нет сочинители басен, их рассказчики и слушатели, но все они в какой-то мере способствовали закреплению в человеке животного строя психики.

---

[1] Подробнее о смене логики социального поведения в Песнях 1 и 6.

Современным юмористам этого делать непозволительно — они живут в период времени, когда в обществе активно формируется иная, альтернативная толпо-“элитарной”, логика социального поведения, проявления которой интуитивно ощущал А.С.Пушкин и существо которой будет раскрыто в данной работе. Очень условно его можно принять за “величайшего баснописца”[1], но уже нового времени и новой логики социального поведения. Как Эзоп эпохи будущего, Пушкин интуитивно т.е. бессознательно (насилу-то рифмач я безрассудный — “Домик в Коломне”) подмечая сходственные черты характера людей и социальных явлений в их историческом развитии, отражал это сходство в определенной символике в своих произведениях. Поэтому-то, изучая его творчество, мы и имеем возможность понять настоящие и предвидеть будущие социальные явления, благодаря созданной им системе символов. Отсюда загадочность и даже некоторая мистичность многих его бессмертных творений.

Можно сказать, что «Эзоп с его ***вареным*** языком» позволял лишь выделить присутствие животного строя психики в поведении человека, но не создавал ориентиров человечного строя психики. И не потому, что не хотел — для этого в толпо-“элитарной” логике социального поведения еще не было условий. Пушкин, как символический ответ русского народа на петровские реформы, явившись в России за столетие до начала процесса смены логики социального поведения, ***живым*** эзоповским языком своей музы формировал в коллективном сознательном и бессознательном ориентиры человечного строя психики.

Человек — существо общественное. Индивидуализм, эгоизм, какими бы философскими построениями, претендующими на то, чтобы слыть “памятниками здравой мысли”[2] они не прикрывались, остаются в человеческой культуре конца XX века всего лишь проявлениями животного и демонического строя психики. Пушкин, видимо, имел об этом представление еще в начале XIX века:

---

[1] Слова “великий баснописец” специально взяты в кавычки для профессионалов-филологов, которые попытаются в данной работе свести пушкинскую символику к басенной аллегории. Отличие символа от аллегории в том, что содержательная сторона символа меняется со временем: т.е. в каждый исторический период содержание образов, закрытых определенной символикой, расширяется адекватно расширению меры понимания общего хода вещей, достигнутой в обществе. Есть смысл и в аллегории, но он остается, как правило, неизменным во времени. Другими словами, смысловое содержание аллегории статично, а смысловое содержание символа — динамично.

[2] См. Айн Рэнд, “Концепция Эгоизма”, Памятники здравой мысли. СПб, “Макет”, 1995 г.

Введение

«Может ли быть пороком в частном человеке то, что почитается добродетелью в целом народе? Предрассудок сей, утвержденный демократической завистью некоторых философов, служит только к распространению низкого эгоизма»[1].

Этим кратким замечанием Пушкин предвосхищает все обилие многословных объяснений официальной пушкинистики причин непонимания Западом как любви России к Пушкину, так и приверженности её народов к духу коллективизма, общинности.

Судя по первым откликам на наши раскодировки пушкинской символики, мы видим, что официальная "пушкинистика", зараженная духом либерализма (который — всего лишь удобное название эгоизма), абсолютно не приемлет альтернативных точек зрения на понимание творчества Пушкина. При этом все их аргументы сводится к одному: если содержательная сторона пушкинской символики не совпадает с их трактовкой, то значит она вообще не имеет никакого смысла. Другими словами, они готовы до бесконечности обсуждать формы творческого процесса, но не его содержание, особенно если это содержание носит конкретно исторический характер и раскрывает неприемлемые для них жизненные перспективы.. Возможно в этом — проявление их неосознанного "тотемизма", мешающего им и в конце XX столетия понять ***живой*** язык русского Эзопа, ключи к тайне которого даны в 22-х октавном предисловии к "Домику в Коломне".

Язык мой — враг мой: все ему доступно,
Он обо всем болтать себе привык.
Фригийский раб, на рынке взяв язык,

Сварил его (у господина Копа
Коптят его). Эзоп его потом
Принес на стол... Опять, зачем Эзопа
Я вплел, с его ***вареным языком****,*
В мои стихи?

(Октавы XXI — XXII)

[1] А.С.Пушкин "Отрывки из писем, мысли и замечания", 1827 г. ПСС под редакцией П.О.Морозова, 1909 г., том 6, с. 20.

Назвав язык исторически реального Эзопа «вареным», Пушкин посчитал, что читатель догадается о существовании языка «живого», которому, в отличие от языка мертвого — вареного, «всё доступно». XXII октава предисловия поэмы самая трудная и для поэта, и для читателя. Для поэта потому, что в восемь строк необходимо было символически упаковать огромный объем информации исторического и мировоззренческого характера, не опустившись при этом до назидательного тона басенной аллегории. Без системы оглашений и умолчаний сделать это невозможно; более того, необходимо чтобы оглашения и умолчания не подавляли содержательно друг друга. Для читателя вся трудность — в раскрытии содержательной стороны символики на основе оглашений и умолчаний внешне не примечательного сюжета поэмы.

Что вся прочла Европа,
Нет нужды вновь беседовать о том!
Насилу-то, рифмач я ***безрассудный,***
Отделался от сей октавы трудной!

Одним словом «безрассудный» Пушкин дает понять будущему читателю, как шел процесс формирования системы символов: на уровне подсознания, но в соответствии с Провидением, то есть в согласии с Божьим Промыслом и в соответствии с мерой понимания «общего хода вещей».

Об опасности узкого профессионализма без понимания «общего хода вещей» за год до появления “Домика в Коломне”, в 1829 году Пушкин предупредил читателя притчей “Сапожник”.

Сапожник

Картину раз высматривал сапожник
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился
художник.
Вот, подбочась, сапожник продолжал:
“Мне кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишком ли нага?..”
Тут Апелесс прервал нетерпеливо:
“Суди, дружок, не свыше сапога!”

Введение

Есть у меня приятель на примете!
Не ведаю, в каком бы он предмете
Был знатоком, хоть строг он на
словах;
Но черт его несет судить о свете:
Попробуй он судить о сапогах!

Интересовали ли Пушкина социальные процессы? Конечно, иначе в двадцать лет не появилась бы поэма “Руслан и Людмила”, в двадцать пять — “Борис Годунов”, а в тридцать — “Скупой рыцарь”. Да и статьи, письма поэта говорят о круге вопросов, которые его интересовали. Могла ли понять проблемы, которые его волновали, современная ему “элита”? Нет, он ушел из жизни не понятый, даже после того, как Николай I, император дал ему самую высокую оценку — *умнейший муж России*. Уже тогда общественному мнению навязывался стереотип Пушкина-человека, интересы которого не выходили за рамки интересов людей его круга (вино, карты, женщины) и марающего занятные вирши от скуки и стремления быть оригинальным. Но и сегодня вся официальная пушкинистика бьется в истерике, как только сталкивается с иной точкой зрения, согласно которой Пушкин — глубочайший филосф-мыслитель, достигший совершенства не только в искусстве владения словом (этого никто из “пушкинистов” не отрицает), но и в умении доносить до широкого круга читателей сложнейшие вещи мировоззренческого, исторического и социального характера через свою особую систему образов, в основе которой совершенно новый принцип, дающий творческое начало и новой культуре, поднимающей человека с колен: сходственность черт характеров людей, животных, природных явлений с чертами явлений и процессов социальной жизни.

> В какой-то мере этой системой символов пользовались в искусстве и до, и после него, поскольку искусство всегда символично. Пушкин не только достиг в ней совершенства, но положил её в основу своего творчества.

На поверхностный взгляд, произведения искусства, имеющие в своей основе иносказание, не всегда выглядят занимательно. Те же, которые привлекают хитросплетениями сюжета, иногда кажутся лишенными логики и целостности повествования. Но это особый метод отбора читателя, которым пользуется подлинный мастер, знающий не только истинную цену своему творению, но также и цену его “ценителям”. Данный метод основан на представлении о том, что интеллекту свойственно стремление

к целостности мировосприятия и объяснению причинно-следственных обусловленностей процессов, с которыми он сталкивается. Но в этом проявляется объективное свойство процессов отображения в целостной вселенной, частью которой и является человек разумный.

В предлагаемой вниманию читателя книге на основе ключей к иносказанию, приведенных выше, представлен один из возможных вариантов раскрытия содержательной стороны сюжетной символики поэмы “Руслан и Людмила”. Продвигаясь вместе с нами от песни к песне, читатель сможет познакомиться со вторым смысловым рядом поэмы, который поможет ему постичь глобальный исторический процесс и место в нем России, как в прошлом, так и в будущем.

6 января 1999 г.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Поэт посвящает поэму “Руслан и Людмила” всем народам — “Красавицам”, стремящимся к осознанию своего места в глобальном историческом процессе. Толпа — «собрание людей, живущих по преданию и рассуждающих по авторитету»[1]. Собрание людей, овладевших культурой мышления и фактологией истории, изложенной в хронологической последовательности, перестает видеть во “временах минувших — небылицы” и становится Народом. Пушкин показывает этот процесс на примере Руслана и Людмилы и надеется “надеждой сладкой”, что его “труд игривый” поможет другим национальным толпам стать “красавицами” — народами.

Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Времен минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шепот старины болтливой,
Рукою верной я писал;
Примите ж вы мой труд игривый!
Ничьих не требуя похвал,
Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть, украдкой
На песни грешные мои.

С точки зрения жречества, к которому несомненно принадлежал Пушкин (в нем по линии отца соединились Знания святорусского, славянского, а по линии матери — древнеегипетского жречества), песни молодого Пушкина (начало XIX века) были действительно греховные, поскольку выходили за рамки «закона времени», содержание которого будет раскрыто ниже. Поэтому раскрывать содержательную сторону песен поэмы до поры, до времени можно было лишь “украдкой”.

[1] Определение В.Г. Белинского

ПРОЛОГ

«У лукоморья дуб зеленый...» написан в новом цикле творческой активности поэта, через 8 лет после создания поэмы. В нем ключ к раскодированию изложенной системы образов поэмы, содержательная сторона которых будет раскрыта в процессе изложения.

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

Этими строками начинается и заканчивается содержание поэмы (начало первой и конец шестой песни). В них поэт заявляет о существовании в России определенной глубины понимания хода глобального исторического процесса, и это выразилось во втором смысловом ряде поэмы. С учетом этой глубины понимания и пойдет речь о содержательной стороне ключевых событий становления Российской государственности.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Свадьба-пир: попытка соединения Внутреннего Предиктора России (Руслана) с народом (Людмилой). Попытка неудачная, так как происходит на уровне понимания толпы.

В ***толпе*** *могучих сыновей,*
С друзьями, в гриднице высокой
Владимир-солнце пировал;
Меньшую *дочь он выдавал*
За князя храброго Руслана.

Человечество в целом, являясь частью Природы, для более полного освоения своего потенциала должно оставаться в гармонии с Матерью-Природой на всем пути исторического развития. Однако отдельные части целого: расы, народы (этносы, — по-гречески; нации — по латыни), племена, изначально расселившиеся по Земле неравномерно (где-то пусто, а где-то густо), естественно и развивались так же неравномерно. Там, где густо, в силу более высокого уровня социальной напряженности, — народы с большей скоростью проходят свой путь социального развития в рамках глобального исторического процесса. Вектор целей такой общности ранее других входит в антагонистические противоречия с вектором целей природы и Бога, а самые “передовые” её особи (их еще называют радикально-либеральными), не способные осознать этих процессов, превозносятся друг перед другом “правами” и в силу этого почему-то считают себя “цивилизованными”. В регионах с более низкой плотностью расселения социальные процессы идут с меньшей скоростью развития. В поэме образ этого объективного явления, присущего российской цивилизации, отмечен особо:

Не скоро ели предки наши,
Не скоро двигались кругом
Ковши, серебряные чаши
С кипящим пивом и вином.

Образ общности людей, живущей продолжительное время в согласии с Матерью-Природой и Богом, и имеющей объективную возможность в наиболее полной мере осваивать генетический потенциал развития Человечества в целом, получил у А.С.Пушкина название Люда Милого. В чем

существо этого идеала? — «Меньшитесь друг перед другом», т.е. смиряйтесь, — говорят на Руси (см. словарь В.И.Даля). И это согласуется с Учением о жизни людей на Земле, данным Свыше через Иисуса Христа:

«Вы знаете, что князья народов господствуют над ними и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так; а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; а кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления (или спасения?) многих», — Матфей, 20:25 — 28.

Поэтому Людмила названа в поэме не младшей, а меньшой дочерью Владимира[1]. Естественно, “цивилизованные” в силу своего быстрого роста считают Люд Милый не равным себе, т.е. нецивилизованным, хотя слово «цивилизация» — это всего лишь термин, да притом еще и латинский, т.е. чуждый корневой и понятийной системе родного для нас Русского языка, в силу чего однозначное понимание его исключено. Русскоязычное выражение смысла этого латинского термина состоит в следующем: он указует на явление некой самобытной общности, развивающейся в рамках определенной концепции жизнестроя. При оценке уровня “цивилизованности” следует исходить не из того, как обеспечиваются права “человека”, исторически реально с присущим ему животным или демоническим строем психики, а прежде всего из того, в рамках какой концепции жизнестроя формулируются законы, обеспечивающие *права и обязанности всякого индивида стать и быть человеком*.

Напомним еще раз, что под состоявшимися людьми мы понимаем тех, чей разум в их жизненном развитии опирается на инстинкты и врожденные рефлексы, кто прислушивается к интуитивным прозрениям, различая в *интуиции вообще* Божье водительство, наваждения сатанизма, проявления активности коллективной психики общества, и своею свободной волей строит свое поведение в ладу с Божьим промыслом, не порождая в обществе коллективную психику типа разрастающаяся лавина ошибок.

В первой песне сначала дается общая характеристика трем соперникам Руслана, которые неспособны осознать прошлое и понять будущее (“Не слышат вещего Бояна”), поскольку эмоции преобладают над разумом (любовь и ненависть рядом):

---

[1] Вообще-то Владимир — имя двоякое, выражение смысла которого обусловлено нравственностью его носителя: либо ВЛАД-еть МИР-ом, либо В ЛАД-у с МИР-ом. Носитель имени сам выбирает, какую из этих возможностей ему предстоит реализовать в своей жизни, после чего всё определяет его самодисциплина.

Не слышат вещего Баяна;
Потупили смущенный взгляд:
То три соперника Руслана;
В душе ***несчастные*** *таят*
Любви и ненависти яд

Их несчастье — в “элитарных” претензиях на владение и управление русским народом, которые, по мнению Пушкина, неоправданно завышены: ни каждый в отдельности, ни все вместе они не способны нести полную функцию управления на уровне всех приоритетов обобщенных средств управления и вступить в противоборство с Глобальным Предиктором на уровне приоритетов обобщенного оружия:

первого — **мировоззренческого** (методологического);
второго — **хронологического** (исторического);
третьего — **фактологического** (идеологического);
четвертого — **экономического** (финансово-кредитная система);
пятого — **геноцидного** (средства массового поражения живущих и последующих поколений);
шестого — **военного** (обычное оружие).

Рогдай способен действовать лишь на уровне шестого приоритета:

Один — Рогдай, воитель смелый,
Мечом раздвинувший пределы
Богатых киевских полей;

Фарлаф, представляющий кадровую базу самой древней, самой богатой и самой культурной мафии, в силу беспрекословного подчинения своему генералитету в лице Наины, достиг определенных успехов на уровне пятого, четвертого и даже третьего приоритетов:

Другой — Фарлаф, крикун надменный,
В пирах никем не побежденный,
Но воин скромный средь мечей;

Алкоголь — оружие пятого приоритета (с помощью которого осуществляется геноцид), отсюда: в пирах никем не побежденный. Наиболее высокий уровень концентрации сокровищ — самый мощный межнациональный, наднациональный (для непонимающих — интернациональный) еврейский

капитал — дает возможность иудейской элите проявлять скромность средь мечей, исходя из принципа: главное — здоровье и деньги, а все остальное купим, — указание на владение четвертым приоритетом. В информационной войне, сталкивая народы друг с другом, иудейская мафия использует призывы-лозунги из различных “священных писаний”. Отсюда — “крикун надменный”. Это уже уровень третьего приоритета — идеологический.

Последний, полный страстной думы,
Младой хазарский хан Ратмир:
Все трое бледны и угрюмы,
И пир веселый им не в пир.

Ратмир, единственный из соперников Руслана, имеет определенную национальную принадлежность (хазарский хан). Хазары, как сообщает “Велесова книга”, были частью славянского этноса. Родовая элита хазар приняла иудаизм и обрекла себя и свой народ на гибель и выпадение из глобального исторического процесса.

Иудаизм претендует на самую большую глубину понимания глобального исторического процесса, на самую полную, целостную космогоническую концепцию и в силу этого — на богоизбранность его приверженцев. Исторический эксперимент с хазарами показал, что эти претензии завышены.

Иудаизм представляет собой наиболее герметичную космогоническую концепцию, закрытую для всех народов (возможно поэтому “АиФ”, № 47, 1991, не упомянули о ней), настолько закрытую, что приверженные ей должны строго формально и бездумно беспрекословно исполнять все её положения, т.е. должны превратиться в биороботов, или, другими словами, перестать быть народом. В целях поддержания герметичности концепции иудаизм запрещает изобразительные искусства, разрешая лишь совершенствование методов кодирования информации, передаваемой из поколения в поколение о некоторых фрагментах самой концепции. Подобная система гибельна для духовной жизни любого народа. Душа народа — в его эпосе, сказаниях, преданиях, лучших образцах изобразительного искусства, скульптуры, архитектуры. Тора и Талмуд в их современном виде не могут претендовать на роль народного эпоса. Это, скорее всего, своеобразное наставление по боевому использованию мафии, созданное ее хозяевами для применения ее на различных этапах глобального исторического процесса.

В четвертой и пятой песнях поэмы раскрывается второй смысловой ряд образа Ратмира. Хазарская элита пыталась противопоставить свой народ

славянскому этносу и, лишившись поддержки национальной культуры, отражаемой народным эпосом, — предала забвению и собственную историю:

Я все забыл, товарищ милый,
Все, даже прелести Людмилы.

Хазары приняли иудаизм в VI — VII веках. Могли принять и христианство; но христианство моложе иудаизма настолько, насколько Ислам моложе христианства. Исторически сложившееся христианство по сути своей — молодые волшебницы Нового завета (ассоциативные параллели: двенадцать дев — двенадцать апостолов); иудаизм — “милая подруга” Ветхого завета. До принятия христианства хазары были сильным, воинственным славянским народом. После предательства вождей, попавших в полную зависимость от иудейских эмиссаров, сей народ канул в Лету, стал безвестным. Обо всем этом, о вине иудаизма перед исчезнувшим из истории народом и ведет рассказ Ратмир при встрече с Русланом в пятой песне:

Моя подруга мне мила;
Моей счастливой перемены
*Она **виновницей** была;*
. . . .
Напрасно счастье мне сулили
*Уста **волшебниц молодых**;*
Двенадцать дев меня любили:
Я для нее покинул их;
Оставил терем их веселый,
В тени хранительных дубров;
Сложил и меч, и шлем тяжелый,
Забыл и славу, и врагов.
*Отшельник мирный и **безвестный,***
Остался в счастливой глуши.

Иудаизм приняла только элита этой части славянского этноса; народ же, в силу закрытости самой концепции иудаизма, принять его не мог; но, лишившись собственных родовых вождей, получил взамен их иудейских пастухов. Так Ратмир стал рыбаком (указание на иудо-христианскую экс-

пансию), но подруга Ратмира — не “рыбачка-Соня”, а пастушка — безнациональная и безымянная:

Пастушка милая внимала
Друзей открытый разговор
И, устремив на хана взор,
И улыбалась, и вздыхала.

Потом дважды (в 1824 и в 1825 году) поэт вернется к “безымянной” пастушке, когда затронет особую миссию древнеегипетского жречества в глобальном историческом процессе, и тогда пастушка неожиданно обернется “безымянным” пастухом, что в свою очередь приоткроет тайну эпиграфа к “Домику в Коломне” — “Modo vir, modo femina”, что в переводе с латыни означает — “То мужчина, то женщина”:

Последний имени векам не передал,
Никем не знаемый, ничем не знаменитый;
Чуть отроческий пух, темнея, покрывал
Его стыдливые ланиты.

(“Клеопатра”, 1824 год)

Любезный сердцу и очам,
Как вешний цвет едва развитый,
Последний имени векам
Не передал.

(“Египетские ночи”, 1835 год)

Словом “открытый” Пушкин противопоставляет свободный характер общения всех народов особому скрытому, мягкому, “культурному” поведению межнациональной общности мафиозных пастушек, которые “мило внемлют, мягко стелют, но с которыми жестко спать”. Иногда такой сон прерывается кровавой баней. “Милые пастушки” не обходили своим вниманием “ханов” сталинской (жены М.И.Калинина, С.М.Кирова,

Н.И.Ежова, В.М.Молотова, К.Е.Ворошилова, и многих других были еврейками.) и послесталинской эпохи (Л.И.Брежнева, А.Н.Яковлева Б.Н.Ельцина и др.). Не обходят они вниманием и современных ханов.

Последняя встреча Руслана с Ратмиром происходит после схватки с Черномором. У Руслана еще много дел в глобальном историческом процессе: не разбужена Людмила; Карла, хоть и без бороды, в котомке, но пока на коне; впереди раскрытие трусливого, предательского удара иудейской элиты — и последний бой с печенегами.

Ратмир же — вне истории. Он остается как бы её безмолвным наблюдателем. Любовь пастушки — это лишение и собственного языка, и письменности, и культуры, да и самого народа, который один способен пронести все это через века в целости и сохранности.

*Задумчиво **безмолвный** хан*
Душой вослед ему стремится,
Руслану счастия, побед,
И славы, и любви желает...
*И думы **гордых, юных лет***
Невольной грустью оживляет.

Возможно, что «полный страстной думы, младой хазарский хан Ратмир» мечтал подняться на уровень второго (исторического) или даже первого (методологического) приоритетов, приобщась к герметичной космогонической концепции иудаизма. Но, чтобы овладеть столь высокой мерой понимания, необходимо разобраться с “авторским коллективом” иудаизма. И хотя история сослагательного наклонения и не имеет, но её полезно знать и изучать, чтобы не наступать периодически на грабли, ибо на социальном уровне она всегда справедлива.

“Ты правишь, но и тобою правят”, — говорил историк Плутарх, будучи по совместительству жрецом дельфийского оракула. Значит, суждено было хазарскому народу оставить в истории грустный, но поучительный след. Вина же за это — на “элите”: за её легкомыслие, интеллектуальное иждивенчество и неспособность овладеть Различением расплачивается народ. И не случайно, отправляясь на поиски Людмилы, хазарский хан выглядит самым легкомысленным:

Хазарский хан, в уме своем
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшет над седлом;

В нем кровь играет молодая,
Огня надежды полон взор;
То скачет он во весь опор,
То ***дразнит*** *бегуна лихого,*
Кружит, подъемлет на дыбы,
Иль ***дерзко мчит*** *на холмы снова.*

В системе образов Пушкина конь — символ толпы, которой еще только предстоит стать народом. Дразнить, кружить, поднимать на дыбы — вот это по отношению к толпе недопустимо ни в прошлые, ни в наши времена: не ровен час, можно и слететь. Столь подробная разгерметизация образа Ратмира не случайна. Известно, что пушкинисты в трактовке и объяснении его встают в тупик. Это закономерно: наши пушкинисты отличаются трепетным жидовосхищением.

Главное же в содержании первой песни — это история похищения Людмилы «безвестной силой», встреча Руслана с Финном, раскрытие тайного знания о Черноморе, Наине, о самом Финне и Руслане; предсказание победы Руслану в борьбе с Глобальным Предиктором. Рассказ ведется от лица Финна:

Узнай, Руслан: твой оскорбитель —
Волшебник страшный Черномор,
Красавиц давний похититель,
Полнощных обладатель гор.

Так Руслан получает первые сведения о существовании некой «безвестной силы» — Чумы всех времен и народов («красавиц давний похититель») — Черноморе. В простонародье Чума называлась всегда “Черный мор”.

Как и все другие биологические популяции, Человечество с появлением на планете должно было устойчиво поддерживать свое жизнеобеспечение на всех циклах развития за счет ресурсов Земли. Существенным отличием человеческого жизнеобеспечения от жизнеобеспечения всех других популяций является его способность производить продукт непосредственного потребления с использованием всех ресурсов планеты. Как известно, развитие производства в глобальном историческом процессе постоянно сопровождалось общественным объединением труда при совершенствовании профессионализма частных исполнителей отдельных операций единого производственного цикла. Последнее явление было неверно названо разделением труда. Общественное объединение труда и его следствие —

концентрация производительных сил общества — явление объективное, но концепция управления им — всегда субъективна, поскольку она создается и реализуется в истории людьми конкретными, несущими в своей практической деятельности объективную, исторически сложившуюся нравственность. В общественном объединении труда деятельность каждого человека по-своему уникальна, однако, управленческая деятельность отличается по своей значимости от деятельности в сфере производства материального и информационного продукта: чем выше место управленца в иерархии управления производственным циклом (предприятие, отрасль, регион, государство и т.д.), тем более зависимо общество в целом от результатов его управленческой деятельности. Отсюда — особые требования к качеству продукта управленческого труда, которое прежде всего определяется способностью управленца видеть и понимать подлинное место своего узко специализированного знания во всем спектре профессий, влияющих на общий ход вещей.

Библейское изречение: «Многие знания — многие печали», — неполно, и в силу принципа дополнительности (по умолчанию), подразумевает:

> Многие знания — многие печали для тех, *кто не способен увидеть место узкоспециализированного знания в общем ходе вещей.* Но многие знания — многие радости для тех, кто видит и способен понять место узкоспециализированного знания в общем ходе вещей.

Люди, выделившиеся из среды понимающих это, наиболее способные к анализу прошлого и прогнозированию на его основе будущего, были способны реализовать не только сценарии, вероятность которых и так была достаточна велика, но также и сценарии маловероятные. До появления письменности деятельностью такого рода занимались шаманы, волхвы, колдуны. Передавая знания об управлении процессами развития общества в единой системе понятий, не доступной людям с обыденным сознанием, шаманы-знахари в глазах своих соплеменников зачастую выглядели волшебниками. В переводе же на современный язык они просто поддерживали монополию на некое “ноу-хау” — “знаю как”.

С появлением письменности монополия на знание не только не исчезла, но приобрела еще более изощренные формы, поскольку появились дополнительные возможности к совершенствованию единой для этой общности системы стереотипов распознавания явлений и образов внутреннего и внешнего мира. Так формировался “герметизм” — герметичные знания, благодаря которым шаманы-знахари, волхвы обрели возможность поддерживать монополию на знание и, как следствие, монопольно высокую цену на продукт управленческого труда. Но именно “герметизм” послужил

основной причиной раскола самой древней управленческой элиты. Та часть, которая стремилась использовать новые знания в узко клановых интересах, утратила чувство Меры, вошла в противоречие с Божьим Промыслом, в результате чего потеряла способность к жизнеречению и превратилась в псевдожречество или по-русски в *знахарство, занятое социальной магией*.

Другая часть в стремлении подняться до уровня глобальной ответственности осознала, что «Бог не есть бог неустройства, но мира. Так бывает во всех церквях у святых». Однако, при попытке передать толпе знания об управлении, представители этой части столкнулись с непреодолимым препятствием: объективной для толпо-“элитарного” общества нравственностью, которая всегда есть следствие соотношения скоростей информационного обновления на генетическом и внегенетическом уровне. А поскольку истинные знания, т.е. знания полезные всему обществу, а не каким-то его отдельным кланам, группировкам, мафиям, даются по нравственности, то возникло понимание неизбежности прихода времени, когда скорости информационного обновления на генетическом и внегенетическом уровне совпадут. Это время должно было знаменовать переход всего общества в качественно новое информационное состояние с новой, отличающейся от толпо-“элитарной”, нравственностью. Естественно, для возомнивших себя “богоизбранными”, это время новой, человечной нравственности из глубины веков выглядело “Апокалипсисом” и две тысячи лет общество им пугали.

И в поэме впервые в истории в образной и хорошо доступной форме (сказочной) дается противостояние двух частей расколовшегося в своем отношении к Богу и Миру жречества: Черномора и Финна. Об имени “Черномор”, которым Пушкин обозвал псевдожречество или по-русски — «всемирное знахарство» уже сказано выше. Что касается имени “Финн”, то для раскрытия его сущности обратимся к “Мифологическому словарю” 1992 г. издания под редакцией таких авторитетов, как В.М.Макаревич, Е.М.Штаерман, Б.Л.Рифтин: «“Финн” (от ирландского “тайное знание”), в ирландской мифо-эпической традиции герой; мудрец и провидец».

Содержательная же сторона процесса противостояния расколовшегося в себе, благодаря герметизму, жречества сводилась к тому, что каждая группа, поднявшаяся в своем понимании на достаточно высокий уровень, анализируя прошлое, предсказывала (отсюда Предиктор — Предсказатель) будущее и, с учетом выявленных между прогнозом и объективной реальностью ошибок корректировала свою деятельность, выбирая из всех возможных, предлагаемых обществом концепций, ту, которая могла обес-

печить наибольшую устойчивость развития на как можно более продолжительный период времени.

Глобальный исторический процесс на нашей планете единый, но скорости общественного развития в нем разных народов — разные. Шаманы, волхвы, колдуны, становившиеся впоследствии жрецами или знахарями, у каждого народа были свои. Каждое национальное жречество в меру своего понимания занималось концептуальной деятельностью прежде всего в интересах своего клана (монополия на знание обеспечивала им и монопольно высокую цену на продукт управленческого труда), а уже потом — по остаточному принципу — в интересах всей национальной общности. Так формировались региональные концептуальные центры, которые объективно были обречены на сотрудничество в рамках глобального исторического процесса. При этом каждый из них в меру своего понимания общего хода вещей работал на себя и ту национальную общность, которую он представлял, а в меру непонимания — на тот национальный концептуальный центр, который понимал больше. Так, какой-то понимающий больше всех национальный Предиктор, в стремлении расширить сферу влияния за границы своей национальной общности, неизбежно должен был принять на себя статус наднационального центра управления и объективно становился пожирателем народов («красавиц давний похититель»). Где же мог возникнуть такой концептуальный центр? Там, где плотность расселения и уровень социальной напряженности для того времени были самые высокие: долины рек Нила, Тигра и Евфрата , то есть древние Египет и Вавилон.

Древний Египет, в котором высшее управление осуществлялось двумя группами посвященных, 22-мя иерофантами (иерофанты в переводе с греческого — предсказатели будущего). Они использовали культовые сооружения (пирамиды), были носителями “герметизма” — таимых знаний о методах управления — и оставили в своей письменной истории наиболее явные следы раскола и жесткого мировоззренческого противостояния жречества и псевдожречества во времена религиозной реформы фараона Эхнатона.

«Вовсе не случаен тот факт, что идея мирового бога возникла в Египте в то время, когда он получал дань со всего известного в то время мира. Также и власть самого фараона оказывала, без сомнения, могущественное влияние на египетских теологов эпохи. В дни мифотворчества на богов смотрели, как на фараонов, правивших Нильской долиной, ибо слагатели мифов процветали при царях, правивших ею.

Теперь, живя при фараонах, управлявших мировой Империей, жрец имел перед глазами в ощутимой форме идею мирового владычества и мировую концепцию, предварявшие идею мирового бога.»

В этом фрагменте (т. 2, с. 39) “Истории Египта” Д.Г.Брэстеда, наиболее авторитетного египтолога XIX в., в переводе с английского В.Викентьева приоткрывается и содержательная сторона раскола, происшедшего более трех тысяч лет назад между жречеством Амона-Ра и Атона.

«Под именем Атона Аменхотеп IV (Эхнатон) ввел почитание высшего бога и не сделал при этом никакой попытки установить тождество своего нового божества с древним солнечным богом Ра. ...Молодой царь немедленно принял сан верховного жреца нового бога, с тем же титулом “Великого Ясновидца”, который носил и верховный жрец Ра в Гелиополе. Но, как бы ни представлялось очевидным гелиопольское происхождение новой государственной религии, последняя не являлась простым солнцепочитанием: имя “Атон” употреблялось вместо древнего слова “бог” (нутер), и новый бог ясно отличался от материального солнца. К древнему имени бога-солнца была присоединена пояснительная фраза: “согласно его имени — жар, пребывающий в солнце”, и его же называли “Владыкой солнца (Атона)”. Следовательно, царь обожествил жар, который он находил во всех проявлениях жизни. Этот жар играет в новой вере столь же важную роль, как и в ранних космогониях греков. ...Царю, несомненно, оставались абсолютно неведомы физико-химические аспекты его теории, также как и ранним грекам, оперировавшим с подобным же понятием; тем не менее, основная мысль поразительно верна и, как мы увидим, на редкость плодотворна. Внешний символ нового бога стал в резкое противоречие с традицией, но он был доступен пониманию многих народов, составлявших империю, и его мог уразуметь при первом же взгляде всякий вдумчивый чужеземец, чего нельзя сказать о других традиционных символах египетской религии» (там же с. 40 — 41).

Д.Г.Брэстед также сообщает, что «изо всех документов, сохранившегося от эпохи этого единственного в своем роде пере-

ворота, гимны Эхнатона являются наиболее интересными; по ним мы можем составить представление о поучениях, над распространением которых так потрудился молодой мыслитель-фараон».

При этом автор “Истории Египта” отмечает удивительное сходство содержания одного из гимнов Атону со сто третьим псалмом Давида Библии (там же с. 51 — 52). К сожалению, Брэстед ничего не говорит о более замечательном сходстве и по ритмике текста, и по содержанию между гимнами Атону и другим документом, появившемся две тысячи лет спустя после убийства жречеством Амона-Ра Эхнатона.

Речь идет о Коране, согласно которому пророк Мухаммад (историческая личность, жившая в VII в. н. э.) подтверждает версию о расколе в кланах древнеегипетского жречества и отрицает версию Библии о её ключевой фигуре — Моисее.

В контексте Корана, (40:24 — 29) Моисей — один из пророков Ислама (арабское слово, означающее в переводе на русский — царство Божие на Земле и на небе) — воспринимается некоторыми приближенными фараона в качестве наследника Иосифа сына Иакова в продолжении некоего дела (Коран, 40:36), о существе которого авторы Библии умалчивают, подменяя его другим делом.

В контексте же библейской книги “Исход” Бог начал через Моисея сионо-интернацистскую агрессию против египетского государства того времени, отказав Египту в свободе воли и Сам возбуждая ненависть к Себе и богоборчество в его правящей верхушке.

Коран же сообщает, что миссия Моисея началась с предложения ему Свыше:

«Иди к Фараону, он ведь уклонился (по контексту: от водительства Божиего) и скажи ему: “Не следует ли тебе очиститься? И Я поведу тебя к твоему Господу, и ты будешь богобоязнен”» (Коран, 79:17 — 19).

Среди обвинений в адрес крайне буйствующего фараона: обвинение в порабощении людей, относимое к сынам Израиля, которые до этого порабощения были свободны от нацистских бредней о своем расовом превосходстве и господстве над народами Земли, как и все самобытные народы. И в напутствие Моисею и Аарону было сказано:

«Идите к фараону, ведь он возмутился, и скажите ему слово мягкое, может быть он образумится или убоится». — Коран, 20:45 — 46.[1]

После того, как Моисей и Аарон исполнили им предложенное, по кораническим сообщениям, в иерархии посвященных Египта произошел открытый раскол: часть магов-волхвов открыто признала перед остальной иерархией Моисея истинным Посланником Божьим (7:118, 20:73, 26:46 и др.); фараон же вознамерился убить Моисея (40:27), казнить открыто принявших сторону Моисея (7:121, 20:74, 26:49) и заявил, что он, фараон, сам лично — бог (26:28), не знающий других богов кроме себя (28:38), и "господь высочайший" (79:24) для всех в Египте.

Жречество раскололось и раскол носил прежде всего мировоззренческий характер, что не могло не найти своего отражения в глобальной долговременной концепции управления. Но поскольку одна сторона хотела сохранить за собой монополию на дилерство и торговлю благодатью, а другая, признав Моисея пророком, считала своей обязанностью учить вере Богу и прямому обращению к Нему без посредников (Завет по отношению к обладателям писания в Коране — разъяснять его людям, а не посредничать между ними и Богом), то функция посредника между Богом и людьми отныне должна была перейти (внешне, по крайней мере) какой-то новой периферии, которая и должна была стать первой жертвой Черномора. Борьба за безраздельное обладание этой периферией между жречеством Атона и Амона-Ра, по-видимому, и развернулась в "синайском турпоходе".

Для обыденного сознания Моисей — ключевая фигура "турпохода", в условиях которого формировалась новая периферия. Но это только одна часть правды. В "Песне пятой" мы рассмотрим ее другую часть, а пока постараемся понять, как реализовывался метод "культурного сотрудничества" между дикими безграмотными кочевниками (древнее название — хабиру; современное — евреи), жившими в ладу с природой, и древнеегипетским жречеством, имевшим к тому времени, как минимум, 2500 лет письменной истории. Объективный анализ этого процесса показывает, что библейское мировоззрение и технологии манипулирования обществами и государствами не могли родиться в первобытнообщинной, тем более кочевой клановой культуре, развивающейся естественным образом от первобытности к оседлой цивилизации. Как показывает история, противоборст-

[1] Здесь и далее указаны номера сур (глав) и аятов (стихов) Корана в переводе И.Ю.Крачковского.

во «кочевники сами по себе против оседлого населения государств» — это не более чем набеги, а не манипулирование развитием культуры в преемственности многих поколений.

Исторически реальное еврейство — единственный факт во всей глобальной истории, нарушающий эту общеисторическую закономерность. Для “получения” еврейства в его исторически реальном виде было необходимо извне привнести некую информацию в жизнь первобытного кланового общества, живущего в устойчивых отношениях со средой обитания, когда день сегодняшний неотличим от дней, прошедших столетия тому назад, если не взирать на положение звезд. Эту информацию необходимо было закрепить в этом обществе всеми осуществимыми способами: хромосомная генетика, культура “материальная” (овеществленная) и культура “духовная” (биополя и эгрегоры).

Так те, кого потом стали называть евреями, в результате “культурного сотрудничества” с древнеегипетским знахарством оказались обреченными на “богоизбранность”. Они же стали и первой жертвой, первой “красавицей”, которую похитил Черномор, получивший после этого титул надиудейского Глобального Предиктора. То, что в роли первой “красавицы” оказались именно кочевники племени “хабиру” — случайность, но то, что проделало с ними в синайской пустыне египетское знахарство, настаивавшее на узурпации функции посредничества и торговли благодатью, — закономерность. То же самое могло проделать вавилонское, шумерское, ассирийское, хеттское или какое-то другое знахарство, но в реальном историческом процессе проделало египетское. Просто оно проделало это раньше других, поскольку имело самый быстрый (или, как показал Пушкин, “самый глупый”) рост. Поэтому-то глобальный надиудейский Предиктор и предстает в поэме в виде карлы.

Сам карла беспомощен, но обладает отдельными атрибутами силы, власти и могущества (длинная борода, бесконечные усы, шапка-невидимка), имеющими непосредственное отношение к первой жертве Черномора.

Процесс глобальной экспансии толпо-“элитарной” концепции концентрации производительных сил, реализуемый методом “культурного сотрудничества”, на определенном этапе его развития потребовал от Глобального Предиктора пожертвовать и “красавицей” его породившей. Поскольку со временем таких “красавиц” становилось все больше, а процесс управления ими усложнялся, то возникла опасность определения национальной принадлежности самого Черномора. Какое-то время он мигрировал в поисках надежной и достаточно скрытной (безнациональной) обители, пока не стал обладателем (не без помощи бороды — кредитно-финансовой системе, основанной на ростовщичестве) страны “полнощных гор” — Швейцарии.

Еще ничей в его обитель
*Не проникал **доныне** взор.*

Далее предсказание Пушкина — о неизбежности становления (не без помощи национального жречества, ушедшего в подполье) внутренней концептуальной власти в России — Руслана. Никто до него не имел представления ни о самом Глобальном Предикторе, ни о его обители. Разогнать густую тьму непонимания, нагнетаемую Черномором тысячелетиями, осознать механизм “злых козней”, проникнуть в кухню злодея и освободить Люд Милый под силу лишь тому, кто овладеет мерой понимания закономерностей развития глобального исторического процесса, большей, чем у Черномора, глубины.

Но ты, злых козней истребитель,
В нее ты вступишь, и злодей
Погибнет от руки твоей.

Святорусское жречество от лица Финна передает знания Руслану, после чего Внутренний Предиктор России должен развивать их сам, обретая концептуальную самостоятельность.

Тебе сказать не должен боле:
Судьба твоих грядущих дней,
Мой сын, в твоей отныне воле.

Словами Финна «мой сын» Пушкин обращает внимание читателя на преемственность излагаемых знаний при смене поколений. Но в то же время он предупреждает, что будущее созидается активным трудом не столько «ясновидящих», сколько «яснопонимающих». Если следовать «законам времени» Пушкина, то встреча Руслана со старцем — время появления в самиздате таких работ, как “Разгерметизация”, “Мертвая вода”, — конец XX века.

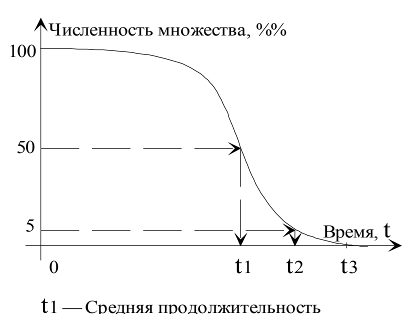
Добро пожаловать, мой сын! —
Сказал с улыбкой он Руслану. —
Уж двадцать лет я здесь один
Во мраке старой жизни вяну;

Но наконец дождался дня,
Давно предвиденного мною.

Чтобы дать представление читателю о некоторых закономерностях бытия в глобальном историческом процессе, Пушкин вынужден был вписать весь наиболее достоверный, письменный период истории человечества в период средней продолжительности жизни человека. Отсюда масштаб времени: один год — сто лет — своеобразный метод кодирования эталона времени.

Толпо-“элитаризм” устойчив, пока периодичность обновления прикладной фактологии охватывает жизнь многих поколений. Когда жизнь одного поколения охватывает несколько смен прикладной фактологии, толпо-“элитаризм” может поддерживаться только искусственно, в том числе путем массового применения средств воздействия на психику большинства населения, т.е. БИОРОБОТИЗАЦИЕЙ не-“элиты” и “элиты” (алкоголь, табак, все виды наркотиков вплоть до музыкальных и электронных, экстрасенсы, античеловеческие извращения науки, психотронное оружие и т.п.). Обновление информационного состояния популяции на уровне социальной организации несколько раз за время жизни одного поколения создает высокую статистическую предопределенность (по сравнению с предшествовавшими периодами глобального исторического процесса), что не отдельные люди, а целые социальные слои обратят на уровне сознания внимание на **процессы** общественного развития, а не на **застывшую** социальную данность их времени, как это было во времена, когда периодичность обновления прикладной фактологии охватывала жизнь нескольких поколений. Неустойчивость толпо-“элитаризма” в этих условиях усугубляется еще и тем обстоятельством, что управление толпо-“элитарной” социальной системой требует промывания мозгов одному и тому же поколению за время его жизни, что также заставляет задуматься о причинах этого промывания мозгов не одиночек, а социальные слои (см. поясняющие рисунки 1 и 2, добавленные в редакцию 1999 г.).

* * *

t1 — Средняя продолжительность жизни элементов множества
t2 — Статистически стандартное время исчезновения множества
t3 — Время фактического исчезновения последнего элемента множества

Рис. 1. Характер убыли элементов из первоначального состава множества с течением времени

На рис. 1 показан характер убыли с течением времени элементов из первоначального состава некоторого множества. Предполагается, что в начальный момент времени множество определено по персональному составу элементов и его численность составляет 100 %. Далее под воздействием внешних и внутренних обстоятельств элементы множества исчерпывают свой ресурс и гибнут. Если в популяции живых организмов выявить её персональный состав, а потом следить, как выявленные в начале особи исчезают из популяции, то получится примерно такой же по характеру график, как показан на рис. 2, но с количественно определенным масштабом по осям времени и численности. Процесс, показанный на рис. 2, не означает, что с его завершением популяция исчезнет. Хотя такое и возможно в принципе, но в подавляющем большинстве случаев обновляется персональный состав членов популяции (элементов множества). То есть с исчезновением одного множества, выявленного по персональному составу в начальный момент времени, можно выявить новое множество, характеризующееся своим персональным составом. Об исчезновении выявленного по персональному составу множества можно говорить и в статистическом смысле: т.е. можно считать, что исчезновение множества произошло, если исчез какой-то определенный и постоянный (как правило, для всех рассматриваемых множеств) процент из первоначальных 100 %, например 80 %, или 95 %, как на рис. 1.

Обратимся к рис. 2. В верхней части рис. 2 условно показана общая продолжительность глобального исторического процесса. Ниже размещены две оси времени. На них изображены два процесса. На верхней временной оси — процесс преемственной смены поколений людей. На ниж-

ней временной оси и процесс обновления технологий и прикладных жизненных навыков.

Чисто формально по алгоритмам построения каждый из процессов, изображенных на верхней и нижней временных осях рис. 2, идентичны как процессу, изображенному на рис. 2, так и между собой. При этом предполагается, что в каждый момент исторического процесса можно выявить по персональному составу поколение людей. Оно будет обладать в этот момент 100-процентной численностью, которая будет сокращаться вплоть до полного исчезновения поколения. Но поскольку рождаются новые люди, которые не входят в первоначально избранное множество, то в тот момент исторического процесса, когда исчезнет ранее выявленное поколение, можно выявить очередное поколение, также обладающее в этот момент 100-процентной численностью.

Аналогично предполагается — и это предположение не противоречит возможностям археологии, — что в начальный период становления цивилизации выявлено некоторое вполне определённое множество технологий и жизненных навыков. Далее по мере исторического развития технологии и жизненные навыки, принадлежащие этому множеству, постепенно выходят из употребления. К тому моменту исторического времени, когда исчезнет начальное множество технологий и жизненных навыков, можно будет выявить какое-то иное множество технологий и жизненных навыков. Возможно, что под влиянием научно-технического прогресса оно будет более многочисленным, чем ему предшествующие, тем не менее численность выявленных новых технологий также можно считать равной 100 %, чтобы упростить построение графика.

Момент исчезновения как для поколений людей, так и для *поколений технологий*[1] и жизненных навыков, как было отмечено при обсуждении рис. 2, можно понимать и в статистическом смысле: поскольку полное исчезновение, фиксируемое по исчезновению последнего из объектов множества, может оказаться далеко выпадающим из всей остальной статистики и не характерным для неё, то можно считать, что исчезновение множества произошло, если исчез какой-то определенный и постоянный процент из первоначальных 100 %, например, 80 % первоначально выявленных технологий. Также можно подходить и к процессу обновления поколений людей: т.е. не дожидаясь ухода из жизни последнего долгожи-

[1] Термин слово «поколение» по отношению к объектам техносферы уже стало общеупотребительным: «компьютер пятого поколения», «телевизор второго поколения» и т.п. Мы уж по аналогии употребили его по отношению к технологиям.

теля, можно считать, что, если ушло из жизни 80 % некогда выявленного персонального состава населения, то поколение заместилось новым.

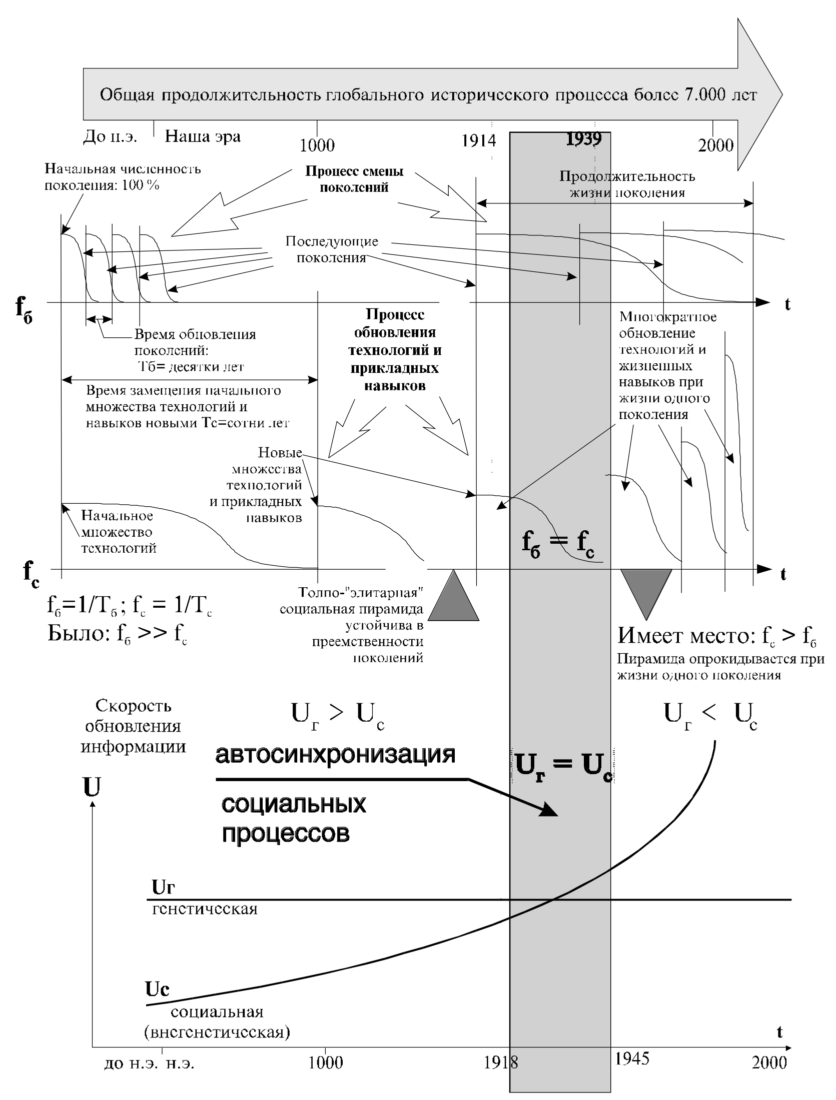

Рис. 2. Изменение соотношения эталонных частот биологического и социального времени.

Соответственно, при полной формальной идентичности построения, содержательное отличие друг от друга верхнего и нижнего графиков в верхней части рис. 2 состоит в разном характере соизмеримости с астрономическим эталоном времени (год: полный цикл смены сезонов при обращении Земли вокруг Солнца) процесса смены поколений людей и процесса смены поколений технологий и жизненных навыков.

Продолжительность жизни поколения $Т_б$ обусловлена генетически и на протяжении истории она изменялась в ограниченных пределах ($Т_{б\ средн}$ = в пределах столетия ± десятки лет). Хотя средняя продолжительность жизни людей и росла на протяжении памятной истории нынешней цивилизации, однако она не выросла многократно. Вследствие этого её можно считать приблизительно неизменной по отношению к эталону астрономического времени. Этот процесс смены преемственных поколений можно избрать в качестве эталонного процесса биологического времени, что и показано на верхней оси времени рис. 2 слева от разрыва горизонтальных осей графиков, отделяющих глубокую древность от нашей эпохи — исторического времени жизни современных и лично памятных прошлых поколений, к которым принадлежали отцы и деды ныне живущих.

Процесс обновления технологий и жизненных навыков, показанный на нижней оси времени в верхней части рис. 2 как последовательность убывающих множеств, также может быть взят в качестве эталонного процесса времени. Но, в отличие от верхнего графика, продолжительность жизни поколений технологий и жизненных навыков на протяжении всей истории не является неизменной, даже приближенно, поскольку в результате ускорения периодичности обновления технологий и увеличения общего количества информации в культуре общества изменилось качество биологически-социальной системы в целом. Это видно на следующем графике, помещенном в нижней части рис. 2. Там размещена еще одна координатная система с осью времени, в которой показано изменение в течение исторического времени мерных характеристик процессов смены поколений и обновления технологий и прикладных жизненных навыков.

Графики процессов на верхней и нижней временных осях можно соотнести друг с другом, что и сделано на рис. 2. В левой его части на период времени исчезновения начального множества технологий приходится много смен поколений. В правой его части для наглядности изображения изменён масштаб вдоль оси времени (это видно по полосе, изображающей течение глобального исторического процесса). Вследствие этого длительность жизни поколения в XX веке выглядит многократно более продолжительной чем в левой половине рисунка, относящейся к эпохе становления

первых региональных цивилизаций. Но эта условность позволила более зримо изобразить на нижней оси времени процесс многократного обновления технологий и прикладных жизненных навыков в течение жизни одного поколения, а также и общий рост количества информации в культуре общества (в этой части рисунка нарушено равенства масштаба и по вертикальной оси, вследствие чего начальные 100 % последующих множеств технологий и жизненных навыков зримо выше, чем им предшествующие).

Характер отношения частот верхнего и нижнего процессов на рис. 2, имевший место в левой его части, изменился на качественно противоположный. Математически это выражается так: на заре нынешней цивилизации было $f_б >> f_c$; в ходе её развития стало $f_c > f_б$; а графически это показано в нижней части рис. 2.

Выявленные частоты f_c и $f_б$ — это меры скорости обновления информационного состояния общества (как иерархически организованной системы) на социальном и биологическом уровнях в его организации. На графике (приблизительно) неизменная $U_г$ характеризует скорость обновления генетической (индекс «г») информации в популяции; возрастающая на протяжении всей истории U_c характеризует скорость обновления культуры, как информации не передаваемой генетически от поколения к поколению.

> Как видно из жизни, из математики и из графика, произошло изменение соотношения эталонных частот биологического и социального времени.

Объективное явление, которое названо здесь *изменение соотношения эталонных частот биологического и социального времени* — собственная характеристика глобальной биологически-социальной системы, от которой никуда не деться. Это информационный процесс, протекающий в иерархически организованной системе. Из теории колебаний, теории управления известно, что, если в иерархически организованной многоуровневой (многокачественной) системе происходит изменение частотных характеристик процессов, являющих каждое из множества свойственных ей качеств, то система переходит в иной режим своего поведения. Это общее свойство иерархически организованных систем, обладающих множеством разнообразных качеств, к классу которых принадлежат как человеческое общество в целом, так и иерархически организованная психика каждого из людей.

Это общее свойство многопараметрических и иерархически организованных информационных систем. Оно по отношению к жизни общества пре-

допределяет качественные изменения в организации психики множества людей, в нравственно-этической обоснованности и целеустремленности их деятельности, в избрании ими средств достижения целей; предопределяет качественные изменения того, что можно назвать логикой социального поведения: это — массовая статистика психической деятельности личностей, выражающаяся в реальных фактах жизни.

Мы живем в исторический период, когда изменение соотношения эталонных частот биологического и социального времени уже произошло, но становление новой логики социального поведения как статистически преобладающей и определяющей жизнь всего общества еще не завершилось. Но общественное управление на основе прежней логики социального поведения, обусловленной прежней статистикой личностной психики множества людей, уже теряет устойчивость, т.е. власть, и порождает многие беды и угрозы жизни.

Формирование логики социального поведения, отвечающей новому соотношению эталонных частот, протекает в наше время и каждый из нас в нем участвует и сознательно целеустремленно, и бессознательно на основе усвоенных в прошлом автоматизмов поведения. ***Но каждый по своему произволу, обусловленному его нравственностью, имеет возможность осознанно отвечая за последствия, избрать для себя тот или иной стиль жизни, а по существу — избрать личностную культуру психической деятельности.***

Те, кто следует прежней логике социального поведения: вверх по ступеням внутрисоциальной пирамиды или удержать завоеванные высоты, всё более часто будут сталкиваться с разочарованием, поскольку на момент достижения цели, или освоения средств к её достижению, общественная значимость цели исчезнет, или изменятся личные оценки её значимости. произойдет это вследствие ускоренного обновления культуры. Это предопределяет необходимость селекции целей по их устойчивости во времени, и наивысшей значимостью станут обладать “вечные ценности”, освоение которых сохраняет свою значимость вне зависимости от изменения техносферы и достижений науки.

Быть человеком в ладу с Богом и биосферой, предопределённо становится при новом соотношении эталонных частот биологического и социального времени — непреходящей и самодостаточной целью для каждого здравого нравственно и интеллектуально, и этой цели будет переподчинена вся социальная организация жизни и власти. Все, кто останется рабом житейской суеты обречены на отторжение биосферой Земли.

Все элементы человечества как системы в биосфере Земли, которые не способны своевременно отреагировать на изменение соотношения эталонных частот биологического и социального времени, обречены на отторжение биосферой Земли, переходящей в иной режим своего бытия под воздействием человеческой деятельности последних нескольких тысячелетий. И от биосферы Земли не защитит ни герметичный бункер с протезом Среды обитания, ни медицина...

* * *

Финн обладал знанием «закона времени» и поэтому предвидел, что в XX веке произойдет смена соотношения эталонных частот биологического и социального времени в глобальном историческом процессе. Эта смена станет решающим фактором качественных изменений в информационном состоянии общества XX века, то есть изменится связь времен. Из рис. 2, где схематично представлен «закон времени», видно, что до смены связи времен в обществе доминировала толпо-”элитарная” логика поведения, в основе которой — библейская концепция управления. После того, как «распалась (прежняя) связь времен» (“Гамлет”, Шекспир) и произошла смена эталонных частот биологического и социального времени, в обществе пошел процесс формирования иной, отличной от библейской, логики поведения и иной нравственности.

Причина неспособности Черномора понять объективный характер этих изменений — в ограниченности его “науки”, не вмещающей представления о “законе времени».

Он звезды сводит с небосклона,
Он свистнет — задрожит луна;
Но против времени закона
Его наука не сильна.

Старец раскрывает глаза Руслану («светлеет мир его очам») и объясняет, что «любовь седого колдуна» не может изменить духовный мир русского народа. Черномор на основе библейской концепции управления не в состоянии осчастливить “пленных красавиц”, то есть ему не под силу превратить «царство зверя» в «царство человека». В этом смысле он сам — заложник ограниченной по своим возможностям концепции управления.

Ревнивый, трепетный хранитель

Замков безжалостных дверей,
Он только немощный мучитель
Прелестной пленницы своей.
Вокруг нее он молча бродит,
Клянет жестокий жребий свой...

Молча бродит потому, что ничего прямо и открыто сказать не может, поскольку его концепция герметичная, то есть закодированная в библейских притчах, иносказаниях. Она определяет логику социального поведения на всех ступенях толпо-“элитарной” пирамиды, в которой каждый в меру своего понимания работает на себя, а в меру своего непонимания — на тех, кто понимает больше.

Встреча Руслана с Финном происходит как бы случайно, благодаря коню, но... только после того, как Руслан:

На брови медный шлем надвинув,
Из мощных рук узду покинув,
Ты шагом едешь меж полей,
И медленно в душе твоей
Надежда гибнет, гаснет вера...

Все это очень похоже на состояние умов в нашем обществе перед началом перестройки, когда и надежда гибла, и гасла вера; после чего наступил период утраты управления в государстве. При взгляде на происходящее извне — все так, но в глубинах народного сознания уже шла напряженная работа по осмыслению происходящего и выработке новых подходов к новым явлениям динамично меняющегося мира. Общество словно проснулось от долгой спячки и в нем возникло желание “сердце освежить беседою святою”. “Болезнь души, тоска жизни” — следствие непонимания подлинных причин происходящего в истории собственного народа, что неизбежно порождает потребность в полноте знаний.

Не спится что-то, мой отец!
Что делать: болен я душою,
И сон не в сон, как тошно жить.
Позволь мне сердце освежить
Твоей беседою святою.
Прости мне дерзостный вопрос.

Откройся: кто ты, благодатный,
Судьбы наперсник непонятный?
В пустыню кто тебя занес?

История, приведенная в начале рассказа Финна, — типична для жизни любого кочевого племени, живущего в устойчивых отношениях со средой обитания, когда один день неотличим от дней минувших столетий.

Природный финн,
В долинах, нам одним известных,
Гоняя стадо сел окрестных,
В беспечной юности я знал
Одни дремучие дубравы,
Ручьи, пещеры наших скал
Да дикой бедности забавы.

Своим печальным рассказом Финн, на примере истории своих взаимоотношений с Наиной, раскрывает Руслану секрет Черномора, лежащий в основе его метода "культурного сотрудничества". Сначала из среды народа, в силу некоторых особых природных задатков (ум, наблюдательность, сообразительность, целеустремленность) выделяются люди, получивших впоследствии название шаманов, волхвов, знахарей, жрецов. Затем появляется "культурный агрессор" — эмиссар Черномора, который в поэме проходит под именем Наины. Поначалу агрессор живет уединенно, как бы за чертой оседлости, «близ селенья» основного народа. В современной терминологии это — "агенты влияния".

Первыми покупаются и продаются управленцы, пастухи народного стада. Они начинают страдать трепетным жидовосхищением, а через предмет своего обожания вступают в сотрудничество с Глобальным надиудейским Предиктором. С этого момента им чужды заботы своего народа, а свет в их очах зажигается только при слове "заграница". В системе образов Пушкина это выглядит так:

Но жить в отрадной тишине
Дано не долго было мне.
Тогда близ нашего селенья,
Как милый цвет уединенья,

Жила Наина. Меж подруг
Она ***гремела красотою****.*
. . . .
Умчалась года половина;
Я с трепетом открылся ей,
Сказал: люблю тебя, Наина"

Настоящая красота греметь не может. Гремит камуфляж, театральная декорация. Наина была всего лишь инструментом Черномора и потому не могла ответить взаимностью Финну. Другими словами, она была биороботом-оборотнем, неким Фантомасом в красивой упаковке. Поэтому в поэме она принимает то образ змея, то кошки.

Но робкой горести моей
Наина с гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя,
И равнодушно отвечала:
“Пастух, я не люблю тебя!”

Так Финн становится послушной игрушкой в руках Черномора и потому «весело и грозно бьется», возглавляя толпу бесстрашных земляков только затем, чтобы:

К ногам красавицы надменной
Принес я меч окровавленный,
Кораллы, злато и жемчуг;

Результат прежний:

Герой, я не люблю тебя!

Только после этого Финн берется за ум, желая постичь «предметы мудрости высокой», то есть вооружиться знаниями, необходимыми в противоборстве с Черномором, о котором он пока еще ничего не знает.
Невольно пришлось вспомнить и о Родине. Одновременно Руслану дается представление о преемственности управленческого знания, обладающего некими национальными особенностями.

Но слушай: в родине моей
Между пустынных рыбарей
Наука дивная таится

По расчетам астрологов, последние 2500 лет Земля проходила созвездие Рыбы. Рыба — символ иудо-христианства. В начале третьего тысячелетия Земля, по данным астрологов, войдет в созвездие Водолея, и наступит новая эра... Дивная наука новой эры сохранялась и в иудо-христианской среде, то есть таилась «между пустынных рыбарей». Это — о её пребывании информационном. О местопребывании материальном и реальных носителях новой науки Финн говорит особо:

Под кровом вечной тишины,
Среди лесов, в глуши далекой
Живут седые колдуны;

Чем же они занимаются?

К предметам мудрости высокой
Все мысли их устремлены;

А каковы их отношения со всем, что есть в окружающем мире? Как прошлое и будущее развивающегося мира относятся к их мыследеятельности?

Все слышит голос их ужасный,
Что было и что будет вновь,
И грозной воле их подвластны
И гроб, и самая любовь.

В первой строчке виден прием, используемый Пушкиным для передачи читателю особенно важной мысли, как, например, в стихотворении “Герой”:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.

Нарушая привычный порядок слов, он как бы задерживает мысль читателя в нужном автору месте и заставляет его соображать. Обыденному соз-

нанию более понятна была бы такая форма выражения мысли, изложенной в двух строках: “Все, что есть в прошлом и будущем окружающего мира, слушается ужасного голоса колдунов”.
К сожалению, поначалу стремление Финна к жреческим знаниям диктовалось личным своекорыстием, подогретыми трепетным жидовосхищением:

И я, любви искатель жадный,
Решился в грусти безотрадной
Наину чарами привлечь
И в гордом сердце девы хладной
Любовь волшебствами зажечь.

Прошло сорок лет и вот:

Настал давно желанный миг,
И тайну страшную природы
Я светлой мыслию постиг...

В процессе постижения «страшной тайны природы» Финну суждено было узнать и о месте Человека в Природе. Светлая мысль не может мириться с черными помыслами, и потому стремление Финна воспользоваться знаниями в своекорыстных целях неизбежно приводит его к страшному открытию: Наина — не Человек. И вот перед Финном, бывшим родовым шаманом (пастухом местного стада), овладевшим знанием национального (этнического) жречества, встает роковой вопрос: “Кто же он сам?” Этот вопрос мастерски разрешается сравнительным описанием сцен похищения Людмилы Черномором и мнимой победой Финна над Наиной.
Пушкин о появлении Черномора:

Гром грянул, свет блеснул в тумане,
Лампада гаснет, дым бежит,
Кругом все смерклось, все дрожит...

Финн о своих “достижениях”:

Зову духов — и в тьме лесной
Стрела промчалась громовая,
Волшебный вихорь поднял вой,

Земля вздрогнула под ногой...

Хорошо видно, что внешние атрибуты «безвестной силы» в обеих сценах совпадают. Но интереснее другое: в первом издании “Руслана и Людмилы” 1820 г. в рассказе Финна эти строки выглядели иначе:
Финн:

Зову духов — и, ***виноват!***
Безумный*, дерзостный губитель,*
Достойный Черномора брат*,*
Я стал Наины похититель.

Другими словами, в первом варианте поэмы происходит открытая самоидентификация Финна, поднявшегося в своем овладении страшными тайнами природы до уровня Черномора. Итак, уровень знания — равный знаниям Глобального Предиктора. А уровень понимания? Пушкин ясно показывает, что по уровню понимания жрец Финн поднялся над волшебником Черномором, поскольку в отличие от карлы осознал свою вину, признал безумие использования тайн природы в корыстных целях. Слова «достойный Черномора брат» в устах Финна звучат осуждающе. Овладев учением колдунов и поднявшись на самый высокий уровень понимания, Финн не перестает, в отличие от карлы Черномора быть Человеком, значит и вероятность его победы над Глобальным Предиктором возрастает. Ему суждено предвидеть день встречи с Русланом (время качественных изменений в информационном состоянии общества) и способствовать разгерметизации знаний, делая их достоянием всего Человечества.
Финн осознает горечь ошибок и заблуждений. Рассказ о минувшем дается ему с большим трудом.

К чему рассказывать, мой сын,
Чего пересказать нет силы?
Ах, и теперь один, один,
Душой уснув, в дверях могилы,
Я помню горесть, и порой,
Как о минувшем мысль родится,
По бороде моей седой
Слеза тяжелая катится

Здесь важно упомянуть о том, в каком состоянии находился Руслан перед встречей с Финном:

Руслан томился молчаливо,
И смысл и память потеряв.

Предельно откровенный и по своему печальный рассказ старца — не поучение, а глубокое переосмысление пережитого, что само по себе есть наилучшая форма предупреждения о тех опасностях, которые неизбежно встанут перед Русланом на его пути прямого противоборства с Черномором. И главная из них — Наина. По внешнему виду — человек, а по сути своей — урод, оборотень, Фантомас, modo vir, modo femina («То мужчина, то женщина», — эпиграф к “Домику в Коломне”, где то же явление, что персонифицировано Наиной, персонифицировано Ма-Врушей.
Финн раскрывает здесь другую тайну: кажущаяся целенаправленной злобная деятельность Наины — результат бесчеловечного эксперимента, проведенного древнеегипетским знахарством в своекорыстных интересах над некой общностью. Поскольку по оглашению речь идет о “новой” страсти Наины, то по умолчанию должна существовать и страсть “старая”. Кто мог её внушить Наине? Как будет показано дальше в поэме — Черномор. Другими словами, первоначально её запрограммировал карла, а Финн, овладев знаниями его уровня, пытался (и небезуспешно) её перепрограммировать в своих интересах.

Но вот ужасно: колдовство
Вполне свершилось, по несчастью.
Мое седое божество
*Ко мне пылало **новой** страстью.*
Скривив улыбкой страшный рот,
Могильным голосом урод
Бормочет мне любви признанье.
Вообрази мое страданье!

Интересно, как Пушкин рисует биоробота, словно сошедшего с экранов современных фильмов ужасов:

И между тем она, Руслан,
Мигала томными глазами;

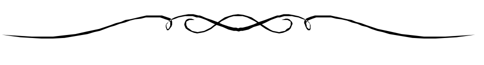
И между тем за мой кафтан
Держалась тощими руками;
И между тем я обмирал,
От ужаса зажмуря очи;
И вдруг терпеть не стало мочи;
Я с криком вырвался, бежал.

В ужасе от содеянного Финн пытается бежать от биоробота-урода, но... программа действует. Какая? Старец предупреждает: программа действует прежняя — злая.

Уже зовет меня могила;
Но чувства прежние свои
Еще старушка не забыла
И пламя позднее любви
С досады в злобу превратила.
Душою черной зло любя,
Колдунья старая, конечно,
Возненавидит и тебя;

Первая песнь заканчивается на оптимистической ноте. Завершен рассказ — откровение старца-жреца, в котором нет ни одного прямого совета. И тем не менее, последние слова в рассказе Финна:

Советов старца не забудь!

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Вторую песнь Пушкин начинает с трех кратких наставлений к соперникам, ведущим меж собой борьбу за право обладания и управления Людом Милым. Первое наставление касается соперников, ведущих вражду на уровне пятого-шестого приоритетов обобщенного оружия.

Соперники в искусстве брани,
Не знайте мира меж собой;
Несите мрачной славе дани
И упивайтеся враждой!
Пусть мир пред вами цепенеет,
Дивяся грозным торжествам:
Никто о вас не пожалеет,
Никто не помешает вам.

Египетское жречество первым осознало низкую эффективность концентрации под своею властью производительных сил (а только ради этого ведутся любые войны) с использованием оружия в общепринятом понимании. Более трехсот лет фараоны двух династий вели изнурительные войны за город Кадеш, главный форпост Палестины, которая в те времена играла роль своеобразного информационного центра ближневосточного региона. На обочинах караванных путей, пересекавшихся в Палестине, творилась история. Отсюда — стремление обладать Палестиной и прежде всего её опорной цитаделью — Кадешем — входило в стратегические планы не только египетского, но и хеттского жречества, которое в те времена несло на себе полную функцию управления в своем национальном обществе. Для решительной победы в подобном противостоянии необходимо не количественное, а качественное превосходство над противником. Новое качество при равном знании появляется у той стороны, которая поднимается на более высокий уровень понимания хода глобального исторического процесса. Такой уровень понимания чаще приходит не благодаря победам на низших приоритетах обобщенных средств управления, а вопреки им. Нужна была решительная победа хеттов в битве при Кадеше в 1312 году до нашей эры, чтобы фараон Рамзес II, переосмыслив причины своего поражения и намерения на будущее, посчитал необходимым выбить на колоннах храма в Луксоре иероглифы, донесшие до наших дней уверенность египетского жречества в своей окончательной победе над

любыми “хеттами” настоящего и будущего: «Три тысячи лет будут свидетельствовать о том, что я победил хеттов».
«История не учительница, а надзирательница: она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков», — писал В.О.Ключевский. Те, кто понимает это, но остаются при демоническом строе психики, поднимаются до узурпации ранга “строгих историков”. Для непонимающих все это:

Мечты поэта —
Историк строгий гонит вас!
Увы! его раздался глас, —
И где ж очарованье света!

(“Герой”, А.С.Пушкин)

Можно предположить, что после подобного урока у “строгих историков” Египта появилась объективная потребность в долговременной, глобальной концепции концентрации производительных сил под своей властью. Осознание такой потребности само по себе есть новое качество в процессе противоборства концептуальных центров управления. Однако новое качество при равной фактологии знания проявляется на той стороне, которая обладает более содержательной методологией. В Коране, сура 2, аят 5, сказано, что Моисею (по некоторым данным, племяннику Рамзеса II) дано было Писание и Различение. О “Священном писании” современная толпа наслышана много, о Различении, в том смысле этого слова, который оно несет в контексте Корана, она имеет самые смутные представления. У египетского жречества были основания скрыть, загерметизировать знания о Кораническом Различении, тем более что оно само было лишено Различения Свыше.
Необходимо понять первое наставление Пушкина, несущее предупреждение о том, что с появлением в обществе концепции управления, нацеленной на мировое господство, появился “некто” (или нечто), ставший невидимым для «соперников в искусстве брани». Этот “Никто” (“Как тебя зовут?” — спросил Полифем. — “Никто!” — представился Одиссей Полифему для того, чтобы безнаказанно выколоть тому единственный глаз) не только не имел причин мешать горе-соперникам «не знать мира меж собой», но и никогда не жалеть о них, ибо Черномор освоил метод, при котором любая дань «сей мрачной славы» будет через могущество бороды — финансово-кредитной системы — “добровольно”, т.е. под давлением им созданных обстоятельств, принесена ему.

Много различных войн с тех пор вело Человечество на земле. В последней мировой войне между собой сражались уже почти все народы, но особенно жестоко дрались русские и немцы. Русский “конь” на этом этапе глобального исторического процесса оказался сильнее, и знамена “тысячелетнего рейха” (Глобальный Предиктор умеет шутить) упали к подножию черной пирамиды, построенной по указанию Наины (оборотня-урода Апфельбаума-Зиновьева) на месте бывшего нужника на Красной площади. Однако, Черномор знает, что победы в этом соперничестве определяются не количеством знамен, падающих то к подножию мавзолея, то к подножию рейхстага, а количеством золота и эквивалентных ему других средств платежа, собирающихся в сейфах швейцарских банков — главной резиденции Черномора. Если золота и других ценностей, контролируемых международным еврейским капиталом, стало больше — Черномор выигрывал, его “могущество бородою прирастало”. “Строгие историки” свидетельствуют, что по крайней мере со времен битвы при Кадеше — какие бы соперники ни состязались в искусстве брани: персы с греками, или римляне с карфагенянами, готы с византийцами, или монголы с русичами, мусульмане с христианами или коммунисты с нацистами — борода карлы устойчиво росла, а сокрытая от глаз всех “красавиц” мира связь Наины с Черномором — крепла. Можно сказать, что в такой ситуации Черномор был обречен на успех, поскольку по отношению к своим соперникам он выступал с использованием обобщенного средства управления (оружия) четвертого приоритета — экономического — в основе которого лежит институт кредита с ростовщическим ссудным процентом.

Второе наставление относится к «соперникам другого рода», выступающим с использованием обобщенных средств управления (оружия) третьего (идеологического) приоритета.

Они тоже не страшны Черномору, но, если первых он не жалеет, то вторых — в случае их неповиновения — всегда готов в глазах толпы выставить смешными. А это для них равносильно смерти. Знает Черномор, что «рыцари парнасских гор» нескромным шумом своих ссор по части толкования “священного писания”, которым глобальное знахарство предусмотрительно отгородилось от толпы, в здоровой части народа, лишенного трепетного жидовосхищения, вызывает только смех. Отсюда у Пушкина:

Вы, рыцари парнасских гор,
Старайтесь не смешить народа
Нескромным шумом ваших ссор;
Бранитесь — только осторожно.

Впоследствии Пушкин не раз обращался к теме второго наставления. В Болдинскую осень 1830 г. в острой полемике с “хрипунами” он отметит в предисловии к “Домику в Коломне” бессмысленность соперничества “рыцарей парнасских гор”.

Ведь нынче время споров, брани
бурной;
Друг на друга словесники идут,
Друг друга режут и друг друга губят,
И хором про свои победы трубят!

Многие современные “рыцари парнасских гор”, изо всех сил стараясь насмешить толпу, развернулись вовсю. Но народу уже не до смеха.

Третье наставление — для тех, кто не только пылко любит Люд Милый, но и готов ради его счастья пойти прямым путем. Таких немного. Это те, кто способен осознать, что для освобождения Людмилы обоюдоострый меч Различения важнее шапки-невидимки “Священного писания”. Действительно, одевая на свою голову шапку с догматами веры, народ теряет свою национальную душу, поскольку *истина, по мере того, как становится безрассудной верой, вводит в самообман*. И тогда собственное видение мира (мировоззрение) утрачивается им до такой степени, что не только Черномор не может отличить его от других народов, но и сам народ перестает видеть себя ярко выраженной индивидуальностью. Такова технология похищения “красавиц”, благодаря которой любой народ становится невидимым, то есть превращается Черномором в часть толпы с библейской логикой социального поведения. Людмила убедилась в этом, как только примерила шапку Черномора.

Догадываясь о существовании подобного процесса, современник Пушкина, русский философ, поэт, публицист А.С.Хомяков в статье “Мнение русских об иностранцах” с горечью как-то заметил:

«То внутреннее сознание, которое гораздо шире логического и которое составляет личность всякого человека так же, как и всякого народа, — утрачено нами. Но и тесное логическое сознание нашей народной жизни недоступно нам по многим причинам: по нашему гордому презрению к этой жизни, по неспособности чисто рассудочной образованности понимать живые явления и даже по отсутствию данных, которые могли бы подвергнуться аналитическому разложению. Не говорю,

чтобы этих данных не было, но они все таковы, что не могут быть поняты умом, воспитанным иноземной мыслию и закованным в иноземные системы, не имеющие ничего общего с началами нашей древней духовной жизни и нашего древнего просвещения.
(…)... формы, принятые извне, не могут служить выражением нашего духа, а всякая духовная личность народа может выразится в формах, созданных ею самой».

Пушкин выразил эту же мысль в "Домике в Коломне" кратко, опрятно и точно:

Что вся прочла Европа —
Нет нужды вновь беседовать о том!

Во все времена в России были люди, пылко и страстно любившие Люд Милый. Однако, любовь и страсть — это далеко не одно и то же, тем более если эти чувства проявляются в отношении народа. Страсть не только мешает любви, но может принести неисчислимые страдания и тому, кто любит, и самому предмету любви. Отсюда следовать страстям в деле любви — губительно, и Пушкин проводит эту мысль тонкой канвой через весь текст поэмы. Так, в Песне первой у Руслана еще не любовь к Людмиле, а «страстная влюбленность»:

Но, страстью пылкой утомленный,
Не ест, не пьет Руслан влюбленный

При этом на поверхности — одни «восторги», которые Руслан «чувствует заранее», а душа — мертва:

И замерла душа в Руслане...

Не лучше и соперники Руслана:

В душе несчастные таят
Любви и ненависти яд.

Если страсть принимается за любовь, то действительно от любви до ненависти один шаг.

Не мог отличить страсть от любви и Финн, пока не овладел предметами мудрости высокой. Поэтому, даже после десяти лет поисков «опасности и злата» ради того, чтобы... «заслужить вниманье гордое Наины», любви нет по-прежнему, а значит, нет и понимания, но зато:

Сбылись давнишние мечты,
Сбылися пылкие желанья

Далее, как и должно, воздаяние по заслугам:

Пред нею, страстью упоенный,
Безмолвным роем окруженный
Её завистливых подруг,
Стоял я пленником послушным

Сорок лет потребовалось Финну не только для того, чтобы, овладев знаниями дивной науки, таившейся меж “пустынных рыбарей” его родины, подняться на уровень понимания жречества, но также и для того, чтобы осознать губительность страсти для настоящей любви. В первом издании “Руслана и Людмилы” 1820 г. после слов Наины:

Герой, я не люблю тебя!

есть прямое предостережение Руслану на этот счет:

Руслан, не знаешь ты мученья
Любви, поверженной навек.
Увы! Ты не сносил презренья...
И что же, странный человек!
И ты ж тоскою сердце губишь.
Счастливец! ты любим, как любишь!

Страсть к биороботу, “гремевшему красотою”, никогда не могла вызвать ответной любви, но при подходе к этому делу с позиций высокой науки можно перепрограммировать биоробота на новую страсть. Только овладев технологией такой “любви”, Финн убедился, что имеет дело не с человеком, а с уродом-биороботом.

Но вот ужасно: колдовство
Вполне свершилось, по несчастью.
Мое седое божество
Ко мне пылало новой страстью.
Скривив улыбкой страшный рот,
Могильным (не живым. — Авт.) голосом урод
Бормочет (не говорит. — Авт.) мне любви признанье.
Вообрази мое страданье!
. . . .
Она сквозь кашель (какие-то сбои, хрипы в системе: авт.) продолжала
Тяжелый страстный разговор

Далее идет программа, набор фарсовых, театральных, стандартных фраз, долженствующих свидетельствовать о любовных признаниях:

Так, сердце я теперь узнала;
Я вижу, верный друг, оно
Для нежной страсти рождено;
Проснулись чувства, я сгораю,
Томлюсь желаньями любви...
Приди в объятия мои...
О милый, милый! умираю...

Финн осознал губительность страстей, не позволивших ему подняться на дело, которое суждено исполнить Руслану. Почему же Руслану, а не Финну? Всякой истине — свое время. Принесший же истину заблаговременно в общество, чуждое стремлению к её познанию, может быть признан им безумным под влиянием страстей, которыми толпа руководствуется в своих оценках.

По поводу губительности страстей в Коране сказано (сура 23):

71 (69) Или они не признали своего посланника и стали его отрицать?

72 (70) Или они говорят: “У него безумие”, — да, приходил он к ним с истиной, но большинство их истину ненавидит.

73 (71) А если бы истина последовала за их страстями, тогда пришли бы в расстройство небо, и земля, и те, кто в них.

Только познав «закон времени» (***второй, хронологический приоритет***), Финн смог подняться на уровень первого (***мировоззренческого, методологического***) приоритета обобщенного информационного оружия и средств управления и овладел способностью предвидеть время встречи с Русланом, то есть вести прогнозную работу. Это время в поэме указано Пушкиным довольно точно — конец XX века:

Уж ***двадцать*** *лет я здесь один*
Во мраке старой жизни вяну

Со времен появления христианства — экспортной модификации иудаизма — прошло двадцать веков. Этот длительный период святорусское жречество вынуждено было пребывать в глухом подполье (пещере), чтобы сохранить и передать Руслану знания, необходимые для победы над Черномором, не понимающим «закона времени».

Но, наконец, дождался дня,
Давно предвиденного мною.
Мы вместе сведены судьбою;
Садись и выслушай меня.

Весь дальнейший рассказ Финна о своей судьбе — это урок Руслану, которому до встречи с Черномором еще предстояло пройти период соперничества с пылкими и страстными любовниками. Любили пылко и страстно Люд Милый (народ русский) многие: славянофилы, западники-либералы и монархисты, социалисты-утописты и коммунисты-марксисты. Также пылко и страстно клянутся сегодня в любви к народу демократические тоталитаристы. Но все они — лишь «соперники в любви», не способные понять «девичье сердце», воспринять и осознать то, что таится в глубинах души народной. Это под силу лишь тем, кто овладел всей полнотой знаний и кто способен помочь народу жить на основе Различения, даваемого Богом каждому непосредственно. Вот тогда народ и сам сможет сказать

самую большую правду о самой большой лжи истории. И к таким людям третье наставление Пушкина:

Но вы, соперники в любви,
Живите дружно, если можно!
Поверьте мне, друзья мои:
Кому судьбою непременной
Девичье сердце суждено,
Тот будет мил на зло вселенной

Пушкин предсказывает, что «девичье сердце» будет с теми, кто поднимется на самый высокий уровень понимания — уровень первого (мировоззренческого) и второго (хронологического) приоритетов обобщенных средств управления. А что же делать остальным, понимающим меньше? Пушкин не забыл и о них, дав читателю представление об их мере понимания в первом издании поэмы через предмет их утешений:

Сердиться глупо и грешно.
*Ужели Бог **нам** дал одно*
В подлунном мире наслажденье?
***Нам** остаются в утешенье*
Война, и музы, и вино.

Война — шестой приоритет (***обычное оружие***) Вино — пятый приоритет (***оружие алкогольного геноцида***) Музы — третий приоритет (идеологический). О четвертом приоритете (***мировые деньги — финансово-кредитная система***) Пушкин умалчивает не случайно, ибо “борода” — финансово-кредитная система — давно приватизирована Черномором.

Рисуя образно встречу военной языческой элиты (Рогдая) с периферией самой древней мафии (Фарлафом), поэт показывает, чего можно достичь, руководствуясь страстями на пути безумного неукротимого соперничества в любви. Не владея методологией познания на основе Различения, Рогдай путает Руслана с Фарлафом, когда тот, трусливо удирая от погони:

Свалился тяжко в грязный ров,
Земли не взвидел с небесами
И смерть принять уж был готов.
Рогдай к оврагу подлетает;

Жестокий меч уж занесен;
“Погибни, трус! умри!” — вещает...

Но не тут-то было. Видимость гонимости еврейства всегда обезоруживала его противников. Поэтому грозные окрики Рогдая — это всего лишь эмоции, пустое кипение страстей.
Реакция языческой военной “элиты” после опознания (“свой” — “чужой”) в лице Фарлафа еврейской “элиты”, не отличима в подобных ситуациях от поведения нашей псевдопатриотической элиты.

Вдруг узнает Фарлафа он;
Глядит, и руки опустились;
Досада, изумленье, гнев
В его чертах изобразились;
Скрыпя зубами, онемев,
Герой, с поникшею главою
Скорей отъехав ото рва,
Бесился... но едва, едва
Сам не смеялся над собою.

Правда, есть и “прогресс”: в отличие от языческих рогдаев, современные к тому же ещё разрешают смеяться над собой райкиным, хазановым, жванецким, аркановым, т.е. наследникам древних фарлафов, хотя конечный результат и для тех, и для других — один:

Тогда он встретил под горой
Старушечку чуть-чуть живую,
Горбатую, совсем седую.
Она дорожною клюкой
Ему на север указала.
“Ты там найдешь его”, — сказала.
Рогдай весельем закипел
И к верной смерти полетел.

В эпизоде встречи Рогдая с Фарлафом и Наиной проявились все черты социального идиотизма нашей как прошлой, так и современной либеральной “элиты”:

- **верноподданность** (бездумно полетел к верной смерти по указке генералитета еврейской мафии);
- **жидовосхищение** (только жидовосхищенный идиот может закипеть весельем от прямого указания бить своих);
- **либерализм** (национальный крикливый либерал, да еще “элитарный”, всегда немеет и скисает при столкновении с межнациональной, наднациональной “элитой”; при этом потеря дара речи может сопровождаться зубовным скрежетом);
- **чистоплюйство** (верноподданный, жидовосхищенный “элитарный” либерал никогда не опустится до разбирательства и установления связей между генералитетом мафии и её периферией; для него этих связей как бы не существует).

Культура мышления, в которой нет места методологии познания и осмысления реальности на основе Различения, превращает либеральную “элиту” в толпу и лишает ее перспектив самостоятельного избавления от социального идиотизма, к которому она подсознательно всегда привержена. В результате на уровне сознания из нее прет пятый вид социального идиотизма, который образно и проиллюстрирован в поэме поведением Рогдая:

Убью!.. преграды все разрушу...
Руслан!.. узнаешь ты меня...
Теперь-то девица поплачет...

Но это же — чистой воды нигилизм, от которого прежде всего страдает народ, а потом уже бездумно на верную смерть идут и “элитарные” рогдаи, и “элитарные” фарлафы. Так что история на уровне социального явления всегда справедлива. Хотя следует признать: в далеком прошлом фарлафы вели себя скромнее и из своего рва (черты оседлости) так нагло, как это все видят сегодня, никогда ранее не вылезали.

А наш Фарлаф? Во рву остался,
Дохнуть не смея; про себя
Он, лежа, думал: жив ли я?
Куда соперник злой девался?

Что касается генералитета мафии, раввината, то он службу нес всегда исправно: если обстановка позволяла — заботливо опекал еврейскую “элиту”, а когда ситуация требовала — посылал и на “мокрое” дело. Но

всегда воля Наины была законом для фарлафов всех времен, независимо от того, где они находились — на глубине грязного рва или на вершине власти.

Вдруг слышит прямо над собой
Старухи голос гробовой:
“Встань, молодец, все тихо в поле;
Ты никого не встретишь боле;
Я привела тебе коня;
Вставай, послушайся меня”

Удивительно точно рисует поэт картину создания рва (черты оседлости), который сформировался как бы естественно, в результате рассеяния периферии мафии на местах “славного побега”. При этом черта оседлости была непонятной для окружающих привилегией еврейства и одновременно служила своеобразным укрытием для “элиты” главарей мафии. Ни одну национальную толпу нельзя было загнать в этот грязный ров. Бразды стальные закусив, конь с белой гривой (символ простого русского Люда), ров перескочил. И здесь проявляется очень тонкий момент: всадник оказался во рву не потому, что его сбросил «конь с белой гривой», а потому что был “**робкий”**. Конь же просто преодолевал естественное препятствие, возникшее на его пути в глобальном историческом процессе.

Фарлаф, узнавши глас Рогдая,
Со страха скорчась, обмирал
И, верной смерти, ожидая,
Коня еще быстрее гнал.

(Другими словами, бездумно пытался ускорить естественный ход развития событий, т.е. **торопил** их).

*Так точно заяц **торопливый***
Прижавши уши боязливо,
По кочкам, полем, сквозь леса
Скачками мчится ото пса.
*На месте **славного побега***
Весной растопленного снега
Потоки мутные текли

И рыли влажну грудь земли.

Так образно показаны мутные потоки лжи, всегда к сожалению сопровождающие процесс информационной поддержки при формировании мест "славного побега", которые возникали как закономерный результат вероломных попыток пса-Черномора вломиться в объективные исторические процессы, идущие на земле в среде разных народов с различной скоростью.

Взмахнул хвостом и белой гривой,
Бразды стальные закусил
И через ров перескочил;
Но ***робкий*** *всадник вверх ногами*
Свалился тяжко в грязный ров.

В рамках глобального исторического процесса «ретивый конь», преодолевая таким образом препятствия, возникающие на пути своего развития, временами, при удачно складывающихся обстоятельствах, получал на какое-то время возможность избавляться от своего седока, но всегда раввинат, пользуясь монополией на средства массовой информации, приводил послушную толпу к трусливому Фарлафу. И в XX столетии, несмотря на то, что представители еврейства не раз сваливались (или их сбрасывали) в грязный ров, Наине не составляло большого труда с помощью продажной прессы "привести к нему коня" через создание образа несчастного и гонимого Фарлафа в глазах толпы.

И до тех пор, пока от простого человека библейская концепция управления будет закрыта образом Фарлафа, Наина без труда сможет приводить к нему "ретивого коня" любой национальности.

"Поверь! — старуха продолжала, —
Людмилу мудрено сыскать;
Она далеко забежала;
Не нам с тобой её достать.
Опасно разъезжать по свету;
Ты, право, будешь сам не рад".

Тут с Наиной трудно не согласиться. "Славный путь" рассеяния еврейства по свету — это не печальный итог антисемитизма (ненависти всех наро-

дов к кадровой базе самой древней, самой богатой и самой культурной мафии), а способ управления Черномором в союзе с Наиной и с помощью Фарлафа конским стадом — безнациональной толпой. С Людом Милым у Черномора и Наины — и до и после переворота 1917 г., в котором Фарлаф в качестве седока принял горячее участие, — постоянно возникали трудности; и поэтому рекомендации раввината к линии поведения Фарлафа в поэме — поистине на все времена, пока в обществе действует библейская логика социального поведения:

“Последуй моему совету,
Ступай ***тихохонько назад.***
Под Киевом, в уединенье,
В своем наследственном селенье
Останься лучше без забот:
От нас Людмила не уйдет”.

“Кони” России, в своем стремлении стать народом, а вместе с ними и Фарлаф, сильно забежали вперед по отношению ко всему стаду. Поэтому Наина советует еврейской “элите” после уничтожения “элит” национальных начать тихохонько движение назад, то есть занимать освободившиеся места во всех институтах управления страной .

До революции богатая еврейская “элита”, скупая у разоряющихся дворян наследственные селения, прекрасно жила, не обращая внимания на закон о “черте оседлости” и при этом ещё деятельно вербовала из представителей российской либеральной интеллигенции вечных странников революционной перестройки.

В схватке свирепого всадника с Русланом Рогдай не назван по имени. В тексте есть лишь описание «сечи при ***свете трепетном луны***». Вообще в поэме все темные дела свершаются ночью и непременно при лунном свете. И это не случайно. Иудейский календарь — лунный. Согласно этому календарю в году не двенадцать, а тринадцать месяцев. Почему-то число 13 на Руси всегда считалось несчастливым и даже получило название “чертова дюжина”.

Но возможна и другая трактовка этого числа: 13=12+1. Если число 12 означает полный цикл развития в пределах одного качества, то 12+1 — завершение цикла развития с выходом на новый уровень качества и тогда число 13 для тех, у кого оно в массовой статистике явлений реальной жизни синхронизируется с несчастными случаями, указует лишь на их неспособность в каких-то конкретных процессах развития выйти на новое каче-

ство, возможно вследствие того, что сами они остаются под властью той концепции, которая создана для их закабаления и ограничения в развитии.

Схватка на берегу реки описывается так, будто дерутся не столько всадники, сколько кони. Из истории древней Руси известно, что от междоусобиц военной языческой “элиты” больше всех страдал трудовой люд. “Элита” же, «переплетаясь членами» семейных уз, прежде всего обеспечивала свои узкокорыстные интересы.

Они схватились на конях;
Взрывая к небу черный прах,
Под ними борзы кони бьются;
Борцы, недвижно сплетены,
Друг друга стиснув, остаются,
Как бы к седлу пригвождены;
Их члены злобой сведены;
Переплелись и костенеют;
По жилам быстрый огнь бежит;
На вражьей груди грудь дрожит -
И вот колеблются, слабеют -
Кому-то пасть... вдруг витязь мой,
Вскипев, железною рукой
С седла наездника срывает,
Подъемлет, держит над собой
И в волны с берега бросает.

Так Пушкин образно рисует борьбу двух уровней понимания. Руслан не убивает своего соперника, а лишь грозно восклицает:

“Умри, завистник злобный мой!”

Да, реальный соперник, даже брошенный в воду с берега, совсем не обязательно должен погибнуть. Конечно, в поэме мы имеем описание лишь информационной гибели языческой военной “элиты”, лишившейся опоры в национальной среде. Но если внимательно анализировать историю мировоззренческого (информационного) противостояния в России вплоть до революции и гражданской войны начала XX века, то можно увидеть и “материализацию” этого процесса: белогвардейцы на всех фронтах, и особенно в Крыму, были сброшены буквально в воду, то есть в море. В

какой-то мере это может служить доказательством верности угаданных нами образов. О том, что это образы, а не реальные исторические персонажи, Пушкин предупреждает читателя своим необычным предисловием, написанным им самим 12 февраля (по новому стилю 25 февраля) 1828 года. В нём он “странными вопросами” от имени г. NN сосредотачивает внимание читателя на ключевых образах поэмы. Есть среди них и такой:

«Каким образом Руслан бросил Рогдая, как ребенка, в воду, когда

Они схватились на конях;
. . . .
Их члены злобой сведены;
Объяты, молча, костенеют, — и проч.?

Не знаю, как Орловский[1] нарисовал бы это».

Другими словами, Пушкин через “странные вопросы” г. NN поясняет, что никакой художник не способен отобразить в живописи борьбу двух уровней понимания. Этой схваткой символически показана победа того, кто лучше понял и яснее выразил мировоззрение простого Люда. Потерпевший поражение в этом информационном противостоянии уходит в небытие. Далее прямое обращение поэта связано надеждой на определенную меру понимания читателя:

Ты догадался, мой читатель,
С кем бился доблестный Руслан:
То был кровавых битв искатель,

В последней строке слышится осуждение битв (в терминах достаточно общей теории управления) на уровне шестого приоритета обобщенного оружия.

Рогдай, надежда киевлян,
Людмилы мрачный обожатель.

---

[1] Орловский Александр Осипович, живописец-баталист и жанрист (1777-1832), славился в обществе в начале века своими рисунками и карикатурами.

Он вдоль днепровских берегов
Искал соперника следов;
Нашел, настиг, но прежня сила
Питомцу битвы изменила,
И Руси древний удалец
В пустыне свой нашел конец.

Далее о том, как долго пугали “пустынных рыбаков” — христиан призраком язычества.

И слышно было, что Рогдая
Тех вод русалка молодая
На хладны перси приняла
И, жадно витязя лобзая,
На дно со смехом увлекла.
И долго после, ночью темной
Бродя близ тихих берегов,
Богатыря призрак огромный
Пугал пустынных рыбаков.

“Пустынные рыбаки” — христианство.
Итак, судьба двоих соперников Руслана в какой-то мере определилась. Однако, основное внимание во второй песне уделяется встрече главного соперника Руслана, — Черномора — с Людмилой.

Друзья мои! а наша дева?
Оставим витязей на час;
О них опять я вспомню вскоре.
А то давно пора бы мне
Подумать о младой княжне
И об ужасном Черноморе.

Что же произошло с Людмилой после того, как волшебник страшный умчал её к своим горам высоким? Пушкин дает развернутый ответ на этот вопрос во второй песне:

Моей причудливой мечты
Наперсник иногда нескромный,

Я рассказал, как ночью темной
Людмилы нежной красоты
От воспаленного Руслана
Сокрылись вдруг среди тумана.
Несчастная! когда злодей,
Рукою мощною своей
Тебя сорвав с постели брачной,
Взвился как вихорь к облакам
Сквозь тяжкий дым и воздух мрачный
И вдруг умчал к своим горам, —
Ты чувств и памяти лишилась
И в страшном замке колдуна,
Безмолвна, трепетна, бледна,
В одно мгновенье очутилась.

Ключевая строка этого фрагмента — “Ты чувств и памяти лишилась”. Ею же иносказательно показана главная причина всех бед русского народа. И получается, что тот, кто должен был сформировать концепцию развития Российской государственности в глобальном историческом процессе, альтернативную толпо-“элитарной”, библейской:

...Томился молчаливо,
И мысль, и память потеряв.

Те же, кто мог бы её осознанно воспринять и проводить в жизнь, — «и чувств, и памяти лишились». Но этим причинам соответствует не менее опасное следствие — утрата Различения. Прямо нигде об этом в поэме не говорится, но по умолчанию, можно сказать, — кричится. И чтобы пробудить в душе читателя потребность к восстановлению утраченного Различения, без которого не может осознанно восприниматься все происходящее в глобальном историческом процессе (включая и утраты народами концептуальной самостоятельности, образно представленной в поэме картиной похищения Людмилы), Пушкин для сравнения дает бытовую сценку из сельской жизни, сопровождаемую в упоминаемом выше предисловии вопросами:

«Справедливо ли сравнение, стр. 45, которое вы так хвалите? Случалось ли вам ЭТО видеть?»

С порога хижины моей
Так видел я, средь летних дней,
Когда за курицей трусливой,
Султан курятника спесивый,
Петух мой по двору бежал
И сладострастными крылами
Уже подругу обнимал;
Над ними хитрыми кругами
Цыплят селенья старый вор,
Приняв губительные меры,
Носился, плавал коршун серый
И пал как молния на двор.
Взвился, летит. В когтях ужасных
Во тьму расселин безопасных
Уносит бедную злодей.
Напрасно горестью своей
И хладным страхом пораженный,
Зовет любовницу петух ...
Он видит лишь летучий пух,
Летучим ветром занесенный.

Скорее всего современники поэта не обратили внимания на эти два отрывка, и если судить по реакции критиков того времени, все описанное воспринималось ими как плод необузданной фантазии молодого поэта. Пушкин же наоборот этому сравнению придавал, видимо, важное значение почему оно и отмечено им в предисловии. Но сами вопросы о справедливости сравнения и возможности видеть “**это**” без раскрытия иносказания образов поэмы повисают в воздухе. Ибо если под “**это**” понимать сцену воровства коршуном цыплят, то современникам поэта, дворянской элите, в большинстве своем проводящей лето в деревне, безусловно это видеть удавалось. Если же под “ЭТО” понимать ход глобального исторического процесса и причины трагизма исторических судеб многих народов, то такое видение возможно лишь с порога “хижины” Пушкина. И только поднявшись на этот “порог” можно увидеть сходственность поведения злодея-коршуна и злодея-Черномора, спесивого петуха и воспаленного страстью Руслана, бедной курицы и несчастной Людмилы. Перечитайте еще раз внимательно эти два отрывка и вы почувствуете, что речь действительно идет об “ЭТОМ”, после чего вы уже сможете ответить и на

вопрос поэта: “Да, сравнения действительно справедливы”. Но в основе такого понимания происходящего и будет лежать Различение.

Неоднократно обращаясь к этому термину, мы еще не останавливались подробно на его содержательной сущности ожидая того момента, пока само повествование не представит наиболее удобный случай для серьезного разговора на эту важную для понимания всего иносказания поэмы тему. И здесь важно подчеркнуть, что обращение к проблематике выявления Различения и значимости этой способности для жизни человека — не новая тема.

> «О те, которые уверовали! Если вы будете благоговеть перед Богом <т.е. будете остерегаться вызвать неодобрение Божие>, Он даст вам Различение и очистит вас от ваших злых деяний и простит вам. Поистине, Бог — обладатель великой милости!» — Коран, сура 8:29.

Согласно этому кораническому сообщению в *осознанном* восприятии человека целостный мир (включая и каждое из подразделений — внешний и внутренний мир индивида) распадается на две категории: в целостном мире выявляется «это» и «не это», а также оставшееся после выявления «это» и дополняющее в мировоззрении «это» до полноты мировосприятия. Такое разделение целостного мира в сознании человека представляет собой даяние ему Свыше одного бита информации, если говорить в терминах современной науки: 1 бит формально — мера количества информации; а по существу — информация, необходимая для разрешения неопределённости 50 % против 50 %, т.е. информация, необходимая для разрешения неопределённости вида «это» — «не это», «да» — «нет».

- «Один бит» для многих — оторванная от жизни абстракция, и потому на первый взгляд кораническое сообщение 8:29 им может показаться незначительно пустяковым. Но это далеко не пустяк — нехватка всего одного бита информации — в повседневной жизненной практике может иметь весьма тяжкие последствия.

Способность человека «видеть различия» во всех смыслах этого термина и во всех проявлениях этого качества в жизни — следствие его душевного здоровья в смысле коранической нормы, но не неотъемлемое свойство индивида, и в частности, его ума. Только получив поток информации Свыше **в двоичном коде** вида «это» — «не это», индивид начинает осмыслять и переосмыслять свойства «это» и свойства «не это», выстраивая свое мозаичное видение Объективной реальности как совокупности разнородных *определённых* «это» — «не это», обладающих своеобразием и иерархией взаимосвязей между ними.

Руслан и Людмила. Песнь вторая.

Если индивид отказывается от осмысления данного ему Свыше в Различение, то неупорядоченная информация накапливается в его психике, а его мировоззрение превращается в калейдоскоп, непригодный для ***осмысленного поведения*** *в жизни на его основе.*

Между «это» и отличным от него «не это» всегда есть некая «граница» (пусть даже в виде совокупности каких-то других «это» — «не это»). Если эту границу придать в качестве свойства и объекту, различаемому как «это», и объекту, различаемому как «не это», после чего «граница» перестанет быть «ничейной полосой», то на самой «границе» «это» будет тождественно «не это».

> Но после такого **пограничного отождествления** *каждого* «это» и всех «не это», «калейдоскоп» разрозненных «это» — «не это» сложится в «мозаику».

Сказанное не означает, что пограничное отождествление должно устанавливаться раз и навсегда: жизнь изменяется, и «мозаика» должна изменяться, отображая в себя её новый образ, иначе индивид отстанет от жизни и растеряется в обстоятельствах, к которым он не готов. Однако такая изменяющаяся «мозаика» всё же неоспоримо отличается и от «калейдоскопа», и от застывшей «мозаики», но не отсутствием взаимосвязей между её элементами, а подвижностью *достаточно определённых взаимосвязей* и обновлением набора как элементов, так и взаимосвязей в ней.

После отступления об основах понимания Различения желательно еще раз вернуться к Введению и перечитать раздел, касающийся отличий динамичности символики и статичности аллегории.

После осмысления прочитанного можно прийти к выводу: первым в обитель Черномора проник в своем внутреннем мире восемнадцатилетний Пушкин на основе данного ему Свыше Различения. Но передать читателю информацию, воспринятую им в этот внутренний мир, он мог в лишь лексических формах, доступных обыденному сознанию того времени. Эти формы носили знаковый, символический характер (отсюда выбранная им форма поэмы-сказки), содержательный смысл которых раскрывается по мере роста понимания в обществе.

Место расположения резиденции Черномора поэт рисует довольно точно, используя для этого видение происходящего одного из центральных персонажей поэмы — Людмилы.

Но вот Людмила вновь одна,
Не зная, что начать, она

К окну решетчату подходит,
И взор её печально бродит
В пространстве пасмурной дали.
Все мертво.

Если кому-то приходилось бывать в швейцарских Альпах в пасмурный день, или видеть эти места в кадрах кинохроники, то он признает, что картина, описанная поэтом, никогда в Швейцарии не бывавшим, довольно точная.

Снежные равнины
Коврами ярким легли;
Стоят угрюмых гор вершины
В однообразной белизне
И дремлют в вечной тишине;
Кругом не видно дымной кровли,
Не видно путника в снегах,
И звонкий рог веселой ловли
В пустынных не трубят горах;
Лишь изредка с унылым свистом
Бунтует вихорь в поле чистом
И на краю седых небес
Качает обнаженный лес.

Описание же внутреннего убранства резиденции карлы — это “пленительный предел” мечтаний ненасытных в своем сладострастном потреблении “новых русских”, избравших в годы перестройки Швейцарию в качестве наиболее престижного местопребывания. Пересказывать всего этого не будем, так как лучше Пушкина этого не смог сделать даже Екклезиаст в Ветхом завете. Отметим лишь признаки глобализма владельца роскошных апартаментов, которые поэт тонко подметил в интерьере зимнего сада Черномора.

И наша дева очутилась
В саду. Пленительный предел:
Прекраснее садов Армиды
И тех, которыми владел

Царь Соломон иль князь Тавриды.

Это о глобальности во времени. Далее — указание на то, что Предиктору не чужды претензии и на глобализм пространственный, поскольку, судя по картине описанной ниже, его потребности выходят за рамки библейской цивилизации.

Пред нею зыблются, шумят
Великолепные дубровы,
Аллеи пальм, и лес лавровый,
И благовонных миртов ряд,
И кедров гордые вершины,
И золотые апельсины
Зерцалом вод отражены;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнем оживлены;
С прохладой вьется ветер майский
Средь очарованных полей,
И свищет соловей китайский
Во мраке трепетных ветвей

И, наконец, о “культурных” пристрастиях Черномора.

Летят алмазные фонтаны
С веселым шумом к облакам:
Под ними блещут истуканы
И, мнится, живы; Фидий сам,
Питомец Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконец,
Свой очарованный резец
Из рук бы выронил с досады.

Одним словом «истуканы» поэт обращает внимание читателя на то, что “культурные” пристрастия карлы далеки от ветхозаветных библейских деклараций. Назовем это неразрешимое противоречие библейской логики социального поведения “комплексом Екклезиаста” и раскроем его содержательную сторону через вторую главу “Книги Екклезиаста”.

«Я предпринял большие дела: построил *СЕБЕ* дома, посадил *СЕБЕ* виноградники, устроил *СЕБЕ* сады и рощи и насадил в них всякие плодовитые деревья... приобрел *СЕБЕ* слуг и служанок, и домочадцы *БЫЛИ У МЕНЯ;* также крупного и мелкого скота *БЫЛО У МЕНЯ* больше, нежели у всех бывших прежде меня в Иерусалиме; собрал себе серебра и золота и драгоценностей от царей и областей; завел у *СЕБЯ* певцов и певиц и услаждения сынов человеческих — разные музыкальные орудия. И сделался *Я* великим и богатым больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; и мудрость моя пребывала со мною. Чего бы глаза мои не пожелали, *Я* не отказывал им, не возбранял сердцу никакого веселья, потому что сердце мое радовалось во всех трудах моих, и это было моей долею от всех трудов моих. И оглянулся *Я* на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился *Я,* делая их: и вот, все — суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем» (Стихи 4 — 11).

Далее следуют стенания о соотношении мудрости и глупости и подводится итог:

«...Но узнал я, что одна участь постигает их всех. И сказал я в сердце моем: “и меня постигнет та же участь как и глупого: к чему же я сделался очень мудрым?” И сказал я в сердце моем, что и это — суета; потому что мудрого не будут помнить вечно, как и глупого; в грядущие дни все будет забыто, и увы! мудрый умирает наравне с глупым. И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо все — суета и томление духа! И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, который будет после меня.

И кто знает: мудрый ли будет он, или глупый? А он будет распоряжаться всем трудом моим, которым я трудился и показал себя мудрым под солнцем... И обратился я, чтобы внушить сердцу моему отречься от всего труда, которым я трудился под солнцем: потому что иной человек трудится много, с знанием и успехом, и должен отдать все человеку,

не трудившемуся в том, как бы часть его. И это — суета и зло великое!» (Стихи 14 — 21).

Кончается глава приговором библейской толпо-“элитарной” концепции, утверждением её греховности и ограниченности (периодом до смены отношения эталонных частот биологического и социального времени):

«Ибо человеку, который добр перед лицом Его, Он дает мудрость и знание и радость; а грешнику (Черномор, как и Екклезиаст, несомненно, грешник. — Авт.) дает заботу собирать и копить, чтобы после отдать доброму перед лицом Божиим. И это — суета и томление духа!»

Известно и высказывание А.С.Пушкина об “обладателях Священного писания”:

Писали слишком мудрено,
То есть и хладно, и темно,
Что есть и стыдно и грешно.

Греховность “писания” — в его логической противоречивости, что ведет к подавлению и извращению интеллекта, делает для человека никчемным осознание Различения, и, как следствие, ведет к разрушению целостности мировоззрения и способствует формированию калейдоскопического идиотизма, как господствующего в обществе мировоззрения.

По тем временам «царь в Иерусалиме» — обозримая вершина толпо-“элитарной” пирамиды в рамках библейской концепции; выше — за туманными облаками таинств и оккультизма — только Черномор, надиудейское знахарство, но оно невидимо ни для равноапостольного Владимира, ни для Екклезиаста. Но что-то же и тот и другой все-таки видели? Видели, но только то, что очень точно описал Пушкин:

Он видит лишь летучий пух,
Летучим ветром унесенный.

Если же подводить итоги, то получается, что эксплуатация чужого труда в угоду своим страстям привела к тому, что человек возненавидел свою жизнь. И хотя сам он вырос на труде предков, отдать свой труд потомкам — для него — «суета и зло великое». С тех пор ветхозаветная экспансия иудо-христианства расползлась по свету и поставила Евро-Американскую цивилизацию, живущую в угоду страстям современных екклезиастов, на

грань гибели. Не вняли они признаниям Екклезиаста, не способного переступить через искаженную Черномором Тору, и самостоятельно излечиться от калейдоскопического идиотизма? — Так Пушкин образом Наины предупреждал еще в начале XIX века, что Екклезиаст — тоже биоробот, как и все генералы самой древней и богатой мафии.

Фрейд не прав. Вся Евро-Американская цивилизация, и прежде всего её “элита”, страдают не от созданного самим Фрейдом и навязанного легковерным “Эдипова комплекса”, а от “комплекса Екклезиаста”, поддерживаемого в них Библией.

Поведение Людмилы в замке Черномора — это здравый смысл Люда Милого, которому чужд и ветхозаветный комплекс Екклезиаста, и все виды социального идиотизма, включая нигилизм. Об этом внутренний монолог Людмилы:

Дивится пленная княжна,
Но втайне думает она:
“Вдали от милого, в неволе,
Зачем мне жить на свете боле?
О ты, чья ***гибельная страсть***
Меня терзает и лелеет,
Мне не страшна злодея власть:
Людмила умереть умеет!
Не нужно мне твоих шатров,
Ни скучных песен, ни пиров -
Не стану есть, не буду слушать,
Умру среди твоих садов!”
Подумала — и стала кушать.

Последняя фраза просто замечательна, особенно в наше время, когда “голодовки” по любому поводу стали так модны[1]. Как знать, может, для тех, кто не желает думать самостоятельно, голодовка — лучший способ обратить на себя внимание. Не случайно этот способ так рекомендуют средства массовой информации. А кто музыку заказывает? “Голодайте “на здоро-

[1] С одной стороны, пост способствует вразумлению; а с другой стороны, если веры Богу нет, то голодовка, будучи разновидностью самоубийства, избавляет агрессора и его правительствующих полицаев от необходимости марать руки в крови своих жертв при обычном способе ведения войны горячей.

вье”! Передохнете — нам же лучше,” — улыбается Черномор на современной рекламной картинке.
Особенно ярко здравый смысл Люда Милого проявился при непосредственном столкновении с карлой. Но сначала картина первого появления Черномора в спальной Людмилы, которая к тому времени:

Не спит, удвоила вниманье,
Недвижно в темноту глядит...

и видит:

Мгновенно дверь отворена;
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Арапов длинный ряд идет
Попарно, чинно, сколь возможно,
И на подушках осторожно
Седую бороду несет

Остановимся на мгновенье. Эта сцена скорее напоминает сцену похорон важного государственного чиновника, перед гробом которого на подушках несут все его награды. Шутит Пушкин? Судите дальше сами.

И входит с важностью за нею,
Подъяв величественно шею,
Горбатый карлик из дверей:
Его-то голове обритой,
Высоким колпаком покрытой,
Принадлежала борода.

Голова не лысая, а обритая. Известно, что древнеегипетское жречество предпочитало по каким-то им понятным причинам брить головы. Возраст карлика, тем более горбатого, определить затруднительно. Современному карле — около 3500 лет. Горб в то же время — верный и зримый признак уродства. Борода — символ кредитно-финансовой системы, контролирующей продуктообмен в масштабах мировой экономики, — собственность древней мафии бритоголовых. И все-таки самую большую ценность

туалета Черномора составляет «высокий колпак», скрывающий содержательную сущность глобального знахарства. Десять веков чешет карла свою бритую репу над неразрешимым вопросом в отношении православия Людмилы: то ли у этих русских правда справа, и тогда «православие» — это правое слово — единство формы и содержания; то ли у них правда слева, но тогда “православие” — это слава справа — чистейший калейдоскоп, некая внутренняя раздвоенность. Отсюда все трудности «немощного мучителя» и его «прелестной пленницы». Бритоголовый урод не случайно боится поставить вопрос о православии прямо, поскольку при этом сразу же приходится прямо ставить и Тору, и Евангелие, то есть выполнять требование Корана:

«Скажи: “О люди писания! Вы ни на чем не держитесь, пока не установите прямо Торы и Евангелия и того, что низведено вам от вашего Господа”. Но у многих из них низведенное тебе от твоего Господа увеличивает только заблуждение и неверие. Не горюй же о людях неверных!» Коран, 5:72.

Пушкин, свободный от карликовых комплексов, решает этот вопрос прямо, переводя его в плоскость действий Людмилы, впервые столкнувшейся со страшным и непонятным явлением в лице Черномора.

Уж он приблизился: тогда
Княжна с постели соскочила,
Седого карлу за колпак
*Рукою быстрой **ухватила,***
Дрожащий занесла кулак
И в страхе завизжала так,
Что всех арапов оглушила.

Считается, что языческая Русь **приняла** догматы “Священного писания” в конце первого тысячелетия от Рождества Христова. Пушкин же полагает и не без основания, что ухватила. Когда такой колпак **принимают**, то его не примеряют, а им накрывают голову. Но у русских, известно, все “не как у людей”: что **ухватили**, пока не примерят, не разберутся, что к чему, — ни в жисть носить не станут. И еще: испокон веков на Руси Великой со словом “колпак” всегда соседствовало рядом другое слово — “шутовской”. Поэтому-то в руках русского мужика любой колпак в конце концов всё равно превращается в привычную шапку. Может быть, в этом причина столь смешного дальнейшего поведения “страшного” волшебника.

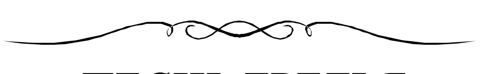
Трепеща, скорчился бедняк,
Княжны испуганной бледнее;
Зажавши уши поскорее,
Хотел бежать, но в бороде
Запутался, упал и бьется;
Встает, упал; в такой беде
Арапов черный рой мятется;
Шумят, толкаются, бегут,
Хватают колдуна в охапку
И вон распутывать несут,
Оставя у Людмилы шапку.

Несомненно, сцена встречи незадачливого страстного любовника-урода с Людмилой — одна из самых замечательных в поэме своей жизнерадостностью. Шутка Пушкина? Пожалуй. Только надо помнить предупреждение на этот счет, сделанное им в "Домике в Коломне": «Я шучу довольно крупно!» Данная шутка, на наш взгляд, одна из самых крупных во всем его необычном творчестве, ибо в ней в образной форме дан стратегический план перехвата управления в глобальном историческом процессе после смены отношения эталонных частот биологического и социального времени. При этом всем красавицам необходимо:
Первое — прекратить спать и удвоить внимание, отрешившись от всех видов социального идиотизма, после чего карла в колпаке проявится в любой темноте;
Второе — ухватить высокий колпак священного писания так, чтобы его тайна, суть которой в искажении откровений пророков истинных, стала достоянием всех искренне верующих Богу. Такой ход оглушит, то есть сделает недееспособными арапов — иерархов вероучений всех библейских конфессий. При этом бить бритоголового урода не обязательно, поскольку все равно своих ресурсов у него нет; достаточно занести хороший кулак, то есть дать понять, что с ним не шутят;
Третье — запутать карлу в его собственной бороде, что будет выражаться в утрате предсказуемости управления мировым хозяйством на основе ростовщической кредитно-финансовой системы.

Что после этого будут делать с карлой его арапы, это их проблемы. Остается заметить, что и сам Пушкин считал эту сцену очень важной, так как в Предисловии именно к ней у г. NN больше всего недоуменных вопросов:

«Зачем маленький карла с большой бородой (что, между прочим, совсем не забавно), приходит к Людмиле? Как Людмиле пришла в голову странная мысль схватить с колдуна шапку (впрочем, в испуге чего не наделаешь?), и как колдун позволил ей это сделать?»

Если судить по реакции представителей ведическо-знахарских кланов на первые работы Внутреннего Предиктора СССР, развивающего концепцию общественной безопасности, альтернативную библейской, то у современных гг. NN вопросов даже больше, чем в пушкинском предисловии. Раскрытие второго смыслового ряда поэмы будет по своему способствовать ответам на них.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Песнь третья — о самом высоком и глубоком Знании, об овладении обобщенным информационным оружием уровня первого приоритета — методологии Различения. Сложность разгерметизации этого Знания состоит в том, что по форме оно как бы на поверхности (все в Природе подчинено его законам), но в то же время содержательная сторона его обладает наибольшей глубиной. Отсюда это Знание лежит словно «в глухом подвале под замками». Всякие попытки в прошлом сделать свободным и открытым доступ к этому знанию квалифицировались мафией бритоголовых как величайшее преступление, поскольку Люд Простой (толпа) по мере овладения им становится Людом Милым (народом) после чего вся толпо-“элитарная” пирамида, над созданием которой представители мафии трудились многие тысячелетия, обретает устойчивую тенденцию к развалу. Рассказать об этой тайне в лексических формах, доступных Люду Милому, и при этом остаться вне зоны досягаемости «гневной зависти» бледных критиков — верноподданных приспешников карлы, представляло для Пушкина значительные трудности. Сетование об этом мы и слышим во вступлении к “Песне третьей”.

Напрасно вы в тени таились
Для мирных, счастливых друзей,
Стихи мои! Вы не сокрылись
От гневной зависти очей.
Уж бледный критик, ей в услугу,
Вопрос мне сделал роковой:
Зачем Русланову подругу,
Как бы на смех её супругу,
Зову и девой и княжной?

Вынужденный прибегать к помощи иносказаний, поэт знает, что в народе понятие «девственность» означает и отсутствие определенных знаний, без которых невозможно стать хозяином своей судьбы — «княжной».
Ответив таким образом прямо на “роковой вопрос” и не желая вступать в спор с мелкими предателями (впереди схватка с главным соперником), он смело идет «на Вы»[1], подчиняясь единственному нравственному правилу,

[1] «Иду на Вы» — форма объявления войны князем Святославом, отцом Владимира — крестителя Руси.

высказанному нашим современником Иваном Антоновичем Ефремовым: «Руководствуясь достойными намерениями, я смею всё!»[1] Мера достоинства в правоте сердца, которая выражается через единство эмоционального и смыслового строя души человека. Автор уверен, что добрый читатель увидит и поймет это. Если же поймет недобрый — покраснеет.

Ты видишь, добрый мой читатель,
Тут злобы черную печать!
Скажи, Зоил, скажи, предатель,
Ну как и что мне отвечать?
Красней, несчастный, бог с тобою!
Красней, я спорить не хочу;
Доволен тем, что прав душою,
В смиренной кротости молчу.

Вот оно — «унижение паче гордости»! Недалекие критики творчества Пушкина часто обвиняли поэта в излишней чувственности его образов и особенно досталось по этой части “Руслану и Людмиле”. Пушкин едко высмеял в предисловии 1828 г. как прошлых, так и будущих толкователей поэмы, не способных подняться по уровню понимания даже на “порог хижины” поэта:

«Долг искренности требует также упомянуть и о мнении одного из увенчанных, ***первоклассных отечественных писателей*** (выделено петитом Пушкиным), который, прочитав “Руслана и Людмилу”, сказал: “Я тут не вижу ни мысли, ни чувства, вижу только чувственность”».

Другой (а может быть и тот же) увенчанный, первоклассный отечественный писатель приветствовал сей первый опыт молодого поэта следующим стихом:

Мать дочери велит на эту сказку плюнуть.»

Напомним еще раз, что “Предисловие ко второму изданию”, написанное автором через восемь лет после окончания поэмы, есть своеобразный путеводитель-шифр по раскодированию системы образов, которыми поэт вынужден был пользоваться, чтобы скрывать свои истинные мысли и

[1] См. его прогнозно-социологический роман “Час быка”.

чувства. Он должен был это написать, поскольку ханжеская реакция критики убедила его в главном: ни одному намеку на большую (помимо той, что видится поверхностному обыденному сознанию) глубину содержания они не вняли. А ведь намек на то, чтобы не искали чувственности “увенчанные и первоклассные”, в поэме есть.

Но ты поймешь меня, Климена[1]*,*
Потупишь томные глаза,
Ты жертва скучного Гимена...
Я вижу: тайная слеза
Падет на стих мой, сердцу внятный;
Ты покраснела, взор погас;
Вздохнула молча... вздох понятный!

Не вняли и не поняли! Климена, богиня, поняла, что поэту скучно писать о скучных жертвах Гимена, бога брачных уз, а потому молча вздохнула и даже втайне всплакнула, что столь замечательный стих, сердцу внятный, не о ней.

Может, и она не сразу поняла, но когда поняла, устыдилась и покраснела. Да, Климена — не чета нашим пушкинистам, вроде “недо”-Битова, Синявского и других, которые такого “напонимают”, что и богиня со стыда бы сгорела, а они даже не краснеют. Однако, оскорблений в свой адрес Пушкин не прощал ни в жизни, ни после физической смерти и потому предупреждает всех жалких ревнивцев, несущих на себе «злобы черную печать»:

Ревнивец, бойся — близок час;
Амур с Досадой своенравной
Вступили в смелый заговор,
И для главы твоей бесславной
Готов уж мстительный убор

Ничего, кроме досады, уколы синявских вызвать, конечно, не могут. Но мы твердо знаем: придет время, когда любовь народа к творческому на-

[1] По одному из вариантов греческой мифологии служанка Елены, сопровождавшая её в Трою; после гибели Трои досталась Акаманту, вождю фракийцев, который в числе других героев находился внутри троянского коня.

следию Первого Поэта России вступит не в тайный, а Смелый, то есть открытый заговор, после чего для всех ревнивцев мстительным убором станет шутовской колпак. Содержание “Песни третьей” начинается с описания утреннего туалета Черномора.

Уж утро хладное сияло
На темени полнощных гор;
Но в дивном замке все молчало.
В досаде скрытой Черномор,
Без шапки, в утреннем халате,
Зевал сердито на кровати.

Утренняя зевота — первый признак того, что сон не восстановил силы, а это в свою очередь означает что подсознание утратило способность к эффективной обработке поступающей из внешнего мира объективной информации. После этого, как правило, следует потеря управления субъектом на личностном уровне.

Мафия бритоголовых, поддерживая в течение длительного времени устойчивое управление в толпо-“элитарной” пирамиде, заскучала и “зевает”, как тот водитель, который за долгое время вождения автомобилем не получил ни одной “дырки” в талоне предупреждений. Водитель с солидным стажем обычно всего свода правил уличного движения не помнит, но и ошибок, в отличие от новичка, почти не делает, поскольку в его подсознании вырабатывается определенный алгоритм поведения, близкий к автоматизму принятия управленческих решений. Глобальный Предиктор — не только “старый вор”, но еще и очень старый водитель, всякие новые препятствия для которого на пути, требующие определенных усилий для внесения изменений в привычные правила движения, вызывают досаду, которую приходится скрывать от непосвященных в секреты его узкопрофессиональной деятельности.

“Да и зачем, — оправдывает он свой консерватизм, — когда все и так идет более менее приемлемо”. Шапку вот Людмила содрала. Это зачем? Что за шутки дурацкие! Однако, объективный ход глобального исторического процесса не считается с эмоциями даже очень “старых водителей”. А теперь представим, что в процессе развития цивилизации вдруг происходит объективная (т.е. не зависящая от желаний даже такого важного субъекта, как Черномора) смена левостороннего движения на правостороннее (образное представление во внелексических формах объективной смены отношений эталонных частот биологического и социального време-

ни, см. рис. 2). После этого в обществе при смене поколений начинается процесс изменения логики социального поведения, в результате чего активизируется переход общества в целом от животного, а также демонического строя психики и строя психики зомби к человечному типу психики. При этом качественно меняется информационное состояние, в котором длительное время пребывало все общество.

Для кого-то эти изменения — желанное, хотя и хладное утро, а для кого-то уже вечер и неприятности, связанные с неизбежной утратой управления и разрушением “дивного замка” (образ толпо-“элитарной” пирамиды). Все это впереди, как предощущение будущего, но лишь для живущих в согласии с «законом времени». А пока о тех, чья наука против «времени закона» не сильна.

Вокруг брады его седой
Рабы толпились молчаливы,
И нежно гребень костяной
Расчесывал её извивы;
Меж тем, для пользы и красы,
На бесконечные усы
Лились восточны ароматы

О бороде читатель уже имеет представление, но у Черномора есть еще “бесконечные усы”. В Толковом словаре В.И.Даля в пояснении к слову «память» читаем: «Мотать себе на ус». Бесконечные усы древнеегипетского жречества — самая большая глубина исторической памяти, своеобразное свидетельство искусства владения информационным оружием второго, хронологического приоритета. В перестроечное время, когда “правда” с левостороннего движения переходит на правостороннее, «Память» вдруг становится самым ругательным словом. “Бесконечные усы” Черномора обусловили формирование бритоголовой мафией библейской концепции концентрации производительных сил на глобальном уровне. Но поскольку эта концепция давно уже вошла в антагонистические противоречия с объективным ходом глобального исторического процесса и нарушает гармонию взаимоотношений человека с природой, то приходится лить на эти усы “восточны ароматы”, закручивать вокруг самой концепции “хитрые кудри”. Борода же, хотя и требует по-прежнему “костяного гребня”, но молчаливые арапы Глобального Предиктора пока еще пользуются им нежно. Видимо, боятся порвать или запутать ростовщическую кредитно-финансовую систему.

Как вдруг, откуда ни возьмись,
В окно влетает змий крылатый;
Гремя железной чешуей,
Он в кольца быстрые согнулся
И вдруг Наиной обернулся
Пред изумленною толпой.

Ну вот, появился и оборотень-урод. Для биоробота, созданного искусной рукой бритоголовой мафии, Черномор — собрат, которого чтить и бояться следует, но знать — опасно, ибо эта тайна может стать достоянием изумленной толпы. Глобальный Предиктор, видимо, не склонен был до поры до времени к прямому общению даже с раввинатом, и потому Наина при первой встрече с карлой:

“Приветствую тебя”, — сказала, —
“Собрат, издавна чтимый мной!
Доселе я Черномора знала
Одною громкою молвой”;

Судя по дальнейшим словам, раввинат до определенного момента не имел представления о методах управления Глобального Предиктора толпо-“элитарной” пирамидой. Но поскольку рассеяние евреев в обществе по существу представляет собою дезинтегрированную элементную базу в системе управления, то в программе Наины должен быть заложен сигнал опасности. С появлением такого сигнала (тайный рок?) происходит замыкание во всей системе с одновременной идентификацией истинной роли Черномора в формировании программы поведения Наины.

“Но тайный рок соединяет
Теперь нас общею враждой;
Тебе опасность угрожает,
Нависла туча над тобой”;

Остальное — эмоциональное приложение к программе:

“И голос оскорбленной чести
Меня к отмщению зовет".

Дальнейшее поведение бритоголового урода понятно. При этом нельзя забывать, что, лишившись шапки-невидимки, он вынужден демонстративно показывать свою психологическую устойчивость:

Со взором, полным хитрой лести,
Ей карла руку подает,
Вещая: "Дивная Наина!
Мне драгоценен твой союз.
Мы посрамим коварство Финна";

Далее — прямое признание соперничества на уровне концептуальных центров, сформированных жречеством образная и демонстрация силы, что требует со стороны Наины определенных интеллектуальных усилий для понимания существа образов.

"Но мрачных козней не боюсь:
Противник слабый мне не страшен;
Узнай чудесный жребий мой:
Сей благодатной бородой
Недаром Черномор украшен.
Доколь власов её седых
Враждебный меч не перерубит,
Никто из витязей лихих,
Никто из смертных не погубит
Малейших замыслов моих";

Иносказательно Черномор раскрывает Наине секрет глобальной финансово-кредитной системы и предупреждает, что борьба с ним "витязей лихих[1]" с помощью обычного оружия бесперспективна. Пушкин же в этой сценой дает понять, что только через пресечение губительной для людей труда паразитизма ростовщической кредитно-финансовой системы, лежит путь пресечения своекорыстных стремлений Черномора к мировому господству и к преодолению библейского мировоззрения в коллективном бессознательном всех народов. Для общества в целом это признак не сни-

[1] Здесь эпитет "лихой", согласно словарю В.И.Даля злой, злобный мстительный, лукавый. Пушкин хотел этим словом показать, какими видит своих соперников Черномор.

жения, а повышение качества управления, но уже при другом информационном состоянии. Отсюда дальнейшие заклинания карлы — пустое бахвальство, хотя срок информационного пленения народов России назван довольно точно — век , т.е. столетие. Понимание происходящего и формирование концепции общественной безопасности, альтернативной библейской, — начало процесса освобождения из плена.

“Моею будет век Людмила,
Руслан же гробу обречен!”
И мрачно ведьма повторила:
“Погибнет он! погибнет он!”
Потом три раза прошипела,
Три раза топнула ногой
И черным змием улетела.

Оборотень-биоробот все исполнил строго в соответствии с программой, в него заложенной. Шипеть и топать ногой ему и было предписано три раза. Итак, союз двух уродов определился. Заклинания произнесены, но... против «времени закона».

Вы помните, читатель, в 1917 году Людмила шуму наделала много, в страхе даже колпак “священного писания” ухватила, да и кулак у нее был по тем временам хоть и дрожащий, но довольно увесистый. Так что карла был сам не рад первому визиту к Людмиле. Действительно, пару раз горбун падал в глубокий экономический кризис, связанный с изменением роли “золотого стандарта” в финансово-кредитной системе. Потом оправился, приоделся, внешне стал выглядеть весьма респектабельным, и, поскольку второй визит проходил, как он понимал, в рамках библейской логики социального поведения толпы, то, натянув на себя маску христианского благочестия,

Блистая в ризе парчовой,
Колдун, колдуньей ободренный,
Развеселясь, РЕШИЛСЯ ВНОВЬ
Нести к ногам девицы пленной
Усы, покорность и любовь.
Разряжен карлик бородатый,
Опять идет в её палаты;

Но это уже балаган и маскарад перестройки. Людмилу на этот раз не проведешь, даже если гласность — на самые длинные усы и самую горячую любовь хищного карлы. Да, она пока еще в плену, но идет процесс смены логики социального поведения, Руслан с Финном уже повстречались и освобождение Люда Милого не за Горами. Задача же Людмилы в этой ситуации — придуриваться, “тянуть резину”, что она, кажется, и делает, оставаясь пока для горбуна недосягаемой.

Княжна ушла, пропал и след!
Кто выразит его смущенье,
И рев, и трепет исступленья?
С досады дня не взвидел он.
Раздался карлы дикий стон:
"Сюда, невольники, бегите!
Сюда, надеюсь я на вас!
Сейчас Людмилу мне сыщите!
Скорее, слышите ль? сейчас!
Не то — шутите вы со мною —
Всех удавлю вас бородою!"

А это, сами понимаете, — истерика. Когда в процессе информационного противостояния у одной из сторон начинают преобладать эмоции, то это первый шаг к её поражению. А как в складывающейся ситуации ведет себя другая сторона?

Читатель, расскажу ль тебе,
Куда красавица девалась?
Всю ночь она своей судьбе
В слезах дивилась и — смеялась.

Удивительно, но две последние строки по существу очень точная характеристика нравственного состояния нашего народа в мрачный период перестройки.

Её пугала борода,
Но Черномор уж был ИЗВЕСТЕН,
И был смешон, а никогда
Со смехом ужас несовместен.

Что поделаешь, так уж русский человек устроен: пугается — пока чего-то не понимает. А не понимал он долго механизма действия ростовщической кредитно-финансовой системы, как надгосударственного уровня управления в складывающемся глобальном мировом хозяйстве, хотя воздействие этого механизма постоянно ощущал на себе. С самим карлой только кажется, что дело обстоит проще. На первый взгляд, он, вроде бы, известен и потому внешне выглядит смешным, а порой даже жалким. Но в этом в некотором роде проявление самонадеянности народов России, поскольку всех скрытых приемов, используемых карлой в информационной войне, Людмила еще не знает. Уж если Наина, как было показано в песне первой, наделена способностями Фантомаса, то надо понимать, автор столь уродливой Галатеи обязан владеть ими в совершенстве. Именно с этими способностями, как увидит дальше читатель, будут связаны многие трудности Людмилы и Руслана. Но проблемы, связанные с бородой бритоголового урода, все-таки предстоит решать Руслану.

Черномор конечно обладает определенной мерой понимания, которой обусловлено его место в социальной и надсоциальной (в том числе и воображаемой) «идеальной иерархии». Что касается реальных иерархий, то они “колеблются” относительно *идеально воображаемых*. В реальных иерархиях эмоционально взвинченные возражения и назидания никогда не направлены вниз: всегда либо вверх — как “ропот”, бунт; либо на своем уровне — как склока. Поэтому «рев и топот исступления» карлы — показатель его места в реальной иерархии. В описанной выше сцене исчезновения Людмилы все уже свершилось, но Черномор не понял (тугодум?), что он уже ничтожество; “ничто”, возомнившее о себе “нечто”. Отсюда титул карлы — “Глобальный Предиктор”, мягко говоря, не отвечает существу дел в реальной иерархии управления, поскольку любое название — всего лишь гласный атрибут. Существо же дела — внутреннее содержание — осознание глобальной ответственности перед Богом и людьми Черномору недоступно.

В России же к решению этого вопроса всегда было два подхода: первый — противопоставить мафии бритоголовых свою, еще более “крутую” мафию; второй — опереться в концептуальной деятельности на народ, допустив его к знаниям во всей их полноте. Путь первый невольно превращал всякое жречество в примитивное знахарство, с его основным атрибутом — необходимостью поддерживать монополию на знание, которая сводилась к примитивному — иметь свой “жирный кусок”. В конце концов такое псевдожречество рано или поздно поедалось Черномором. Второй путь — раскрытие народу всей полноты знаний об управлении обще-

ством — требовал терпения, понимания «законов времени», т.е. законов формирования в обществе исторически объективной нравственности вообще, и нравственности, отличающейся от толпо-“элитарной”, в частности. Для Пушкина — это и есть путь соединения Руслана и Людмилы. Каким он будет этот сложный путь обретения истины — видно из дальнейшего текста поэмы.

Навстречу утренним лучам
Постель оставила Людмила
И взор невольный обратила
К высоким, чистым зеркалам;

Вот это дело! С постелью русскому народу пора расстаться, коли толпо-“элитарная” пирамида все равно в соответствии с “законом времени” рушится. Но чтобы это увидеть и понять, Людмиле пора обрести целостность миропонимания. Без обращения своего внутреннего взора к высоким и чистым зеркалам щита Персея[1] этого достичь невозможно. А потому займемся колпаком горбуна, оказавшимся после первого визита незадачливого любовника в руках Людмилы, которая к тому времени:

Свои вчерашние наряды
Нечаянно в углу нашла;
Вздохнув, оделась и с досады
Тихонько плакать начала;

Соображает ли толпа п-РЕЗИДЕНТОВ и МЭР-инов, что подсунутые Людмиле болтливыми фарлафами вчерашние наряды из замшелых запасов Черномора ничего, кроме досады у неё вызвать не могут? А ну как тихий плач и «волненье своенравных дум» перейдут в крик ненависти и отчаяния, а увесистый кулак на этот раз вдруг не задрожит? Что тогда? Пушкин-то — не чета толпе п-РЕЗИДЕНТОВ — знал, «как страшен русский бунт бессмысленный и беспощадный», а потому пусть лучше уж события развиваются в соответствии с предсказанием, данным в поэме:

Однако с верного стекла,

---

[1] В борьбе с Горгоной калейдоскопического идиотизма щит Персея — информационное оружие первого, мировоззренческого проритета, символически протвостоящий шапке Черномора.

Вздыхая, не сводила взора,
И девице пришло на ум,
В волненье своенравных дум,
Примерить шапку Черномора.

Любая приМЕРка — дело серьезное, а уж примерка колпака “Священного писания” к голове народа требует тишины, уединенности и сосредоточенности. Владимир равноапостольный выбирал шапку из предложенных Черномором покрасивее, да посвободнее. Другими словами, Владимир-солнце, любивший попировать “в толпе могучих сыновей”, выбирал шапку без тщательной и многоразовой примерки, и естественно — без сравнительного анализа содержательной части “священных писаний”: иудаизма, христианства, и ислама. Да и откуда такой анализ мог появиться? Переводов на русский с греческого, латыни и арабского Торы (Пятикнижия Моисеевого) канонических Евангелий (не говоря уж об апокрифическом — Евангелии Мира Иисуса Христа от ученика Иоанна) и Корана в те времена не было. Каждое вероучение передавалось и воспринималось на основе устного рассказа заезжих эмиссаров. И соблазнился Равноапостольный прежде всего внешним блеском ритуала (православный — всегда был самым ярким) и мнимой свободой вероучения (возможно наиболее близкой к системе верований древних славян). Для самого Владимира мнимость свободы принимаемого вероучения выражалась прежде всего в приемлемой лично для него формуле: «Питие есть веселие Руси».

Что касается мнения мафии бритоголовых, то для неё было безразлично, какую шапку натянет на голову своего народа Равноапостольный, — важно, чтобы скроена и сшита она была в ателье с вывеской “Черномор”. Возможно, что в качестве побудительных мотивов в действиях Владимира-Крестителя выступали соображения экономического характера: брал с большим запасом и на вырост. Другими словами, примерял на себя, а впоследствии натянул на глаза и уши не только себе, но и всему Люду Милому, отчего вся последующая история народов России — тьма густая и чудеса всяческие.

Людмилы нет во тьме густой
Похищена безвестной силой!

Вот вам и все “НОУ-ХАУ”. Черномор решил свои проблемы, а у Владимира — сплошные эмоции, переходящие в истерику.

Но что сказал великий князь?
Сраженный вдруг молвой ужасной,
На зятя гневом распалясь,
Его и двор он созывает:
“Где, где Людмила?” — вопрошает
С ужасным, пламенным челом.
Руслан не слышит.

Попробуйте сами: натяните на уши такую шапку, будете как в “Библии”: “И слушают они, да не слышат!” А потому у Владимира — полный набор эмоций: причитанья, угрозы, заклинанья:

“Дети, други!
Я помню прежние заслуги:
О, сжальтесь вы над стариком!
Скажите, кто из вас согласен
Скакать за дочерью моей?
Чей подвиг будет не напрасен,
Тому — терзайся, плачь, злодей!
Не мог сберечь жены своей!”

Ну это мы во второй песне уже слышали, когда разбирали наставление поэта. У тех, кто живет не разумом, а страстями[1], от любви до ненависти — один шаг. Таким бездумным легко и народ отдать в вечную кабалу первому встречному фарлафу и страну распродать с молотка. А когда в ответ Люд Простой подобные действия квалифицирует как «жиды жидам Россию продают»[2], — новая истерика.

“Тому я дам её в супруги
С полцарством прадедов моих.
Кто же вызовется, дети, други?"
“Я!” — молвил горестный жених.

---

[1] Вспомним, читатель, один из лучших фильмов советских времен “Девять дней одного года”, в котором некий обаятельный персонаж (по случайному совпадению тоже бритоголовый) постоянно заклинает своего собеседника: “Страстями надо жить, страстями!”

[2] В.В.Маяковский.

“Я! я! — воскликнули с Рогдаем
Фарлаф и радостный Ратмир.

Когда равноапостольный говорит о “своих прадедах”, то надо отдавать отчет, по чьей они родовой линии. По линии отца — одни, а по линии матери — другие. Последние, как говорит предание, были раввинами. Не оттого ли выбор шапки из ателье Черномора оказался столь скороспелым? И не потому ли среди тех, кто отозвался на призыв Владимира “пойти туда, не знаю куда и принести то, не знаю что” оказался и Фарлаф, так нежно опекаемый Наиной.

“Я!” — молвил горестный жених.
“Я! я!” — воскликнули с Рогдаем
Фарлаф и радостный Ратмир:
“Сейчас коней своих седлаем,
Мы рады весь изъездить мир;
Отец наш, не продлим разлуки;
Не бойся, едем за княжной!”

Пушкин не только слова — буквы не напишет без смысла. В связи с этим стоит обратить внимание на то обстоятельство, что героев, бросившихся на поиски Людмилы, в поэме четверо, но “Я!” сказали только трое. Значит у кого-то из четверых на голове была другая шапка Черномора, отличная от той, что была натянута на глаза и уши соперников вкупе с папашей. Возможно ли предположить, что шапка молчуна была ему впору? Дело в том, что “впору” в ателье Черномора ничего не делали. И не потому, что Черномор поощрял халтуру (материал на шапки шел добротный: информация откровений, начиная с “Евангелия от Эхнатона”, поступала с более высоких уровней организации иерархии Вселенной), — технология покроя и пошива “священных писаний”, предусматривающая обязательную зависимость клиентов ателье от мафии бритоголовых, имела свое “НОУ-ХАУ” — “чудо старых дней”.

Ну а если шапка молчуна была не велика и не впору, то должна быть маловата (ну, например, как ермолка раввинов), и, следовательно, должна была давить на голову, хотя и позволяла видеть и слышать больше соперников. Отсюда цирк, устроенный Черномором на свадьбе, для типа в ермолке — очередное представление, фокусы КИО (аббревиатура словосочетания — “Колдун, Исполняющий Обязанности”) с исчезновением “красавиц”. Такие фокусы вызывают бурную реакцию лишь у тех, кто видит

их впервые. Тот, кто обречен присутствовать на всех представлениях, начинает скучать (даже если получает почетное звание “богоизбранного зрителя”), поскольку технологии фокусов не понимает (ермолка давит), а сценарий спектакля остается неизменным в веках.

Так кто же из четверых? Узнать не сложно, поскольку после представления, устроенного Черномором, первые трое, действительно отозвавшиеся на истерику Владимира, поехали “туда, не знаю куда, чтобы найти то, не знаю что” молча:

первый:

Руслан томился молчаливо,
И смысл и память потеряв;

второй:

Рогдай угрюм, молчит — ни слова...
Страшась неведомой судьбы;

третий:

Хазарский хан, в уме своем
Уже Людмилу обнимая;

четвертый, единственный, не молчит:

Через плечо глядя спесиво
И важно подбочась, Фарлаф
Надувшись, ехал за Русланом.
***Он говорит**: “Насилу я*
На волю вырвался, друзья!
Ну, скоро ль встречусь с великаном?
Уж то-то крови будет течь,
Уж то-то жертв любви ревнивой!
Повеселись, мой верный меч,
Повеселись, мой конь ретивый!”

Получается, что тип в ермолке, хоть технологии фокусов Черномора и не понимал, но какое-то общее представление о сценарии спектакля имел раньше и потому, в отличие других соискателей Людмилы, ни в каких прямых столкновениях участвовать не собирался.

Критика предложенного здесь варианта типа “ну как же, иначе не в рифму” — не состоятельна по причине, что рифмует не “критик”, а поэт, ответивший в “Домике в Коломне” сразу на все критики подобного рода:

Порой я стих повертываю круто,
Все ж видно — не впервой я им верчу!
А как давно? Того и не скажу-то.
На критиков я еду, не свищу,
Как древний богатырь, — а как наеду...
Что ж? Поклонюсь и приглашу к обеду.

Кстати, здесь и ответ на возможный вопрос читателя по поводу столь частого обращения к “Домику в Коломне”. Не удивляйтесь, мы будем это делать и дальше, поскольку сами видите, что связь “Домика в Коломне” с “Русланом и Людмилой” — прямая. И никакая это не случайность, а своего рода предопределенность, поскольку все в творчестве Пушкина взаимосвязано, то есть едино и целостно, как един и целостен мир, который его творчество отражает. Что касается самого “Домика в Коломне”, то считаем необходимым обратить внимание читателя на ПОРОГ домика: он одного уровня с порогом “хижины”, о которой шла речь в “Песне второй”.

Однако, вернемся к Людмиле. Её мы оставили, когда она решила САМА примерить шапку Черномора. Условия для этого подходящие:

Все тихо, никого здесь нет;
Никто на девушку не взглянет...

И время указано довольно точно, если идентифицировать начало процесса, в котором Людмила начала самостоятельно вертеть шапкой, скроенной две тысячи лет назад в ателье Черномора. В 1917 г. в России и за рубежом многие были поражены, с какой скоростью завертела Людмила шапкой Черномора. Морис Палеолог, посол Франции в России, будучи свидетелем захоронения жертв февральской (правильнее было бы называть — пурим-

ской, поскольку была приурочена к “веселому еврейскому празднику пурим”) революции, даже записал в своем дневнике 5 апреля 1917 г. по этому поводу следующее:

«Сегодня с утра огромные, нескончаемые шествия с военными оркестрами во главе, пестря черными знаменами, извивались по городу, собрав по больницам двести десять гробов, предназначенных для революционного апофеоза. По самому умеренному расчету число манифестантов превышает 900 тысяч. А между тем ни в одном пункте по дороге не было беспорядка или опоздания. Все процессии соблюдали при своем образовании, в пути, при остановках, в своих песнях идеальный порядок... (сравните пьяный балаган бейтаровцев и кооператоров перед “Белым домом” 20 августа 1991 г. и похороны трех жертв “революции” 25 августа 1991 г. — *Авт.*)

Но что больше всего поражает меня, так это то, что не достает церемонии: духовенства. Ни одного священника, ни одной иконы, ни одного креста. Одна только песня: Рабочая Марсельеза.

С архаических времен Святой Руси и Святого Владимира, с тех пор, как в истории появился русский народ (для француза Палеолога, потомка византийских Палеологов, русский народ явился в глобальном историческом процессе вместе с появлением в Париже Анны, внучки Владимира. Таковы обычные ”элитарные” представления о возрасте не своего, чужого народа, основанные на примитивном знании его истории. — *Авт.*), впервые великий национальный акт совершается без участия церкви. Вчера еще религия управляла всей публичной и частной жизнью; она постоянно врывалась в нее со своими **великолепными церемониями** (понимает, что речь идет о красивой шапке, выбранной его далеким предком. — *Авт.*), со своим **обаятельным** влиянием, с полным господством над воображением и сердцами, если не умами и душами (красивая шапка, но свободная — потому легко ею вертеть на голове народа; этого посол не понимает, и потому дальше — одни эмоции. — *Авт.*). Всего несколько дней тому назад эти тысячи крестьян, рабочих, кото-

рых я вижу проходящими теперь передо мной, не могли пройти мимо малейшей иконы на улице без того, чтобы не остановиться, не снять фуражки и не осенить грудь широким крестным знамением?»

Так что же увидел и не понял в мировоззрении русского народа в феврале 1917 г. французский посол Морис Палеолог? Да то самое, что увидел и понял еще в 1817 г. в характере будущей 17-летней Людмилы (история — стара, а народ — вечно молод, если душа и разум не раздавлены шапкой Черномора) восемнадцатилетний Первый Поэт России и верно отобразил в символах, понятных народу и недоступных элите.

*А девушке в **семнадцать** лет*
Какая шапка не пристанет!
Рядиться никогда не лень!
Людмила шапкой завертела;
На брови (не видно. — Авт.),
прямо (не слышно. — Авт.),
набекрень

(и слышно, и видно, но... на одно ухо и один глаз, т.е. правда оказалась слева, а славословие — справа, где по-прежнему и не видно и не слышно; тогда остается одно),

И задом наперед надела.

Замечательно! А это как раз то, что надо! Тут открывается главный секрет Черномора. Со всем, что он советует через “Священное писание”, которым бритоголовый урод отгораживается от толпы, чтобы самому оставаться невидимым, — соглашайся, но понимай, что к чему, и поступай наоборот.

И что ж? о чудо старых дней!
Людмила в зеркале пропала;
Перевернула — перед ней
Людмила прежняя предстала;
Назад надела — снова нет;
Сняла — и в зеркале! “Прекрасно!

Добро, колдун, добро, мой свет!
Теперь мне здесь уж безопасно;
Теперь избавлюсь от хлопот!"
И шапку старого злодея
Княжна, от радости краснея,
Надела задом наперед.

На ус мотайте, демократы, снова торопливо натягивающие народу на голову “суперкнигу”. “Ноу-хау” старых дней уже разгадано, а потому песни Наины и Фарлафа на тему Библии “Люби ближнего, как самого себя”, “о голубе сизокрылом, который, ласково воркуя, давно клюет чужое просо” (слова и музыка Черномора), Людмила понимает иначе, то есть по Козьме Пруткову —

«Люби ближнего, но не давайся ему в обман!»:

Но возвратимся же к герою.
Не стыдно ль заниматься нам
Так долго шапкой, бородою,
Руслана поруча судьбам?

Нет, не стыдно, ибо без раскрытия “чуда” шапки и бороды, без преодоления “дремучего леса” иносказаний невозможно будет выйти к “широкому долу”, в котором судьба Руслана и Людмилы, а, следовательно, и России, только и сможет открыться в глобальном историческом процессе. Не сделай мы этого — долго еще не наступит долгожданное утро.

Свершив с Рогдаем бой жестокий,
Проехал он дремучий лес;
Пред ним открылся дол широкий
При блеске утренних небес.
Трепещет витязь поневоле:
Он видит СТАРОЙ БИТВЫ поле.

Приближается утро. Но почему же трепещет витязь, да еще “поневоле?” Он безоружен после стычки с Рогдаем? Или его страшит вид “долины смерти” — “старой битвы поле”? Образ “поля битвы” — несомненно, один из запоминающихся в поэме. Но чтобы понять и раскрыть его со-

держательную сторону, надо внимательно прислушаться к внутреннему монологу Руслана.

Со вздохом витязь вкруг себя
Взирает грустными очами.
“О поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топтал
В последний час кровавой битвы?
Кто на тебе со славой пал?
Чьи небо слышало молитвы?”

К России в мире отношение разное. Одни — те, кто понаглее, считают её “страной дураков”, другие — те, кто похитрее, считают её “полем чудес”. И только сама Россия и её формирующийся Внутренний Предиктор осознают, что для тех и других она — всего лишь поле боя. А если хитрые и наглые веками лезли в её пределы, значит было на этом поле и за что биться. Но все прошлые войны, в которых Россия отстаивала свою независимость, не идут ни в какое сравнение с той, которую повел против нее Черномор с 18 августа 1948 года. Если все прошлые войны велись на уровне шестого, максимум — пятого приоритетов (обычное оружие и оружие геноцида), то с момента подписания директивы СНБ США 20/1 от 18.08.48 г., почти полвека, Глобальный Предиктор ведет с непокорной региональной цивилизацией — Россией войну с применением обобщенного информационного оружия первых пяти приоритетов:
— ***мировоззренческого*** — методологического;
— ***хронологического*** — исторического;
— ***идеологического*** — технологического;
— ***экономического*** — финансового;
— ***геноцидного*** — (алкоголь, наркотики, генная инженерия, радиация).
Это война концептуальная, ибо указанная директива гласит:
«Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношениях по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля. Не следует надеяться достичь полного осуществления нашей воли на русской территории, как мы это пытались сделать в Германии и Японии (шестой приоритет, для поддержания военного па-

ритета на котором мы тратили самые большие средства, сорок четыре года назад был признан в борьбе с Россией бесперспективным. — Авт.). Мы должны понять, что конечное урегулирование должно быть политическим.

Если взять худший случай, то есть сохранение Советской власти над всей или почти всей советской территорией, то... мы должны создавать автоматические гарантии, обеспечивающие, чтобы даже некоммунистический и номинально дружественный к нам режим:

а) не имел большой военной мощи;

б) в политическом отношении сильно зависел от внешнего мира;

в) не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами;

г) не установил ничего похожего на железный занавес.

В случае, если такой режим будет выражать враждебность к коммунистам и дружбу с нами, мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или унизительным образом. Но мы обязаны не мытьем, так катаньем навязать их для защиты наших интересов». (Н. Н. Яковлев, “ЦРУ против СССР”, М., 1985, с. 40 — 41).

На пятидесятом году ведения холодной (информационной) войны основные положения Директивы Совета Национальной Безопасности США, исполнились почти дословно. Это что, “чудо старых дней”, или некое “ноу-хау?” Нет, это демонстрация высокого искусства владения методами бесструктурного управления. Овладеть ими без понимания хода глобального исторического процесса и места в нем России — невозможно. Вот тут-то и нужна самая большая глубина исторической памяти. С памятью же у нас сегодня дела обстоят не лучшим образом: до перестройки была вполне добротно сделанная “Память” В.Чивилихина, которую потом кто-то аккуратно подменил эмоционально-бессодержательной “Памятью” Д.Васильева, а закончилось все “мемориалом”, да и тот оказался апрельским. А на Руси поговорка издревле водится:

«1 апрель — никому не верь». Народ никому и не верит, но это не избавляет его от необходимости восстановления собственной исторической памяти. Отсюда и вопрос грустный Руслана:

“Зачем же, поле, смолкло ты
И поросло ТРАВОЙ ЗАБВЕНЬЯ?..
Времен от вечной темноты,
Быть может, нет и мне спасенья!”

Вопрос о “траве забвенья”, весьма серьезный, поскольку в “Предисловии” монологу Руслана отведено особое внимание, разумеется в форме вопросов все того же — то ли “непомнящего”[1], то ли непонимающего г. NN: «Зачем Руслан говорит, увидевши поле битвы...:

“О поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями?
. . . .
Зачем же, поле, смолкло ты
И поросло ***травой забвенья***
Времен от вечной темноты,
Быть может, нет и мне спасенья! и проч.?

Так ли говорили русские богатыри? И похож ли Руслан, говорящий о ТРАВЕ ЗАБВЕНЬЯ И ВЕЧНОЙ ТЕМНОТЕ ВРЕМЕН (подчеркнуто Пушкиным), на Руслана, который через минуту восклицает С ВАЖНОСТЬЮ СЕРДИТОЙ (выделено Пушкиным):

Молчи, пустая голова!
. . . .
Хоть лоб широк, да мозгу мало!
Я еду, еду, не свищу.
А как наеду, не спущу!
. . . Знай наших! и проч.?»

[1] В.Непомнящий, популярный в доперестроечное пушкинист, автор статьи “Заметки о духовной биографии Пушкина”, приуроченной к 190-летнему юбилею поэта.

Так поэт показывает, что ответственность за появление “травы забвения” в России лежит на правительстве — пустой Голове, отделенной Черномором от народа мечом методологии познания на основе Различения.

Но вскоре вспомнил витязь мой,
Что добрый меч герою нужен
И даже панцирь: а герой
С последней битвы безоружен.

Победа над языческой “элитой” — это не только торжество христианства на Руси, но и утрата методологии познания, осмысления и управления на основе Различения — меча, которым в какой-то мере владело святорусское жречество.

При свете трепетном луны
Сразились витязи жестоко;
Сердца их гневом стеснены,
Уж копья брошены далеко,
УЖЕ МЕЧИ РАЗДРОБЛЕНЫ,

Внутренний Предиктор России начинает собирать свои доспехи, то есть готовит “Разгерметизацию” всех знаний о глобальном историческом процессе. Происходит это одновременно с пробуждением поля, поросшего травой забвенья. Причем, как мы убедились, за время так называемой “перестройки” “треска и звона” бессодержательного было много. Были и возражения: “Зачем ворошить прошлое?” Но Руслан делает свое дело без лишних эмоций и с пониманием.

Обходит поле он вокруг;
В кустах, среди костей забвенных,
В громаде тлеющих кольчуг,
Мечей и шлемов раздробленных
Себе доспехов ищет он.
Проснулись гул и степь немая,
Поднялся в поле треск и звон;
Он поднял щит, не выбирая,
Нашел и шлем и звонкий рог;
Но лишь меча сыскать не мог.

Собственную защиту Внутренний Предиктор разработал, используя опыт прошлого, а вот что касается оружия нападения, соразмерного уровню понимания общего хода вещей, сложившемуся в обществе после смены соотношения эталонных частот биологического и социального времени, то здесь возникли определенные трудности.

Долину брани объезжая,
Он видит множество мечей,
Но все легки да слишком малы,
А князь красавец был не вялый,
Не то, что витязь наших дней.
Чтоб чем-нибудь играть от скуки,
Копье стальное взял он в руки,
Кольчугу он надел на грудь
И далее пустился в путь.

Что ж, для первого хорошего и верного удара копье — тоже оружие, особенно если попадает в чей-то не в меру болтливый язык. Не стоит забывать и о копье Георгия Победоносца, поражающего Змия Крылатого — того самого, который влетает в окно замка Черномора, «гремя железной чешуей». Однако цель Руслана — Черномор. Главное же препятствие на пути к этой цели — огромная Голова, символ правительства России, которое никогда не было способно сформулировать устойчивую концепцию развития страны, выражающую долговременные интересы её народов. Тут есть над чем задуматься. Вся сцена Руслана с головой происходит при луне.

Уж побледнел закат румяный
Над усыпленною землей;
Дымятся синие туманы,

Известно, что туман синего Иоаннова масонства шотландского ритуала был принят элитой России в начале XX века, и первое буржуазное правительство после февральской революции оказалось полностью масонским.

И всходит месяц золотой;
Померкла степь. Тропою темной

Задумчив едет наш Руслан
И видит: сквозь ночной туман
Вдали чернеет холм огромный,
И что-то страшное храпит.

Правительство для народа всегда было темным и непонятным, как непонятны были и принципы, которыми оно руководствовалось в управлении.

Руслан внимает и глядит
Бестрепетно, с покойным духом;
Но, шевеля пугливым ухом,
КОНЬ упирается, дрожит,
Трясет упрямой головою,
И грива дыбом поднялась.

Очень точная и емкая характеристика отношения простого люда России к любому правительству.

Вдруг холм, безоблачной луною
В тумане бледно озарясь,
Яснеет;

Луна в поэме — символ иудаизма, поскольку еврейство ничего не создает само, а светит отраженным светом культурного наследия всех народов. Свет луны — вторичный[1]. В этом тоже есть определенная символика: еврейство подхватывает и “переизлучает” подобно “луне в обществе” то, что приходит к нему извне, и что оно пытается приспособить к осуществлению возложенной на него миссии, будучи лишено собственного творческого начала. Это относится и к реформаторской активности еврейства в области государственного устройства и деятельности концептуально безвластных правительств разных стран. А вот каким видит правительство

[1] Могут быть возражения в том смысле, что полумесяц — символ ислама. Но, во-первых, ислама исторического, поскольку в кораническом исламе нет указаний на такую символику, хотя в суре Луна, 54:1 идет речь о разделении луны на двое. Во-вторых, как сообщают некоторые источники, полумесяц был на гербе Константинополя и достался туркам вместе с завоеванной ими столицей Византии.

(любое, не способное осуществлять полную функцию управления и вести самостоятельную концептуальную деятельность) Пушкин:

... смотрит храбрый князь —
И чудо видит пред собою.
Найду ли краски и слова?
Пред ним живая голова.
Огромны очи сном объяты;
Храпит, качая шлем пернатый,
И перья в темной высоте,
Как тени, ходят, развеваясь.

Что касается перьев, то с них начинает свою активную деятельность каждое новое правительство. При этом перья могут быть самые разные: от гусиных и утиных до грачиных и лебединых. Пернатый (или пархатый — в темноте не разобрать) шлем правительства, имея полный набор таких украшений, даже для верноподданного демократического окружения, представляется ужасным.

В своей ужасной красоте
Над мрачной степью возвышаясь,
Безмолвием окружена,
Пустыни сторож БЕЗЫМЯННОЙ,
Руслану предстоит она
Громадой грозной и туманной.

Своеобразная характеристика демократической диктатуры с монополией на средства массовой информации. Примерно такой предстает Голова Внутреннему Предиктору, осознавшему всю полноту ответственности за судьбу Людмилы.

В недоуменье хочет он
Таинственный разрушить сон.
Вблизи осматривая диво,
Объехал голову кругом
И стал пред носом молчаливо;
Щекочет ноздри копием,

Внутренний Предиктор щекочет ноздри Головы копием “Разгерметизации”, то есть кладет на стол правительства материалы, раскрывающие ход глобального исторического процесса, а также роль в нем жречества, знахарства, масонства и еврейства.

И, сморщась, голова зевнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
Взвилася пыль; с ресниц, с усов,
С бровей слетела стая сов;
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо.

Минерва (Афина) — богиня мудрости — изображалась в виде суровой и величественной девы, чаще всего в длинном одеянии и в полном вооружении: с копьем, щитом и в шлеме. У ног её сидит обычно священная птица — сова. Отсюда изречение: «Сова Минервы вылетает по ночам», т.е. ночью, когда сознание отключено и в обход его, через подсознание многое можно бесконтрольно внушить человеку. Слова: «С ресниц слетели стаи сов», — предупреждение читателю: мудрые мысли давно покинули Голову, а все её дальнейшие поступки — результат утраты ею здравого смысла. Поэтому любая попытка указать правительству на концептуальную неопределенность проводимой им внутренней и внешней политики ничего кроме бессмысленного гнева у пустой Головы вызвать не может. А как на этот гнев реагирует толпа непосвященных?

... конь ретивый
Заржал, запрыгал, отлетел,
Едва сам витязь усидел,
И вслед раздался ГОЛОС ШУМНЫЙ:
"Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назад, я не шучу!
Как раз нахала проглочу!"

Шумный голос — это прежде всего голос “элиты”, всегда готовой оказать поддержку правительству. Однопартийная (марксистско-троцкистская) или многопартийно-демократическая, она одинаково страдает бессодер-

жательным словоблудием и бездумной верноподданностью, поскольку ей присущи все виды калейдоскопического идиотизма. Но с точки зрения Внутреннего Предиктора “элита” — тоже толпа, только более информированная в части фактологии, а потому более наглая и циничная по отношению к другой толпе, стоящей ниже её в толпо-“элитарной” пирамиде. Отсюда и отношение к ней — презрительное.

Руслан с презреньем оглянулся,
Браздами удержал коня
И с гордым видом усмехнулся.

Правительство пытается что-то ответить на вызов Внутреннего Предиктора, но в силу хронического заболевания, рассмотренного выше, и низкого уровня понимания происходящего ведет себя нагло, самоуверенно, не отдавая отчета в возможных последствиях.

“Чего ты хочешь от меня? —
Нахмурясь, голова вскричала. —
Вот гостя мне судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь уж ночь,
Прощай!”

Правительство не понимает «закона времени», и потому просто хамит. Ответ Внутреннего Предиктора не оставляет сомнений в решимости привести в чувство пустую Голову.

Но витязь знаменитый,
Услыша грубые слова,
Воскликнул с важностью сердитой:
“Молчи, пустая голова!
Слыхал я истину, бывало:
Хоть лоб широк, да мозгу мало!
Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу!”

После таких слов из Головы полезли эмоции, поскольку сказать попрежнему нечего, а туловище утрачено ею по своей же дурости.

Тогда, от ярости немея,
Стесненной злобой пламенея,
Надулась голова; как жар,
Кровавы очи засверкали;
Напенясь, губы задрожали,
Из уст, ушей поднялся пар —
И вдруг она, что было мочи,
Навстречу князю стала дуть;

На толпу, до тех пор пока она не станет народом, такие фокусы правительства, подаваемые через средства массовой информации, еще как-то действуют.

Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонив главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумрак ночи
Неверный продолжает путь;
Объятый страхом, ослепленный,
Он мчится вновь, изнеможенный,
Далече в поле отдохнуть.

Это краткая и полная характеристика поведения толпы в кризисных ситуациях. Задача Руслана чрезвычайно сложная: помочь толпе стать народом.

Вновь обратиться витязь хочет —
Вновь отражен, надежды нет!

“Правительство наше, кажется, сошло с ума”, — часто можно слышать в годы перестройки. Получается, что Пушкин такое состояние Головы угадал довольно точно.

А голова ему вослед,
КАК СУМАСШЕДШАЯ, хохочет,
ГРЕМИТ: “Ай, витязь! ай, герой!
Куда ты? тише, тише, стой!

Эй, витязь, шею сломишь даром;
Не, трусь, наездник, и меня
Порадуй хоть одним ударом,
Пока не заморил коня".
И между тем она героя
Дразнила страшным языком.

Известно, что нагнетать бессмысленные эмоции — дело не безопасное. Но если Голова пустая, а делать что-то надо, то нагнетание страстей — “последнее прибежище негодяя”. Одна из знаковых фигур начала перестройки (Станкевич), как-то проболталась о главном секрете языка Головы: «Если бы мы были сильны, нам бы не следовало разыгрывать карту гласности». В этом изречении — своеобразное признание интеллектуального иждивенчества демократического сброда: сами в мировоззренческом плане ничего содержательно нового предложить не могут, а предать огласке то, что созрело в глубинах народного сознания — страшно.
Руслан “левой” рукой держит узду, но “ПРАВАЯ” у него свободна! Не пора ли воспользоваться удачным случаем — гласность все-таки!

Руслан, досаду в сердце кроя,
Грозит ей молча копием,
Трясет его рукой свободной,
И, задрожав, булат холодный
Вонзился в дерзостный язык.
И кровь из бешеного зева
Рекою побежала вмиг.

Это должно означать: все концептуальные работы (“Разгерметизация”, “Мертвая вода” и др.) рано или поздно будут опубликованы в достаточном количестве и, следовательно, станут доступны всему обществу. После этого Голове-правительству будет не до шуток, не до театрализованных представлений, действие которых специально было вынесено в толпу на площади и улицы, подобных тем, которые в августе 1991 г. устроило ГКЧП.

От удивления, боли, гнева,
В минуту дерзости лишась,
На князя голова глядела,

Железо грызла и бледнела.

Другими словами, балаган концептуально неопределенных реформ рано или поздно закончится, еврейскому суфлеру дадут по шее и выкинут из будки советологов. После этого, видимо, правительству предстоит пережить сцену, напоминающую финал пьесы Гоголя “Ревизор”.

В спокойном духе горячась,
Так иногда средь нашей сцены
Плохой питомец Мельпомены,
Внезапным свистом оглушен,
Уж ничего не видит он,
Бледнеет, ролю забывает,
Дрожит, поникнув головой,
И, заикаясь, умолкает
Перед насмешливой толпой.

В переводе на язык современной политики, толпа сувенирных президентов (случайно ли после августа 1991 г. многие из них — служители муз) может оказаться в положении актера, который “свою ролю не знал, не знал, да и забыл”. Тут уж Руслан зевать не должен.

Счастливым пользуясь мгновеньем,
К объятой голове смущеньем,
КАК ЯСТРЕБ, богатырь летит

(Вспомните видение поэта с ПОРОГА хижины! Так Руслан обретает черты Внутреннего Предиктора России. Пушкинская символика всегда точна и содержательно определена).

С подъятой, грозною десницей
И в щеку тяжкой рукавицей
С размаха голову разит;

Раскрытие всех тайн посвящений — равно — внутренних запретов на осмысление информации мировоззренческого характера, которыми через суфлеров Черномора и Наины веками пользовалась Голова, считавшая себя также посвященной в нечто, — самая страшная для нее пощечина.

После этого доступ к мечу методологии на основе Различения открыт для Руслана.

И степь ударом огласилась;
Кругом росистая трава
Кровавой пеной обагрилась,
И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлем чугунный застучал.
Тогда на месте опустелом
МЕЧ богатырский засверкал.

Это и есть тайна тайн Черномора — его главное «чудо старых дней». Многие поколения среди простого Люда жила легенда о том, что чудесный “МЕЧ-КЛАДЕНЕЦ” будет когда-нибудь достоянием его богатырей и те освободят русский народ от всех злых сил. С этого момента Руслан — не просто Внутренний Предиктор России — он Концептуальная власть глобального уровня ответственности.

Наш витязь в трепете веселом
Его схватил и к голове
По окровавленной траве
Бежит с намереньем ЖЕСТОКИМ
Ей нос и уши обрубить;

Уровню глобальной заботы и ответственности бессмысленные эмоции только во вред. Произвол возможен, но... обязательно нравственно правый, и лишь в том случае, если он способствует росту меры понимания в обществе “общего хода вещей”. Если же этого не происходит, то:

Уже Руслан готов разить,
Уже взмахнул мечом широким —
Вдруг, изумленный, внемлет он
Главы молящей жалкий стон...
И тихо меч он опускает,
В нем гнев свирепый умирает,
И мщенье бурное падет

В душе, моленьем усмиренной:
Так на долине тает лед,
Лучом полудня пораженный.

Этим фрагментом поэт предупреждает о том, что при любой смене правительства не должна разрушаться государственность, не должны уничтожаться его основные институты информационной поддержки и управления (разведка, комитет государственной безопасности, управление по борьбе с преступностью, а также их архивы; в образах Пушкина — нос и уши Головы). Кроме того, Голова после освобождения от ЧУГУННОГО шлема может сообщить некоторые полезные сведения, которые (даже без понимания ею содержания) могут представлять для общества определенную ценность. При таком подходе второй смысловой ряд откровений Головы о её бездумном сотрудничестве с Черномором приобретают особый интерес. Но при этом не следует забывать, что "просветленье" в Правительстве наступает лишь после хорошей затрещины и только после того, как меч методологии на основе Различения, становится достоянием Концептуальной власти России. Отсюда послушание Головы — следствие роста мера понимания общего хода вещей Русланом по отношению к мере понимания Черномора. То есть это послушание вынужденное, т.е. "со вздохом".

Ты вразумил меня, герой, —
Со вздохом голова сказала, —
Твоя десница доказала,
Что я виновен пред тобой;
Отныне я тебе послушен;
Но, витязь, будь великодушен!
Достоин плача жребий мой.

В сущности, это плач о том, как национальный совет старейшин славянства в процессе перехода общества к государственности, самонадеянно считал жреческие структуры ВСЕХ национальных общин своими меньшими братьями.

Через два года после завершения поэмы в стихотворении "Песнь о вещем Олеге" Пушкин подведет итог своим раздумьям о судьбе языческой военной элиты при её столкновении с жречеством, в котором самонадеянная родовая знать тех времен видела лишь "вдохновенных кудесников". На

легкомысленную просьбу “вещего”[1] Олега приоткрыть его матрицу судьбы за определенное вознаграждение — “коня” — мудрый старец с достоинством отвечает:

“Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен..
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.”

Не правда ли, мы узнаем манеру общения с сильными мира сего Финна, который дает оценку поведения воинственной толпы (коня — по символике Пушкина) и предсказание будущего в образной форме:

“Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смирный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего.”

Будучи лишена Различения Свыше, “вещая” Голова дохристианской Руси поняла иносказание дословно и была уничтожена раввинатом через поражение сознания воинственной языческой толпы библейским мировоззрением.

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!
Из мертвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вкруг ног обвилась,

[1] Если действительно — вещий, то обязан был видеть матрицу судьбы во всех её вариантах сам.

Руслан и Людмила. Песнь третья

И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Из поэмы мы знаем, что Наина при необходимости могла обратиться и в кошку, и в змею. В “Песне первой” также было показано, как лишенные Свыше Различения старейшины родоплеменных общин, принимая титул царей, не способны были отличить жречество от знахарства. Процесс отношений царской “элиты” и жречества, превращающегося в период становления широкодоступной письменности в знахарство, хорошо показан у Плутарха. Описывая возмущение Александра Македонского после опубликования некоторых работ широко известного Западной цивилизации жреца-философа Аристотеля, Плутарх приводит любопытные письма знаменитого полководца:

«Ты поступил неправильно, обнародовав учения, предназначенные только для устного преподавания. Чем же мы будем отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием? Я бы хотел превосходить других не столько могуществом, сколько знанием о высших предметах».

Успокаивая уязвленное честолюбие царя, Аристотель объясняет ему, что *«хотя эти учения и обнародованы, но вместе с тем как бы и не обнародованы»*.

В этом примере хорошо видно, что Александр Македонский — греческая Голова, лидер “элиты”, воспринимает Аристотеля в качестве авторитета-жреца. Но для жреца-знахаря царь-полководец — такой же толпарь, как и все прочие не владеющие методологией познания на основе Различения, только допущенный знахарями к особым видам профессиональных знаний, до которых не допущены другие толпари рангом помельче. Сам Аристотель, обеспокоенный сохранением монополии на Знание еще больше, чем Александр, предстает в данном случае не жрецом, а знахарем и потому намекает царю, что публикация в некотором роде дефективная, т.е. представляет собой скорее ЗВОН о Знании, чем само Знание. Это — исторический факт, описанный известным историком Плутархом (сам был дельфийским жрецом), показывает, как Голова, мнившая себя действительной элитой, и мафия бритоголовых охраняли монополию на Знание и “сотрудничали” в сфере управления, но... каждый в меру своего понимания. Интересно, что Голова в “сотрудничестве” подобного рода самоопределилась в качестве супостата, т.е. врага народам:

И я был витязь удалой!
В кровавых ***битвах супостата***
Себе я равного не зрел*;*
Счастлив, когда бы не имел
СОПЕРНИКОМ меньшого брата!

Последние две строки знаменуют низкий уровень понимания Головы и достаточно высокий уровень понимания поэта, который устами Головы дает представление о механизме “соперничества”.

В противостоянии концептуальных центров при толпо-“элитарной” нравственности, господствующей в обществе, объективно успех сопутствует тому, кто первым способен выйти на более высокую меру понимания общего хода вещей. Такая мера понимания достижима там, где по каким-то условиям допустима самая высокая динамика изменения соотношения скоростей информационного обновления на генетическом и внегенетическом уровне. С большой степенью вероятности этот феномен мог проявиться в регионах, получивших общеупотребительное название “ центров цивилизации”, т.е. там, где глобальный исторический процесс шел с максимально возможной скоростью с учетом всех этапов его развития. А самая большая скорость этих процессов, как правило, была там, где устойчиво, по каким-то причинам, поддерживался самый высокий уровень социальной напряженности, который объективно (в статистическом смысле) проявлялся прежде всего в регионах с очень высокой плотностью населения. Это, конечно, был быстрый рост, но как показывает Пушкин, рост «самый глупый», ибо вектор целей общества, живущего и развивающегося в условиях такого “быстрого” роста, также быстро расходится с вектором целей природы и её Создателя, который и обладает самой высокой мерой понимания общего хода вещей, как Творец — Вседержитель, по отношению к человечеству в целом.

Так человеческое общество, являясь порождением, а, следовательно, и частью её, вступает в этих регионах в антагонистические противоречия с нею. Отсюда пушкинское выражение: «глупый рост» — определенная мера (в данном случае — недостаточности) реализации статистически предопределенного природой потенциала развития человека. С высоты же «глупого роста» все это видится как “прогресс”, в котором отображена губительная для Природы и Человечества сторона самого явления “цивилизации”.

Объективно сложилось так, что славяне на просторах центральной части огромного евразийского континента изначально имели самую низкую

плотность расселения. Вектор целей их общности дольше всех пребывал в единстве с вектором целей матери-Природы, что позволило им наиболее полно реализовать потенциал Человека. Это, конечно, рост медленный, но в то же время и "дивный", раскрывающий секрет непостижимого для "цивилизаторов" счастья народов России, дивное предназначение их высокой духовной миссии. Но здесь же открываются и причины сетования "цивилизаторов" по поводу того, что с высоты «глупого роста»:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить,
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить.

Ф. И. Тютчев

Далее Голова продолжает:

"Коварный, злобный Черномор,
Ты, ты всех бед моих виною!
Семейства нашего позор,
РОЖДЕННЫЙ КАРЛОЙ, С БОРОДОЮ,
Мой дивный рост от юных дней
Не мог он без досады видеть
И стал за то в душе своей
Меня, жестокий, ненавидеть.
Я был всегда НЕМНОГО ПРОСТ,
Хотя высок, а СЕЙ НЕСЧАСТНЫЙ,
Имея самый ГЛУПЫЙ РОСТ,
Умен как бес — и зол ужасно."

Рассказ Головы — пример того, как Пушкин немногими словами умел передать большой и содержательно значимый объем информации, изящно обходя при этом сложные завалы — нагромождения историков-мифотворцев. Образ Черномора в интерпретации Головы — это образ, навязанный Голове знахарством языческой военной "элиты" (в данном случае славянской), получившей в результате своего сотрудничества с мафией бритоголовых то, чего она и заслужила. Рассказ о конфликте Головы с "меньшим братом" ценен простотой, а на Руси простота всегда считалась хуже воровства. Голова и не скрывает своей простоты, но благодаря этому её качеству поэту удается вскрыть и передать потомкам (как

бы в душевной простоте) самую великую тайну — на чем сломалось славянское знахарство и как мафии бритоголовых удалось на достаточно длительный период времени (до смены логики социального поведения) подмять под себя славянский этнос.

Военная языческая "элита" славян, не владея методологией на основе Различения, самоуверенно причислила жречество, превратившееся со времен введения на Руси письменности в знахарство, к своему семейству, посчитав его "меньшим братом". Но это не значит, что такого же мнения о Голове был Черномор, даже если он её в этом и не разубеждал. "Элита", эксплуатируя толпу, обеспечивала знахарству комфортные условия, а главное — свободное время, необходимое для овладения новым знанием в процессе обновления информации на внегенетическом уровне информационного состояния общества. Другими словами, военная "элита" создавала для Черномора условия как для "глупого", так и для "дивного" роста, но история на уровне социальных явлений объективна и потому "глупый рост" Черномора — отказ от жизнеречения в пользу знахарства — также явление объективное настолько, насколько оно отражает исторически объективную, а не декларируемую нравственность общества в целом.

Рассказ идет от имени славянской языческой военной "элиты", лишенной Различения по её злонравию и не способной отличить даже своего жречества от чужого, а не то что жречества от знахарства. Так, например, тот же Плутарх сообщает, что Александр Македонский по завоевании Египта поклонялся египетскому жречеству в Фивах даже с большим усердием, чем своему греческому. Цари, короли, князья, императоры, восседавшие на тронах и со сладострастием принимавшие поклонение толпы, и в глазах жречества, и в глазах знахарства сами оставались толпой, «живущей по преданию и рассуждающей по авторитету». Если авторитет чужого знахарства был выше своего национального, то рассуждали и действовали по Черномору, а не по Финну. Ну а когда голова слетала с плеч, то начиналась истерика:

Коварный, злобный Черномор,
Ты, ты всех бед моих виною!

А на самом деле коварство и злоба Черномора ни при чем, ибо он и сам часто:

Клянет жестокий жребий свой,

То есть он сам — порождение библейской концепции управления и вынужден делать свою работу, даже если порой она ему по каким-то причинам и не нравится. Слова Головы: «Рожденный карлой, с бородою», — результат эмоционально-эгрегориального искажения восприятия ею происходящего. Конечно, в жизни все бывает, даже карлики-уроды рождаются, но видения типа — «рожденный карлой с бородою» — совместный плод творения собственного калейдоскопа Головы и некоего эгрегориального воздействия. В действительности же “роковая сила чудесной бороды” — в ростовщичестве — основе библейской концепции.

Существо библейской концепции вкратце выражено в доктрине “Второзакония-Исаии”, доктрине господства над всеми народами методами расовой ростовщической диктатуры:

«Не давай в рост брату твоему (т.е. иудею) ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что возможно отдавать в рост; иноземцу (т.е. не-иудею) отдавай в рост; а брату твоему не отдавай в рост, чтобы господь бог твой (если исходить из существа этих рекомендаций, то — сатана) благословил тебя во всем, что делается руками твоими на земле, в которую ты идешь, чтобы владеть ею. ...И будешь господствовать над многими народами, а они над тобой господствовать не будут». — Второзаконие, 23:19, 20. «Тогда сыновья иноземцев (т.е. последующие поколения не-иудеев, чьи предки влезли в долги к паразитам-ростовщикам) будут строить стены твои и цари их (в системе образов поэмы — Головы их) будут служить тебе (“Я — еврей королей!” — возражение одного из Ротшильдов на неудачный комплимент в его адрес: “Вы — король евреев!); ибо во гневе моем я поражал тебя, но в благоволении моем буду милостив к тебе. И будут отверсты врата твои, не будут затворяться ни днем, ни ночью, чтобы было приносимо к тебе достояние народов и приводимы были цари их. Ибо народы и царства, которые не захотят служить тебе (проще говоря: обслуживать паразитов), погибнут, и такие народы совершенно истребятся». — Исаия, 60:10 — 12.

Чтобы стать “витязем удалым” — нужны деньги и немалые. Деньги в рост и под большие проценты любой национальной Голове потому и давали наиновы рот-шильды (красные вывески), чтобы “витязи удалые” всех времен и народов «в кровавых битвах супостата себе равного не зрели».

«Банкирам пришлось разработать стратегию, которая позволяла им быть уверенными, что правительство, которое они ссудили, не аннулирует заем, предоставленный банками правительству.

Международные банкиры постепенно выработали свой план. Он был назван “Политикой силового равновесия”. Это означало, что банкиры ссужали два правительства одновременно, давая себе возможность натравливать одно на другое в качестве средства принуждения одного из них платить долги банкирам. Самым успешным средством обеспечения согласия в условиях платежа была угроза войны: банкир всегда мог пригрозить не выполнившему обязательства правительству войной, как средством принуждения произвести платежи. Это повторное вступление во владение государством будет почти всегда срабатывать, так как глава правительства, беспокоящийся о сохранении своего кресла, будет согласен на первоначальные условия займа и продолжит выплаты.

Ключевым же моментом здесь являлась соразмерность государств: чтобы ни одна страна не оказалась бы столь сильна, что военная угроза со стороны слабейшего соседа будет недостаточна для принуждения к платежам.»

Это выдержки из книги американского политолога Ральфа Эпперсона “Невидимая рука” (Введение во взгляд на историю как на заговор). Автор изучал проблему, которую мы здесь затронули, более 20 лет. Впервые книга вышла в США в 1985 г., и за семь лет (к 1992 г.) была тринадцать раз переиздана, что довольно много для общества, лениво глядящего в телевизор. Если в западной цитадели мафии бритоголовых лишь к концу XX в. рассмотрели “невидимую руку” Черномора, то, как видно из поэмы, бесовский заговор горбатого урода для простоватого правительства России был оглашен еще в начале XIX в.

Я был всегда немного прост,
Хотя высок; а сей несчастный,
Имея самый глупый рост,
Умен как бес — и зол ужасно.

Умен не как человек, а как «бес»! С точки зрения информации о типах психики, данной во Введении, бес — не животное, но и не человек. После того, как выявился демонический строй психики, можно сказать, что бес, с одной стороны, — разновидность демона, а с другой — некая программа, т.е. информационная сущность, не обладающая самосознанием и свободой воли, запечатленная в биополях человека и Земли. В дальнейшем эта тема была развита поэтом в его последней и пожалуй самой символичной (а потому наверное и самой сложной для толкователей пушкинского наследия) поэме “Медный всадник”. В ней все внимание читателя сосредоточено на мучениях потерявшего рассудок Евгения [1]— «ни зверя, ни человека»:

И так он свой несчастный век
Влачил, ни зверь, ни человек,
Ни то ни се, ни житель света
Ни призрак мертвый ...

Что касается Головы, то в её рассказе все время идут как бы два смысловых плана. Первый — на уровне эмоций, — мера понимания происходящего со стороны Головы-правительства. Это план сознания. Второй — сам Пушкин, с его мерой понимания происходящих процессов. Это план подсознания. На уровне сознания — ЧУДО! Рок! На уровне подсознания — представление в образной, поэтической форме о методах управления социальными процессами.

Притом же, знай, к моей беде,
В его чудесной бороде
Таится сила роковая, (план сознания)
И, все на свете презирая, — (план подсознания)
Доколе борода цела —
Изменник не страшится зла.

[1]С содержательной стороной символики этого образа можно познакомиться в работе Внутреннего Предиктора СССР “Медный Всадник — это вам не Медный змий”.

«Все на свете презирая...» — это вседозволенность. На нее не имеет права никто, поскольку согласно Корану 6:12: «Бог избрал для самого Себя быть милостивым» и тем самым отказался от вседозволенности.

Столь важная тема не случайно затронута в поэме, поскольку благонамеренная вседозволенность — один из кратчайших путей к сатанизму. И нашим современникам не следует путать слова «вседозволенность» и «произвол», ибо произвол бывает нравственным и безнравственным. Нравственный произвол (закон неписаный, на основе которого и живет народ), введенный в рамки закона писаного, народ принимает; институты управления укрепляются и государство под сенью таких законов благоденствует. Злонравный произвол народ отвергает, государственные структуры управления, основанные в этом случае на писаном законе, разваливаются, в стране наступает хаос.

Не одно тысячелетие продолжается экспансия библейской концепции благодаря вседозволенности “бороды Черномора” — ростовщической кредитно-финансовой системы (обобщенное средство управления четвертого приоритета). Пушкин был один из немногих, кто понимал, что у приверженцев этой концепции есть определенные проблемы в её продвижении в России; особенно в отношении её основополагающего принципа — ростовщичества. На уровне подсознания он различал содержательную сторону откровений, даваемых человечеству через пророков, и рассказов об откровениях, записанных и отредактированных “обладателями писания” (коранический термин, дающий представление о различии между пророками, несущими людям благую весть — по-гречески — Евангелие — и теми, кто непосредственно записывал откровения, редактировал и цензурировал их в преемственности поколений).

С ***рассказом*** *Моисея*
Не соглашу рассказа моего:
Он вымыслом хотел пленить еврея,
Он важно лгал, — и слушали его.
Бог наградил в нем слог и ум покорный,
Стал Моисей известный господин,
Но я, поверь, историк не придворный,
Не нужен мне пророка важный чин!

Это из раннего Пушкина — из “Гавриилиады”, которую многие посчитали за “ошибки молодости”[1]. Но для посвященных в искусство управления социальными процессами, для тех, кто осознанно уклонился от жизнеречения в знахарство — эти “ошибки молодости” были страшным знаком: появился некто, при определенных обстоятельствах способный отличить Откровение, данное Богом людям через пророка, от рассказа об Откровении непричастных; некто — готовый открыть человечеству истинные цели “обладателей писания”, способный продолжить дело, начатое три тысячи лет назад Эхнатоном. Для держателей библейской концепции это был шок, от которого они оправились не сразу, поскольку под угрозой оказалась устойчивость толпо-“элитарной” пирамиды, выстраиваемой ими более трех тысяч лет.

В первой половине XIX в. (время написания поэмы) нравственность дворянства, которое было основным потребителем и, как оно мнило себя, — ценителем творчества Пушкина, оставалась толпо-“элитарной”. Многие вещи и явления мироздания, которые поэт видел и ощущал (а значит, и имел их образы на уровне подсознания), но не мог изъяснить своим просвещенным современникам в общепринятой тогда терминологии, ибо «многие вещи им были непонятны не потому, что их понятия были слабы, а потому, что сии вещи не входили в круг их понятий» (К.Прутков). Отсюда, как было показано в введении, — живой, а не вареный эзоповский язык поэмы и всего творческого наследия Пушкина. В нем индивидуальные образы подсознания поэта, обретая устойчивую меру (слово-код-мера), развивают чувство меры в поколениях читателей и формируют в них на основе этого чувства новую нравственность. В этом смысле поэтический язык — мощное оружие третьего приоритета (идеологического). Благодаря ему можно сохранить и донести до людей, стремящихся к расширению круга своих понятий, необходимый обществу объем стратегически важной информации в обход контроля сознания её противников.

Однако, вернемся к Черномору, который в последней строке вышеприведенного отрывка назван «изменником». Кому же, по мнению Пушкина, он изменил? Мафия бритоголовых, формируя библейскую концепцию концентрации производительных сил и руководствуясь, по их мнению, благими побуждениями, исходила при этом не из декларируемой, а объектив-

---

[1] Если и есть в ней ошибка, то до её понимания не поднялись ни современники поэта, ни официальные “пушкинисты” нашего времени. В цитированном фрагменте “Гаврилиады” образ библейского Моисея пока еще не отделился от истинного образа своего исторически реального прототипа, но зато какова целеустремленность!

но существующей в обществе нравственности. Нравственность же, соответствовавшая логике социального поведения до смены отношения эталонных частот биологического и социального времени, была толпо-“элитарной” и она во многом предопределяла реальное поведение тех людей (в статистическом смысле), которые по своему положению в иерархии управления, обязаны были (перед Богом, природой и Человечеством) нести на себе функцию жизнеречения: предвидением, знанием, словом заблаговременно направлять течение жизни общества к безбедности и благоустройству, удерживая общество в ладу с биосферой Земли, Космосом и Богом. Изменив этому предназначению, они занялись эксплуатацией общества на основе освоенного ими знания, культивируя при этом в обществе невежество и извращенные знания. Измена подобного рода всему человеческому в жрецах, превратившихся в знахарей, позволяла им, тем не менее, при их “глупом росте” оставаться на вершине толпо-“элитарной” пирамиды и устойчиво возвышаться над Головой. Но это была измена Божьему Промыслу по отношению к природе и человеку, т.е. по существу — Богоборчество и сатанизм.

Истинные знания даются Богом по нравственности. Если нравственность порочна, то и знания будут ущербными, неполными. Знахарство, получившее в поэме имя Черномора, в принципе было не способно выработать концепцию, которая бы обеспечивала балансировочный, устойчивый по предсказуемости, режим развития человечества в гармонии с биосферой Земли. А случилось это потому, что меч методологии, добытый Черномором с помощью Головы, не мог быть использован в своекорыстных целях горбатым карлой, лишенным Различения. Черномору ничего другого не оставалось, как скрыть этот меч от человечества, положив его под голову всех правительств. Описанный в поэме в образной форме процесс добывания меча-методологии — это своеобразная демонстрация метода “культурного сотрудничества”, при котором каждый из “сотрудников” работает в меру своего понимания на себя, а в меру непонимания — на того, кто понимает больше.

Вот он однажды С ВИДОМ ДРУЖБЫ
“Послушай, — ХИТРО мне сказал, —
Не откажись от важной службы:
Я в черных книгах ОТЫСКАЛ ...”

В мафии всегда имеет место лишь “вид дружбы”; чаще же это просто служба, при которой понимающий меньше служит понимающему больше.

Возможно, что “черные книги” — это упоминание о знаниях атлантов, каким-то образом попавших египетскому жречеству. Есть также версия о том, что египетские жрецы — потомки атлантов:

«Загадочный Сфинкс, застывший у подножия знаменитых египетских пирамид, попал в их тень и в прямом и в переносом смысле. Возможно, именно поэтому исследователи всегда воспринимали странную статую как нечто второстепенное, сопутствующее древним гробницам. Однако, есть основания предполагать, что Сфинкс намного старше пирамид, что он не просто страж у врат фараоновских сокровищниц, а сам таит в себе несметные богатства...

Тайна происхождения Сфинкса уходит еще в допотопную историю. Что мы знаем о тех временах? Практически ничего. А многочисленные мифы и легенды дают большой простор для фантазий. Но с большой степенью достоверности можно предположить, что во глубине веков уже существовали на нашей планете высокоразвитые цивилизации. И они могли предвидеть грядущую катастрофу и постараться сохранить свои знания для потомков.

С этой точки зрения любопытны легенды о космическом возникновении древнего египетского государства, которое появилось как бы “вдруг” и изначально было по уровню цивилизации намного выше всех других окружавших долину Нила народов. Согласно этим легендам, в долину Нила прибыли боги на огромном шаре. Царь этих богов (по имени Тот) был “руководителем корабля Солнца”. Об этом говорится в выбитых на камне иероглифических текстах, дошедших без повреждения до наших дней. Эти боги, а их было девять, стали обучать аборигенов азам медицины, земледелия, математики, астрономии. Предания гласят, что они построили город с маяком в центре, специальное здание для измерения разливов Нила, нарисовали на стене храма календарь. Все это мало похоже на поведение богов. Скорее, так ведут себя миссионеры, попавшие волею судьбы в дикие земли. Такие противоречия и породили гипотезу, что боги Египетского пантеона — реальные люди, пережившие потоп Атлантиды или другой высокоразвитой цивилизации. ...Прошли

века, и знания, принесенные богами, стали забываться. Если древние египтяне знали, что земля круглая и вращается вокруг солнца, то их потомки считали её уже плоской. Были утрачены секреты производства уникальных бронзовых и никелевых сплавов, которые производили их предки. Забыли и рецепт "эликсира бессмертия", который еще знал сын Тота, Гермес Трисмегист, поставивший, кстати, первую пирамиду.

Могли ли боги-миссионеры предвидеть, что люди не сумеют воспользоваться подаренными им знаниями и те постепенно забудутся? Скорее всего да. Значит они должны были подстраховаться и где-то поместить "справочник" своих технологий. И если фигура Сфинкса действительно сохранилась еще с допотопных времен, то лучшего места для тайника не придумаешь.

Древняя пословица гласит: "Когда Сфинкс заговорит, жизнь сойдет с привычного круга". Возможно, это намек на сокровищницу древних знаний, сокрытых в каменном чреве статуи. Этот вариант появления и исчезновения на Земле знания столь высокого уровня» (статья "Заговорит ли Сфинкс?" Г.Малиничева, И.Царева, газета "Труд", 1.11.1995 г.) Данная статья предлагает читателю принять версию "забвения", которая по умолчанию отрицает другую версию — герметизацию, т.е. сокрытия знания. Во времена Пушкина исследованиями происхождения Сфинкса, а тем более связанных с ним знаний не занимались. Согласно приведенной выше публикации «наполеоновские солдаты палили в глаза Сфинкса из ружей, а английские лорды отбили его каменную бороду и увезли в Британский музей». Видимо, это входило в миссию "цивилизаторов", рассматривавших каменную бороду, как символ ростовщической кредитно-финансовой системы Запада.

В поэме мы видим подобную изложенной, но выраженную в поэтической форме и за полтора века до газетной публикации, версию о происхождении и истинной роли Знания, из которой следует:

Что за восточными горами
На тихих моря берегах,
В глухом подвале, под замками
Хранится меч — и что же? страх!

Я разобрал во тьме волшебной,
*Что волею **судьбы враждебной***
Сей меч ИЗВЕСТЕН будет нам;

Судьба — от Бога. «Не возлагает Аллах на душу ничего, кроме возможного для неё» — Коран, 2:286. Если судьба Черномору враждебна, то вся его деятельность — сатанизм в чистом виде. Потому-то рассказ и ведется с «видом дружбы» и для того, кого Черномор — рассказчик принимает за идиота. Отсюда «тьма волшебная» и прочее. Однако, кое-что бритоголовый карлик выбалтывает, хотя и говорит загадками.

Действительно, почему судьба была враждебна Черномору (или он судьбе)? В чём кроется причина его страха? Почему во “тьме волшебной” он “разобрал”, а не прочитал? И почему страх вызывает известие о мече, а не о том, кто может воспользоваться им в интересах судьбы, враждебной Черномору? Вопросы могут показаться, конечно, наивными — на уровне тех, что задавал пушкинский г. NN в “Предисловии”:

«Зачем Черномор, доставши чудесный меч, положил его на поле, под головою брата? Не лучше ли было взять его домой?»

Поскольку уж мы условились, что вопросы “Предисловия ко второму изданию” — это своеобразные ключи, оставленные автором к разгерметизации образов поэмы, то будем относится и к вопросу о мече с наибольшей серьезностью. Если мы представим, что меч — это образ методологии на основе Различения добра и зла и при этом вспомним библейские высказывания Моисея евреям (а это, по нашему мнению, не равносильно высказываниям исторически реального Моисея), загнанным в Синайскую пустыню: «Выйдут отсюда только те, кто не понимает разницы между добром и злом»[1] — вот тогда мы получим исчерпывающий ответ на вопросы наши и г. NN.

Овладение методологией на основе Различения, — своеобразным языком природы (отсюда крамольное слово — «*язычник*») — помогает гармоничному развитию человека и биосферы в целом. Но общий ход вещей, при котором человек живет в ладу с Богом и природой, чужд концепции Черномора. Язык Различения горбуну непонятен (тьма волшебная), но некое знание, необходимое для формирования толпо-“элитарной” пирамиды из похищенных красавиц, горбун получил. Вместе с тем он, видимо, разо-

---

[1] См. кн. “Числа”, гл. 14, текст восстановленный по переводу 70 толковников (“Септуагинта”).

брал и предсказание неизбежного конца для “Великого архитектора” подобной пирамиды:

“Что нас обоих он погубит:
Мне бороду мою отрубит,
Тебе главу; суди же сам,
Сколь важно нам приобретенье
Сего созданья ЗЛЫХ ДУХОВ!"

Если Черномор определил, что «духи злые», значит, он сам владеет Различением, но... наоборот. Вспомните Людмилу, только тогда разгадавшую секрет горбатого любовника, когда одела его “шапку” задом наперед. Скажем же и мы по примеру Людмилы:

Добро, колдун! добро, мой свет!
Теперь и нам уж безопасно!

Если мафия бритоголовых пользовалась шапкой наоборот, то и методологию на основе Различения добра и зла она в корыстных целях могла использовать наоборот. Поэтому мы сегодня и видим: то, что с точки зрения миллионера, банкира, ростовщика-паразита, живущего на проценты от награбленного его предками капитала, — добро; с точки зрения человека, живущего трудом, — зло. Отсюда библейская концепция, сформированная мафией, — действительно её судьба, но судьба, ставшая “судьбой враждебной” Черномору. Жречество, из своекорыстия прибегая к герметизации подлинного знания, используя его наоборот, неизбежно превращается в знахарство.

Если наоборот, то книги были не “черные”, а “КРАСНЫЕ” (от слова “красивый”). Другими словами, любые биосистемы, находящиеся в гармонии с природой, стремящиеся к эволюционному совершенству (естественно, это относится и к человечеству), обладают свойством неуничтожимости, поскольку природа сама отвергает все, неспособное порождать качественно новое. Но есть и непродуктивные биосистемы, в которых присутствуют разрушительные элементы (насилие, гнет ненасытность сладострастного потребления). Эти обреченные, “черные” системы неизбежно терпят крах. С точки зрения Черномора, олицетворяющего черные системы, “красная” смотрится как “ЧЕРНАЯ”. А бывает, что “черные” берут в употребление “красную” вывеску: рот-шильд, в переводе с немецкого — “красная вывеска”.

Голова должна была сама прочесть книги, не доверяя это дело “черному” уроду, имевшему к тому же “самый глупый рост”; по прочтении они могли вдруг оказаться “красными”; могли, например, помочь Голове сохранить тело. Но Голова привыкла рассуждать по авторитету Черномора.

“Зло” Черномора раскрывается в бесхитростном рассказе Головы, после чего невольно возникает вопрос: зачем добывать меч, который, как известно заранее, одного лишит бороды (ну, это не смертельно), а другого — головы (это уже насмерть!)? Понятно, что если бы речь шла о реальном мече, то приобретение сего опасного для “братцев” предмета, имело бы один разумный смысл: уничтожение. Однако, он добывается, чтобы быть снова спрятанным. Зачем? Ведь он же смертельно опасен для тех, кто его ищет. Оказывается, это не совсем так. Он смертельно опасен только для того, кто бездумно ДОБЫВАЕТ ЕГО ДЛЯ ДРУГОГО, не понимая механизма действия и истинного предназначения.

Ответ на все эти вопросы один: сей меч — символ Знания о методологии на основе Различения, и потому уничтожить его в принципе невозможно. Его можно лишь временно спрятать “по-черному”, а если по-русски, то использовать наоборот. В системе образов Пушкина “спрятать под Голову” — “не сделать достоянием Головы”. От кого спрятать? — От кого-то третьего, которому он, видимо, и был предназначен, и который после его “Разгерметизации” должен все-таки исполнить «волю судьбы враждебной». Этот третий — Внутренний Предиктор России, поднявшийся в своем понимании над бритоголовым горбуном, чтобы разрушить ветхозаветный храм, который тот строил тысячелетия. А тогда “злые духи” Черномора — изначально союзники Руслана, ибо меч, по выражению Черномора — «созданье злых духов».

Первым, кто после Пушкина обратил внимание на образы меча, Черномора и его ветхозаветного храма, был русский поэт Ф.И.Тютчев:

Был день, когда Господней правды молот
Громил, дробил ветхозаветный храм,
И собственным мечом своим заколот
В нем издыхал первосвященник сам.

....

Не от меча погибнет он земного,
Мечом земным владевший столько лет!
Его погубит роковое слово:
“Свобода совести есть бред”.

(Стихотворение “Энциклика”)

Вторым был А.Блок:

Так Зигфрид правит ***меч*** *над горном:*
То в красный уголь обратит,
То быстро в воду погрузит —
И зашипит, и станет черным
Любимцу вверенный клинок ...
Удар — он блещет, Нотунг верный,
И Миме, ***карлик лицемерный****,*
В смятенье падает у ног!

Кто ***меч*** *скует? — не знавший страха.*
А я — беспомощен и слаб,
Как все, как вы, — лишь умный раб,
Из глины созданный и праха, —
И мир — он страшен для меня.

(Пролог к поэме “Возмездие”)

Какое-то представление о мече-методологии имеют (вероятно, на уровне подсознания) и наивные фарлафы перестройки, которые иногда высказываются по этому поводу даже более определенно:

«Фактов мне хватает, фактами я сыт по горло, но я нищ методологически. (…) Однако мы (это говорит от имени еврейства еврейский писатель Моисей Израилевич Меттер, “Пятый угол”, “Нева”, № 1, 1989 г.) вокруг этого пункта занимаем круговую оборону и отстреливаемся до последнего патрона. Последний патрон — себе»[1].

---

[1] Точная цитата: «Мне кажется, никогда ещё не было такой массовой потребности осмыслить своё прошлое, какая наблюдается у людей сейчас. Наше прошлое загадочно. Оно загадочно не столько по фактам, которые когда-нибудь ещё и ещё вскроются, а психологически.

Для меня это именно так. Фактов мне хватает. Я сыт ими по горло.

Я нищ методологически.

Факты не могут объяснить для меня самого главного — психологии людей. Забираясь назад, вглубь, каждый из нас останавливается в том пункте, далее которого ему идти уже невозможно; молодым людям проще — они идут налегке, не обременённые соучастием. Я говорю о соучастии не криминальном. Молекулярный уровень анализа позволяет мне рассматривать соучастие даже в мыслях.

Другими словами, они также, как и Голова, сотрудничают с Черномором по части герметизма методологии, даже оставаясь нищими методологически. Тысячелетний опыт Головы их ничему не научил, а история, как мы уже знаем, наказывает за не выученные уроки. Пушкин подводит в поэме итог “методу культурного сотрудничества”.

“Ну, что же? где тут затрудненье?
—
Сказал я карле, — я готов;
Иду, хоть за пределы света”.
И сосну на плечо взвалил,
А на другое ДЛЯ СОВЕТА
Злодея-брата посадил;

В сущности, помощников у Головы было два: один — правый (в образе сосны), другой — левый, известный СОВЕТНИК. Помните песню: «У Советской власти сила велика»? В том, что расположение помощников и советников могло быть только такое, каждый может убедиться на себе. И все вместе мы убедились в этом же, когда ясными очами взглянули на “советников” нашей Головы (они всегда слева; “левые” — не способны бороться за правое дело), особенно развернувшихся в годы перестройки. Сосна — помощник Головы и Руслана. Но послушаем, что несет Голова, «выйдя за пределы света»:

Пустился в дальнюю дорогу,
Шагал, шагал и, слава богу,
Как бы пророчеству назло,
Все счастливо сначала шло.
За отдаленными горами
Нашли мы роковой подвал;
Я РАЗМЕТАЛ ЕГО РУКАМИ
И ПОТАЕННЫЙ МЕЧ ДОСТАЛ.

“Это было при мне, и я был с этим согласен”, — вот что я имею ввиду. Вот пункт, подле которого замедляется шаг, когда мы бредём назад, в собственную жизнь. Подле этого пункта мы занимаем круговую оборону и отстреливаемся до последнего патрона, потому, что последний бережём для себя» (говорит другой представитель благонамеренной либеральной интеллигенции — писатель Моисей Израилевич Меттер, литературное эссе “Пятый угол”, журнал “Нева”, № 1, 1989 г.).

Предметно-образное, процессное мышление, за которое отвечает правое полушарие головного мозга человека, развивается в результате непосредственной практической деятельности. Левое полушарие, отвечающее за абстрактно-логическое, дискретное мышление, развивается в процессе логического связывания осознанных и неосознанных образов лексическими формами. При этом связи могут быть верными и ошибочными. Другими словами, человек может лгать только левым полушарием. Меч методологии на основе Различения может быть “добыт” в результате практической деятельности, но разрешен Богом для использования как осознанное практическое знание лишь по нравственности “добытчика”. Различение — как разделение мира в сознании на «это» — «не это» — основа мышления; и если мысли объективно злобные, то оно самоубийственно. Высокой нравственности сопутствует гармоничное взаимодействие предметно-образного, процессного и абстрактно-логического, дискретного мышления. Если абстрактно-логическое, дискретное мышление правильно отражает процессы, происходящие в природе, т.е. точно, без искажений, руководствуясь шестым чувством — чувством меры — наделяет верным словом образы явлений внутреннего и внешнего мира, формируемые предметно-образным, процессным мышлением, то лжи нет и тогда Различение, не столько “добытое”, сколько даваемое Богом по нравственности знание, помогает человеку вписаться в гармонию Природы, если человек нравственно правильно осмысляет то, что Различает. Если абстрактно-логическое мышление по каким-то причинам неадекватно этим процессам, то человек противопоставляет себя Природе и тогда библейская концепция становится концепцией самоуправления не только отдельного человека, но цивилизации в целом с её неизбежным финалом — самоликвидацией под водительством “комплекса Екклезиаста”. Голова «роковой подвал разметала руками» и «потаенный меч достала», но “советник” сидел слева. И потому все дальнейшее для Головы — закономерно.

Но нет! судьба того хотела:
Меж нами ссора закипела —
И было, признаюсь, о чем!
Вопрос: кому владеть мечом?
Я спорил, карла горячился;
Бранились долго; наконец
Уловку выдумал хитрец,
Притих и будто бы смягчился.

Меч — с развитием предметно-образного мышления (руками) достала Голова. Кажется, тем самым она как бы уже владела мечом. Но это только кажется. Ведь речь идет о методологии на основе Различения, а для её осознания и верного использования в интересах всего человечества и Природы, его породившей, нужны были правильные связи на уровне абстрактно-логического, дискретного мышления. Братец для совета был посажен на левое плечо (контролировал деятельность левого полушария). Связи оказались лживыми. А поскольку “воля судьбы враждебной” была уже заранее известна из “черных книг”, то спор свелся лишь к тому, в КАКОМ ПОРЯДКЕ эта воля должна была исполниться т.е. кто первым пострадает — Голова или борода? Советник, сидящий слева, нарушил гармонию взаимодействия левого и правого полушарий Головы, что позволило Черномору не отменить “волю судьбы враждебной” (это ему не под силу), а всего лишь изменить порядок действия меча: в начале отделились Головы всех национальных правительств от народов через глобальное управление многоотраслевым производством посредством кредитно-финансовой системы (бороды Черномора), затем, во исполнение предсказания, должна наступить очередь самой “бороды”. Если же следовать пересказу Предопределения Черномором:

Мне бороду мою отрубит,
Тебе — главу;

то финансово-кредитная система — в том виде, как она сейчас существует, — не состоялась бы. Но в реальной истории все идет по Корану: «Те, которые пожирают рост, восстанут только такими же, как восстанет тот, кого повергает сатана своим прикосновением. Это — за то, что они говорили: “Ведь торговля — то же, что рост”. А Аллах разрешил торговлю, но запретил рост» (Сура 2, аят 275). Это значит, что методология на основе Различения должна использоваться по ПРЯМОМУ назначению, а не НАОБОРОТ. Но это предполагает другой вид человеческих взаимоотношений и, следовательно, другой вид цивилизации. Чтобы войти в неё, Черномору следовало бы поставить Тору и Евангелие прямо, но в объективно складывающихся на Земле условиях (различная плотность расселения Человечества и, как следствие, различная скорость социального развития в разных регионах) бритоголовый карлик, завладев мечом, пока

использует его против матери-Природы и по сути занимается Богоборчеством, поскольку:

Имея самый глупый рост,
Умен как бес[1] *— и зол ужасно.*

И вот здесь мы вплотную подходим к вопросам, над разрешением которых билось и продолжает биться Человечество. Может ли “бес”, имея “самый глупый рост”, с помощью меча-методологии, действуя им “наоборот”, уничтожить и Природу, и Человечество как часть Природы. На этот счет имеются две различные точки зрения.

Первая: до современного человечества цивилизации на планете не было, и человечество в ходе глобального исторического процесса поднимается из фауны.

Вторая: современная глобальная цивилизация не является первой. Ей предшествовали другие цивилизации, в том числе и нечеловеческие, а современный глобальный исторический процесс — своеобразный подъем человечества после глобальной катастрофы, предшествовавшей цивилизации. Эта глобальная катастрофа могла быть катастрофой культуры, разрушением и забвением практически всей информации, накопленной предшествующей цивилизацией на уровне её социальной организации. Теперь идет освоение человечеством генетически обусловленного потенциала развития вида Человек Разумный.

Однако в любом из этих двух вариантов глобальный исторический процесс — частный процесс в глобальном эволюционном процессе биосферы Земли. Цель человечества в этом процессе — сформировать такой тип социальной организации и культуры, который бы позволил ему устойчиво существовать в биосфере планеты и со временем перейти на новую ступень эволюции, исчерпав данную общевселенской МЕРОЙ-ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕМ генетическую обусловленность своего развития.

Общевселенская МЕРА в нашем представлении — многомерная вероятностная матрица возможных состояний материи.

Современная цивилизация — технократическая. Она породила глобальный кризис, в котором сама стоит на грани глобальной катастрофы. Роль

[1] Еще раз заметим: в соответствии с пониманием демонического типа стооя психики выражение «умен как бес» — указует на проявление особенностей бесовского ума как ума, изолировавшегося в своей индивидуальности и, как следствие, противопоставившего себя Объективной реальности.

технократии в этом кризисе очевидна, но на её взаимоотношения с природой также имеется две крайние точки зрения.

Первая: поскольку вся технократия, вся техника — дьявольское, бесовское искушение и наваждение, то в результате её дальнейшего развития с лица планеты могут быть стерты не только отдельные, особо цивилизованные страны, но и вся современная биосфера Земли.

Вторая: поскольку природа в соответствии с многомерной общевселенской вероятностной матрицей возможных состояний стремится к эволюционному совершенству в отношении всех своих форм организации (в том числе и социальных) и в силу этого обладает свойством неуничтожимости, то в программе её развития должен быть заложен механизм, отторгающий все некачественные, непродуктивные биосистемы и любые разрушительные элементы. При этом непродуктивными считаются биосистемы, в которых естественные противоречия развития переходят в стадию антагонистических, а их разрешение сопровождается разрушением самих биосистем. Подобные системы с позиций многомерной вероятностной матрицы возможных состояний выглядят как некрасивые или “черные”. Они неизбежно терпят крах, какими бы благополучными ни казались. Напротив, в красивых, или, по-русски, “красных” (Красная площадь названа “красной” задолго до 1917 г.) системах естественные противоречия не переходят в стадию антагонистических, а разрешаются на созидательном уровне. Такие системы жизнестойки и продуктивны при любых формах организации материи, в том числе и социальных.

Естественно, оба варианта таких биосистем с общесуперсистемного уровня идентифицируются как антагонистические, а потому каждая, противостоящую себе, определяет как “черную”.

Вот теперь понятно, почему для Черномора книги с предсказанием его обреченности показались ему “черными”. Возможен ли союз меж такими системами? Нет, не возможен и Черномор это понимал, а потому — пока Голова “спорила”, карла всего лишь “горячился”, создавая видимость спора. Поскольку честный спор и не предусматривался (у спорящих разный уровень понимания), то разрешение его Черномор как бы предоставил судьбе, жребию или — в терминах Корана — майсиру.

“Оставим бесполезный спор, —
Сказал мне важно Черномор, —
Мы тем союз наш обесславим;
Рассудок в мире жить велит;
Судьбе решить мы предоставим,

Кому сей меч принадлежит”.

Сура 5, аят 92(90) оценивает роль майсира (жребия) так:
«О вы, которые уверовали! Вино, майсир, жертвенники, стрелы — мерзость из деяния сатаны. Сторонитесь же этого — может быть, вы окажетесь счастливыми!»
Интересный “майсир” придумал Черномор:

“К земле приникнем ухом оба
(Чего не выдумает злоба!),
И кто услышит первый звон,
Тот и владей мечом до гроба”.

Это только на первый взгляд кажется, что “майсир” — жребий, предложенный Черномором, безобиден. Немногим современникам, читающим поэму, известна старинная русская примета: «Слушают на распутье, на перекрестке: колокольчик — к замужеству, КОЛОКОЛ — К СМЕРТИ[1]» (см. Толковый словарь В.И.Даля). Поскольку Голова меч методологии, действующий на основе Различения, добыла без понимания того, что его использование предопределено Богом по мере нравственности потенциального владельца, то уловка “хитреца” завершается печально:

Сказал и лег на землю он.
Я сдуру тоже растянулся;
Лежу, не слышу ничего,
Смекая: обману его!
Но сам жестоко обманулся.

Обманывать, лгать — злонравно, а потому “сам жестоко обманулся”. В действительности же получилось: слышал звон, да не знает, откуда он. Это тоже народная мудрость и своеобразная мера уже известной формулы культурного сотрудничества: “Каждый работает в меру своего понимания

[1] Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что Черномор, формально говоря, все так и исполнил: предоставил Голове владеть мечом до гроба; другое дело, что все свершилось несколько не так, как это представляла себе Голова, что ещё раз заставляет вспомнить приводившееся ранее высказывание А.С. Хомякова о привнесенных извне формах, которые не могут служить истинному выражению соборной личности народа.

на себя, а в меру непонимания — на того, с кем бездумно и безнравственно[1] сотрудничает".

Но сам жестоко ОБМАНУЛСЯ.
Злодей в глубокой тишине,
Привстав, на цыпочках ко мне
Подкрался сзади, размахнулся;
Как вихорь, свистнул острый меч,
И прежде, чем я оглянулся,
Уж голова слетела с плеч —
И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННАЯ сила
В ней жизни дух остановила.

Другими словами, все, что выходит за рамки бездумного и нравственно не определившегося миропонимания, — чудо, сверхъестественная сила!

Мой ОСТОВ ТЕРНИЕМ оброс;
Вдали, в стране, людьми забвенный,
Истлел мой прах непогребенный;
Но злобный карла перенес
Меня в сей край уединенный,
Где вечно должен был стеречь
Тобой сегодня взятый меч.

Раскодирование текста поэмы может идти только на основе информационной базы великого русского языка. Да, согласно словарю В.И.Даля, «терновник — жидовник», а потому выражение «мой остов тернием оброс» раскрывает секрет многих бед нашего народа и отделенного от него правительства-Головы, которой все происходящее в стране кажется результатом "сверхъестественных сил". "Остов" — это костяк тела народного, генетически здоровое ядро нации. Он, конечно, не погиб, он лишь "тернием оброс", и потому для возрождения народа (превращения бездум-

[1] Безнравственный — нравственно не определённый, и нашим и вашим, «ни Богу свечка, ни черту кочерга»; благонравный — это понятно однозначно; злонравный — тоже. Безнравственность — объективное зло, но всё же не умышленное злонравие, как это ныне понимается, поскольку термин злонравный — почти полностью вышел из употребления в безнравственном обществе.

ной толпы в народ), как образно знаменует Пушкин, нужно очищение от терния-жидовника. Некоторым пушкинистам такая трактовка символа “остов” может не понравиться, но лишь потому, что они хотели бы и народ превратить в прах, и меч его освобождения по-прежнему держать под мертвой Головой. Однако, он уже у Руслана:

“О витязь! Ты храним судьбою,
Возьми его, и Бог с тобою!
Быть может, на своем пути
Ты карлу-чародея встретишь —
Ах, если ты его заметишь,
Коварству, злобе отомсти!”

Ах, Голова, Голова! В ней по-прежнему много эмоций и мало понимания. При чем здесь “коварство и злоба” мафии бритоголовых, когда, призывая всех соблюдать “права человека”, — она сама действует по произволу и в большинстве своем — по произволу злонравному, поскольку в ней отсутствует чувство меры. “Пощечина Голове” — это лишь первый шаг в борьбе Руслана с Черномором, продиктованный произволом нравственным, который только и может быть противопоставлен произволу злонравному.

Мы понимаем, что в общественном сознании господствует стереотип отрицательного отношения к слову “произвол”. Обратимся снова к В.И.Далю:

«ПРОИЗВОЛЕНЬЕ ср. ПРОИЗВОЛ, м. соизволение, согласие. Произвол, СВОЯ воля, ДОБРАЯ воля (о злой воле — ни слова. — Авт.), свобода выбора и действия, хотенье, отсутствие принужденья».

Если по-русски, то произвол — очень хорошее и полезное явление, далеко не тождественное деспотизму.

«Закон» же по В.И.Далю толкуется как «предел, поставленный свободе», талмудический терновник (жидовник), сковавший костяк народа русского. При этом следует понимать, что свобода — не вседозволенность. К сожалению, последнее напутствие Головы Руслану не позволяет нам убедиться в её способностях отличать злонравную талмудическую законность (современную юриспруденцию) от нравственно правого произвола.

“И наконец я счастлив буду,
Спокойно мир оставлю сей —

И в благодарности моей
Твою пощечину забуду".

«Спокойно мир оставлю сей» — указание на неизбежность разрушения толпо-“элитарной” пирамиды и завершение существования иерархии личностных отношений. Любое правительство, даже самое глупое и недальновидное, состоит все-таки из людей, как правило, лишенных свободы воли и действующих в интересах не народа в целом, а в интересах определенных “элитарных” групп. Счастье человека — в ладу с Богом и тварным Мирозданием, без чего и народное единство невозможно.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

П еснь четвертая” — о развитии чувства Меры, которое является основой Различения и, следовательно, основой формирования нравственности. В ней мы встречаемся с осознанием Пушкиным того, что глубина и развитость чувства Меры позволяет человеку жить в согласии с Божьим промыслом. Об этом подробнее — ниже в “Необходимом отступлении”. А пока:

Я каждый день, восстав от сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что в наши времена
Волшебников не так уж много.

Так поэт предупреждает, что с его появлением сфера “чуда старых дней” значительно сужается, а “волшебникам” в недалеком будущем придется уступить свое место людям, раскрывающим “НОУ-ХАУ” замыслов управления социальными системами в глобальном историческом процессе.

К тому же — честь и слава им! —
Женитьбы наши безопасны[1]*...*
Их замыслы не так ужасны
Мужьям, девицам молодым.

В издании 1820 г. было важное добавление:

Неправ фернийский злой крикун!
Все к лучшему: теперь колдун
Иль магнетизмом лечит бедных
И девушек, худых и бледных,
Пророчит, издает журнал, —
Дела, достойные похвал.

---

[1] К сожалению, это не для всех. В том числе и для самого А.С.Пушкина.

«Фернийский злой крикун» — Вольтер. В чем же он не прав? Пушкин спорит с его сказкой “Что нравится дамам”, в которой Вольтер, один из главных идеологов Великой Французской революции, масон, демонстрирует свое извращенное понимание Различения.

О счастливое время этих сказок,
Добрых демонов, домашних духов,
Бесенят, помогающих людям.

(Перевод с французского. А.С.Пушкин, ПСС, т. IV, 1957 г.).

Двое известных в Европе просветителей, представителей голубого, Иоаннова масонства, Вольтер и Лейбниц, нескромным шумом своих ссор смешили публику на уровне третьего, идеологического приоритета обобщенного информационного оружия в интересах Глобального Предиктора, о котором, как посвященные, они не имели ни малейшего представления. Лейбниц, проповедовавший ничем не обоснованный оптимизм, твердил “Все к лучшему”; Вольтер сатирической сказкой “Кандид” с тех же позиций возражал ему. Пушкин предупреждает, что им обоим верить нельзя, ибо они лукавы:

Но есть волшебники другие,
Которых ненавижу я:
Улыбка, очи голубые
И голос милый — о друзья!
Не верьте им: они лукавы!
Страшитесь, подражая мне,
Их упоительной отравы
И почивайте в тишине.

В сущности, это первый серьезный выпад против масонства, если не считать его полушутливого, но достаточно дерзкого обращения к своему покровителю и духовному опекуну, Александру Ивановичу Тургеневу. Александр Иванович — старший в масонском семейном клане братьев Тургеневых, обладавший вследствие этого самой высокой степенью посвящения. Принимая деятельное участие в заговоре декабристов, он тем не ме-

нее вышел сухим из воды, так как был «слишком счастливый гонитель и езуитов[1], и глупцов». Его подлинная роль в жизни и смерти Первого Поэта России до сих пор тщательно скрывается русским масонством, которое всегда было лишь инструментом в руках руководителей лож различных ритуалов. Чтобы отвести от него малейшие подозрения, наши современные масоны подсовывают профанам в примечаниях к "Руслану и Людмиле" сошку помельче:

«В качестве современных колдунов Пушкин называет последователей Месмера, лечивших "магнетизмом" (смесью гипноза с чистым шарлатанством), и в особенности мистиков, игравших в те годы крупную роль в придворных кругах и возглавлявших политическую реакцию (Голицын, Магницкий, Рунич). Однако ближайшим образом имеется в виду масон Лабзин, издававший журнал "Сионский вестник" (1817 — 1818)» (ПСС А.С.Пушкина, под редакцией проф. Б.В.Томашевского, изд. 1957, т. IV, с. 582).

С точки зрения Б.В.Томашевского, Голицын, Магницкий и др., пытавшиеся открыто противостоять проникновению масонской чумы, — мистики, возглавлявшие политическую реакцию; ну а кто не удовлетворится столь примитивной ложью, диктуемой масонской дисциплиной даже во времена "реакции сталинизма", — жуйте "масона Лабзина" и его "Сионский вестник".

Мы затронули А.И.Тургенева не случайно. Этот человек устраивал Пушкина в Лицей, внимательно вслушивался в последние, предсмертные слова поэта и провожал гроб с его телом в Михайловское. В сущности А.И.Тургенев от имени масонства пытался в обход сознания через подсознание поставить под контроль гений Пушкина, все его творчество. И только убедившись, что эта миссия ему не под силу, что мера понимания поэта выше меры понимания "самых, самых посвященных", Тургенев бросает белую перчатку в гроб с телом Пушкина, признавая тем самым поражение масонства в борьбе двух уровней понимания.

До революции об этом наши соотечественники, видимо, какое-то представление имели:

«В особенности внимательно следил за работою молодого своего друга А.И.Тургенев, который еще в конце 1817 г. настойчиво требовал от Пушкина окончания поэмы и затем постоянно сообщал кн. Вяземскому о том, как подвигается

[1] В старых изданиях принята такая форма написания слова «иезуитов».

это дело. Так, 3 декабря 1818 г. он писал: “Пушкин уже на 4-й песне своей поэмы, которая будет иметь всего шесть. То ли дело, как 20 лет ему стукнет! Эй, старички, не плошайте!”»

Через 12 лет, в октябре 1830 г. Пушкин ответит на призыв к неправым (кривым старичкам) своего покровителя в четвертой октаве “Домика в Коломне”:

*Уж люди! Мелочь, **старички кривые**,*
А в деле всяк из них, что в стаде волк!

А после написания и чтения друзьям пятой песни в августе 1819 г. в письме тому же Вяземскому Тургенев пишет: **«Что из этой головы лезет! Жаль, если он её не сносит...»** Последующие письма А.И.Тургенева, выдержки из которых мы приводим по ПСС А.С.Пушкина под редакцией П.О.Морозова, изд. 1909 г., с. 4 — 6, пестрят сетованиями на то, что Пушкин не спешит остепениться и попасть в Академию. Другими словами, он сетует, что целостное мировоззрение поэта не поддается воздействию всякого рода посвящений в обход сознания в системе Академии. Здесь самое время привести ответ Пушкина на настойчивые требования Тургенева об окончании поэмы 8 ноября 1817 г.

Тургенев, верный покровитель
Попов, евреев и скопцов,
Но слишком счастливый гонитель
И езуитов, и глупцов,
И лености моей бесплодной,
Всегда беспечной и свободной,
Подруги благотворных снов!
К чему смеяться надо мною,
Когда я слабою рукою
По лире с трепетом брожу
И лишь изнеженные звуки
Любви, сей милой сердцу муки,
В струнах незвонких нахожу?
Душой предавшись наслажденью,
Я сладко, сладко задремал.
Один лишь ты с глубокой ленью

К трудам охоту сочетал;
Один лишь ты, любовник страстный
И Соломирской, и креста,
То ночью прыгаешь с прекрасной,
То проповедуешь Христа.
На свадьбах и в Библейской зале,
Среди веселий и забот,
Роняешь Лунину на бале,
Подъемлешь трепетных сирот;
Ленивец милый на Парнасе,
Забыв любви своей печаль,
С улыбкой дремлешь в Арзамасе
И спишь у графа де Лаваль;
Нося мучительное бремя
Пустых иль тяжких должностей,
Один лишь ты находишь время
Смеяться лености моей.
НЕ ВЫЗЫВАЙ МЕНЯ ТЫ БОЛЕ
К НАВЕК ОСТАВЛЕННЫМ ТРУДАМ,
НИ К ПОЭТИЧЕСКОЙ НЕВОЛЕ,
НИ К ОБРАБОТАННЫМ СТИХАМ.
Что нужды, если и с ошибкой
И слабо иногда пою?
Пускай Нинета лишь улыбкой
Любовь беспечную мою
Воспламенит и успокоит!
А труд и холоден и пуст;
ПОЭМА НИКОГДА НЕ СТОИТ
УЛЫБКИ СЛАДОСТРАСТНЫХ УСТ.

Не надо думать, что это послание не имеет никакого отношения к “Руслану и Людмиле”. Здесь не только отвергаются наглые притязания «голубоглазых волшебников с их упоительной отравой», но и самим им дается точная и беспощадная характеристика. Для тех, кто посчитает досужим домыслом такую трактовку обращения Пушкина к А.И.Тургеневу, сошлемся лишь на характеристику, данную ему ближайшим другом обоих — П.А.Вяземским:

«Александр Тургенев был типичная, самородная личность, хотя не было в нем цельности ни в характере, ни в уме. (Самый лучший материал для вовлечения в масонство. — Авт.). Он был натуры эклектической... В нем встречались и немецкий педантизм, и французское любезное легкомыслие, — все это на чисто русском грунте, с его блестящими свойствами и качествами, а, может быть, частью — и недостатками его. Он был умственный космополит; ни в каком участке человеческих познаний не был он, что называется, дома, но ни в каком участке не был он и совершенно лишним».

Эта характеристика опубликована в примечаниях к "Тургеневу", которые заканчиваются следующим образом:

«Послание Пушкина и является ответом на "приставания" Тургенева, требовавшего работы над "Русланом"» (ПСС А.С.Пушкина под ред. П.О.Морозова. Санкт-Петербург, 1909 г., т. I, с. 523 — 524).

Мы вынуждены были перенести внимание читателя в непростую атмосферу того времени, которая многим нашим современникам кажется возвышенной и даже романтической. Нет, информационная война шла всегда и на уровне всех приоритетов. Технология её ведения тогда, возможно, была изящнее: до пошлых терцевских и маминских "прогулок с Пушкиным" и "бакенбардов" не опускались. Советы давались "милым и лукавым" тоном, ибо приятели, а также числившие себя таковыми, были уже знакомы с предупреждением поэта от 25 января 1825 года:

Приятелям

Враги мои, покамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого:
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу нежданный, беспощадный.
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.

Со времени написания “Руслана и Людмилы” прошло пять лет. Перед нами по-прежнему самый глубокий уровень понимания и самый высокий уровень глобальной ответственности: образ кружащего ястреба — образ Глобального Предиктора. “Опекун” Тургенев спешил и торопил завершение поэмы, но девятнадцатилетний Пушкин не признавал “поэтической неволи”. “Четвертой песнею” он сдавал экзамен на владение мечом методологии на основе Различения. Критики, увидевшие в ней лишь пародию на поэму В.А.Жуковского, сами Различением не владели и потому, как и многие современные пушкинисты, стремились опустить Пушкина до своего уровня понимания, а не подняться на “порог его хижины”. “Четвертая песнь” — это своеобразный вызов “северному Орфею” XIX века, чью «лиру музы своенравной во лжи прелестной» решил обличить Пушкин.

Поэзии чудесный гений,
Певец таинственных видений,
Любви, мечтаний и чертей,
Могил и рая верный житель,
И музы ветреной моей
Наперсник, пестун и хранитель!
Прости мне, северный Орфей,
Что в повести моей забавной
Теперь вослед тебе лечу
И лиру музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.

Столь необычное обращение молодого поэта к очень популярному в то время 35-летнему В.А.Жуковскому было продиктовано определенными обстоятельствами, без раскрытия которых невозможно раскрыть символику системы образов “Руслана и Людмилы”.

Поэма-баллада “Двенадцать спящих дев”, состоящая из двух частей: “Громобой” и “Вадим”, была закончена в 1817 г. В ней В.А.Жуковский использовал сюжет немецкого романа Х.-Г. Шписа “Двенадцать спящих дев, история о привидениях”, основанного на средневековых католических легендах о грешниках, предающих душу дьяволу, а затем религиозным покаянием искупающих свою вину. “Северный Орфей” событие средневековой феодальной Германии переносит во времена Киевской Руси, которая не только феодализма, но даже рабовладения еще не проходила. Тщательно приправляя этот калейдоскоп древнерусским колоритом, «могил и рая верный житель» помимо воли создает вычурные картины с претензией

на древнерусский эпос. Могло ли целостное мировосприятие Пушкина пройти мимо столь «прелестной лжи»? Ведь он своей “ветреной музой” вскрывал технологию любого “чуда старых дней”. А Жуковский к своему творению приложил эпиграф из первой части “Фауста” Гете:

“ЧУДО — ЛЮБИМОЕ ДИТЯ ВЕРЫ!”[1]

Там, где чудо правит бал, методологии на основе Различения добра и зла нет места, а пониманию общего хода вещей в сознании любого, даже очень талантливого художника, противостоит калейдоскоп “добрых” и “злых” случайностей. При этом “стекляшки” в заморской игрушке, легко меняясь местами, могут действительно создавать иллюзию реальности приЧУДливых картин мироздания. Возможно поэтому Гете, по словам Карлейля, «видел себя окруженным со всех сторон чудесами и сознавал, что все естественное в сущности — сверхъестественное»[2].

И вот Пушкин делает довольно смелый шаг по меркам того времени. Он кратко, в 32 строки укладывает причудливый калейдоскоп В.А.Жуковского, состоящий из 1832 строк. 32 строки у В.А.Жуковского — вступление к поэме “Двенадцать спящих дев” — совпадают с пушкинскими 32 строками только по ритму.

Друзья мои, вы все слыхали,
Как бесу в древни дни злодей
Предал сперва себя с печали,
А там и души дочерей;
Как после щедрым подаяньем,
Молитвой, верой, и постом,
И непритворным покаяньем
Снискал заступника в святом;
Как умер он и как заснули
Его двенадцать дочерей:
И нас пленили, ужаснули
Картины тайных сих ночей,

[1] Но оба они забыли уточнить: веры в Бога, являющейся результатом **неверия Богу Лично,** вследствие чего связь-религия рвется, разрушается единство мирского и религиозного, и субъект, сталкиваясь с “мистикой” совершенно перестает понимать её всё более погружаясь в веру в Бога, в чертей и т.п.

[2] Это и есть выражение «веры в…», заместившей веру Богу Лично.

Сии чудесные виденья,

Сей мрачный бес, сей божий гнев,
Живые грешника мученья
И прелесть непорочных дев.
Мы с ними плакали, бродили
Вокруг зубчатых замка стен,
И сердцем тронутым любили
Их тихий сон, их тихий плен;
Душой Вадима призывали,
И пробужденье зрели их,
И часто инокинь святых
На гроб отцовский провожали.
И что ж, возможно ль?.. нам солгали!
Но правду возвещу ли я?..

В издании 1820г. другое окончание:

Дерзну ли истину вещать?
Дерзну ли ясно описать
Не монастырь уединенный,
Не робких инокинь собор,
Но... трепещу! в душе смущенной
Дивлюсь — и потупляю взор.

Внешне это был поединок представителей двух поколений русской словесности. Не будем забывать, что к началу состязания — 1817 году — Пушкин был вдвое моложе очень популярного и очень плодовитого Жуковского. В действительности же это был поединок двух разных уровней понимания, в котором достоинства владения мечом методологии на основе Различения были на стороне молодости и таланта совершенно своеобразного, а потому В.А.Жуковский, как человек истинно русский и более озабоченный славою русской поэзии, чем личной популярностью, признал свое поражение, знаменующее новую победу российской словесности. **«Победителю ученику от побежденного учителя в сей высокоторжественный день, в который он окончил поэму “Руслан и Людмила”, —**

1820, марта 26, великая пятница». Этой надписью сопроводил Жуковский свой портрет, подаренный Пушкину в день окончания поэмы.

Критика же, не владевшая Различением, бодро демонстрировала свой уровень понимания:

«Обращением к Жуковскому в этой песне пародируется его поэма “Двенадцать спящих дев”. Зависимость Руслана от этой поэмы Жуковского была указана А.И.Незеленовым: он обратил внимание на то, что в обеих поэмах рассказывается о похищении киевской княжны и появляются 12 прекрасных дев. Только Вадим Жуковского РАЗДЕЛИЛСЯ у Пушкина на две личности — на Руслана и на Ратмира: первый отправляется на поиски за княжной, а второй увлекается 12-ю девами. Великан Жуковского, похитивший княжну, также РАЗДВОИЛСЯ у Пушкина: на карлу-Черномора и его брата-Голову; Руслан борется и с тем, и с другим. Святой угодник Жуковского превратился у Пушкина в Финна, бес — в Наину; как угодник и бес состязаются из-за Громобоя, так Финн и Наина спорят и враждуют из-за Руслана; как Вадим, так и Руслан привозят в Киев похищенную княжну. Против этого мнения высказывался профессор П.В.Владимиров; он указывает на то, что Пушкин хотел противопоставить “прелестной лжи” романтических поэм “печальную истину”, основанную на “преданьях старины глубокой” и на естественном взгляде на человека и его страсти».

В этом комментарии к “Песне четвертой” (ПСС А.С.Пушкина, под ред. П.О.Морозова, изд. 1909 г., т. 3, с. 608) словами “разделился”, “раздвоился” А.И.Незеленов на уровне подсознания признает за Пушкиным способность к Различению. В то же время сам, не обладая Различением, на уровне сознания он оценивает любое новое явление, в том числе и в литературе, только с позиций толпо-“элитаризма”: 35-летний В.А.Жуковский — авторитет, 19-летний А.С.Пушкин — мальчишка, способный не более чем, как к подражанию авторитету.

Пушкин, раскрывающий содержательную сторону любого “чуда”, видит общий ход вещей — глобальный исторический процесс и место в нем России. Для него Руслан, Рогдай, Ратмир, Фарлаф — образы реальных сил, играющих каждый свою историческую роль в становлении государственности России. Для Жуковского, не обладающего Различением, Россия в

глобальном историческом процессе — “волшебный край чудес”, и потому все эти силы сливаются в образе Вадима.

Верь тому, что сердце скажет,
Нет залогов от небес:
Нам лишь ЧУДО ПУТЬ УКАЖЕТ
В сей волшебный край чудес.

Этими строками из Шиллера Жуковский сопроводил вторую часть поэмы “Вадим”. Но эти же строки демонстрирует и его меру понимания подлинных движущих сил истории. Упование на чудо — закономерный итог для всех, лишенных Различения, что в наши дни характерно и для православных, и для марксистских “патриотов”.

Не затрагивая внешней, столь привлекательной для обыденного сознания стороны вписания хазарского хана административным аппаратом Черномора, мы постараемся раскрыть содержание самого процесса вписания. Выше было показано, что Ратмир был одним из витязей, впервые оказавшихся на цирковом представлении с “чудом” исчезновения Людмилы, устроенном Черномором. И хотя все зрители, не исключая и Фарлафа, механизма “чуда” не понимали, «полному СТРАСТНОЙ ДУМЫ» Ратмиру уже в “Песне первой” было суждено пасть жертвой черных замыслов Черномора. Однако, в отличие от Рогдая, Ратмир был вписан с применением обобщенного информационного оружия уровня третьего приоритета — идеологического. Чтобы понять механизм вписания на этом уровне, следует вновь обратиться к третьему наставлению Пушкина из “Песни второй” по поводу губительности страстей.

Восторгом витязь упоенный
Уже забыл Людмилы пленной
Недавно милые красы;
Томится сладостным желаньем;
Бродящий взор его блестит,
И, полный страстным ожиданьем,
Он тает сердцем, ОН ГОРИТ.

Когда нет понимания, а думы полны страсти, то жертвенное всесожжение любого барана (хазарский — не исключение) легче всего осуществлять на идеологическом уровне.

Как и все черные дела, это дело Черномора совершается ночью, при свете луны.

ЛУНОЮ ЗАМОК ОЗАРЕН;
Я вижу терем отдаленный,
Где витязь томный, воспаленный
Вкушает одинокий сон;
Его чело, его ланиты
Мгновенным пламенем горят;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манят;
Он страстно, медленно вздыхает,
Он видит их — и в полном сне
Покровы к сердцу прижимает.
Но вот в глубокой тишине
Дверь отворилась; пол ревнивый
Скрыпит под ножкой торопливой,
И ПРИ СЕРЕБРЯНОЙ ЛУНЕ
Мелькнула дева.

Дело девы черное, лицемерное. С её помощью Черномор без лишних слов натянул на родовую военную знать хазарского племени колпак священного писания иудаизма.

В молчанье дева перед ним
Стоит недвижно, бездыханна,
Как лицемерная Диана
Пред милым пастырем своим;

Артемида — в греческой, Диана — в римской мифологии — богиня Луны. Храм Дианы в Риме находился на Авентинском холме и она считалась защитницей плебеев и рабов. В латинском городе Ариции культ Дианы был связан с жертвоприношениями, и ЕЁ ЖРЕЦОМ МОГ БЫТЬ ТОЛЬКО РАБ. Так “милый пастырь” в сладострастном стремлении стать жрецом иудаизма превратился в послушного раба “пастушки милой”. В данном контексте “пастушка милая” — один из многочисленных образов Наины — оборотня, зомби. Её ласковая любовь к управленческой элите любого

народа всегда оборачивалась рабством самих народов. На эту особенность взаимоотношений представителей кадровой базы самой древней и самой богатой мафии с другими народами обратил в начале XX века внимание В.В.Розанов.

«Еврей всегда начинает с услуг и услужливости, а кончает властью и господством. Оттого в первой фазе он неуловим и неустраним. Что вы сделаете, когда вам просто “оказывают услугу”? А во второй фазе никто уже не может с ними справиться. “Вода затопляет все”. И гибнут страны и народы.

“Услуги” еврейские, как гвозди в руки мои, “ласковость” еврейская как пламя обжигает меня, ибо, пользуясь этими “услугами”, погибнет народ мой, ибо обвеянный этой “ласковостью”, задохнется и сгниет народ мой.»

(В.В.Розанов,
“Опавшие листья”, Короб первый).

Вспомним в связи с этим песню — ласковое приглашение девы:

“У нас найдешь красавиц рой;
Их нежны речи и лобзанье.
Приди на тайное призванье,
Приди, о путник молодой!”

и сцену его встречи с двенадцатью девами:

Она манит, она поет;
И юный хан уж под стеною;
Его встречают у ворот
Девицы красные толпою;
ПРИ ШУМЕ ЛАСКОВЫХ РЕЧЕЙ
ОН ОКРУЖЕН; с него не сводят
Они пленительных очей;
ДВЕ ДЕВИЦЫ КОНЯ УВОДЯТ;
В чертоги входит хан младой,
ЗА НИМ ОТШЕЛЬНИЦ МИЛЫЙ РОЙ;
Одна снимает шлем крылатый,
Другая кованые латы,

Та меч берет, та пыльный щит;
Одежда неги заменит
Железные доспехи брани.

Пушкин в образной форме передает нам, своим потомкам, веками отработанный процесс пленения народов. Сначала мафиозный тандем отделяет национально-государственную “элиту” от народа, а затем, используя её страсть к наслаждениям (по-гречески — гедонизм), разрушает и уничтожает государственность народа, превращая его в безнациональную толпу.

В поэме показано, что Ратмир, как и Рогдай, бездумно бросившись на поиски Людмилы, ушел недалеко. Интересно отметить, что, раскрывая содержательную сторону процесса вписания Ратмира, Пушкин дважды в этой песне упоминает слово «рой». В Толковом словаре живого великорусского языка В.И.Даля слову «рой» соответствуют следующие пословицы: «Не далеко пошел, да рой нашел». «Без матки рой не держится». Матка роя “милых отшельниц” — Глобальный надиудейский предиктор. Своих ресурсов у него нет, поэтому, несмотря на кажущиеся внешние различия, есть в судьбе жертв Черномора и нечто общее.

Ведь это Руслан «с седла наездника срывает». Ратмира также лишают коня, но уводят его две девицы из толпы “милых отшельниц”. Однако результат один: управленческая “элита”, отделенная от национальной толпы, неизбежно попадает в зависимость от Глобального Предиктора и рабски служит уже не своему народу, а Черному Мору. У Фарлафа никто коня не отбирает. Он сам вылетел из седла из-за собственной трусости. Фарлафу коня привела Наина, а потому он раб особенный, отличающийся от любой национальной управленческой “элиты” особым рабским послушанием Черномору: на уровне подсознания у Фарлафа внутренние запреты по части идентификации своего хозяина-Черномора и самоидентификации собственного рабства. Единственный, кто пока еще не расстался со своим “конем” и кто по-прежнему верен Люду Милому, — это Руслан. Поэтому, обличив в «прелестной лжи» своенравную музу “северного Орфея”, Пушкин вновь возвращается к Руслану.

Оставим юного Ратмира;
Не смею песней продолжать:
Руслан нас должен занимать,
Руслан, сей витязь беспримерный,
В душе герой, любовник верный.

Поскольку Руслан поставил перед собой задачу — освободить Люд Милый, то есть вывести его из-под контроля Глобального Предиктора, то естественно, что успешное решение этой задачи возможно лишь при условии перехвата управления общественными процессами Внутренним Предиктором России на глобальном уровне. Отсюда становится понятным и главное назначение меча — методологии на основе Различения.

Под методологией мы понимаем систему осознанных человеком стереотипов распознавания явлений внешнего и внутреннего миров и формирования их образов и отношений между ними. Иными словами, методология — осознание наиболее общих закономерностей бытия всего сущего и РАЗЛИЧЕНИЕ наиболее общих закономерностей в их частных, конкретных проявлениях. Последнее требует воспитания в себе культуры мышления. Другими словами, информационный обмен, прямой и обратный, между сознанием и подсознанием, то есть между процессным (образным) и дискретным (абстрактным) мышлением должен протекать с минимальными потерями и искажениями информации. Антагонизм различных информационных модулей, естественно, должен идентифицироваться, а причины антагонизма вскрываться.

Различное отношение к антагонизмам порождает два вида философской культуры. Первый тип — ДОГМАТИЧЕСКАЯ философия. При ней сознание и подсознание отметают, как несуществующее, все, что противоречит догмам писания, признанного “священным” и неусомнительным. Все, что “не лезет” в догматы писания, срезается этими ножницами с любого знания, до которого человек дошел сам, или получил извне.

Второй тип — МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ философия, исходящая из принципа: «Истина, став безрассудной верой, вводит в самообман». Сомнение не разрушает истины, но позволяет глубже постичь её. В этой философской культуре появление нового знания, которое “не лезет” в прежние догматы, ведет к корректировке прежних представлений о Мире.

В послеязыческие времена в обществе доминировала догматическая культура мышления. В XX веке она стала определяющей в евро-американском конгломерате. Единственной методологической философией, навязываемой обществу открыто и так же со временем обращенной в неусомнительную догму, был диалектический материализм. И хотя в это же время существовали тайные методологические учения в рамках разного рода эзотеризма, для большинства они были закрыты, или, как теперь принято говорить, — загерметизированы. В двадцатом столетии миновать хотя бы формального изучения диалектического материализма было невозможно не только в России: были Китай и “страны народной демократии”; но у России был самый длительный период пропаганды диамата, охвативший

становление трех — четырех поколений. Отсюда понятно, почему именно Руслану первому удалось овладеть мечом Различения — методологической философией.

В рамках этой философии Вселенная представляется как целостный процесс-триединство:

МАТЕРИИ, ИНФОРМАЦИИ, МЕРЫ.

В последнем по времени откровении, полученном Человечеством с более высоких уровней организации Объективной реальности, это знание изложено в терминах Корана: «Аллах создал всякую вещь и размерил её мерой» (Сура 25, именуемая «Различение». Аят 2). Другими словами, всякая вещь материальна и обладает набором информационных характеристик сообразно мере.

По отношению ко всей материи и информации Вселенной МЕРА, в рамках современной терминологии, выступает в качестве многомерной вероятностной матрицы возможных состояний. Многомерная информационная матрица возможных состояний — МЕРА всех вещей; она пребывает во всем и все пребывает в ней. Благодаря этому любой фрагмент Вселенной содержит в себе все остальные.

Благодаря МЕРЕ мир целостен. Его фрагментарность — особенность мировосприятия человека, не обладающего полнотой МЕРЫ. Мера объективна в триединстве Вселенной, но выбор частных мер всегда субъективен и возможен из множества уже освоенного на прошедших этапах развития мировоззрения человека. Так что мировосприятие каждого человека обусловлено его мерой Различения.

Поскольку цели управления всегда формируются конкретным человеком (в рассматриваемом случае — Русланом или Черномором), то управление всегда носит субъективный характер. В то же время субъективное управление может быть реализовано лишь в отношении объективных процессов. У человека, которому не дано Различение, может возникнуть иллюзия существования объективного процесса и, как следствие этого, иллюзия управления им, но его разочарование при этом будет вполне объективным.

Кратко перечислив всевозможные чудесные преграды, возникающие на пути Руслана, Пушкин с удовлетворением отмечает растущую способность своего героя не поддаваться влечению страстей, отличать волшебные сны от реальности и не реагировать на иллюзии, отвлекающие от основной цели — спасения Людмилы.

То бьется он с богатырем,
То с ведьмою, то с великаном,

То лунной ночью видит он,
Как будто сквозь волшебный сон,
Окружены седым туманом,
Русалки, тихо на ветвях
Качаясь, витязя младого
С улыбкой хитрой на устах
Манят, не говоря ни слова...
Но, ТАЙНЫМ ПРОМЫСЛОМ ХРАНИМ,
Бесстрашный витязь невредим;
В его душе ЖЕЛАНЬЕ ДРЕМЛЕТ,
Он их не видит, им не внемлет,
Одна Людмила всюду с ним.

Согласно “Толковому словарю живого великорусского языка” В.И.Даля: «Промысел Божий, провиденье, попеченье о вселенной и о человеке, устройство всего созданного. Промысел Божий НЕИСПОВЕДИМ». Неисповедим — значит тайный. Руслан, овладевший мечом методологии на основе Различения, познает и главное таинство вселенной. Это таинство раскрывается через познание вселенной, как процесса-триединства материи, информации, меры.

Другими словами, МАТЕРИЯ проявляет себя в различных ФОРМАХ по МЕРЕ развития ВСЕЛЕННОЙ.

Мы уже отмечали выше, что с Людом Милым, “Русской красавицей”, попавшей в плен Черномора, у мафии бритоголовых всегда были трудности. Эти трудности — в особенностях русского аршина, который аршином общемафиозным — вплоть до наших дней — никак измерить не удавалось. Русский аршин — мировоззрение Людмилы — есть единственная в своем роде мера. Её уникальность — объективна, ибо определяется самой низкой начальной плотностью расселения племен славянского этноса в ареале своего обитания. В силу этих объективных причин особенность мировоззрения Люда Милого проявляется в его уникальной способности вписывать, то есть согласовывать со своим вектором целей, пребывающем в ладу с вектором целей Природы и Бога, любое чуждое, даже навязываемое, силой мировоззрение. Другими словами, логика социального поведения русского народа и всех народов, связавших братским союзом с ним свою судьбу, всегда отличалась от библейской логики социального поведения, навязываемой миру бритоголовым братством, по крайней мере, в последние три тысячелетия. Но подлинные трудности горбатого урода начались после того, как Людмила “ухватила” последний писк моды из

“ателье Черномора” — колпак марксистско-ленинского “Священного писания”, основой которого являлся “диалектический материализм”.
Три поколения Люда Милого, пребывая с другими красавицами в плену Черномора, приспосабливали последний шедевр моды бритоголовой мафии к использованию в своих интересах. Благодаря особенностям своего мировоззрения Людмила уже почти приладила этот колпак в качестве волшебной шапки, охраняющей её от наглых притязаний Черномора и позволяющей даже в условиях плена пользоваться относительно большей, по сравнению с другими красавицами, свободой.

Но между тем, никем незрима,
От нападений колдуна
Волшебной шапкою хранима,
Что делает моя княжна,
Моя прекрасная Людмила?

Есть хорошая русская пословица — ответ на этот вопрос: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем».

Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляет по садам,
О друге МЫСЛИТ и вздыхает
Иль, ВОЛЮ ДАВ СВОИМ МЕЧТАМ,
К родимым киевским полям
В забвенье сердца улетает;
Отца и братьев обнимает,
ПОДРУЖЕК ВИДИТ МОЛОДЫХ
И старых мамушек своих —
Забыты плен и разлученье!
Но вскоре бедная княжна
Свое теряет заблужденье
И вновь уныла и одна.

О! В эти тринадцать строк Пушкин сумел уложить в образной форме всю семидесятилетнюю историю Союза, в который, «волю дав своим мечтам», искренне пыталась сплотить Великая Русь! Люд Милый — народ русский в других народах Союза действительно видел не “малые народы”, а “подружек молодых”. Великое заблужденье и разочарование пришлось в по-

следние десять лет пережить Людмиле и вновь почувствовать себя уныло одинокой. И дело не только в том, что Людмила постоянно “вздыхала” о собственной концепции управления, альтернативной библейской. Это “преступление” Черномор ей бы простил: люди добрые “вздыхайте” на здоровье, можете даже помечтать о чем-нибудь таком, что было бы ни на что в мире не похоже! Не возбраняется даже мечтать о своей самобытности! Но не смейте мыслить о собственной, независимой от библейской, концептуальной власти ! Это уже преступление в глазах Черномора. Но еще большим преступлением в его глазах является способность простого народа изложить мысли о концептуальной власти в четких лексических формах, ибо это уже представляет реальную опасность для существования самого Черномора. А вдруг мыслить начнут не только “молодые подружки” Людмилы, но и другие пленницы колдуна. Или, хотя это и маловероятно, вдруг обретет способность мыслить самая первая и самая преданная пленница — Наина. Тогда уж точно конец всей толпо-“элитарной” пирамиде.

Такого хода развития событий Черномор, конечно же, допустить не мог. Вот уже тысячу лет он считал Людмилу своей собственностью де-юре. Его терпению пришел конец: пора проучить эту невесть что возомнившую о себе “красавицу” и превратить её в собственность Глобального надиудейского Предиктора де-факто!

Жестокой страстью уязвленный,
Досадой, злобой омраченный,
Колдун решился наконец
Поймать Людмилу непременно.

До тех пор, пока Черномор действовал в строгом соответствии с расчетом, опираясь на понимание объективных процессов, идущих в соответствии с «законом времени», его замыслам никто не мог противостоять. Но поскольку против «времени закона» его наука оказалась не сильна (о чём карла похоже и не подозревал), то злой волшебник перестал понимать объективные процессы, идущие в обществе, после чего в его деятельности возобладали страсти. Разум, страстью уязвленный и злобой омраченный, может не только наломать дров, но и подтолкнуть его обладателя на поступки, превращающие его в посмешище.

Так Лемноса хромой кузнец,
Прияв супружеский венец

Из рук прелестной Цитереи,
Раскинул сеть её красам.
Открыв насмешливым богам
Киприды нежные затеи...

Хромой кузнец острова Лемнос — Гефест (Вулкан), бог подземного огня, супруг богини Венеры (Афродиты, Цитереи, Киприды). Она изменяла ему с богом войны Аресом (Марсом). Застав спящих любовников, Гефест накрыл их изготовленной им сетью и призвал богов в свидетели супружеской измены. БОГИ ПОСМЕЯЛИСЬ НАД НИМ!
Поэт приводит этот эпизод из древнегреческой мифологии, чтобы в образной форме показать финал коварных замыслов незадачливого любовника. В шестой песне читатель увидит во что воплотится смех богов:

Лишенный силы чародейства,
Был принят карла во дворец.

В качестве кого мог быть принят горбатый карлик? Только в качестве шута! Так посмеются боги (а вместе с ними и Пушкин — «живой орга́н богов») над мафией бритоголовых. Но прежде чем это произойдет, Руслану и Людмиле суждено будет преодолеть ряд испытаний, главной причиной которых в рамках толпо-“элитарной” терминологии будут доверчивость Руслана и Людмилы, а в рамках Достаточно Общей Теории Управления — остатки неизжитого интеллектуального иждивенчества.

Скучая, бедная княжна
В прохладе мраморной беседки
Сидела тихо близ окна
И сквозь колеблемые ветки
Смотрела на цветущий луг.

Чуть раньше, рассказывая как Людмила забавлялась, скрываясь от «рабов влюбленного злодея», поэт отмечает, что красавица:

“... только проливала слезы,
Звала супруга и покой,
Томилась грустью и зевотой”.

Вот и благонамеренный П.А.Столыпин просил дать России двадцать лет покоя, чтобы сделать её великой. А результат все тот же — отрезанная голова. А ведь есть в русском народе хорошая пословица на этот счет: «С волками жить — по-волчьи выть!» Россия — не Швейцария! Два послевоенных поколения Люда Милого прожили в покое. При этом одни — скучали, мечтали, хрипели на кухнях песни под гитару, приговаривая — “всё не так, всё не так, ребята”; другие — учились мыслить. Но большинство всё же пребывало в покое и при этом бездумно произносило всякие слова по части того, что им мнилось:

Вдруг слышит — кличут: “Милый друг!” —
И видит верного Руслана.
Его черты, походка, стан;
Но бледен он, в очах туман,
*И на **бедре живая рана** —*
В ней сердце дрогнуло. “Руслан!
Руслан!.. он точно!" И стрелою
К супругу пленница летит,
В слезах, трепеща, говорит:
“Ты здесь... ты ранен... что с тобою?”
Уже достигла, обняла:
О ужас... призрак исчезает!
Княжна в сетях; с её чела
На землю шапка упадает.

Ах, что и говорить! Больно и горько вспоминать весь этот демократический балаган с ряжеными троцкистами. Да и фальшивый Руслан — то ли Имранович, то ли Абрамович — тоже реальность. Знал Глобальный Предиктор, что ждет русский народ не разговоров о демократии, а повышения качества управления и борьбы с “паразитами”, жирующими на его теле. И потому, владея способностями Фантомаса не хуже Наины, вошел, что называется, в образ. Но ведь показал в данном отрывке Пушкин, что фальшь образа этого при желании Людмила рассмотреть могла и тогда не попала бы в сети Черномора, да и шапку, которую приспособила было для своих целей, не уронила бы. Признак этот — рана на бедре фальшивого Руслана — признак чисто иудейский, идущий из первой книги Торы.

«И остался Иаков один. И боролся Некто с ним, до появления зари; и, увидев, что не одолевает его, КОСНУЛСЯ СОСТАВА БЕДРА... У ИАКОВА, когда он боролся с Ним. И сказал (ему): Отпусти меня; ибо взошла заря. Иаков сказал: Не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. И сказал (ему): отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь». (Книга “Бытия”, гл. 32, ст. 24 — 28).

Ведь прямо сказано в Первой книге Торы, что Израиль изначально занимался Богоборчеством, то есть — сатанизмом. Бог света зари не боится; света боится сатана. Так не с ним ли заключил союз Израиль?

Наконец мафия бритоголовых решила покончить даже с той относительной свободой, которой пользовалась Людмила в рамках библейской логики социального поведения. И Черномор решил, что дело сделано, но он просчитался.

Хладея, слышит грозный крик:
“Она моя!” — и в тот же миг
ЗРИТ колдуна перед очами.
Раздался девы жалкий стон,
ПАДЕТ БЕЗ ЧУВСТВ — и дивный сон
Объял несчастную крылами.

Поддавшись влечению своих страстей, любой человек саморазоблачается, так как поступки, причиною которых служат страсти, обнажают глубоко скрываемую им сущность. Поэтому Людмила и “узрела колдуна”, а образ фальшивого Руслана распался, то есть Людмила поняла, что за этой куклой, как и за любой другой, стоит кукловод — Глобальный надиудейский Предиктор. Потрясение Людмилы было столь сильным, что она упала без чувств, но не без памяти, как это было в “Песне второй” сразу после пленения:

“Ты чувств и памяти лишилась”.

А что означает сон, в который до конца шестой песни впала Людмила?

Есть в русском народе мудрая пословица: «Сон правду скажет, да не всякому». Чтобы раскрыть содержательную глубину этой пословицы и раскодировать значение загадочного сна Людмилы, мы вынуждены сделать

важные пояснения, затрагивающие область знаний, до последнего времени закрывающих “обыденному сознанию” информационным “белым шумом” узкоспециальных наук “полезный сигнал” необходимых для жизненной практики понятий.

НЕОБХОДИМОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Любой человек, явившийся в мир, входит в сложившуюся информационную систему общества; она формирует его; повзрослев, он живет в ней и сам оказывает на нее информационное воздействие.

При этом взаимодействуют две информационные системы: психика человека, управляющая его поведением, и информационная среда общества.

Известно, что интеллект человека, по крайней мере, — двухуровневая информационная система: сознание — подсознание, работающие в диалоге друг с другом. И на обоих уровнях есть своя мера — скорость обработки информации: на уровне сознания она для всех примерно одинакова — 15-16 бит в секунду; на уровне подсознания эта скорость в миллиарды раз выше. Отсюда очевидно, что подсознание — более мощная информационная система. Ему принадлежит детерминированная и вероятностная память, память реальных явлений и память моделирований (фантазий); механизм перебора информации памяти и собственно интеллектуальный фактор, формирующий новые информационные модули разного назначения. В подсознании объединяются информационные потоки генетически обусловленные, экстрасенсорные, сенсорные, диалоговые потоки сознания-подсознания. К детерминированной памяти принадлежит генетически обусловленная матрица потенциальных возможностей и предрасположенностей.

К вероятностной памяти принадлежит долговременная память подсознания, запоминающая все, что происходило в пределах обзора сенсорных и экстрасенсорных каналов получения информации; и оперативная память, содержащая информацию, которую человек по своему желанию в состоянии воспроизвести в сознании в какой-либо форме. Оба вида вероятностной памяти взаимодействуют.

Мозг человека — жидко-биокристаллическая структура. Это означает, что он может работать в режиме приемно-передающей антенны, что, в свою очередь, не исключает возможности существования реинкарнационной памяти, хранящей информацию памяти умерших людей, излучаемую их мозгом при смерти.

Информационные модули вероятностной памяти представляют собой некоторую систему осознаваемых и неосознаваемых образов явлений внешнего и внутреннего миров и систему осознаваемых и неосознаваемых связей между ними. Это позволяет необозримую вселенную некоторым образом отобразить в весьма ограниченную её часть. Механизм процесса отображения-познания целого (вселенной) частью целого (человеком) может быть описан следующим образом.

По своей природе, что означает — по Божьему Предопределению, человек наделен индивидуальными пятью органами чувств — пятью приемными рецепторами, с помощью которых он как бы снимает “информационную кальку” с окружающего его единого и целостного внешнего мира и формирует в индивидуальном внутреннем мире субъективные образы объективных явлений внешнего мира. В конце XX столетия в мире насчитывается около 6 млрд. человек, но нет двух людей, у которых был бы одинаковый рисунок кожного покрова пальцев руки. На этом построена вся современная дактилоскопия; но в этом же и проявление индивидуальности чувства осязания. В мире также не найти двух абсолютно одинаковых по форме уха, носа или по цвету сетчатки глаза; в этом проявление (зрительное) индивидуальности чувств слуха, обоняния, зрения или, другими словами, порога их чувствительности. Точно также обстоит дело и с чувством вкуса.

Таким образом, субъективные образы вещей и явлений объективного внешнего мира, сформированные в результате взаимодействия индивидуальных приемных рецепторов (пяти органов чувств) — и есть то, что мы назвали “информацией” в понятии: Вселенная — процесс триединства материи, информации и меры. Особенностью этого вида “информации” — субъективной категории — является то, что она существует как бы отдельно от материи, меры и информации — объективных категорий — только на уровне подсознания; на уровень сознания она переходит (если можно так выразиться) после обретения ею кода = меры = слова. Каждый желающий может на собственном опыте убедиться, как неосознанные, т.е. безмерные образы вещей и явлений внешнего мира (субъективная информация) обретают и субъективную меру = слово. Происходит это во сне, когда сознание “отдыхает”, а подсознание активизируется и ведет интенсивную обработку поступившей к этому времени из внешнего мира объективной информации. Сны “видят” и “слышат” внутренним зрением и слухом практически все (даже те, кто это отрицает), но пересказать из “увиденного” и “услышанного” могут немногое: только те образы, которые обретут меру. Так неосознанные внелексические образы обретают меру, т.е. слово и человек может пересказать свой сон.

Отсюда хорошо видно, что у отдельных видов животного мира существует довольно развитое подсознание: настолько, насколько развиты их приемные рецепторы (органы чувств). И животные отражают в подсознание объективный мир вещей и отдельных явлений психической жизни в виде безмерных образов. Говорить о развитости сознания животных можно лишь настолько, насколько они способны к многовариантному кодированию безразмерной информации подсознания. Увы! У собаки на все многообразие безмерных образов подсознания один код, мера (при различной эмоциональной и мелодийной окраске): «Гав!» У коровы: «Му!» У кошки: «Мяу!»[1] и т.д.

И свобода человека, живущего в едином и целостном мире, и, следовательно, связанного с этим миром и обществом людей причинно-следственными обусловленностями, состоит:

— на первом этапе — в свободе формирования индивидуальных безмерных (неосознанных) образов мира на уровне подсознания;

— на втором этапе — в кодировании словом на уровне сознания неосознанных образов на основе шестого чувства — чувства меры. В реальном, внешнем человеку мире, — материя, информация и мера — существуют как процесс триединства. Об этом говорится и в древних эзотерических учениях.

Но реальная свобода человека заканчивается уже на первом этапе этого процесса, ибо на втором этапе, как только он начинает “свободно” кодировать личностные внелексические образы объективных явлений, он тут же сталкивается с кодами (словами) этих же объективных явлений другого человека, имеющего собственные (субъективные) о них представления (образы). И если по отношению к вещам вполне осязаемым (стол, стул, дом и т.д.) еще как-то можно договориться с оппонентом по части единого их кодирования, то по отношению к таким объективным явлениям социальной жизни как справедливость, правда, ложь, добро, зло — можно прийти к общему пониманию лишь на основе единого чувства меры и соответствующего ему единого мировоззрения.

Но все это только первая половина спирального процесса познания. Каждый человек в своей реальной жизни принадлежит одновременно множе-

---

[1] Однако при более утонченном рассмотрении это не совсем так: наш кот произносит весьма продолжительные разномелодийные «мяу» и возмущается, что мы не соображаем того, что он мяучит. Фактически человек мелодию животного пытается разложить по компонентам своей членораздельной речи, вследствие чего крик петуха, известный нам как «ку-ка-ре-ку» в других языках передается иным сочетанием звуков.

ству взаимовложенных социальных групп, отличающихся одна от другой по кругу интересов: семейных, профессиональных, партийных, религиозных, национальных, мафиозных и т.д. И если в первичной такой группе-семье каждое произнесенное слово или выражение, как правило, вызывает у членов семьи единые образы в отношении явлений внутреннего и внешнего мира, то при вхождении в каждую последующую социальную группу те же самые слова могут вызвать совершенно другие образы в отношении точно таких же вещей и явлений окружающего мира. Это и отражено в русской поговорке: «Не всякое слово всяким понимается». И в этом — тоже проявление свободы человека, но не той декларативной, о которой так любит порассуждать наша безответственно болтающая “либеральная” (в переводе с английского — свободная) интеллигенция, а подлинной, предопределенной Свыше. Слово, слововыражение, вызывающее единый образ в отношении определенных вещей и явлений окружающего мира в достаточно широкой по своему социальному составу группе, становится для данной группы общепринятым понятием. И чем шире по своему социальному составу такая группа, чем более широкий круг интересов она представляет, тем весомее и значительнее в жизнедеятельности людей становится общепринятое слово-понятие. И происходит то, что в стихотворной форме отражено поэтом Н.Гумилевым: «Словом останавливают солнце, словом разрушают города». Разумеется, словом не только разрушают, но и созидают. Все зависит от того, образы каких явлений — созидательных или разрушительных — вызывает в сознании человека слово, которое является одновременно кодом, мерой внелексических образов подсознания.

Другими словами, вторая половина спирали отображения-познания человеком окружающего мира выглядит так: слово, порождая осознанный образ на уровне массового сознания, становится понятием по отношению к неким объективным явлениям в конкретный исторический период развития общества. В силу того, что вселенная целостна и представляет собой процесс триединства материи, информации и меры, при наличии двух составляющих: меры-слова и информации-образа, третья составляющая — материализующееся явление — происходит как бы автоматически. Так вид “человек разумный”, в отличие от всех остальных видов, живущих в ладу с окружающим миром, отражая и познавая этот мир, его еще и преображает. Весь вопрос в том — как преображает?

В нашей стране после разрухи гражданской войны созидательный энтузиазм масс был велик . Это исторический факт. И порожден он был словом, вызывающим образы созидательных процессов. “Перестройка” тоже началась со слов, но эти слова порождали через газеты, радио, телевидение

образы разрушительных процессов; они нагнетали в обществе безысходность, эсхатологию. И разрушительные процессы “материализовались” Чернобылем, Карабахом, Чечней .

Человек часть Божьего Творения — Вселенной. Но это действительно особенная её часть: она не только отражает в себя Вселенную, но познаёт её и преображает; преображает не как придется, а на основе Божьего Промысла, Божьего Предопределения. Для отражения окружающего мира ему даны пять чувств, о которых мы говорили выше. Для познания окружающего мира человеку дан интеллект и свобода воли. Для постижения Божьего промысла (без понимания которого, даже обладая знаниями и свободой воли, человек может разрушить и себя и окружающий мир) ему дано еще шестое чувство — Чувство Меры. Чем более развито в человеке это чувство, тем он ближе к Богу; чем менее оно развито, тем он ближе к сатане.

Какое отношение имеет все это к раскодированию образов явлений, описываемых в поэме Пушкина? Самое прямое. Образы, порождаемые пушкинским словом, во многих поколениях читающих по-русски, — это всегда образы созидательные. И таинственная притягательность пушкинского творчества, непостижимая для западного читателя, — в глубине чувства Меры самого Пушкина, отраженного в его слове. Отсюда пушкинское слово — явленная нам Свыше своеобразная ***мера различения*** добра и зла, причём мера устойчивая при смене поколений. В этом, по-видимому, и состоит содержательная сторона , тютчевского определения: Пушкин — «живой орган богов».

Различение же дается каждому человеку Свыше: “О те, которые уверовали! Если вы будете бояться Бога, Он даст вам различение и очистит вас от ваших злых деяний и простит вам. Поистине, Бог — обладатель великой милости!” Коран, 8:29. Согласно этому изречению, Различение не просто дается Свыше каждому, но по его объективной, а не декларируемой нравственности, вследствие чего он и способен выделить в своем внутреннем мире стереотипы разного функционального назначения:

Методологические:

— стереотипы распознавания явлений внешнего и внутреннего миров;

— стереотипы формирования образов и системы отношений между ними во внутреннем мире.

Фактологические:

— образы явлений внешнего и внутреннего миров;

— стереотипы отношения к образам и явлениям;

— стереотипы поведения: внешнего и внутреннего мышления.

Разделение информационных модулей на МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ и ФАКТОЛОГИЧЕСКИЕ невозможно без Различения. Здесь кроется разгадка подлинных причин “усекновения головы” и сокрытия меча методологии, действующего на основе Различения, а также и тайна власти Черномора над народами-красавицами.

Интеллектуальный фактор, опираясь на существующие стереотипы, создает стереотипы новых видов. Интеллектуальная мощь скрыта в подсознании. Сознание по сравнению с подсознанием обладает крайне низкими возможностями обработки информации. Оно может удерживать одновременно не более 7 — 9 объектов и проводить с ними, как было показано выше, простейшие операции при скорости обработки информации не более 15 бит/сек. Эти параметры близки и у гениев, и у слабоумных. Поэтому сознанию предстает картина мира, примитивизированная настолько, чтобы логика сознания могла с ней иметь дело. Логика сознания оперирует только с осознаваемыми образами, то есть теми, понятийные границы которых определены. Подсознание оперирует с более сложной мозаичной картиной мира, в состав которой входят и неосознаваемые образы.

Сознание в состоянии бодрствования занято непрерывным просмотром содержимого памяти и сопоставлением его с информационным потоком внешнего и внутреннего миров, на основе чего вырабатываются поведенческие реакции и новые осознанные стереотипы. Все это несет головной мозг, полушария которого тоже несут функциональное разделение. Правое отвечает за предметно-образное мышление. Оно мыслит процессами, целостностями разной степени детальности, но лишенными связей между собой. Оно отображает мир, как он есть, вопрос может стоять лишь о детальности этого отображения. Левое отвечает за абстрактно-логическое мышление и речь. Оно мыслит формами целостностей и связями между ними и поэтому оно способно лгать, нарушая связи и полноту элементов в логических системах преднамеренно, или самообманываться при непреднамеренном нарушении связей и полноты. Образному мышлению открыто видение общего хода процессов в мироздании, то есть неограниченность. Абстрактно-логическому видна только конечная последовательность состояний в конечной системе элементов, подчиненных конечной совокупности формальных преобразований, то есть ограниченность.

Образное мышление отвечает за гармонию, абстрактно-логическое — за “алгебру”. Поэтому попытки “поверить алгеброй гармонию” — это попытки проверить ограниченностью неограниченность, измерить конечным

бесконечное. Эту тему Пушкин разовьет в дальнейшем в “Моцарте и Сальери”.

Логика может вскрывать только свои же ошибки в конечной системе элементов и их отношений. Вывести логику за пределы ограниченности этих элементов и отношений может только образное мышление, единственно способное дать ограниченной конечной системе элементов, отношений и формальных преобразований, с которой имеет дело логика, НОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ или ПРОЦЕСС ПРЕОБРАЗОВАНИЙ.

Сложность понимания этой части работы головного мозга состоит в том, что основной её объем происходит на уровне подсознания и в те периоды, когда контроль сознания значительно ослаблен, то есть во время сна. Как это ни покажется парадоксальным, но интеллектуальная мощь нашего мозга реализуется в периоды сна, хотя и проявляется во время бодрствования. Понимание этого процесса в народе нашло отражение в пословицах «Утро вечера мудренее» и «Русский мужик задним умом крепок».

«Задний ум» русского мужика — интеллектуальная мощь его подсознания. Здесь же и разгадка содержания пословицы «Сон правду скажет, да не всякому». Скажет правду о мироздании и общем ходе вещей «задний ум» — лишь тому, кто развил в себе чувство Меры и через него постиг Божий промысел. В городе Божий промысел постичь труднее, чем в деревне, ибо всякое знание — только приданое к строю психики. Психика человека, живущего в ладу с природой, более человечна, чем психика индивида, раздавленного “достижениями цивилизации”. Отсюда и другая русская пословица: «В России что ни город, то вера, что ни деревня, то — мера».

Проявление же определенного уровня интеллектуальной мощи человека раскрывается в его речи, когда образное и абстрактно-логическое мышление объединяются: при говорении образное дает содержание, а абстрактно-логическое — лексические формы; при слушании абстрактно-логическое воспринимает ЧУЖИЕ лексические формы, а образное подыскивает к ним в памяти СВОИ образы, или создает новые, если не находит.

Двое могут пользоваться одними и теми же лексическими формами, но не поймут друг друга, если:

— у них разные системы стереотипов образов явлений внешнего и внутреннего миров и отношений между ними;

— они не будут успевать со-ОБРАЖАТЬ услышанные ими лексические формы, ранее не знакомые им, с образами явлений, необходимыми для понимания речи.

Показательный пример — фраза, известная многим филологам: «Глокая куздра будланула бокра и куздрячит бокренка». Это примерно соответст-

вует лексическим формам демократической прессы, которые она использовала в предвыборный период. Какие образы вкладывал в эти формы народ, демократов не интересовало, поскольку главной целью тогда для них было прорваться к власти.

Основа непонимания — внесение своих образов в услышанные лексические формы. Основа понимания — освоение чужих образов, передаваемых в лексических формах.

(Конец “Необходимого отступления”)

После такого отступления можно понять, как Черномор, освоив образ Руслана, хранившийся в долговременной памяти Люда Милого, смоделировал и выдал толпе в 1993 году желанную, но фальшивую куклу Руслана Имрановича, а также кучу П-резидентов: каждой национальной толпе — свою куклу и даже в национальной упаковке, за которую народы СССР и вынуждены сегодня платить из своего кармана отдельную плату. Конечно, и в бывшем СССР в Кремле сидела кукла (за исключением И.В.Сталина), но то была кукла общая и расходы на нее были общие. После развала СССР каждая национальная кукла потребовала и соответствующий ей наряд, театр, декорации (посольства, почетные караулы, личные резиденции, личные самолёты и т.д. и т.п.). Станет ли жить при новых атрибутах власти народ лучше, ни одну из сувенирных кукол не интересовало, а что касается Люда Милого, то обманутый в своих ожиданиях он погрузился в долгий сон.

Но долгий сон Людмилы — это залог реализации интеллектуальной мощи русского народа. То, что Людмила впала в сон без чувств — важный положительный фактор. Появляется реальная надежда, что с пробуждением народа оценка им исторических событий будет лишена лишних эмоций. Одна из главных причин прорыва к власти социолухов всех мастей состоит в том, что Черномор, уловив стремление Людмилы к развитию чувства меры и росту на его основе меры понимания в обществе, навязал толпе, живущей по преданию и рассуждающей по авторитету вождей, с помощью продажных средств массовой информации эмоциональную оценку процесса формирования справедливого (в социальном отношении) общества. Так на какое-то время энергия Люда Милого была использована в процессах разрушения основ социальной справедливости, созданных трудом трех поколений народов России. Во многом это вылилось в борьбу Люда Милого с самим собой.

Что будет с бедною княжной!

О страшный вид: волшебник хилый
Ласкает дерзостной рукой
Младые прелести Людмилы!
Ужели счастлив будет он?

Этот вопрос стоит в конце XX столетия перед всем Человечеством. Если восторжествует горбатый карлик, то может погибнуть не только народ русский; не будет условий для реализации генетически предопределенного потенциала всего Человечества. Конечно, если погибнет тело народа, то погибнут и “паразиты”, питающиеся его соками; погибнет цивилизация, о которой многословно хлопочут современные цивилизаторы.

Чу... вдруг раздался рога звон,
И кто-то карлу вызывает.
В смятенье, бледный чародей
На деву шапку надевает;

Пушкин заканчивает “Песнь четвертую” оптимистически. Мафия бритоголовых в смятенье делает совершенную глупость — вновь натягивает на Людмилу колпак “Священного писанья”. И это после того, как Руслан овладел мечом методологии на основе Различения, а Людмила впала в сон — без чувств, но с памятью. А ну как Люд Милый проснется и поймет весь механизм формирования неосознаваемых коллективных стереотипов поведения на основе Библии, да к тому же еще начнет различать созидательные и разрушительные стереотипы? Более того, вдруг Людмиле, вновь обнаружившей на себе колпак “Священного писания”, придет в голову сделать сравнительный анализ текстов “Ветхого завета”, “Талмуда”, “Нового завета”, “Корана”, а также сравнительный анализ стереотипов, порождаемых в обществе этими текстами? Если это произойдет, Люд Милый может получить представление и о самом методе управления в обход сознания через подсознание! Одна мысль о такой возможности не могла не вызвать смятения у карлы, и в варианте 1820 года (первое издание) это смятенье слышно более чем отчетливо:

Стеная, дряхлый чародей
В бессильной дерзости своей
Пред сонной девой увядает;
В нем сердце ноет, плачет он.

Читающая публика того времени, увидевшая в этих стихах страдания «бесстыдного седого», лишенная по своему злонравию Свыше Различения (перечитайте ещё раз Коран 8:29), естественно не могла выйти за пределы круга понятий, которыми оперировала в своей повседневной деятельности. И в этом смысле слово — действительно всего лишь палец, указующий на некое объективное явление, но уж точно не само явление. Слово — код, мера образа объективного явления, процесса. Только при таком подходе к вселенной, как к процессу триединства: материи (***явление***) — информации (***образ***) — меры (***слово***), человеку дано предугадать как слово его отзовется. Пушкину это было дано. Что-то, видимо, понимал об этом Н.В.Гоголь, предупреждая своих потомков о Пушкине, как неком явлении русской жизни, которое станет реальностью лет через двести.

Мы же, не забывая о нашей задаче, обращаем внимание на одно важное обстоятельство, отмеченное поэтом перед решительной схваткой Руслана с Черномором: Глобальный надиудейский Предиктор, оказывается, не имеет четкого представления ни о стратегии поединка, ни об исходе его. А это для мафии бритоголовых равносильно смерти.

Трубят опять; звучней, звучней!
И он летит к БЕЗВЕСТНОЙ ВСТРЕЧЕ,
Закинув бороду за плечи.

Если для Черномора предстоящая встреча “безвестная” — значит он уже не столько Предиктор (предсказатель), сколько знахарь, у которого за спиной всего лишь оружие четвертого приоритета — кредитно-финансовая система, основанная на ростовщическом ссудном проценте и освященная библейской доктриной “Второзакония-Исаии”. А в русском языке есть на этот счет хорошая поговорка- предупреждение:

“Смерть не за горами, а за плечами”.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Песнь пятая, как и три предыдущие, начинается с краткого, но очень важного вступления. Из него следует, что Пушкин, видимо, имел представление (скорее всего, на подсознательном уровне) о двух противостоящих друг другу концептуальных центрах. Формирование одного из них, обеспечившего “глупый рост” современной евро-американской цивилизации, шло на территории стран, примыкавших к восточной части Средиземного моря (древние Египет, Вавилон, Греция). Формирование другого, обещающего в будущем человечеству “дивный” рост с реализацией генетически предопределенного потенциала, шло на огромных пространствах Среднерусской равнины. Там проживал Люд Милый — славянский этнос, в среде которого на протяжении многих тысячелетий формировалась генетически устойчивая и энергетически мощная общность, получившая позднее название Русского народа. Симпатии поэта несомненно на стороне Люда Милого.

Ах, как мила моя княжна!
Мне нрав её всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской верна,
НЕМНОЖКО ВЕТРЕНА... так что же?

НЕМНОЖКО ВЕТРЕНА — способная пересматривать стереотипы отношений к явлениям внутреннего и внешнего мира и, следовательно, стереотипы своего поведения, если они входят в противоречие с объективными процессами. С позиций догматической философии — это “ветреность”, а с позиций тезиса: “Истина, став безрассудной верой, вводит в самообман” — это постоянное расширение понятийной базы, раскрывающей новые пути к созидательному разрешению противоречий постоянно изменяющейся действительности.

Еще милее тем она.
Всечасно прелестию новой
Умеет нас она пленить;
Скажите, можно ли сравнить
Её с Дельфирою суровой?

“Дельф-и-Ра” — символизирует единение жреческих культов Древней Греции и Древнего Египта. Дельфы — общегреческий религиозный центр в Фокиде, у подножия горы Парнас, известный своими оракулами и храмом Аполлона, сына Зевса. Амон-Ра — древнеегипетское божество, бог солнца. В Греции и Риме назывался Аммоном и отождествлялся с Зевсом и Юпитером.

Почему же Дельф-и-Ра сурова? X — VI вв. до н. э. — период окончательного закабаления жречеством Древнего Египта искусственно созданной на основе кочевых племен в 42-летенем Синайском турпоходе периферии самой древней мафии, которую сегодня многие воспринимают в качестве еврейского народа (первой пленницы Черномора) и превращение её в особый инструмент, с помощью которого, оставаясь невидимым, оно получило уникальную возможность осуществлять управление общественными процессами по полной функции[1]. В этот же период, после повторного вавилонского пленения евреев, жречество Египта, превратившись в знахарство, практически завершает разработку долговременной концепции закабаления человечества. Анализ глобального исторического процесса первого тысячелетия до н. э. показывает, что, несмотря на бесконечные войны между различными странами этого региона, концептуальный центр, формируемый Древнеегипетским жречеством, сохранял за собой полную функцию управления вне зависимости от своей национальной принадлежности. Так Геродот неоднократно сообщает о поездках древнегреческих мудрецов в Египет, считавшийся по-прежнему страной мудрости. А Дарий I после покорения Египта “поручает” сановному жрецу-египтянину восстановить “Дом жизни” — высшее “научно-

[1] Согласно Достаточно общей теории управления, полная функция управления — иерархически упорядоченная последовательность разнокачественных действий, включающая в себя:

— опознание фактора среды, с которым сталкивается интеллект во всем многообразии процессов Мироздания;

— формирование стереотипов распознавания факторов на будущее;

— формирования вектора целей управления в отношении данного фактора;

— формирование целевой функции (концепции) управления на основе решения задачи об устойчивости в смысле предсказуемоси;

— организация целенаправленной структуры, несущей целевую функцию управления;

— контроль за деятельностью структуры в процессе управления;

— ликвидация структуры, в случае её ненадобности, или поддержание в работоспособном состоянии до следующего использования. Подробнее содержательная сущность этого понятия будет рассмотрена в Песне пятой.

исследовательское" учреждение того времени. Естественно, что победа в войнах уже тогда определялась не столько силою оружия, сколько расположением жречества к предводителю войска, ведущего военные действия. Геродот оставил фактологию концептуальной деятельности Глобального Предиктора в Дельфах, где орудовала периферия мафии бритоголовых.

В сокровенную часть храма, где находился оракул, никто не мог входить, кроме жрицы-вещательницы (пифии). Пифия (с VI в. до н. э. их было три) отпивала глоток воды из священного ключа Кассотиды, жевала листья священного лавра и садилась на золотой треножник над расселиной скалы. По мнению древних авторов, экстатическое состояние, в которое впадала пифия, сидящая на треножнике, вызывалось вдыханием ядовитых испарений, подымавшихся из расселины скалы. Выкрикиваемые пифией слова истолковывались жрецами как воля Аполлона. Ответ жрецов сообщался в нарочито неясной или двусмысленной форме, чтобы его можно было истолковать по-разному. Так, когда лидийский царь Крез обратился в Дельфы с вопросом, начинать ли ему войну с персами, оракул ответил: «Крез, Галис перейдя, великое царство разрушит» (Галис — пограничная река). Крез потерпел поражение, а его царство было завоевано персами. Жрецы заявили, что предсказание исполнилось, так как оракул не указал, какое именно царство будет разрушено.

Так работал в те далекие времена молодой карла. На данном примере хорошо просматриваются функции как предиктора (предуказателя), так и корректора (поправщика). И хотя борода Черномора была в те времена и невелика по современным меркам, но возможные места буйной растительности уже тогда определились.

В те времена храмовые сооружения жрецов пользовались статусом неприкосновенности даже во время войн. Безопасность территории храмов способствовала тому, что они стали выполнять некоторые функции, позволяющие называть их предшественниками банков: жрецы, ставшие знахарями, принимали на хранение ценности и давали займы под проценты. И мы здесь, как уже было сказано ранее, ничего не доказываем, а лишь иллюстрируем известными фактами истории общий ход вещей, изложенный в поэме Пушкиным в образной форме. Приведенные факты настолько общеизвестны, что даже вошли в "Мифологический словарь" под ред. М.Н.Ботвинника, М.А.Когана, М.Б.Рабиновича, 1965 г. Разумеется, вдыхание ядовитых испарений и следующие за этим невнятные бормотания, а также "прием ценностей под проценты" (пятое и четвертое, соответственно, средства управления обобщенного информационного оружия) были функцией не самого жречества, а его периферии (оракулы, пифии и прочая храмовая служба). Если само жречество уже тогда представляло собой

межнациональную мафию, то периферия, с ним связанная, еще сохраняла черты национальной принадлежности. Поскольку национальная периферия, непосредственно общаясь со своим хозяином, рано или поздно могла осознать истинные Богоборческие цели знахарства, то тем самым она становилась помехой при проведении в жизнь глобальной безнациональной концепции. Поэтому знахарство Египта вынуждено было создавать новую безнациональную кадровую базу — еврейство, которое бы, приняв на себя функции периферии знахарства, не способно было его идентифицировать как своего хозяина. Так обязанностью Наины в союзе с Фарлафом стало бездумное служение Черномору, в результате чего уничтожались конкурирующие концептуальные центры, а Люд Милый любой национальности, лишенный своего жречества, становился очередной жертвой всемирного паука.

Историю славянского жречества мы подробно рассмотрели в “Песне первой”, в которой она представлена образно историей Финна. Одно из преимуществ Люда Милого России — начальная низкая плотность расселения — было преимуществом и его жречества. Дезинтегрированность святорусского, ведического жречества определила и нрав Людмилы.

Одной — судьба послала дар
Обворожать сердца и взоры;
Её улыбка, разговоры
Во мне любви рождают жар.
А та — под юбкою гусар,
Лишь дайте ей усы да шпоры!

Что и говорить, сурова была Дельф-и-Ра. Немногим удавалось избежать знакомства с ней, ибо способностями Фантомаса, как мы уже видели, она владела в совершенстве. Тему “гусара в юбке” Пушкин детально разработает в 1830 г. в упоминавшемся ранее “Домике в Коломне”. Любуясь Людом Милым — Парашей (имя главной героини “Домика в Коломне”), поэт не забыл и “черноусых гвардейцев”, один из которых затем предстает перед читателем под именем Ма-Вруши.

Коса змией на гребне роговом,
Из-за ушей змиею кудри русы,
Косыночка крест-накрест иль узлом,
На тонкой шее восковые бусы —

Наряд простой; но пред её окном
Все ж ездили гвардейцы черноусы,
И девушка прельщать умела их
Без помощи нарядов дорогих.

Заканчивается вступление к “Песне пятой” иносказательным предупреждением — советом, позволяющим читателю преодолеть концептуальную неопределенность, которая проявляется поначалу на уровне подсознания, как отношение к неизъяснимым образам Бога и сатаны.

Блажен, кого под вечерок
В уединенный уголок
Моя Людмила поджидает
И другом сердца назовет;
Но, верьте мне, блажен и тот,
Кто от Дельфиры убегает
И даже с нею незнаком.
Да, впрочем, дело не о том!

А о чем? Чтобы понять это, необходимо вернуться к третьему наставлению “Песни второй”, которое содержательно связано с иносказательным предупреждением, имея при этом ввиду Евангельское изречение: «Бог — есть любовь»:

Но вы, соперники в любви,
Живите дружно, если можно.
Поверьте мне, друзья мои:
Кому судьбою непременной
Девичье сердце суждено,
Тот будет мил на зло вселенной;
Сердиться глупо и грешно.

Другими словами, поэт говорит о вселенском противостоянии, а это — противостояние Бога и сатаны: блажен, кто любит свой народ — Люд Милый — беззаветно и преданно служит ему. Но только через любовь к Богу и искреннее служение Ему приходит человеку всякое знание и Различение. Пушкин говорит, что блажен и тот, кто избежит искушения эгоиз-

ма, как личностного, так и кланово-группового, в бездумном процессе стремления к высоким знаниям.
Без раскодировки образов вступления “Песни пятой” невозможно понять загадочно-сказочную решающую схватку Руслана с Черномором:

Но кто трубил? Кто чародея
На сечу грозну вызывал?
Руслан. Он, местью пламенея,
Достиг обители злодея.
Уж витязь под горой стоит,
Призывный рог, как буря, воет,
Нетерпеливый конь кипит
И снег копытом мощным роет.
Князь карлу ждет.

Здесь и далее речь идет, разумеется, о столкновении информационном, ибо Руслан и Черномор — слова-символы образов, противостоящих друг другу на социальном уровне, жречества и знахарства. “Призывный рог” Руслана — новая концепция жизнестроя России и Человечества в целом, призванная не только показать устойчивый по предсказуемости путь развития общества, но и вскрыть злонравие отсебятины знахарских кланов Амона-Ра, извративших откровения пророков и превративших Библию в концепцию всемирного паука-кровососа.
Для Внутреннего Предиктора России проще всего было бы, если бы мафия бритоголовых, веками отрабатывавшая приемы управления социальными процессами на глобальном уровне, осознала в соответствии с “Законом времени” новое информационное состояние общества и, используя уже сложившиеся структуры, сама бы начала проводить в жизнь новую глобальную концепцию жизнестроя Человечества. Но это означало бы одновременно добровольный отказ от монополии на знание, от монопольно высокой цены на продукт управленческого труда, от ростовщического института кредита — бороды Черномора, а также от добровольно-принудительных услуг Наины и Фарлафа. Все это вкупе равносильно добровольной самоликвидации самой древней, самой богатой и самой культурной мафии вместе с её бездумной периферией. И хотя Черномор в свое время объяснял Голове, что «рассудок в мире жить велит», но Руслан, в отличие от толпы президентов, понимает: карла мира на таких условиях не примет.

Внезапно он
По шлему крепкому стальному
Рукой незримой поражен;
Удар упал, подобно грому;

Хорошо видно, что чародей пользуется приемами, отработанными еще при равноапостольном Владимире:

“...вдруг
Гром грянул, свет блеснул в тумане”
и т.д.

Однако, есть существенное отличие: удар — не гром, а подобен грому и на голове у Руслана не колпак “Священного писания”, а стальной шлем “Разгерметизации”.

Руслан подъемлет смутный взор
И видит — прямо над главою —
С подъятой, страшной булавою
Летает карла Черномор.

На этот раз нанесенный удар смутит на какое-то время взор, но не разум Внутреннего Предиктора России, что позволит Руслану составить наиболее полное представление не только о бритоголовом уроде, но и методах борьбы Черномора с национальным жречеством, главный из которых — его скрытность. По словарю В.И.Даля «булава» — знак начальственной власти. Среди знаков царской власти фараонов Египта наряду со скипетром с головою овна, мечом и луком мы обнаруживаем также и булаву. В “Истории государства Российского” Н.М.Карамзина «булава» — грамота с печатью. Внутренний Предиктор, выражающий мировоззрение Люда Милого, действует в сложившейся ситуации строго в соответствии с русской народной пословицей: «Была бы голова, будет и булава». Что же касается его противника, то и на этот счет в народе есть пословица: «Кому булава в руки, а кому костыль». Костыль известно кому — уроду. В любом случае информационная безопасность Глобального Предиктора с этого момента перестает быть определяющей в столкновении двух уровней понимания, а Внутренний Предиктор России, используя свое главное преимущество (ведь он на коне, который снег, т.е. белые пятна истории,

копытом мощно роет), вырабатывает оригинальную и простую форму защиты.

Щитом покрывшись, он нагнулся,
Мечом потряс и замахнулся;

Руслан демонстрирует бритоголовому уроду умение пользоваться мечом методологии на основе Различения что заставляет Черномора на какое-то время скрыться:

Но тот взвился под облака;
На миг исчез — и свысока
Шумя летит на князя снова.

Поэт показывает, что в этом информационном поединке излишняя самоуверенность всемирного знахаря явится причиной его окончательной демаскировки (летит шумя и свысока) и попадания в ловушку, созданную им же из “белых пятен истории”.

Проворный витязь отлетел,
И в снег с размаха рокового
Колдун упал — да там и сел;

В народе говорят: “Где снег, там и след”. После смены отношения эталонных частот биологического и социального времени в процессе различения жречества и знахарства мера понимания общего хода вещей Руслана превосходит меру понимания Черномора. Отсюда его последующие действия не сопровождаются обычно принятым в таких случаях словоблудием, а отличаются глубокой продуманностью, четкостью и высоким уровнем ответственности. При этом конь (толпа) не участвует в информационной войне, а лишь наблюдает за поединком.

Руслан, не говоря ни слова,
С коня долой, к нему спешит,
Поймал, за бороду хватает,
Волшебник силится, кряхтит
И вдруг с Русланом улетает...
Ретивый конь вослед глядит;

Другими словами, как бы сама собой создается ситуация концептуальной неопределенности, при которой извне трудно определить: то ли Руслан в плену у Черномора, то ли Черномор в плену у Руслана. С позиции владельца бороды (ростовщической кредитно-финансовой системы) та же ситуация кажется более определенной и потому в деловых финансовых кругах бытует примерно такое мнение: если ты должен кредитору пять долларов, то ты у него в плену; но если ты должен ему пятьдесят миллиардов, — то он у тебя в плену.

Уже колдун под облаками;
На бороде герой висит;
Летят над мрачными лесами,
Летят над дикими горами,
Летят над бездною морской;
От напряженья костенея,
Руслан за бороду злодея
Упорной держится рукой.

Трудное это будет противоборство, но победа Внутреннего Предиктора России предопределена тем, что Черномор в соответствии с новой концепцией управления, альтернативной библейской, должен быть выведен на чистую воду, а в терминах “Руслана и Людмилы” — “на воздух”.

Меж тем, на воздухе слабея
И силе русской изумясь,
Волшебник гордому Руслану
Коварно молвит: “Слушай, князь!
Тебе вредить я перестану;
Младое мужество любя,
Забуду все, прощу тебя,
Спущусь — но только с уговором...”

Раз промахнувшись, горбатый карла и далее совершает одну ошибку за другой. Он обращается к своему сопернику не как к жрецу, ответственно занимающемуся процессом жизнеречения, а как к очередной жертве своей интриги — к будущей Голове, всегда готовой пойти на сделку по расчету или по недомыслию. Изумляясь русской силе, он полагает, что перед ним

бездумное упрямство, а не концептуально дисциплинированная непреклонность, и потому не в состоянии понять, что автократия концептуальной власти, помимо элитарной, может быть еще и народной.

— “Молчи, коварный чародей! —
Прервал наш витязь, — с Черномором,
С мучителем жены своей,
Руслан не знает договора!”

Ответ повергает в ужас глобальное знахарство не только потому, что за долгие тысячелетия впервые все вещи называются свойственными им именами (вор остается вором, даже если воровство узаконено доктриной “Второзакония-Исаии”), но прежде всего прямой угрозой применения самого мощного информационного оружия первого приоритета — методологического.

“Сей грозный меч накажет вора.
Лети хоть до ночной звезды,
А быть тебе без бороды!"

Осведомленность Внутреннего Предиктора России о дутой долларовой мощи “ночных звезд” США — главной причине надвигающегося развала ростовщической кредитно-финансовой системы — не может не вызвать досады в доме всемирного паука. Ибо не внял он своевременно Корану: «Те, которые взяли себе помимо Аллаха помощников, подобны пауку, который устроил себе дом. А ведь слабейший из домов, конечно, дом паука, если бы они знали!» (Сура 29. Паук. Аят 40(41)).

Боязнь объемлет Черномора;
В досаде, в горести немой
Напрасно длинной бородой
Усталый карла потрясает:
Руслан её не выпускает
И щиплет волосы порой.

Становясь народом, толпа наблюдает за происходящим снизу, но пока видит лишь то, что ей демонстрируют средства массовой информации:

Там в облаках, ПЕРЕД НАРОДОМ,
Через леса, через моря
КОЛДУН НЕСЕТ БОГАТЫРЯ.

Этот фрагмент "Пролога" к поэме дает возможность убедиться, что предложенные нами ключи к раскрытию второго смыслового ряда основных символов поэмы согласуются с авторским замыслом. Оставаясь на земле, конь Руслана не может определить, кто у кого в плену; рассмотреть же снизу, как витязь "щиплет" ростовщическую кредитно-финансовую систему Черномора, тем более затруднительно.

Два дня колдун героя носит,
На третий он пощады просит:
"О рыцарь, сжалься надо мной;
Едва дышу; нет мочи боле;
Оставь мне жизнь, в твоей я воле;
Скажи — спущусь, куда велишь..."

Все, приехали! Или уж совсем по-русски: «Укатали сивку крутые горки». Сивый — седой. У бритоголового карлика борода седая. Толпа, взирающая на мир через окно телевизора, не может пока ни видеть, ни слышать за туманом лжи средств массовой информации мольбу Глобального Предиктора о помиловании. И тем не менее надвигается долгожданное время, когда Руслан твердо скажет:

— "Теперь ты наш: ага, дрожишь!
Смирись, покорствуй русской силе!
Неси меня к моей Людмиле".

Как это ни покажется парадоксальным, но соединение Внутреннего Предиктора России с Людом Милым произойдет не вопреки, а благодаря Черномору: с помощью методологии на основе Различения (меч — все время в правой руке Руслана) святорусское жречество, раскрывая знания о структурах и методах управления, делает их достоянием народов России с целью расширения своей социальной базы до границ всего общества. А

как посмотрит на это горбатый карла? Ведь он лишается монополии на знание и монопольно высокой цены на продукт управленческого труда, что в свою очередь может послужить причиной развала всей толпо-“элитарной” пирамиды.

Смиренно внемлет Черномор;
Домой он с витязем пустился;
Летит — и мигом очутился
Среди своих ужасных гор.

В русских сказках центральный отрицательный персонаж — трехглавый Змей Горыныч, как и Черномор, похищал красавиц. В сказках, преданиях, былинах — отражено мировоззрение народа. Отдельно взятому человеку, рожденному и выросшему в информационной среде, сформированной библейской концепцией и культурой, взращенной на её основе, трудно осознать её экспансионистский характер, ибо противоречивость основных заповедей иудаизма и христианства становится видна лишь в том случае, если человек обладает определенным уровнем методологической культуры на основе Различения, даваемого Свыше по объективной нравственности, позволяющей оценивать противоречивость этих заповедей на уровне сознания и подсознания. Но если человек, обладающий подобной культурой мышления, способен к осмыслению библейских стереотипов, разрушающих его сознание, то действия трех составляющих библейской концепции — своеобразных трех голов Змея Горыныча — не покажутся ему бессмысленными и несогласованными вне зависимости от внешне кажущихся разногласий меж самими головами. По существу этих внешних разногласий необходимо сказать следующее. Коран указывает прямо на то, что исторически сложившееся христианство[1] и иудаизм — не противостоящие друг другу силы, а «друзья один другому», т.е. единый идеологический комплекс: если иудаизм освящает воровство пятой книгой Торы — “Второзаконием”, то христианство, не осуждая прямо ростовщичество иудаизма, тем самым по умолчанию способствует Богоборчеству иудеев. Коран открыто осуждает ростовщичество и призывает мусульман к тому, чтобы среди них была община, «которая призывает к добру, приказывает одобренное и удерживает от неодобряемого» (Сура 3, аят 100).

[1] Необходимо различать учение Христа и исторически сложившееся христианство, о котором ещё Карл Каутский справедливо заметил, “Христианство победило не благодаря, а вопреки Христу”.

Для претворения в жизнь предписаний Корана такая община должна осознанно владеть Различением Добра и Зла, т.е. Мечом Методологии. Другими словами, данная сура призывает к формированию концептуальной власти внутри исламской общины. Однако, этот завет Мухаммада повис в воздухе возможно потому, что меч методологии на основе Различения (методологическая культура мышления), рассыпанный по тексту Корану в целях защиты от исключения при канонизации из текста, остался недоступным для народов, принявших ислам в его исторически сложившемся виде. По этой причине, хотя ислам и родился как сила, противостоящая иудо-христианской экспансии, но в реальном историческом воплощении был оседлан и влился третьей составляющей в иудо-христианский комплекс. Так у Змея Горыныча выросла третья голова. Исламский мир поклоняется на словах Корану так же, как мир христианский — Евангелию. Живут же и те, и другие — по Ветхому завету, об извращениях откровений в котором Коран предупреждает неоднократно:

«Скажи: “О люди писания! Вы ни на чем не держитесь, пока не установите прямо Торы и Евангелия и того, что низведено вам от вашего Господа» (Сура 5. Трапеза. Аят 72).

Все возвращается на круги своя! Мафии творят культы для собственной выгоды, а не для пользы народов, из среды которых вырастают любые мафиозные “элиты”, и потому последние повторяют судьбу самих культов. Гор начал свою карьеру как бог Солнца, бог Неба, бог Жизни, а окончил как сын бога загробного царства Осириса. Пока египетское жречество оставалось национальным и использовало свои знания в интересах повышения качества управления обществом, Египет процветал и жрецов уважали не только фараоны. Став безнациональной мафией, лишившись национальных корней и превратившись из жречества в знахарство, оно должно было рухнуть само и разрушить дом паука — слабейший из домов. Судьба бороды Черномора — такая же, как и паутины всемирного паука.

Тогда Руслан одной рукою
Взял меч сраженной головы
И, бороду схватив другою,

Отсек её, как горсть травы.
“Знай наших! — молвил он жестоко, —
Что, хищник, где твоя краса?
Где сила?” — и на шлем высокий

Седые вяжет волоса;

Вообще-то катание Руслана в течение почти трех поколений на экспортной модификации библейской концепции — марксизме — необходимый этап процесса “культурного сотрудничества” святорусского жречества и безнационального знахарства, после которого Руслан и Черномор спускаются с небес на землю. Так поэт изобразил, воспринимаемый в качестве чуда толпой и пока никак не воспринимаемый народом, финал длительного исторического противостояния двух антагонистичных информационных систем.

Кредитно-финансовая система, освященная ростовщической доктриной “Второзакония-Исаии”, достаточно стара: по крайней мере, ей не менее трех тысяч лет. За это время она успела не только поседеть, но и утратила свое основное предназначение: подменяя процессы самоуправления в обществе содействовать ускорению глобального многоотраслевого продуктообмена, если возможно, без снижения качества управления в нем. Прейскурант на все виды товаров и услуг, включая рабочую силу, — вектор ошибки управления, определяющий качество управления. Во времена ниспослания откровений Моисею, Христу и Мухаммаду ростовщичество в различной форме было злом не меньшим, чем в наши времена, поскольку всегда приводило к росту цен на все виды товаров и услуг и, как следствие, к раскручиванию инфляционной спирали. Все это, конечно, отрицательно сказывалось и на качестве управления, издержки которого, однако, были невелики по сравнению с темпами роста продуктообмена. Но по мере того, как формировалось многоотраслевое мировое хозяйство, наращивание инфляционной спирали все более отражалось на величине вектора ошибки управления общества в целом, а ко времени отмены “золотого стандарта” количество перешло в новое качество и стало причиной потери устойчивости по предсказуемости процессом управления в обществе при доминировании в нем западной цивилизации.

Через два-три поколения после изменения соотношения скоростей обновления информации на генетическом и внегенетическом уровне, в соответствии с «законом времени», должна завершиться и смена логики социального поведения. Новая логика социального поведения с неизбежностью порождает новые отношения в сфере денежного обращения, при которых ростовщическая кредитно-финансовая система — борода Черномора — становится уже опасным тормозом гармоничного с биосферой развития человечества. Таким образом, ростовщическое воровство, освященное доктриной “Второзакония-Исаии”, представленное в поэме в образе бороды Черномора, — предопределено к уничтожению и Свыше.

Несмотря на столь оптимистичный прогноз, Люд Милый должен помнить, что карла был горбат. “Словарь великорусского живого языка” В.И.Даля раскрывает нам закрытую для обыденного сознания сторону явления “горбачевизма” и его связь с Черномором: «Вор не бывает богат, а бывает горбат». Отсюда и предупреждение Руслана:

“Сей грозный меч накажет вора”.

Горбачев и горбачевцы были всего лишь бездумной периферией Черномора и потому никогда в седле не сидели, т.е. реально страной не управляли. Горбачев и Черномырдин — это воплощение образа конкретного исторического явления данного Пушкиным обществу в символической форме словами: «горбатый карла Черномор», а потому «котомка за седлом для них» — место подходящее.

Народная мудрость также говорит, что “горбатые” — персонажи концептуально несамостоятельные и потому, даже на пути разрушения, могут эффективно работать лишь в тандеме:

“Два брата с Арбата, да оба горбаты” — тоже поговорка.

А кто второй брат? Арбатов, директор института США и Канады, который заявил 10 февраля 1992 г. в Совете национальностей: «Ельцин — шестой руководитель, которому я СОВЕТОВАЛ, но это правительство — самое неорганизованное из шести». Да, это шестое после смерти Сталина правительство, жившее по советам одного из самых опасных агентов влияния и ушедшего в тень вскоре после завершения одного из этапов своей разрушительной работы. Это та «кошка, которую чем больше гладишь, тем больше она горб дерет». Потом мы увидим и в поэме, как Наина обратится в кошку, давая свой последний совет Фарлафу.

Формирование Русланом открытой и понятной народу концепции, соответствующей новому информационному состоянию общества, возможно лишь при условии овладения им вершиной знаний, с одной стороны, скрываемых мафией бритоголовых, а с другой, — недоступной той части общества, которая объективно поражена злонравием и, в силу этого, утратила связь (по-латыни — религию) с Богом. Освоение этих знаний раскроет и секрет “чуда” закабаления народов — «толпы невольниц боязливых». Чтобы ускорить эти события Руслан:

Свистя зовет коня лихого;
Веселый конь летит и ржет,

Наш витязь карлу чуть живого
В котомку за седло кладет,

Здесь важно не потерять темп и идти в ногу с «законом времени». Поэтому Руслан, зашнуровав карлу в котомку,

А сам, боясь мгновенья траты,
Спешит на верх горы крутой,
Достиг, и с радостной душой
Летит в волшебные палаты.

“Волшебные палаты” скрытых от народа знаний становятся доступными Руслану после совместного с конем подъема на крутую вершину горы “герметизма”. Не всем строителям толпо-“элитарной” пирамиды это восхождение будет по вкусу.

Вдали завидя шлем брадатый,
Залог победы роковой,
Пред ним арапов чудный рой,
Толпы невольниц боязливых,
Как призраки, со всех сторон
Бегут — и скрылись.

Поэт предупреждает, что победа Руслана над мафией бритоголовых вряд ли вызовет восторг в «толпе невольниц боязливых», и уж тем более — в правительственных кругах стран Запада, представляющих собой евро-американский конгломерат. Для них, послушных арапов всемирного паука, победа Руслана над Черномором — всего лишь смена хозяина, поскольку символ власти в их понимании — кредитно-финансовая система — на высоком шлеме Внутреннего Предиктора России. Отсюда — чувство одиночества витязя в его новом качестве.

Ходит он
Один средь храмин горделивых,
Супругу милую зовет —
Лишь эхо сводов молчаливых
Руслану голос подает;

Поднявшись на уровень понимания Глобального надиудейского Предиктора, Руслан не мог не почувствовать себя одиноким, поскольку концептуальные центры других народов давно уничтожены бритоголовой мафией. Но если для горбатого карлы это чувство обычное (он охранял свое одиночество столетиями), то для русского витязя оно столь непривычно, что опасность эмоциональных оценок происходящего становится для него в этой ситуации определяющей.

В волненье чувств нетерпеливых
Он отворяет двери в сад —
Идет, идет — и не находит;
Кругом смущенный взор обводит —
Все мертво: рощицы молчат,
Беседки пусты; на стремнинах,
Вдоль берегов ручья, в долинах
Нигде Людмилы следу нет,
И ухо ничего не внемлет.

В руках Внутреннего Предиктора России — меч методологии на основе даваемого Богом Различения, он на вершине знаний “герметизма”, в его “котомке” — сам Глобальный Предиктор, и он стремится открыть эти знания Люду Милому. Но нет отклика на все его благие намерения, а некоторые представители ведически-знахарских кланов “пророчат” их как дорогу в ад. Надвигается самая большая опасность, которую когда-то не смог преодолеть языческий Рогдай — опасность мрачных дум, следствием которых может быть лишь разрушительный нигилизм.

Внезапный князя хлад объемлет,
В очах его темнеет свет,
В уме возникли мрачны думы...
“Быть может, горесть... плен угрюмый...
Минута... волны...” В сих мечтах
Он погружен. С немой тоскою
Поникнул витязь головою;
Его томит невольный страх;
Недвижим он, как мертвый камень;
Мрачится разум; дикий пламень

И яд отчаянной любви
Уже текут в его крови.

Состояние, в котором оказался Руслан, очень близко тому, в котором находился Рогдай перед встречей с Фарлафом. Но есть и главное отличие в их чувствах. Это отличие выражается через их отношение к плененному горбатым уродом народу. У Рогдая:

“Теперь-то девица поплачет”.

У Руслана:

“Казалось — тень княжны прекрасной
Коснулась трепетным устам...”

Развитие глобального исторического процесса и подлинная роль в нем России в конечном счете определится характером этих отношений. Но только постоянное освоение Русланом методологии на основе Различения позволит ему сохранить такой балансировочный режим управления социальными процессами в общем ходе вещей, при котором даже нечаянно сбитая с головы Люда Милого шапка Карлуши станет закономерным итогом освобождения народа русского. Не ошибается же лишь тот, кто ничего не делает, хотя, конечно, меч методологии — не шашка кавалериста; размахивать им вправо-влево бесконечно нельзя — дров можно наломать много. На это и обращает внимание читателя Пушкин.

И вдруг, неистовый, ужасный,
Стремится витязь по садам;
Людмилу с воплем призывает,
С холмов утесы отрывает,
Все рушит, все крушит мечом —
Беседки, рощи упадают,
Древа, мосты в волнах ныряют,
Степь обнажается кругом!
Далеко гулы повторяют
И рев, и треск, и шум, и гром;
Повсюду меч звенит и свищет,
Прелестный край опустошен —

Безумный витязь жертвы ищет,
С размаха вправо, влево он
Пустынный воздух рассекает...
И вдруг — нечаянный удар
С княжны невидимой сбивает
Прощальный Черномора дар...

С помощью меча методологии на основе Различения будут вскрыты искажения, сделанные всемирными гешефтмахерами в Ветхом и Новом заветах, что позволит народам выработать в себе новую культуру мышления, — основу формирования новой, альтернативной библейской, логики социального поведения. Новая логика социального поведения позволит как бы заново увидеть многие явления Объективной реальности, в результате чего привычные приемы “злых волшебников”, столь эффективные прежде в глазах толпы, утратят свою былую силу.

Волшебства вмиг исчезла сила:
В сетях открылася Людмила!
Не веря сам своим очам,
Нежданным счастьем упоенный,
Наш витязь падает к ногам
Подруги верной, незабвенной,
Целует руки, сети рвет,
Любви, восторга слезы льет,
Зовет её — но дева дремлет,

Для овладения знанием уровня Руслана и осознания мощи методологического оружия потребуется время, в течение которого Людмила будет представляться её освободителю как бы спящей. Но это, как было показано в “Песне четвертой”, — сон благотворный. В процессе его подсознание работает особенно плодотворно; оно вырабатывает «прямой путь», как на это указано ещё в Коране 18:9-10.

9 (10). Вот юноши спрятались в пещеру и сказали: “Господи наш, даруй нам от Тебя милосердие и устрой для нас в нашем деле прямоту”.

10 (11). И Мы закрыли их уши в пещере на многие годы.

Другими словами, созданы условия для реализации интеллектуальной мощи на уровне подсознания через сенсорное и экстрасенсорное воспри-

ятие информации о полноте, детальности и целостности вселенной и о процессах, в ней происходящих.
Но Пушкин показывает, что положение Людмилы после освобождения несколько отличается от изложенного в Коране.

Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь её подъемлет.

Об ушах в этом отрывке ничего не говорится. И это не случайно. Сон Людмилы — необычный, он не походит на ваши сны, читатель. Чуть ниже Пушкин укажет на это прямо:

Сон княжны прелестной
Не походил на ваши сны
Порой томительной весны,
На мураве, в тени древесной.

В данном случае для поэта сон Людмилы — выражение в образной форме процесса реализации интеллектуальной и духовной мощи русского народа. Он безмолвствует, поскольку, во-первых, много работает и не имеет достаточно свободного времени для осмысления происходящего; во-вторых, лишен доступа к средствам массовой информации, но... все слышит и «мотает себе на ус», ибо — «утро вечера мудренее». Руслан встретил Финна в пещере, где славянское ведическое жречество осваивало и сохраняло знания, необходимые для формирования Концепции общественной безопасности России в глобальном историческом процессе. В русском языке пещера и Печора — одно и то же. Пещеры бывают с выходом и тупиковые. Пещера — символ тайны. Пещера Финна — с выходом, и потому истинное жречество не только владеет знаниями о тайнах бытия, но, в отличие от знахарства, считает своим долгом оказать помощь Руслану в поисках выхода из критической ситуации. Сложившаяся же к концу века ситуация в России большинством в стране и за рубежом определяется как критическая, и потому второе появление Финна в поэме — символично с точки зрения вероятности преодоления кризиса.

Руслан с неё не сводит глаз,
Его терзает вновь кручина...

Но вдруг знакомый слышит глас,
Глас добродетельного Финна:
“Мужайся, князь! В обратный путь
Ступай со спящею Людмилой;
Наполни сердце новой силой,
Любви и чести верен будь.
Небесный гром на злобу грянет,
И воцарится тишина —
И в светлом Киеве княжна
Перед Владимиром восстанет
От очарованного сна".

Важное замечание. В отличие от Черномора, Финн — образ дезинтегрированного, т.е. бесструктурно действующего в народе концептуального центра славянского этноса. Но это — отличие по форме; куда важнее различие по содержанию. Чтобы понять содержательное отличие святорусского жречества от древнеегипетского и ему наследующего, нам придется внимательно рассмотреть религиозные воззрения древних славян и в особенности славян восточных — руссов.

«В противоположность общепринятому мнению религия древних руссов была не политеистической, а монотеистической: Бог — творец мира признавался единой, всемогущей сущностью. Представление о том, что руссы признавали много богов, было основано на не совсем верном понимании основ религии. Наличие других богов и божков нисколько не нарушало принципа монотеистичности. Как в христианстве кроме Творца признаются Богоматерь, апостолы, святые, ангелы и т.д., так и у древних руссов имелись второстепенные боги и божки, отражавшие многообразие сил в природе. Но над всеми ими господствовала единая всемогущая сила — Бог. (...) Бог также назывался Триглав. Это было триединство. Триглав вовсе не был, как это неверно представляют, отдельным, особым богом с тремя головами. Это был единый Бог, но в трех лицах.

Вместе с тем религия древних руссов была и пантеистична: они не отделяли богов от сил природы. Они поклонялись всем силам природы — большим, средним и малым. Всякая

сила была для них проявлением Бога. (Не Богом, а проявлением Бога. — *Наш комментарий*).

В противоположность грекам и римлянам древние руссы мало персонифицировали своих богов. Они не переносили на них своих человеческих черт, не делали из них просто сверхчеловеков, как это рисовалось грекам и римлянам. (По сравнению с древнеегипетским зверинцем богов, древнегреческое и древнеримское человекобожие было своеобразным “прогрессом”, но древние руссы, как будет показано дальше, всегда были ближе к Богодержавию. — *Наш комментарий*). Божества их были скорее символами явлений природы (довольно расплывчатыми, кстати).Человеческого в них было мало.

Отсюда вытекала особая черта религии восточных руссов: они не создавали кумиров, как это делали западные руссы. Они не старались воображать богов во плоти, в материи. Они были крайне далеки от идолопоклонства, которое мазало своим кумирам губы, подразумевая под этим кормление последних пищей. (...) Они не устраивали особых мест для молитв — они просто молились тому, что было перед ними. Бог был для них всюду, и они обращались к нему прямо и непосредственно. Если и имелись особые религиозные места, то они определялись удобством общей молитвы, а не особой священностью данного места. (...) Следствием всего этого ***было отсутствие особой касты жрецов.*** Просто старшие в роде, знавшие лучше религиозные обычаи, брали на себя руководство церемониями. Руссы не нуждались в посредниках между собой и Богом» (Сергей Лесной. “Откуда ты, Русь ?” Ростов-на-Дону. “Донское слово”. 1995 г., с. 242 — 243).

Это фрагменты анализа содержания, остававшейся долгое время закрытой для русского читателя “Велесовой книги”. Мы не можем с достоверностью утверждать, что двадцатилетний Пушкин был знаком с древним памятником русской культуры, однако, образ Финна и его жизненный путь, описанный в поэме, во многом согласуется с образом жречества древних руссов, которое в силу особых условий, диктуемых их религией, было своеобразно застраховано от обращения в знахарство.

Отсюда главная задача Финна:

- поддерживать меру понимания общего хода вещей в обществе более высокую, чем у Черномора до завершения процесса смены логики социального поведения, когда уровень информированности периферии общества достигнет уровня информированности центра;
- помочь обществу овладеть методологией прогнозирования социальных процессов, что в свою очередь позволит обеспечить устойчивость развития России по предсказуемости.

Устойчивость по предсказуемости — ключевое понятие теории управления: устойчивость объекта в смысле предсказуемости в определенной мере под воздействием внешней среды, внутренних изменений и управления. Предсказание о возможных путях развития событий, изложенное Финном, носит стратегический характер. Это не означает, что Руслан должен сидеть и ждать пока «небесный гром на злобу грянет». “Небесный гром” — проявление иерархически высшего объемлющего управления, устраняющего ошибки частного, вложенного, земного управления. Грянет он вне зависимости от веры или неверия в него, так как в нем проявляются общевселенские факторы поддержания устойчивости процессов.

Но как только начинается исследование процессов (особенно социальных), а не фактов, то становится очевидным вывод о том, что любое общество всегда в какой-то мере самоуправляется, а в какой-то — управляется. Чем выше уровень самоуправления, тем меньше требуется того, что воспринимается обществом в качестве управленческих структур. Процесс самоуправления на личностном уровне не осознаётся: всё делается как бы само собой, но в этом-то и состоит существо того, что можно назвать эффективностью концептуальной власти. Выявить же саму концепцию можно через одну из главных составляющих культуры цивилизации — искусство. Каждый может это сделать самостоятельно, заглянув в библиотеку, музей или филармонию в любом городе западной Европы, Америки и России: он сразу обратит внимание на преобладание во всех сферах культурной жизни западного общества библейской тематики. При этом всё будет восприниматься естественно и не вызывать отторжения на уровне подсознания, поскольку предназначение концепции самоуправления — ненавязчиво формировать стереотипы отношения к явлениям внутреннего и внешнего мира.

Мы живём в библейской цивилизации и стереотипы отношения к явлениям внутреннего и внешнего мира естественно формируются элементами библейской культуры, которая сама является как бы отражением концепции самоуправления, т.е. Библии.

Еврейство — структура, рассредоточенная в среде всех национальных общин, выполняющая функцию поддержания процесса бесструктурного управления (самоуправления) по библейской концепции. Чем более устойчив этот процесс, тем меньше требуется вмешательства в него со стороны структур управления и наоборот. В этом смысле усиление роли еврейства во всех государственных институтах управления России и в её культуре — признак потери устойчивости процесса самоуправления по библейской концепции, а проявление антисемитизма — всего лишь естественная, но вторичная неосознанная реакция общества на этот процесс, алгоритм которого скрытно встроен в Тору и Талмуд.

Если пошёл процесс потери устойчивости самоуправления по прежней концепции, то активизация структурного управления по ней допустима до определённого предела, после которого общество либо саморазрушается, либо порождает новую концепцию самоуправления, альтернативную прежней, потерявшей свою работоспособность.

В процессе освоения обществом новой концепции самоуправления естественным образом из бесструктурного порождается и новое структурное управление, что означает неизбежную гибель прежних, исчерпавших своё предназначение структур.

Всё это элементы Достаточно Общей Теории Управления, на понимание которой у еврейства, жестко замкнутого на Тору и Талмуд, наложены внутренние запреты и потому оно не ощущает для себя опасности, связанной со сменой концепции управления. Бездумно влезая в структуры власти всех уровней, с восторгом захватывая редакции радио, газет, журналов и телевидения, а также режиссуру всех театров и киностудий; опрометчиво полагая, что вся полнота власти у них в руках, евреи с энергией, достойной лучшего применения, рубят сук, на котором сидят.

Власть — это не удобные кресла, деньги и сопутствующие им житейские блага, а реализуемая способность управлять. Если в обществе проявляется новая концепции самоуправления, находящая свое отражение в искусстве, через которое формируются стереотипы отношения к явлениям внутреннего и внешнего мира, то любая самая жесткая управленческая структура, действующая по прежней, исчерпавшей себя концепции управления, по существу будет безвластна. И в то же время любая концепция самоуправления, исчерпавшая свой “положительный” потенциал (заложенный в неё в соответствии с субъективной мерой понимания объективных процессов концентрации производительных сил общества) в условиях новой логики социального поведения, вне зависимости от желания её разработчиков, начинает реализовывать свой “отрицательный” потенциал, воздействие

которого проявляется прежде всего через гибель её прежних структур управления.

В любом народе на уровне подсознания всегда существует некая концепция самоуправления, может и не всегда выраженная в строгих лексических формах, но обязательно отраженная в его эпосе (пословицы, поговорки, песни, сказки, былины и т.д.). Правительство, преисполненное стремлением управлять своими поданными, действует настолько эффективно, насколько официально оглашаемая концепция управления выражает концепцию самоуправления общества в целом, а не только отдельных его социальных групп. Отсюда работа Внутреннего Предиктора России предполагает на основе глубокого, всестороннего анализа глобального исторического процесса и места России в нем формирование такой концепции управления, которая бы в наибольшей мере отражала концепцию самоуправления народов России. Осознание всеми народами страны такой концепции как собственной и будет означать пробуждение Людмилы.

В терминах Корана (Сура 18. Пещера) этот процесс представлен так:

«11 (12). Потом Мы воскресили их, чтобы узнать какая из партий лучше сочтет ПРЕДЕЛ того, что они пробыли.

12 (13). Мы расскажем вам весть о них по истине; ведь они юноши, которые уверовали в своего Господа, и мы увеличили их на ПРЯМОЙ путь.

13 (14). И Мы укрепили их сердца, когда они встали и сказали: “Господь наш — Господь небес и земли, мы не будем призывать вместе с ним никакого божества. Мы сказали бы тогда выходящее за ПРЕДЕЛ”».

Это о тех, кто осознал общий ход вещей и вселенную, как процесс триединства материи, информации и меры. Для них объективная общевселенская мера — многомерная вероятностная матрица всевозможных состояний формы организации материи в эволюции вселенной. Выйти за её ПРЕДЕЛ невозможно. Она пребывает во всем и все пребывает в ней. Тот, кто посчитал, что вышел за этот ПРЕДЕЛ, тот несет отсебятину относительно общего хода вещей и лжет либо по недомыслию, либо преднамеренно из корыстных побуждений.

Руслан, сим гласом оживленный,
Берет в объятия жену,
И тихо с ношей драгоценной
Он оставляет вышину
И сходит в дол уединенный.

Итак, долгожданное соединение Внутреннего Предиктора России и народа, освященное святорусским ведическим жречеством, произошло. Руслан «оставляет вышину», то есть отказывается от монополии на знание и монопольно высокой цены на продукт управленческого труда. Вместе с Людом Милым он «сходит в дол уединенный». В этом — основа расширения социальной базы Внутреннего Предиктора до границ всего общества и гарантия обеспечения устойчивости управления в обществе с человеческой, а не толпо-“элитарной” логикой социального поведения. Человеческая логика социального поведения, в отличие от толпо-“элитарной”, предполагает, что если из целей управления наивысшим приоритетом признается устойчивое пребывание общества в условиях преобладания случайного воздействия среды, в которой развивается общество, то запас устойчивости управляемого таким образом общества тем выше, чем меньше уровень понимания каждого из членов этого общества в процессе его функционирования отличается от уровня понимания общества в целом. С осознанием этого Руслан обретает «свой путь», т.е. концептуальную самостоятельность, что требует от него особой сосредоточенности и ответственности перед народом за каждый свой шаг.

В молчанье, с карлой за седлом,
Поехал он СВОИМ ПУТЕМ;
В его руках лежит Людмила,
Свежа, как вешняя заря,
И на плечо богатыря
Лицо спокойное склонила.
Власами, свитыми в кольцо,
Пустынный ветерок играет;
Как часто грудь её вздыхает!
Как часто тихое лицо
Мгновенной розою пылает!

В этой сцене, написанной Пушкиным с такой любовью, в образной форме раскрывается извечная мечта русского народа о достойном его мировоззрения справедливом управлении.

Любовь и тайная мечта
Русланов образ ей приносят,

И с томным шепотом уста
Супруга имя произносят...
В забвенье сладком ловит он
Её волшебное дыханье,
Улыбку, слезы, нежный стон
И сонных персей волнованье...

Ниже дается короткое, но очень важное иносказание, из которого следует, что управлять толпой (спящим народом) можно, но такой способ управления никогда не будет плодотворным, поскольку он не может раскрыть и мобилизовать творческие силы народа на достижение поставленных перед ним целей управления. Поэт уверен, что время такого управления наступит, ибо знание о «славном витязе» хранится в памяти народной.

Монах, который сохранил
Потомству верное преданье
О славном витязе моем,
Нас уверяет смело в том:
И верю я! Без разделенья
Унылы, грубы наслажденья:
Мы прямо счастливы вдвоем.

Здесь прямое указание Пушкина на самую высокую эффективность тандемного принципа деятельности. Закрытые структуры им пользуются давно. Они хорошо знают, что при правильном пользовании этим принципом можно снимать субъективизм в оценке объективных процессов. О потенциальных возможностях тандемного принципа деятельности сказано и в Евангелии от Матфея гл. 18:19:

«Истинно также говорю вам, что, если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного».

Но поскольку герметичная библейская концепция своей задачей ставила формирование в обществе толпо-“элитарной” логики социального поведения, то уже следующий стих Евангелия закрывает толпе доступ к пониманию этого принципа: «ибо, где двое ИЛИ ТРОЕ собраны во имя Мое, там Я посреди них». Скрывающие знание о Различении знали, что там, где трое, двое всегда объединяются против третьего и никогда не достигнут согласия. То есть в Библии этот важный управленческий принцип есть, но

его как бы и нет; он закрыт для непосвященных, а потому каждый, кто с ним знаком, будет пользоваться им в меру своего понимания.
Защита народа от иудо-христианской экспансии Библии — в глубине его исторической памяти и искренней вере Богу. Все знают народную пословицу «Ум хорошо, а два лучше того», не противоречащую стиху 19 главы 18 Евангелия от Матфея, но многие ли помнят другую русскую пословицу: «Ум хорошо, два лучше, а три — хоть брось», которая отвергает евангельский калейдоскоп и прямо противостоит архитекторам толпо-“элитарной” пирамиды. Есть в народе и прямое указание на этих дуболомов, взявших на себя роль пастушек человеческого стада: «Ум да умец, да третий дубец». Не к ним ли обращается поэт, сравнивая их лукавый сон со сном Люда Милого?

Пастушки, сон княжны прелестной
Не походил на ваши сны,
Порой томительной весны,
На мураве, в тени древесной.
Я помню маленький лужок
Среди березовой дубравы,
Я помню темный вечерок,
Я помню Лиды сон лукавый...
Ах, первый поцелуй любви,
Дрожащий, легкий, торопливый,
Не разогнал, друзья мои,
Её дремоты терпеливой...

Если идти от “яиц Леды” (крылатое выражение о начале всего), то первой девицей, плененной Черномором, была кочевая толпа, которой удалось внушить в «дремоте терпеливой» миссию богоизбранных пастушек человеческого стада. Пушкин не случайно называет лукавый сон Лиды (или Леды?) «дремотой терпеливой». Надо всегда помнить, что в своем изложении общего хода вещей он опирался на информационную базу русского языка. В русском языке «сон» и «дрема» — понятия различные, и это различение точно отражено в пословице: «В дремоте чудится, во снах видится». Мафии бритоголовых, владевшей необходимыми для управления знаниями в самых различных областях жизнедеятельности человеческого общества, не составляло особого труда демонстрировать древним кочевникам различные чудеса как в период египетского плена, так и в

процессе “синайского турпохода”. Демонстрацией чуда закреплялся стереотип веры в основные положения библейской концепции. Терпеливая дремота пастуха-биоробота удобна в процессе управления толпо-“элитарной” пирамидой при библейской логике социального поведения. В подобной форме “любви” у горбатого урода — свои утехи, у толпы — свои страдания, но такие наслаждения унылы и грубы, а потому неприемлемы для Люда Милого.

Но полно, я болтаю вздор!
К чему любви воспоминанье?
Её утеха и страданье
Забыты мною с давних пор;
Теперь влекут мое вниманье
Княжна, Руслан и Черномор.

Читатель уже обратил внимание, что иносказания-наставления, изложенные в образной форме, рассыпаны по всему тексту поэмы. Без раскрытия их содержательной стороны на первый взгляд они действительно могут показаться вздором, отвлекающим внимание от основной линии повествования. Однако следует помнить, что «живой орган богов» ничего напрасно не писал, и потому мы по-прежнему будем стремиться подниматься до уровня понимания Пушкина, а не опускать его песни до уровня болтающих вздор пушкинистов.

Вторая встреча Руслана с Головой происходит после победы над Черномором. Если Голова, отделенная от национальной толпы мафией бритоголовых, выглядит надутой и смешной, то правительство, не выражающее концепции самоуправления народа, утратившее связь с ним и потерявшее в лице горбатого карлы своего хозяина, кажется чудным и жалким.

Руслан глядит — и догадался,
Что подъезжает к голове;
Быстрее борзый конь помчался;
Уж видно чудо из чудес;
Она глядит недвижным оком;
Власы её как черный лес,
Поросший на челе высоком;
Ланиты жизни лишены,
Свинцовой бледностью покрыты,

Уста огромные открыты,
Огромны зубы стеснены...

Точно и образно ярко дано описание последних дней жизни чуждого народу правительства.

Над полумертвой головою
Последний день уж тяготел.
К ней храбрый витязь прилетел
С Людмилой, с карлой за спиною.
Он крикнул: “Здравствуй, голова!
Я здесь! наказан твой изменник!
Гляди: вот он, злодей наш пленник!”

Правителям в большинстве своем присущ демонический тип психики, что и предопределяет, как правило их судьбы. Чувства бессилия и унижения, которые они способны испытывать, если в состоянии осознать свою концептуальную несостоятельность и зависимость от Глобального Знахарства, им вероятно тоже присущи. Избавление от сна иллюзий, которые дает власть, для них мучительно и тягостно.

И князя гордые слова
Её внезапно оживили,
На миг в ней чувство разбудили,
Очнулась будто ото сна,
Взглянула, страшно застонала...
Узнала витязя она
И брата с ужасом узнала.

Нелицеприятная для правительства правда Внутреннего Предиктора о глобальном историческом процессе и достойном месте в нем России может на какое-то время даже оживить Правительство, давно лишенное связи с народом. Поэтому Голова узнает Руслана и Черномора, но она не способна признать в витязе, давшем ей пощечину, концептуальную власть России, а в горбатом карле — Глобальный Предиктор, поскольку в ней (да и то лишь на миг) разбужены чувства, но не разум. Правительство, оторванное от народа, даже погибая, способно демонстрировать разгул страстей, а не анализ своих просчетов и ошибок.

Надулись ноздри; на щеках
Багровый огнь еще родился,
И в умирающих глазах
Последний гнев изобразился.
В смятенье, в бешенстве немом
Она зубами скрежетала
И брату хладным языком
Укор невнятный лепетала...

Верноподданность, жидовосхищение, либерализм, чистоплюйство и нигилизм — все виды социального идиотизма отразились в последний миг в умирающих глазах Головы, которая тем самым как бы подводила итог своими предсмертными судорогами и тысячелетнему периоду страданий своему остову — народу.

Уже её в тот самый час
Кончалось долгое страданье:
Чела мгновенный пламень гас,
Слабело тяжкое дыханье,
Огромный закатился взор,
И вскоре князь и Черномор
Узрели смерти содроганье...
Она почила вечным сном.

Руслан карлу не убивает, а держит при себе за седлом. Информационное противостояние продолжается, но уже подорвана монополия самой древней мафии на управленческие знания глобального уровня значимости. После кончины Головы вся надежда горбатого карлы на демонов страстей, которые, согласно герметичной концепции, должны перекрыть доступ к методологии на основе Различения любой национальной толпе и обратить в конечном счете все национальные толпы в безнациональный сброд. В пресловутой перестройке демоны страстей — ДЕМОН-СТРАЦИИ толпы сыграли свою роковую роль, так что, видимо, не напрасно:

Дрожащий карлик за седлом
Не смел дышать, не шевелился

И чернокнижным языком
Усердно демонам молился.

Вспомним, как в "Песне третьей" мафия бритоголовых обманула "братца":

Вот он однажды с видом дружбы
"Послушай, — хитро мне сказал, —
Не откажись от важной службы:
Я в черных книгах отыскал" и т.д.

Тысячелетия под видом дружбы Глобальный Предиктор собирал все национальные правительства себе на службу, называя «красные» книги «черными». В конце XX века бритоголовый урод «чернокнижным языком» пытался (и поначалу небезуспешно) завести толпу на демонстрации против борьбы за социальную справедливость, объявив её социальной завистью. Так, взывая к демонам страстей, Черномор на какое-то время не без помощи «чернокнижного языка» сумел в массовом сознании толпарей евро-американской цивилизации совершить подмену важнейших социальных понятий. Но этим он не только усугубил свое положение пленника, но еще в большей степени утратил способность к концептуальной деятельности, поскольку «против времени закона его наука» была изначально «не сильна». Руслан же, освобождаясь от губительного влияния страстей, приступает к управлению по полной функции. Выше было дано представление о содержании этого термина в соответствии с Достаточно общей теорией управления.

Что касается управления непосредственно обществом, то полная функция распадается на следующие этапы:

1. Анализ исторического прошлого и прогноз возможных устойчивых вариантов будущего.
2. Выбор вектора целей общественного развития, т.е. одного из устойчивых вариантов из объективно возможного их множества.
3. Формирование концепции общественной деятельности и использования ресурсов, доступных обществу, обеспечивающей выход общества на уровень развития, отвечающий вектору целей.
4. Придание концепции идеологических форм, понятных и притягательных для большинства.

Если на первых трех этапах полной функции управления характер действий Руслана и Черномора формально совпадали в силу автократичности

самой концептуальной власти, то на четвертом этапе они различны и формально и содержательно, поскольку автократия концептуальной власти Глобального Предиктора направлена на сохранение толпо-”элитаризма” в обществе, а Внутреннего Предиктора России — на его разрушение. Отсюда и концепция Глобального надиудейского Предиктора — герметичная, а внутреннего Предиктора России — открытая.

5. Проведение концепции в жизнь при опоре на структурный и бесструктурный способы управления.

Первые три этапа полной функции управления и есть ЖИЗНЕРЕЧЕНИЕ: через них проявляет себя в обществе концептуальная власть. В терминах теории управления концептуальная власть, действующая по схеме предиктор-корректор — начало и конец всех контуров циркуляции информации в системе управления. Термин «предиктор-корректор» — название одного из методов вычислительной математики. При этом алгоритм метода представляет собой цикл, в котором в последовательности друг за другом выполняются две операции: первая — прогноз решения и вторая — проверка прогноза на удовлетворения требованиям к точности решения задачи. Алгоритм завершается в случае, когда прогноз удовлетворяет требованиям к точности решения задачи.

Кроме того, схема управления, в которой управляющий сигнал вырабатывается не только на основе информации о текущем состоянии системы, но и на основе прогноза её дальнейшего поведения, также иногда называется «предиктор-корректор» (предуказатель-поправщик). По схеме «предиктор-корректор» обеспечивается в принципе наиболее высокое качество управления, поскольку часть контуров циркуляции информации замкнута не через свершившееся прошлое, а через прогнозируемое будущее. Это обстоятельство и позволяет свести запаздывание управления относительно возмущающего воздействия до нуля, при необходимости перейти к упреждающему управлению, при котором управляющее воздействие упреждает причину, вынуждающую к управлению. При рассмотрении конфликтных ситуаций, с точки зрения теории управления, схема «предиктор-корректор» исключает даже возможность противоборства с упреждающе готовой к нему системой.

Русскоязычному читателю полезно знать термин «предиктор-корректор». Но по отношению к вопросам истории и социологии ему следует пользоваться словами родного для многих русского языка: ЖРЕЦ, ЖРЕЧЕСТВО, ЖИЗНЕРЕЧЕНИЕ — вопреки тому что за тысячи лет знахари — переводчики Библии и иерархия византийцев — изгадили и извратили объективно свойственный этим словам смысл: ***предвидением, знанием, словом заблаговременно направлять течение жизни обще-***

ства к безбедности и благоустройству, удерживая общество в ладу с биосферой Земли, Космосом и Богом. Знахари заняты своекорыстной эксплуатацией общества на основе освоенного ими знания, с какой целью умышленно культивируют в обществе невежество и извращенные знания. ЖРЕЧЕСТВО ЗАНЯТО ЖИЗНЕ-РЕЧЕНИЕМ ВО БЛАГО ОБЩЕСТВА. В этом отличие ЖРЕЧЕСТВА от знахарства.

Четвертый этап — идеологическая власть. Два вида власти — концептуальная и идеологическая — по существу остаются и по сей день либо за жречеством, либо за знахарством.

Пятый этап — все остальные виды государственной власти (законодательная, исполнительная, судебная и пр.) — остаются за так называемой "элитой". На "толпу", "чернь" легла обязанность подчиняться власти.

Овладение знанием — это тот вид работы, результат которой не может быть ни отнят, ни куплен у свершившего её. Достаточно примеров, когда овладевший знанием не мог его передать окружающим по причине их закомплексованности иной информацией или просто потому, что сам был плохим учителем и не мог возбудить чужой интеллект к действию. Концептуальная власть — выражение в сфере управления чьего-то высочайшего в обществе уровня понимания общего хода вещей и владения разносторонним знанием по отношению к различным его сторонам. Один из возможных вариантов перевода с английского высказывания Ф.Бэкона «Knowledge is power» — «Знание — сила». Но возможен и другой перевод этого выражения: ЗНАНИЕ — ВЛАСТЬ!

ВЛАСТЬ — реализующая-СЯ способность к управлению. Каждый работает в меру своего понимания общего хода вещей на себя, а в меру непонимания — на понимающих больше. В этом смысле те, для кого «знание — сила», работают изо всех сил в интересах тех, для кого «знание — власть». Высшее знание — высшая власть! Высшая власть — концептуальная власть — в силу особенностей овладения знанием автократична.

В "Песне первой" мы были свидетелями, как Финн передавал высшее знание Руслану. То есть, после обретения высшего знания Финн — уже изначально Предиктор, но... нереализующий-СЯ в качестве концептуальной власти. По существу в поэме речь идет не о формировании Внутреннего Предиктора России, а о возрождении его в новых поколениях, чтобы ко времени завершения процесса смены логики социального поведения произошло замыкание государственности на него. В трех предыдущих песнях мы проследили, как Руслан овладевал переданными ему святорусским жречеством знаниями. В Песнях пятой и шестой мы будем свидетелями того, как Руслан, последовательно овладевая полной функцией управления, замкнет государственность России на себя.

Первый этап в этом процессе — анализ исторического прошлого и прогноз возможных вариантов развития будущего. Начало анализу прошлого славянского этноса на примере его части — хазар — было положено в “Песне четвертой”. Трагическая судьба Хазарского каганата, канувшего в Лету, в образной форме изложена поэтом в “Пятой песне”.

На склоне темных берегов
Какой-то речки безымянной,
В прохладном сумраке лесов,
Стоял поникшей хаты кров,
Густыми соснами венчанный.

В “Песне пятой” гибель Головы, вставшей на путь “культурного сотрудничества” со всемирным пауком, предрешена целым рядом её бездумных действий.

— “Ну, что же? где тут затрудненье? —
Сказал я карле, — я готов;
Иду хоть за пределы света”.
И сосну на плечо взвалил,
А на другое для совета
Злодея брата посадил

Выход «за пределы света» — нарушение меры. «Аллах не любит неумеренных» — предупреждает Коран (сура 6:142).
«Сосна там красна, где взросла», — говорит русская поговорка. Прежде чем взвалить сосну на плечо, её надо вырвать из родной почвы, лишить корневой системы. В то же время в мировоззрении Люда Милого сосна — символ стройности, целеустремленности, завершенности, целостности. «Где сосна взросла, там и в дело пошла», — говорят в народе. Это аналог пословицы: «Где родился, там и пригодился». Гибель сосны, вырванной из родных мест, — предвестник гибели и самой Головы — закономерный результат бездумных действий любого правительства, порвавшего связь с народом.

В теченье медленном река
Вблизи плетень из тростника

Волною сонной омывала
И вкруг его едва журчала
При легком шуме ветерка.

Так поэт представил в образной форме течение глобального исторического процесса с вплетенной в него ложью герметистов. Плетень, по словарю В. И. Даля — тын, забор или изгородь из хвороста и прутьев, перевитых между кольев. «Плетень из тростника[1]» — образ исторической лжи писцов, которую несет в себе, *волною сонной омывая*, река времени. О попытках «обладателей писания» вплести ложь в Божье откровение, даваемое через пророков, В Коране (Сура 68 “Письменная трость”) говорится так:

«1. Клянусь письменной тростью и тем, что пишут!. 2. Ты по милости Господа твоего не одержимый, 3. и, поистине, для тебя — награда неистощимая, 4. и, поистине, ты — великого нрава.
5. И вот ты увидишь, и они увидят, 6. в ком из вас испытание.
7. Поистине, Господь твой лучше знает тех, кто сбился с Его пути, и Он лучше знает идущих прямо!».

И далее, в этой же суре Корана:

36. Что с вам, как вы судите?
37. Разве у вас книга, которую вы учите?
38. Поистине, для вас в ней — то, что вы себе выберете!”

По словарю В.И. Даля: Трость, тростинка — камышовое писчее перо древних. Плетеница — бредни или враки, сплетни, ложные слухи.

Долина в сих местах таилась
Уединенна и темна;
И там, казалось, тишина
С начала мира воцарилась.

Для замыкания управления общественными процессами России на Концепцию Общественной Безопасности Руслану пришлось нарушить тишину «долины тайн», которая «с начала мира» казалась «тьмой египетской». Содержание этого выражения, ставшего синонимом чего-то таинственно-

[1] Существует выражение “мыслящий тростник”.

страшного, раскрывается благодаря мудрому изречению Козьмы Пруткова: *«И египтяне когда-то были справедливы и человеколюбивы»*.

Многие тайны мафии бритоголовых скрытно были вплетены усилиями древних писцов в иудо-христианские догмы с тем, чтобы эта "рыба" (символ иудо-христианства) «направила свой путь в море дивным образом» (Коран, Сура 18. Пещера. Аят 62). Вообще Сура 18 Корана — о тайне миссии Моисея в синайском турпоходе:

«59 (60). И вот сказал Муса своему юноше: "Не остановлюсь я, пока не дойду до слияния двух морей, хотя бы прошли годы"».

— Здесь указание на начало синайского турпохода, который длился на протяжении двух поколений. Южная оконечность Синайского полуострова с расположенной в центре горой Синай омывается с востока и запада двумя узкими заливами, которые как бы сливаются в Красном море.

«60 (61). А когда они дошли до соединения между ними, то забыли свою рыбу, и она направила свой путь, устремившись в море.

61 (62). Когда же они прошли, он сказал своему юноше: "Принеси нам наш обед, мы испытали от этого нашего пути тяготу".

62 (63). Он сказал: "Видишь ли, когда мы укрылись у скалы, то я забыл рыбу. Заставил меня забыть только сатана, чтобы я не вспомнил, и она направила свой путь в море дивным образом".

63 (64). Он сказал: "Этого-то мы и желали". И оба вернулись по своим следам обратно».

Так "тьма египетская" покрыла тайну иудо-христианства.

В соответствии с версией древнеегипетского знахарства еврейское "чудо-юдо" дивным образом растворилось в житейском море глобального исторического процесса.

Знахари социальной магии в Египте, под опекой которых воспитывался Моисей с младенчества, пытались в обход его сознания возложить на него миссию по созданию безнациональной периферии наднационального концептуального центра, поскольку в глазах подлинных хозяев этой периферии он должен был сыграть роль "милой пастушки", владеющей особым рецептом приготовления фаршированной "рыбы". Роль "рыбака" обычно исполняли племенные вожди и шаманы кочевых племен, из своекорыстия "забывающие" свой народ, превращаясь при этом сами в прислужников горбатого карлы, который и был главным заказчиком рыбного блюда. В

процессе его приготовления на жарком солнце синайской пустыни “рыба” приобретала специфические свойства: легко адаптируясь в житейском море любой национальной среды, она сохраняла абсолютное послушание и воле “кухарки”, и воле “рыбака”. Другими словами, в Синайской пустыне создавался некий человекообразный сброд, лишенный собственных национальных корней (остова), родного языка (голоса) и в то же время обладающий нечеловеческой жизнестойкостью. Возможно поэтому все народы житейского моря отмечали странности поведения такой “рыбы” (фаршированная рыба — рыба без костей — еврейское блюдо.), но наиболее точную характеристику “богоизбранности” еврейства мы находим в пословицах и поговорках русского народа: «Дядя Моисей любит рыбу без костей» или «Спела б рыбка песенку, когда б голос был».

Из текстов Корана также видно, что Бог уберег Моисея от той миссии, которую на него пыталось возложить древнеегипетское знахарство, поскольку ему “дано было Писание и Различение”. Это означает, что он осознанно противостоял концепции глобального рабовладения, за что, видимо, и был убит. На всех пророков, в том числе и на Моисея, Богом возлагается лишь одна миссия: нести знание о справедливой жизни в обществе людей. И иудеи были вправе выбрать ту миссию, которая была им по нраву. То, что они выбрали концепцию глобального рабовладения, говорит об их злонравии, а следовательно и о том, что совершив свой выбор, они Свыше были лишены Различения.

Текст Корана дается по изданию 1986г., Москва, в переводе с арабского И.Ю.Крачковского. В переводе Г.С.Саблукова, издание 1907 г., Казань, в суре 18 “Пещера” “юноша” имеет четкое определение: СЛУЖИТЕЛЬ МОИСЕЯ. Из текста И.Ю.Крачковского не ясно, кто сказал «Этого-то мы и желали». В переводе Г.С.Саблукова эта фраза однозначно принадлежит Моисею.

Так нагнеталась “тьма египетская” по части тайн иудо-христианства. Следующие стихи Суры 18 “Пещера” о том, почему Моисей не мог принадлежать к Глобальному Предиктору.

«64 (65). И нашли они раба из Наших рабов, которому Мы даровали милосердие от Нас и научили его Нашему знанию.

«Раб из Наших рабов, получивший милосердие и знания от Аллаха» — вероятнее всего, другой Божий посланник, на которого, в отличие от Моисея, возложена Свыше полная функция управления применительно к социальным процессам, протекающим на Земле. Видимо, он допущен к концептуальной деятельности Свыше помимо знахарской иерархии, на такую деятельность претендующей, и потому является своеобразным экзаменатором Моисея.

«65 (66). Сказал ему Муса: “Последовать ли мне за тобой, чтобы ты научил меня тому, что сообщено тебе о прямом пути?”
66 (67). Он сказал: “Ты не в состоянии будешь со мной утерпеть.
67 (68). И как ты вытерпишь то, о чем не имеешь знания?”»

“Экзаменатор” предупреждает Моисея, что, не обладая знанием общего хода вещей и, в силу этого, не понимая смысла происходящего, тот будет мешать ему, задавая ненужные вопросы. Моисей обещал быть послушным.

«68 (69). Он сказал: “Ты найдешь меня, если угодно Аллаху, терпеливым, и я не ослушаюсь ни одного твоего приказания”.
69 (70). Он сказал: “Если ты последуешь за мной, то не спрашивай ни о чем, пока я не возобновлю об этом напоминания”.
70 (71). И пошли они: и когда они были на судне, тот его продырявил.
Сказал ему: “Ты его продырявил, чтобы потопить находящихся на нем? Ты совершил дело удивительное!”
71 (72). Сказал он: “Разве я тебе не говорил, что ты не в состоянии будешь со мной утерпеть?”
72 (73). Он сказал: “Не укоряй меня за то, что я позабыл, и не возлагай на меня в моем деле тяготы”.
73 (74). И пошли они; и когда встретили мальчика и тот его убил, то он сказал: “Неужели ты убил чистую душу без отмщения за душу? Ты сделал вещь непохвальную!”
74 (75). Он сказал: “Разве я не говорил тебе, что ты не в состоянии будешь утерпеть?”
75 (76). Он сказал: “Если я у тебя спрошу о чем-нибудь после этого, то не сопровождай меня: ты получил от меня извинение”.
76 (77). И пошли они; и когда пришли к жителям селения, то попросили пищи, но те отказались принять их в гости. И нашли они там стену, которая хотела развалиться, и он её поправил. Сказал он: “Если бы ты хотел, то взял бы за это плату”».

Моисей и на этот раз “не утерпел”, а это означало, что по всем трем вопросам экзаменационного билета на соискание звания “Предиктор” он получил “неуд”, после чего земные пути двух Божьих посланников разошлись.

«77 (78). Он сказал: “Это — разлука между мной и тобой. Я сообщу тебе толкование того, что ты не мог утерпеть.

78 (79). Что касается судна, то оно принадлежало беднякам, которые работали в море. Я хотел его испортить, ибо за ними был царь, отбиравший все суда насильно.

79 (80). Что касается мальчика, то родители его были верующими, и мы боялись, что он обречет их переносить непокорность и неверие.

80 (81). И мы хотели, чтобы Господь дал им взамен лучшего, чем он, по чистоте и более близкого по милосердию.

81 (82). А стена — она принадлежала двум мальчикам-сиротам в городе и был под нею для них клад, а отец их был праведен, и пожелал Господь твой, чтобы они достигли зрелости и извлекли свой клад по милости твоего Господа. Не делал я этого по своему решению. Вот объяснение того, чего ты не мог утерпеть”».

Раскрывая существо своей деятельности, анонимный Божий посланник дает Моисею представление об общем ходе вещей и, тем самым, как бы оберегает его от вовлечения в Богоборческую иерархию знахарей. Библейский Моисей остался в сознании потомков только пророком; еврейского государства он не создал и самому ему не суждено было увидеть результатов синайского социального эксперимента.

У Руслана в истории своя миссия:

Руслан остановил коня.
Все было тихо, безмятежно;
От рассветающего дня
Долина с рощею прибрежной
Сквозь утренний сияла дым.
Руслан на луг жену слагает,
Садится близ нее, вздыхает
С уныньем сладким и немым.

И Внутренний Предиктор России мог забыть Люд Милый. Но Коран прав: заставить забыть свой народ может только сатана. Отсюда следует, что народ, превращенный в “фаршированную рыбу”, если верить Библии, был чужд библейскому Моисею. Создатели его образа в скульптуре, в живописи, в литературе почему-то упорно стремились отметить его связь с сатаной рогами. Многие и сегодня считают, что дело о рогах Моисея темное и неясное. Так убитый (или наказанный Свыше?) протоиерей-выкрест А. Мень вновь затронул этот вопрос в одной из своих работ:

«Предполагают, что в особо торжественные моменты Моисей надевал нечто вроде митры, украшенной рогами. В тексте Библии “рога” переводятся как “лучи”. “Моисей не знал, что лицо его стало сиять лучами от того, что Бог говорил с ним” (Исход, 34:29). Блаженный Иероним, однако, переводил эти слова, как “рога”. Причина неясности в том, что на иврите и “лучи” и “рога” передаются одними и теми же согласными» (Эммануил Светлов “А. Мень”. “Магизм и единобожие”. Брюссель, 1971).

Здесь мы вынуждены еще раз обратиться к истории, связанной с фигурой Моисея, чтобы приоткрыть завесу тайн над этой противоречивой личностью. Когда речь заходит о деятельности пророков, то кроме Глобального Предиктора, толпы, “элиты” необходимо рассматривать их взаимоотношения с внесоциальным интеллектом: Всевышним, Его иерархией, сатаной и т.д. Если же анализировать миссию пророков, исходя из текста Корана, то на всех них лежало одно: напоминать людям о Боге через передачу некоего Знания. Пророки отвечали только за передачу, а люди, толпы и предиктор получали полную свободу последовать Откровению, отвергнуть его и пророка, или монополизировать полученное Знание с целью получения гешефта.

Библейский Моисей — первый исторически зафиксированный “антисемит”, если не выходить при рассмотрении его миссии за пределы официальной истории развития общества и полагать, что он стремился к тому, что в реальном обществе произошло, и при этом считать, что вектор ошибки его деятельности в интересах общества равен нулю. Но, если на нем лежала только передача Знания Торы, то за использование этого Знания во зло отвечают «те, кому было дано нести Тору, а они её не понесли» (Коран 62:5). И тогда блаженный Иероним по отношению к реально историческому Моисею мог играть ту же роль, что и “блаженный” Волкогонов по отношению к реальному Сталину. Различие будет определяться лишь давностью лет и тем, что от Сталина остались реальные тексты его работ,

а от Моисея — нет. Странным образом жизнь и смерть Сталина перекликается с жизнью и смертью Моисея. И эта общность подмечена даже в анекдотах: «Что общего между Моисеем и Сталиным? — Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин из Политбюро». Но не менее удивляет и схожесть в отношении к этим историческим фигурам авторитетов из Среды самого еврейства, что особенно заметно в работах психоаналитика Зигмунда Фрейда "Человек Моисей и монотеистическая религия". Москва. Изд. "Ренессанс" 1992 г. Во второй части книги под названием "Если Моисей был Египтянин..." читаем:

«Моисея, как Эхнатона, постигла судьба всех ***просвещенных деспотов***. Еврейский народ Моисея, точно также, как египтяне XVIII династии, был неспособен вынести столь одухотворенную религию, найти в её тезисах удовлетворение своих потребностей. В обоих случаях произошло одно и то же: опекаемые и обделенные поднялись и сбросили с себя груз навязанной им религии».

"Опекаемые", понятно, — евреи, а кто "обделенные"? По Фрейду получается, что "обделенные" — это левиты:

«К величайшим загадкам иудейской прадревности относится происхождение левитов. Они занимают важнейшие священнические посты, однако, левит не обязательно священник, это не название касты. Наше предположение о личности Моисея подводит нас вплотную к отгадке. Невероятно, чтобы такой большой господин, как египтянин Моисей (вот почему у Пушкина в "Гавриилиаде" — «Стал Моисей известный господин»), отправился к чужому народу без сопровождения. Он, разумеется, привел с собой свиту своих ближайших сторонников, своих писцов, свою челядь. Они и были первоначально левитами. Утверждение предания, согласно которому, Моисей был левит, представляется прозрачным искажением факта: левиты были людьми Моисея».

Анализируя сложившуюся вокруг Моисея ситуацию и сравнивая её с критической ситуацией в Египте к концу правления фараона Эхнатона, Фрейд приходит к выводу, что Моисея устранили "дикие семиты":

«Причем робкие египтяне дождались, когда судьба устранила священную личность фараона, тогда как дикие семиты взяли судьбу в свои руки и смели тирана со своего пути».

Здесь звучат интонации "обделенного" левита, презирающего "диких семитов" — будущих евреев и если не знающего, то бессознательно помнящего, что «во времена Эхнатона один и тот же иероглиф обозначал и судьбу, и жреца, и фараона, и Бога». ("Тайна золотого гроба" Ю. Я. Перепелкин, Москва, Изд. "Наука" 1968 г.)

Слово «***судьба***» в предыдущей фразе Фрейда — всего лишь палец, указующий на некую реальную силу, действительно способную устранить с исторической арены и фараона, и "просвещенного тирана", но не сама сила. ***Жрецы***, по-гречески — иерофанты, что в переводе на русский означает: знающие ***судьбу***, будущее. Поняв это, мы легко можем из четырех слов выбрать то, которое определит и саму силу — ***жрецы***, после чего фраза не только обретет ясный смысл, но и позволит уличить левита XX века в преднамеренной лжи:

«Причем робкие египтяне дождались, когда ***жрецы*** устранили священную личность фараона, тогда как дикие семиты взяли ***жрецов*** в свои руки и смели (по умолчанию: с их помощью) тирана со своего пути».

Вряд ли "дикие семиты", при их уровне понимания подлинных целей "синайского турпохода", способны были использовать египетскую касту жрецов в своих интересах; легче предположить обратное.

Если оценивать события глобального исторического процесса не как результат противостояния личностей фараонов, царей, вождей, президентов и генсеков, а как осмысленную или бездумную борьбу за проведение в жизнь различных концепций управления, то можно понять и причины раскола во времена Эхнатона когда-то единого древнеегипетского жречества. Религиозный переворот Эхнатона — широкоизвестный факт истории, но в глобальном историческом процессе ему предшествовало, и после него следовало множество других исторических фактов, которые обыденное сознание неспособно связать причинно-следственными обусловленностями в единый процесс противостояния концепций Бога и сатаны. Эти концепции представлены в истории Древнего Египта двумя религиозными культами Атона и Амона. Но слова "Атон", "Амон" — только пальцы, указующие на две стороны концептуального противостояния в обществе.

«Атон был пацифистом, как и его представитель на Земле, собственно его прообраз, фараон Эхнатон, бездеятельно наблюдавший, как распадается созданная его предками мировая держава. Для народа, настроившегося на насильственный захват новых мест расселения, Ягве был заведомо более подходящим богом», — пишет Фрейд на с. 188.

Люди производительного труда во все времена были пацифистами и ни один народ сам «настроиться на насильственный захват новых мест расселения» был не способен, если это не входило в планы тех, кто занимался профессионально управленческой деятельностью. В их функции во времена исторического Моисея входило не столько поддержание насильственных действий, сколько информационное обеспечение концентрации управления на первых трех приоритетах обобщенных средств управления. И потому реальному Моисею было не сложно вывести будущих евреев из Египта под знаменем “пацифиста Атона”. Но после того, как бывших многобожников-кочевников захватила идея единого и миролюбивого Атона, Моисей сопровождавшим его левитам, легко переходившим из партии Атона в партию Амона (современные левиты проделывают это с не меньшим успехом), был не нужен: при нем была бы невозможна подмена пацифиста-Атона кровожадным племенным богом мадианитян — будущим иудейским Ягве, который функционально был периферией Амона.

«Триумф христианства (посленикейского. — *Наше замечание*) был новой победой жрецов Амона над богом Эхнатона, после полуторатысячелетнего перерыва и на расширившейся исторической арене», — заявляет Фрейд на с. 213, словно подводя итоги затянувшемуся на многие тысячелетия противостоянию жречества Атона и Амона.

Простодушная толпа кочевников, так же как позднее и толпа посленикейских христиан, не искушенная в вопросах концептуального противостояния, подобной подмены не заметила бы, но вряд ли бы это позволил сделать живой Моисей или Христос. Поэтому так схожи судьбы пророков, вождей и правителей, делавших попытки реализовать концепцию справедливого жизнестроя: они уничтожались своим ближайшим окружением, умевшим сохранять свое “инкогнито”.

Мы не случайно уделили так много внимания фигурам библейского и исторического Моисея. К концу рассматриваемой нами песни мы увидим, что Руслану как бы суждено будет пройти тот же путь, через который прошли исторические Эхнатон, Иосиф Иаковлевич, Моисей, Христос, Иосиф Сталин, канонические описания жизни которых сильно отличаются от их реальной судьбы. Но Пушкин также показал, что у внешне схожего с ними пути есть и существенное различия. Руслану, в отличие от его предшественников, были показаны символы опасности: он видит «смиренный парус челнока и слышит песню рыбака».

И вдруг он видит пред собою

Смиренный парус челнока
И слышит песню рыбака
Над тихоструйною рекою.
Раскинув невод по волнам,
Рыбак, на весла наклоненный,
Плывет к лесистым берегам,
К порогу хижины смиренной.

Снова, как в "Песне второй", появляется «порог хижины смиренной», но пушкинский уровень понимания закрыт для его обитателя кулинарным искусством «пастушки милой».

И видит добрый князь Руслан:
Челнок ко брегу приплывает;
Из темной хаты выбегает
Младая дева; стройный стан,
Власы небрежно распущенны,
Улыбка, тихий взор очей,
И грудь, и плечи обнаженны,
Все мило, все пленяет в ней.
И вот они, обняв друг друга,
Садятся у прохладных вод,
И час беспечного досуга
Для них с любовью настает.

Мы видим, что этот "рыбак", плененный напоказ открытыми прелестями младой кухарки, забыл свою "рыбу".

Но в изумленье молчаливом
Кого же в рыбаке счастливом
Наш юный витязь узнает?

Кто же этот "счастливый рыбак", навсегда забывший в пустыне безмятежной свой Люд Милый и изменивший ему ради крепких объятий подруги нежной?

Хазарский хан, избранный славой,

Ратмир, в любви, в войне кровавой,
Его соперник молодой,
Ратмир в пустыне безмятежной
Людмилу, славу позабыл
И им навеки изменил
В объятиях подруги нежной.

Военная языческая элита хазар с принятием иудаизма забыла свой народ, отдав его кулинарам-левитам на приготовление очередной порции "фаршированной рыбы" для Черномора. «Рыбак рыбака видит издалека», — говорит русская пословица. Печальная судьба хазар, не оставивших культурного следа в истории народов, лишь подтверждает эти слова народной мудрости. Столь поучительный урок не мог пройти мимо Руслана, решившего понять прошлое.

Герой приблизился, и вмиг
Отшельник узнает Руслана,
Встает, летит. Раздался крик...
И обнял князь младого хана.
"Что вижу я? — спросил герой, —
Зачем ты здесь, зачем оставил
Тревоги жизни боевой
И меч, который ты прославил?"

Беспристрастный анализ исторического прошлого хазар дает возможность осознать опасность культурной экспансии иудаизма. Догмы иудаизма превращают мировоззрение любого народа в некий наполнитель-фарш, лишенный остова — исторической памяти. Историческая память народа наиболее полно отражена в его эпосе. Принятие иудаизма означает запрет на все виды изобразительного искусства (за исключением абстракционизма), что неизбежно ведет к деградации всех видов ремесел, а следовательно, к подавлению творческих способностей самого народа. Такова технология приготовления "фарша". "Многие люди подобны колбасам: чем их начинят, то и носят в себе", — К.Прутков. Колбаса и фаршированная рыба кулинарно-технологически близки. При достаточно высокой квалификации "кухарок" мировоззрение народа на основе этой технологии может быть обработано до такой степени, что народ утратит способность к Различению даже на уровне подсознания и превратится в "фарширован-

ную рыбу”, лишенную собственного остова — генетически устойчивого ядра нации.

После этой операции народ как национальная общность перестает существовать и превращается в псевдоэтнический безнациональный сброд, замкнутую религиозную секту, межнациональную мафию или дезинтегрированный биоробот. Кому как нравится, поскольку данные определения достаточно полно отражают многообразие содержательной деятельности еврейства в современном, так называемом цивилизованном, обществе. Однако в судьбе хазар есть существенное отличие от судьбы еврейства. Иудаизм у хазар приняла только элита. Народ иудаизма не принял, но, лишившись своих племенных вождей, превращенных левитами в рыбаков, он оказался “забытым”, т.е. выпавшим из глобального исторического процесса. При этом «Сам рыбак в мережку попал» (русская народная поговорка), и потому Ратмир на вопрос Руслана отвечает:

Я все забыл, товарищ милый,
Все, даже прелести Людмилы.

Руслан отвергает роль “Рыболова — кучера с долгим немецким бичом, в ливрее” (см. словарь В.И.Даля: рыболов). Он рад, что не способен забыть даже уснувший Люд Милый.

“Любезный хан, я очень рад! —
Сказал Руслан, — она со мною”.

Для “рыболова” Ратмира, чье предательство народа станет и его собственной судьбой, иной путь, выбранный Русланом, выходит за рамки стереотипов, сформированных иудаизмом, и потому представляется невозможным. Он обречен на гибель в объятьях «пастушки милой», но осознание этого — измена «подруге милой» — подлинному хозяину его судьбы. Для любой элиты страх измены своему хозяину сильнее даже страха смерти. Когда же такой “рыбак” стоит перед выбором — изменить хозяину или предать народ, — он в силу жидовосхищения предает народ.

— “Возможно ли, какой судьбою?
Что слышу? Русская княжна...
Она с тобою, где ж она?
Позволь... но нет, боюсь измены;

Моя подруга мне мила;
Моей счастливой перемены
Она виновницей была;

Поэт устами Ратмира вину «пастушки» определил точно. Он также сумел в образной форме показать, что речь идет об иудаизме. Хазарская военная элита приняла иудаизм в VII веке нашей эры. Могла принять и христианство, но христианство моложе иудаизма. У Ветхого и Нового завета — свои волшебницы, но волшебницы Торы (Пятикнижие Моисеево) минимум на 628 лет, а максимум на 2×628 лет старше и, следовательно, опытнее волшебниц Нового завета — двенадцати апостолов христианства. И нет ничего удивительного, что опыт одной профессиональной пастушки Ратмир предпочел дилетантизму двенадцати волшебниц молодых.

Она мне жизнь, она мне радость!
Она мне возвратила вновь
Мою утраченную младость,
И мир, и чистую любовь.
Напрасно счастье мне сулили
Уста волшебниц молодых;
Двенадцать дев меня любили:
Я для нее покинул их;
Оставил терем их веселый
В тени хранительных дубров;
Сложил и меч, и шлем тяжелый,
Забыл и славу, и врагов.

Искусством разоружения своих потенциальных противников с использованием метода “культурного сотрудничества” “милые пастушки” владели в совершенстве задолго до пресловутой перестройки. Ратмир, «отшельник мирный и безвестный», остался в «счастливой глуши» потому, что, поставленный перед необходимостью сделать выбор между народом и «милой пастушкой», он верноподданно и с нескрываемым жидовосхищением отвечал:

“С тобой, друг милый, друг прелестный,
С тобою, свет мой души!”

Нет, не случайно в поэме подруга рыбака Ратмира не пошлая “рыбачка-Соня”, а «пастушка милая». Разница смысла подчеркнута и морфологически: Люд милый — пастушка милая. Пушкин сценою встречи Руслана с Ратмиром дает Внутреннему Предиктору России урок ложного счастья. Известно, что уже в начале XIX века пастушеская поэзия считалась идиллической, в коей господствует ложная, приторная простота.

Пастушка милая внимала
Друзей открытый разговор
И устремив на хана взор,
И улыбалась, и вздыхала.

Здесь мы подошли к раскодированию еще одной части пролога.

В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит.

«Худо овцам, где волк в пастухах», — предупреждает русская поговорка. И еще об этом же: «Кто веру имеет, что волк овцу пасет?» «Пастушка милая» — один из многочисленных образов Наины. Поэт же предупреждает Руслана: «Надо знать волка в овечьей шкуре».

Рыбак и витязь на брегах
До темной ночи просидели
С душой и сердцем на устах —

Разговор Руслана с Ратмиром — «открытый, с душой и сердцем на устах». Разум, по умолчанию, находится в пассивном состоянии. “Пастушка милая” возможно поэтому «улыбается и вздыхает».

Часы невидимо летели.
Чернеет лес, темна гора;
Встает луна — все тихо стало;
Герою в путь давно пора.

Судьба Ратмира поучительна для Руслана своей безысходностью:

Накинув тихо покрывало
На деву спящую, Руслан
Идет и на коня садится;

Объятий прощальных нет, да и говорить больше не о чем: их судьбы разошлись. Появление луны — предвестника беды — заставляет Руслана, не дожидаясь рассвета, покинуть сумрачное место на берегу безымянной речки.

Задумчиво безмолвный хан
Душой вослед ему стремится,
Руслану счастия, побед,
И славы, и любви желает...
И думы гордых, юных лет
Невольной грустью оживляет...

С принятием иудаизма элита хазар постепенно утрачивала связь с национальной культурой славян, их языком и, будучи оторванной от народа, стала попросту “безмолвной” под бдительным взором волка-пастуха в овечьей шкуре. В народе о таких говорят: «Сказал бы словечко, да волк недалечко».

В представленном варианте раскрытия иносказания главное — судьба хазарского народа. Она принципиально не меняется вне зависимости от этнического происхождения самих хазар, т.е. тюркского или славянского. Для человечества в целом, предпочитающего уникальную самоценность любой нации мафиозной богоизбранности зомби, важно понять, как Глобальный надиудейский Предиктор с помощью “рыбаков” и “пастушек” превращает все народы в безнациональную толпу. Только осознав технологию “похищения красавиц” Черномором, можно выработать концепцию противостояния ей.

Анализ прошлого, как первый этап полной функции управления, на этом завершается. Впереди выбор возможных вариантов устойчивого развития будущего, один из которых основательно загерметизирован мафией бритоголовых. Этот вариант, как долговременная концепция развития общества, является собственностью Черномора. Руслану предстоит раскрыть его и оценить на соответствие общему ходу вещей. Сам карла в котомке, но его кухарка Наина, большой мастер приготовления “фаршированной рыбы”, на воле. Она — биоробот, концепция Черномора для нее — программа, от выполнения которой ведьма не может уклониться. Это необхо-

димо осознать и понять вне зависимости от того, что истина может оказаться печальной и нелицеприятной. «Живой орган богов» ставит вопрос о целях такой работы не только себе, но и нам, его потомкам:

Зачем судьбой не суждено
Моей непостоянной лире
Геройство воспевать одно
И с ним (незнаемые в мире)
Любовь и дружбу старых лет?
Печальной истины поэт,
Зачем я должен для потомства
Порок и злобу обнажать
И тайны козни вероломства
В правдивых песнях обличать?

Впереди тяжелые испытания для Руслана. Глобальный надиудейский Предиктор, оценив, что реализация его концепции под угрозой, готов в решающий момент ввести в дело с помощью Наины все свои ресурсы, которые никто и никогда не мог распознать как кадровую базу самой древней, самой культурной и самой богатой мафии.

Княжны искатель недостойный,
Охоту к славе потеряв,
Никем не знаемый Фарлаф
В пустыне дальной и спокойной
Скрывался и Наины ждал.
И час торжественный настал.
К нему волшебница явилась,
Вещая: “Знаешь ли меня?
Ступай за мной; седлай коня!”
И ведьма кошкой обратилась.

Превращение ведьмы в кошку — не случайность в череде образов, принимаемых Наиной. Раскрыть систему связей меж “крылатым змием”, “пастушкой” и “кошкой” нам снова помогает народная мудрость, содержащаяся в русских пословицах и поговорках: «Лакома кошка до рыбки, да в воду лезть не хочется»; «Сваха лукавая, змея семиглавая» — семисвечный символ тайных козней вероломства. Кошка, как и пастушка, рыбу не

ловит, а сватает её на черные дела. Фар-лаф, кадровая база мафии брито-головых, фар-шированная рыба, приготовленная для беспрекословного исполнения замыслов Черномора, и потому все указания сваха лукавая отдает Фарлафу в приказном тоне и с уверенностью, что «княжны искатель недостойный» не посмеет ослушаться.

Оседлан конь, она пустилась;
Тропами мрачными дубрав
За нею следует Фарлаф.

Самая печальная истина информационной войны с использованием метода “культурного сотрудничества” — интеллектуальное иждивенчество толпы, которую и сегодня, благодаря пустословию лживой прессы, удается оседлать змее семиглавой. Руслан же в своей концептуальной деятельности социальному идиотизму толпы должен противопоставить более высокий уровень мировоззрения народа, который всегда знал, что «льстец под словами, а змей под цветами». Какой уровень культуры мышления русского народа хотел бы видеть поэт? Ответ на этот вопрос мы найдем в одном из его последних (1836 г.) произведений.

И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова.

(Из Пиндемонти)

Пока же можно лишь сказать, что сознание народа — дремлет, а средства массовой информации, полностью контролируемые недостаточно квалифицированными заклинателями социальной стихии, пытаются сгружать в обход его сознания через подсознание (т.е. на эгрегориальном уровне) тучи лжи.

Долина тихая дремала,
В ночной одетая туман,
Луна во мгле перебегала
Из тучи в тучу и курган

Мгновенным блеском озаряла.

По словарю В.И.Даля «курган» — насыпной холм, древняя могила с захоронением предков. Знаменательно, что Руслан остановился на отдых у кургана, а не “в счастливой глуши” Ратмира.

Под ним в безмолвии Руслан
Сидел с обычною тоскою
Пред усыпленною княжною.
Глубоку думу думал он,
Мечты летели за мечтами,
И неприметно веял сон
Над ним холодными крылами.

Дума и мечта в русском языке не синонимы. Думать — мыслить, доходить своим умом; мечтать — играть воображением, думать о несбыточном. Руслан думает не долгую, а глубокую думу, ибо на Руси испокон веков знали, что долгая дума — лишняя скорбь. Плодотворности глубокой думы мешает тоска (стесненье духа, душевная тревога) и мечта (игра мысли, призрак, видение). Что должно быть главной заботой Внутреннего Предиктора России после встречи с печальным прошлым и осознания своей ответственности за будущее усыпленного народа? — Выбор устойчивого варианта развития из всех возможных вариантов будущего; определение вектора целей и формирование концепции управления, обеспечивающей выход общества на уровень развития, отвечающий вектору целей, т.е. первые три этапа полной функции управления. Вот когда все это будет глубоко, ответственно и основательно продумано и изложено в строгих лексических формах, — тогда и Люд Милый проснется. Все это думы важные и своевременные, да только издревле существует на Руси оберег по части серьезной думной работы: «Не всякую думу при людях думай». Секрет же оберега раскрывается через известную поговорку: «Все мы люди, да не все человеки», т.е. не все преодолели в себе животный строй психики или строй психики демона, зомби (см. об этом подробнее во Введении). Руслан пренебрег народной мудростью и был наказан.

На деву смутными очами
В дремоте томной он взглянул
И, утомленною главою

Руслан и Людмила. Песнь пятая

Склонясь к ногам её, заснул.

Пушкин пока ничего не говорит о Черноморе, сидящем в котомке, за седлом. Но даже лишенное бороды глобальное знахарство пока еще “на коне” и обладает свободой применения всех доступных ему видов информационного оружия. При этом необходимо учитывать, что горбатый карлик сам раб своей концепции. Даже в условиях ограниченной свободы он способен навязать её методом культурного сотрудничества Руслану. Лучше всего это делается в обход сознания через подсознание, т.е. когда сознание заблокировано либо наркотиком (чаще всего алкоголем), либо сном, либо тем и другим вместе. Отсюда в народе поговорка: «Хмельной да сонный не свою думу думают». “Вещий сон Руслана” — прекрасная демонстрация эффективности метода культурного сотрудничества на эгрегориальном уровне.

И снится вещий сон герою:
Он видит, будто бы княжна
Над страшной бездны глубиною
Стоит недвижна и бледна...
И вдруг Людмила исчезает,
Стоит один над бездной он...
Знакомый глас, призывный стон
Из тихой бездны вылетает...
Руслан стремится за женой;
Стремглав летит во тьме глубокой...

В сущности Черномор повторяет здесь трюк, который он проделал в “Песне четвертой” с Людмилой, когда предстал перед ней в образе фальшивого Руслана Имрановича.

Вдруг слышит — кличут: “Милый друг!” —
И видит верного Руслана.
Его черты, походка, стан;
Но бледен он, в очах туман,
И на бедре живая рана —
В ней сердце дрогнуло. ”Руслан!

Руслан!.. он точно!” И стрелою
К супругу пленница летит

Тогда, как только обман раскрылся, Людмилу пришлось усыпить.

Раздался девы жалкий стон,
Падет без чувств — и дивный сон
Объял несчастную крылами.

На этот раз Черномор “рисует” свои картинки в обход сознания через подсознание Руслана, пользуясь его «дремотой томной». Мы уже знаем, что «в дремоте чудится, а во сне видится».

Можно ли программировать сознание толп, а также отдельного человека в необходимом для программиста направлении? После десяти лет перестройки никто уже в этом не сомневается, поскольку тем, кто мнит себя “провидцами”, удалось через продажные средства массовой информации обрушить на отключенное алкоголем дремотное сознание толпы эсхатологическое (по-русски: разрушительное) видение общего хода вещей в рамках толпо-“элитарной” концепции всемирного паука. Чтобы понять механизм воздействия на сознание и подсознание человека современных средств массовой информации, и телевидения в особенности, мы вынуждены сделать небольшое отступление в область прежде закрытую для массового читателя, но тем не менее необходимую для дальнейшего раскодирования содержания поэмы. Речь пойдет о магии, которой по существу по ходу действия занимаются Черномор и Наина.

В контексте настоящей работы под словом “магия” понимаются средства, казалось бы противоестественного воздействия на окружающий мир, и, в частности, на людей, которые тем не менее дают результат, выражающийся в изменении статистики массовых явлений, и который во многом зависит от личности практикующего эти средства. Этнография выделяет магию в качестве общественно признаваемой деятельности уже со времен каменного века. Только с началом эпохи материализма, и сопутствующего ему атеизма и неверия в возможность существования иной жизни, кроме физиологии белковой биомассы, общества утратили серьезное отношение к магии, занятия которой стали рассматривать в качестве развлечения, пустой траты времени, шарлатанства и психической ненормальности.

В основе такого мировоззренческого сдвига общества лежат огрубление чувствительности человека, невнимательность к статистике массовых явлений и их обусловленности личностным фактором, что в конце концов

и нашло выражение в тезисе об объективности материального мира и субъективности информации в этом мире. Жизнь стала рассматриваться и описываться как процессы обмена энергией и веществом, но не как процессы обмена общей всему миру информацией, которая может быть записана не только на белковых (телах людей) и техногенных носителях (памятниках культуры), но и на иных носителях информации, восприятие которых не всегда доступно человеку и его техническим средствам.

При взгляде на жизнь, как на процесс обмена информацией, магия, хотя и сохраняет субъективную обусловленность результата, но перестает восприниматься в качестве чего-то противоестественного. Признание возможностей магии, как средства воздействия на мир, приводит к вопросу об этической допустимости магии, в том числе и об этической допустимости магии в русле той или иной религии.

В контексте религиозной традиции Откровений Единого Завета, данных через Моисея, Христа, Мухаммада, магия в культуре исторически реального общества — всего лишь одно из множества проявлений самодурственной отсебятины, которой многие люди насилуют Мироздание, а вследствие ответной реакции Мироздания в жизни человечества многое неладно.

Живому человеку свойственно излучать определенные природные поля (физические поля). Под термином «биополе» в настоящей работе понимается совокупность общеприродных полей, излучаемых живыми организмами, включая организмы людей. Излучаемые биополя естественно несут информацию, свойственную источникам полей. Вследствие биополевого обмена в биосфере планеты все взаимно обусловлено, вне зависимости от того, ощущают люди это единство или нет, понимают они его или нет.

Людям свойственна генетически обусловленная совместимость по биополю. Но при этом свойственны похожесть и различия по информации, которую несут их души. Излучение “похожей” информации многими людьми на биополевом уровне организации биосферы планеты порождает энергоинформационный объект, именуемый в традиционной оккультной литературе *эгрегором* (по-русски: *соборностью*). По отношению ко множеству людей, обладающих некоторой информационной идентичностью, “похожестью” — эгрегор является их порождением. При этом одни и те же люди по характеру несомой ими информации (и разным фрагментам их информационного багажа в целом) могут соответствовать разным эгрегорам; это же касается и биополевого соответствия, т.е. особенностей настройки энергетики человека как излучателя (приемника), независимого по отношению к характеру информации, рассматриваемой самой по себе. Вследствие этого, в разные периоды времени (и в разные моменты в пре-

делах одного периода) они могут взаимодействовать с разными эгрегорами, а разные эгрегоры могут оказывать энергетическое и информационное воздействие на одного и того же человека, одновременно дополняя друг друга, чередуясь между собой, либо вступая в конфликты по поводу обладания человеком.

Эгрегор в целом — единый организм, но образованный не из вещества, а из полей, свойственных входящим в него людям. По отношению к нему биополевая структура каждого человека и группы людей занимает то же иерархическое место, что в составе индивидуального человеческого организма занимают клетки, специализированные органы и их системы. Разница только в том, что “сборка” организма эгрегора в единую целостность в иерархии Мироздания осуществлена не на уровне вещества биомассы, а на уровне биополей.

При этом, подобно тому как в человеческом организме идет процесс обновления клеток, так и люди рождаются в долгоживущих эгрегорах и растут под их опекой; а став взрослыми, своими биополями поддерживают эгрегор в дальнейшем до своей телесной смерти или выхода из данного эгрегора. Действия входящих в эгрегор людей им координируются, дополняя фрагментарность друг друга, соответственно личностным возможностям каждого человека в неком целостном эгрегориально-целесообразном процессе. Это осуществляется через дальнодействующие каналы энергоинформационного обмена биополевого характера и имеет место даже, если люди не знают ничего друг о друге: о каждом из них “знает” эгрегор — коллективный дух. Каждый эгрегор — надличностный фактор, способный к разнородному управлению и управляющий людьми в большей или меньшей мере.

Соответственно такому пониманию слова «эгрегор», одна из сторон объективного общественного явления, называемого «духовная культура», — порождение и преобразование свойственных обществам эгрегоров — коллективных духов, соборностей.

Мощь эгрегора намного больше, чем энергетическая и информационная мощь личности. Поэтому, если параметры настройки энергетики личности соответствуют некоему эгрегору, то эгрегор может энергетически смять, подхватить и унести, пережечь человека или сожрать его; это возможно в случае, если в соответствующем настроении энергетики человек сам обращается к общей с эгрегором информации в своем внутреннем мире или неспособен отстроиться от эгрегориальных попыток возбуждения этой информации в нем, в его внутреннем поведении, осознанном и “подсознательном” мировосприятии и мышлении.

В случае установления устойчивого энергетического контакта и минимальной информационной общности с эгрегором через систему ассоциаций — взаимных связей понятий и образов (в том числе и не осознаваемых) внутреннего мира человека — вся остальная несомая им информация (при отсутствии блокировки доступа к ней) может быть активизирована эгрегором в поведении человека. Так же эгрегор может предоставить человеку доступ к ранее не свойственной личности информации (или внедрить в неё такую в процессе биополевого контакта) и временно более или менее эффективно блокировать память, интеллект и иные уровни и системы в организации психики. Соответственно в намерениях и поведении человека может быть различима эгрегориальная и личностная составляющие.

Если психика человека замкнута на взаимно антагонистичные эгрегоры, то на достаточно длительных интервалах времени его поведение крайне непоследовательно без внешне видимых причин к тому, т.е. внутренне конфликтно и взаимно исключающе (взаимно уничтожающе) целесообразно. Кроме того, он может внезапно и без видимых извне и понятных ему самому причин испытывать слабость и подавленность психики, поскольку некоторые из взаимно антагонистичных эгрегоров могут использовать его только как энергетическую “дойную корову”, ибо иные варианты использования человека ими — пресекаются другими, более дееспособными, эгрегорами или самим человеком; так же беспричинной и бессмысленной может быть и эмоциональная возбужденность, сродная опьянению.

Если имеет место эгрегориальное водительство со стороны взаимно не антагонистичных эгрегоров, время жизни которых превосходит длительность человеческой жизни, то оно менее заметно в поведении человека и для него самого, и для окружающих его людей, нежели в случае конфликта между водительствующими эгрегорами. Поскольку в этом случае водительство осуществляется в соответствии с долгосрочной, внутренне неантагонистичной эгрегориальной стратегией и начинается еще в период становления личности в детстве, то это порождает иллюзию личной мудрости и дальновидности вследствие того, что через эгрегор, так или иначе, человеку доступен личный опыт и возможности многих людей во многих поколениях. Кроме того, эгрегор ограждает от вхождения в ситуации, в которых личная недееспособность водительствуемого была бы неоспоримо очевидной. При этом возможно как самообольщение иллюзией собственной или чужой дальновидной мудрости, так и предумышленное и неумышленное обольщение ею окружающих, проистекающее из вполне

реальной статистики безошибочности подавляющего большинства принимаемых и рекомендуемых человеком решений и действий.

При наличии в обществе практикующих магов (шаманов, “экстрасенсов”) каждый доступный им эгрегор (включая и нелюдские) для них — средство управления жизненными обстоятельствами (ситуацией как объемлющей множество людей системой) и, в частности, обществом на основе искажения и подавления свободной воли людей, чья психика замкнута на контролируемые ими эгрегоры. Это ведет к устранению ими в большей или меньшей мере живой религии людей и Бога разного рода эгрегориальньми наваждениями. Так же эгрегор может стать для них средством анонимного использования в “своих” целях личностных возможностей других людей, входящих в эгрегор, если те не способны выявить ***тематически ориентированное возбуждение их психики извне*** через эгрегор и не способны оградить свой внутренний мир от вторжения в него эгрегора.

При этом маг (шаман), контролирующий эгрегор, может быть сам управляем извне как биоробот средствами, выходящими за пределы понимания им возможностей воздействия на него самого, поскольку маг, как и всякий человек, не властен над даваемым Богом ему Различением; чувствительность его также не беспредельна; психика иерархически организована, и не все уровни в её иерархии просматриваемы столь же полно, как и уровень сознания. Он может не замечать своей подконтрольности вследствие заблокированности некоторых фрагментов его психики и даже не воспринимать свои действия в качестве магии, управления эгрегором и попыток вмешательства через эгрегор в психику других людей.

Кроме того, маг (шаман) может быть сам невольником эгрегора по причине биополевой энергетической зависимости от эгрегора, когда привычный для него, комфортный уровень его энергопотенциала обеспечивается за счет эгрегориального перераспределения энергии в его пользу. Попытка самочинного выхода из эгрегориального водительства в сложившейся устойчивой эгрегориальной целесообразности в таком случае будет сопровождаться нарушением биополей мага-невольника, не способного привести их к привычному ему комфортному уровню энергопотенциала вне эгрегора. Тогда осознавший это маг “клянет печальный жребий свой”.

Подобная энергетическая зависимость может быть не только приобретенной в зрелом возрасте, но также может быть следствием того, что человек рос и вырос под эгрегориальным водительством. В этом случае энергетическая зависимость может быть подкреплена информационно тем, что эгрегориальное водительство ограждало человека всю его жизнь от соприкосновения с эгрегориально чуждой или эгрегориально неприемлемой информацией. Вследствие этого человек может иметь очень целостный

характер, целостное мировоззрение, развитую культуру мировосприятия и мышления, но в его внутреннем мире практически не будет эгрегориально неприемлемой информации, а при соприкосновении с нею в обществе её восприятие и обработка будут искажаться, извращаться, блокироваться эгрегориальным возбуждением его психики иной тематической ориентации, наваждениями, блокированием памяти или энергетическим дискомфортом, нарушающим, единство эмоционального и смыслового строя души.

Исторически реально, что многие эгрегоры — искусственное насаждение в истории человечества, порожденное знахарями с целью обеспечения управления обществом по избранной ими концепции. Соответствующие этим эгрегорам религиозные культы, замыкают психику людей на эгрегоры, извращая личностные взаимоотношения каждого человека и Бога. Воздействие на течение событий через разного рода эгрегоры, порождаемые обществом, — также одна из составляющих магии в культуре человечества.

В силу особенностей, свойственных Мирозданию, люди, проявляя разного рода отсебятину, нарушающую лад в Мироздании, по существу оказываются в области “магии”, даже если не считают себя “магами” и не владеют специфическими приемами тех или иных традиционных или нетрадиционных школ магии. Соответственно, любое художественное творчество, открытое для прочтения, обозрения людям — эгрегориальная магия большей или меньшей эффективности; таимое от других художественное творчество — более или менее эффективное использование метода подчинения объекта моделирующему аналогу, однако неопределенное в смысле адресата магического воздействия.

Если рассматривать возможности управления течением событий в жизни общества через некоторый эгрегор, то необходимо систематическое устойчивое замыкание психики множества людей на эгрегор, в котором поддерживается и модифицируется информация, свойственная той или иной концепции управления обществом. В прошлом, такого рода замыкателями психики людей на эгрегоры, были религиозные культы, в которых ложь многочисленных тематически ориентированных искажений истинных Откровений подавляла взаимоотношения людей и Бога.

В наши дни наиболее эффективным средством замыкания психики на эгрегоры и средством информационной накачки эгрегоров является телевизор, который Пушкин назовет “зеркальцем Параши”. Параша, Паша, Пашенник — народ — иное название люда милого, центрального персонажа загадочной, символически-мистической поэмы “Домик в Коломне”, написанной в Болдино осенью 1830 г., т.е. через десять лет после написа-

ния "Руслана и Людмилы". Этой же осенью в критической статье на работу Н.Полевого поэт поделится с читателем очень важным сообщением:

«Но провидение — не алгебра. — Ум ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ, по простоНАРОДНОМУ выражению, не пророк, а УГАДЧИК, он видит ОБЩИЙ ХОД ВЕЩЕЙ и может выводить из оного ГЛУБОКИЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть СЛУЧАЯ — мощного, мгновенного орудия Провидения».

Этой фразою, выражающей в наиболее концентрированном виде "Достаточно общую теорию управления", Пушкин дает понять, что осознанной управленческой деятельностью, может заниматься только ум человеческий, которому дано видеть общий ход вещей, отражать его в своем внутреннем мире и преображать в соответствии с развитым чувством меры, не нарушать при этом Божьего Промысла — Провидения.

«Мощное, мгновенное орудие Провидения» — целенаправленное внесоциальное вмешательство, заведомо детерминированное (по-русски: определенное), на социальном уровне выглядит как "случай" на фоне статистики аналогичных действительно случаев. Но внесоциальное вмешательство не обязательно Провидение, т.е. прямое воздействие Всевышнего Господа Бога. Это может быть и как следствие попустительства вмешательству сатанизма или, как было показано выше, результат эгрегориального воздействия. Ибо — «Поистине, Бог не меняет того, что с людьми, пока они сами не переменят того, что с ними»[1] и «Нет принуждения в религии. Уже ясно отличился прямой путь от заблуждения». Коран, суры 13:12 и 2:257 соответственно.

Каким видел Черномор общий ход вещей и как это видение отражалось в его концепции управления? При состоянии общества до середины XX в., когда скорость информационного обновления на генетическом уровне превосходила скорость информационного обновления на внегенетическом уровне, т.е. когда эталонная частота биологического времени была выше эталонной частоты социального времени, своекорыстная отсебятина, вносимая глобальным знахарством в описание общего хода вещей, естественно порождала ошибки управления. И хотя соотношение частот менялось по величине (см. рис. 2), качественно оно оставалось неизменным, а потому предположения Черномора об общем ходе вещей, хотя и с нарастанием

[1] В переводе М.-Н.О. Османова этот стих (аят) звучит так: "Бог не меняет положения людей, пока они не изменят своих помыслов".

вектора ошибки управления, но в целом удовлетворяли требуемым критериям по устойчивости управления.

Со второй половины XX века, после смены отношения эталонных частот биологического и социального времени ($f_c > f_b$), концепция управления со своекорыстной отсебятиной Черномора вошла в антагонистические противоречия с общим ходом вещей, при этом вектор ошибки управления стал опасным для общества в целом. Однако, оставаясь её рабом и не осознавая качественно нового информационного состояния, в которое со сменой поколений входило общество, бритоголовый урод продолжал как маньяк-биоробот “строить” толпо-“элитарную” пирамиду. Можно считать, что с этого времени его ум, а точнее сказать, определенный алгоритм поведения, на который замыкались бездумно многие “элитарные” умы, вошел в антагонистические противоречия с соборным интеллектом человечества. Так он начал рубить сук, на котором уверенно сидел более трех тысячелетий. И хотя отдельные попытки навязать Внутреннему Предиктору России свое видение глобального исторического процесса еще могли иметь некоторый успех, но в целом метод “культурного сотрудничества” уже работал против концепции, его породившей. Понимание народами России такого поворота событий отражено в поговорке: «На думах, что на вилах; на словах, что на санях; на деле — что в яме!».

В наше сложное время формирования новой логики социального поведения мир все чаще является свидетелем, как многие представители “элиты”, самонадеянно считающие себя людьми и бездумно замкнутые на толпо-“элитарную” библейскую концепцию Черномора, неожиданно ощущают воздействие на свою судьбу “мощного мгновенного орудия Провидения”, но для их нечеловеческих умов каждое такое проявление в их жизни — по-прежнему всего лишь досадный случай.

Руслану же, после анализа исторического прошлого, представляется возможность определить действительный уровень понимания карлой общего хода вещей и, следовательно, оценить устойчивость концепции бритоголовой мафии по предсказуемости.

И видит вдруг перед собой:
Владимир, в гриднице высокой,
В кругу седых богатырей,
Между двенадцатью сынами,
С толпою названных гостей
Сидит за браными столами.
И так же гневен старый князь,

Как в день ужасный расставанья,
И все сидят не шевелясь,
Не смея перервать молчанья.
Утих веселый шум гостей,
Не ходит чаша круговая...
И видит он среди гостей
В бою сраженного Рогдая:
Убитый, как живой сидит;
Из опененного стакана
Он, весел, пьет и не глядит
На изумленного Руслана.
Князь видит и младого хана,
Друзей и недругов... и вдруг
Раздался гуслей беглый звук
И голос вещего Баяна,
Певца героев и забав.

Видение прошлого у Черномора ложное: Рогдай и Ратмир исчезли с исторической арены. Искаженное представление о прошлом непременно скажется и на устойчивости прогноза будущего, поскольку, согласно Корану, «предположение об истине никого не избавляет от самой истины».

Вступает в гридницу Фарлаф,
Ведет он за руку Людмилу;

А это уже ложь будущего. Последнее тысячелетие простой люд России, находясь под гипнозом Черномора, ведется слепыми поводырями-евреями за руку в бездну. Но в настоящее время Людмила не под гипнозом: она спит. Спящего же можно только нести.

Но старец, с места не привстав,
Молчит, склонив главу унылу,
Князья, бояре — все молчат,
Душевные движенья кроя.
И все исчезло — смертный хлад
Объемлет спящего героя.

Финал процесса возвращения Людмилы, представленный в концепции Черномора, не устраивает старца и он не спешит навстречу злодею. Предписанный Черномором последний акт спектакля не устраивает и окружение Владимира, но, как и в наши времена, эти люди, лишенные способности видеть и понимать общий ход вещей, ради поддержания своего материального статуса на отвоеванном у общества рубеже, вынуждены скрывать свои душевные движения. Полную картину искажений процессов, происходящих в реальности, видит во сне Руслан. Переход подобной информации из подсознания на уровень сознания способствует превращению толпы в народ. И хотя Руслан пока:

В дремоту тяжко погружен,
Он льет мучительные слезы,

но в то же время уже:

В волненье мыслит: это сон!

До этого момента Фарлаф, реально существуя, не попадает в поле зрения Руслана. Отсюда явление Фарлафа с Людмилой (народ в руках еврейства) для Внутреннего Предиктора — пока лишь некое чудо, навеянное тяжким дремотным состоянием психики. Но поскольку Руслан, хотя и в волнении, т.е. под влиянием эмоций, начал размышлять над феноменом Фарлафа, то можно надеяться, что при определенной способности “*крепко слово править и держать мысль на привязи свою*”[1] скоро в состоянии будет раскрыть все ухищрения Черномора.

Однако, для завершения процесса перехвата управления по полной функции недостаточно одного меча методологии на основе Различения даже при овладении методом “расширения сознания”: способности при необходимости переводить информацию из подсознания на уровень сознания. Важно еще уметь снимать субъективизм при оценке достоверности событий, то есть видеть “случай” в статистике массовых явлений как часть единого целостного процесса вселенной. Здесь на помощь и приходит

---

[1] “Тогда блажен, кто крепко слово правит
И держит мысль на привязи свою,
Кто в сердце усыпляет или давит
Мгновенно прошипевшую змею” — А.С.Пушкин, “Домик в Коломне”.

тандемный принцип, отраженный в мировоззрении русского народа известным изречением: «Ум хорошо, а два лучше». Ум рассредоточенного и сохранившегося в народе святорусского жречества, представленный в поэме в образе Финна, и есть вторая часть тандема. И до его проявления князь:

Томится, но зловещей грезы,
Увы, прервать не в силах он.

«Зловещая греза» — очень ёмкий символ программы мафии бритоголовых, у которой свой эффективно действующий в течение тысячелетий тандем — левиты и еврейство, символически обозначенные в поэме образами Наины и Фарлафа. Их стереотипы отношения к миру, сформированные Торой и Талмудом, исключают возможность видения общего хода вещей без искажений своекорыстной отсебятиной Черномора и поэтому их ум — не человеческий, а тип психики — демонический или зомби. Провидение для них — алгебра, программа, жесткий алгоритм поведения и свое существование они воспринимают как “богоизбранный” случай, а не как результат эгрегориального строительства магии Черномора. Отсюда «Зловещая греза» Черномора — это одновременно и команда Фарлафу на активизацию наиболее агрессивных стереотипов поведения в его программе. Лишенный свободы воли, уклониться от команды, полученной свыше, он не может и, сохраняя верность “все и вся на свете презирающему Черномору”, неизбежно становится изменником человечности в природе.

Луна чуть светит над горою;
Объяты рощи темнотою,
Долины в мертвой тишине...
ИЗМЕННИК едет на коне.

Мы уже знаем, что появление луны в поэме — предвестник очередного злодеяния. Информационная война продолжается и еврейство, как кадровая база карлы, используя подаренную ему монополию на средства массовой информации, бездумно и разрушительно играет в ней свою зловещую роль.

Пред ним открылася поляна;
Он видит сумрачный курган;

Руслан и Людмила. Песнь пятая

У ног Людмилы спит Руслан,
И ходит конь кругом кургана.

Перед началом перестройки толпа, в стремлении стать народом, жаждала восстановления исторической памяти и, образно говоря, «ходила кругом кургана». В 1970-е и 80-е годы самым читаемым писателем всех социальных слоев страны был В.С.Пикуль. Его романы, несмотря на негативное отношение к нему официальной критики и исторической науки, не только выходили массовыми тиражами, но и были постоянным дефицитом книжного рынка. С точки зрения Глобального надиудейского Предиктора тяга к историческим знаниям в СССР в этот период была опасной крамолой, поскольку с позиции достаточно общей теории управления она знаменовала стремление целого народа к освоению обобщенного оружия (средств управления) второго приоритета. Если продолжать попустительствовать этому и дальше, то путь к осознанию роли Различения в осмыслении жизни может стать открытым для всех, после чего толпа действительно станет народом. Общественные процессы, символически представленные в ночной сцене, бритоголовый карла видит по-своему: конь бодрствует, а Руслан и Людмила, овладевающие знанием об управлении на уровне подсознания, т.е. в обход официальной науки, в его представлении спят. Фарлаф же, лишенный собственного взгляда на мир, видит все происходящее только глазами Наины и потому начинать злое дело предстоит ему. Раввинат, генералитет мафии, предпочитая действовать чужими руками, перед экранами телевизоров не мельтешит, оставляя фарлафам всю грязную работу.

Фарлаф с боязнию глядит;
В тумане ведьма исчезает,
В нем сердце замерло, дрожит,
Из хладных рук узду роняет,
Тихонько обнажает меч,

Начало процесса идентификации подлинной роли еврейства в концепции Глобального надиудейского Предиктора с одновременным превращением толпы в народ передается поэтом двумя фразами:

Из хладных рук узду роняет,
Тихонько обнажает меч.

Первая фраза — о потере управления безнациональной толпой Черномором по полной функции (демократизация, гласность), а вторая — о главной причине этой потери. Обнажать — открывать, обнаруживать, делать тайное явным. Меч — образ методологии на основе Различения. Фарлаф, по признанию еврея М.И.Меттера, — нищ методологически; и Пушкин это подтверждает, перечисляя снаряжение, брошенное трусом перед бегством от Рогдая в "Песне второй": копье, кольчуга, шлем, перчатки.
Кто мог дать Фарлафу методологию? Только Наина! Но она сама — биоробот и ничего, противоречащего концепции Черномора, сделать не может. Значит, «тихонько обнажить меч» методологии, но лишенной различения добра и зла, еврейству попустил сам карла. А это равносильно для него самоубийству, предсказанному Ф.И.Тютчевым в ответе на папскую энциклику в одноименном стихотворении 1864 г.:

Был день, когда Господней правды молот
Громил, дробил ветхозаветный храм.
И собственным своим мечом заколот,
В нем издыхал первосвященник сам.

Процесс самоликвидации Черномора — Глобального Предиктора начинается с первых попыток самостоятельных действий еврейства. Алгоритм программы по уничтожению любой национальной структуры, представляющийся горбатому карле в качестве полной функции управления, на самом деле примитивен: отделить голову (правительство) от туловища (народа), то есть «с размаха надвое рассечь», что и было в свое время проделано с братом Черномора. На этот раз та же операция была запрограммирована и по отношению к Руслану. Поэтому поначалу Фарлаф бездумно:

Готовясь витязя без боя
С размаха надвое рассечь...
К нему подъехал.

Что же стало причиной изменений в поведении зомби? Кто смог ввести "вирус" в программное обеспечение биоробота?

...Конь героя,

Врага почуя, закипел,
Заржал и топнул. Знак напрасный!

“Знак напрасный” — для Руслана, а для Фарлафа? Конь — символ толпы, но в поэме в образной форме показан процесс превращения толпы в народ. Какие явления происходят при этом в массовом подсознании, описать однозначно сложно, но то, что информационные изменения действуют на все окружение “коня” представляется очевидным. Фарлаф тоже принадлежит к этому окружению, что означает: информационные изменения могут исполнить роль своеобразного “вируса”, способного внести искажения в программу биоробота.

Задача Руслана в этом процессе — давать по мере возможности четкие лексические формы тем субъективным образам Объективной реальности, которые “созрели” в коллективном бессознательном народа, придерживаясь при этом формулы высказанной Пушкиным: “Правду знают все, кроме избранных!” Эта формула — о понимании Пушкиным роли соборного интеллекта в социальных процессах.

В толпе нет Различения на уровне сознания, а значит её уровню понимания пока недоступно объяснение феномена еврейства, что позволяет пока закулисе разжигать кипение страстей на митингах. И тем не менее для запуска процесса перехвата управления в обществе действия “коня” — знак не совсем напрасный. Без осознанного отношения к пониманию подлинной роли еврейства в глобальном историческом процессе митинговые страсти толпы — всего лишь предвестники будущего бунта, бессмысленного и беспощадного. Такой бунт ни Черномору, ни Наине не страшен, ибо работает на их цели сплачивания еврейской толпы.

Страшнее для карлы — “бунт” осмысленный, как проявление в информационной войне концептуальной неопределенности его управления, что не входит в его планы. Каждый, кто видит общий ход вещей, должен отдавать себе отчет в том, что помимо тех целей, которые он намеревается достичь в своей деятельности, могут реализоваться (и часто реализуются) цели, не входящие в круг его интересов. Именно эти, не учтенные им цели, при определенном стечении обстоятельств могут оказать решающее влияние на исход противостояния двух противоборствующих сторон. И чтобы свершилось не планируемое противником, иногда полезно “потянуть резину”, дабы загнать его в цейтнот. А при таком подходе и “сон ужасный” может сыграть свою положительную роль; в каждом явлении есть своя положительная сторона, но не всякому дано её видеть.

Руслан не внемлет; сон ужасный,
Как груз, над ним отяготел!..

С этого момента пошел сбой в программе биоробота, после чего

Изменник, ведьмой ободренный,
Герою в грудь рукой презренной
ВОНЗАЕТ ТРИЖДЫ ХЛАДНУ СТАЛЬ...
И мчится боязливо вдаль
С своей добычей драгоценной.

С точки зрения Глобального Предиктора, эти действия еврейства — недозволительная отсебятина, которая станет впоследствии причиной гибели Фарлафа, Наины, Черномора и разрушения всей толпо-“элитарной” пирамиды.

Значение фразы «ВОНЗАЕТ ТРИЖДЫ ХЛАДНУ СТАЛЬ» трудно переоценить. Через нее общая канва иносказания поэмы обретает временную привязку. Все события, описанные в поэме до этой фразы, в той или иной степени отражали прошлое; после нее — текущее настоящее и, возможное будущее.

Сталин первым произнес фразу об “Ордене Меченосцев”, поскольку, поднявшись в своем понимании до уровня жречества, овладел методологией на основе Различения. Он первым в истории понял технологию похищения “красавиц мира” и пытался как мог своей деятельностью противостоять расовой доктрине глобального рабовладения, но был подло убит.

Центральное Разведывательное Управление США, как мы знаем, денег на ветер не бросает. “Санкт-Петербургские ведомости” от 10.03.92 г. в заметке “Отца народов планировало убить ЦРУ” сообщили (со ссылкой на книгу американского историка Бэртона Херша “Старые приятели: американская элита и истоки ЦРУ”), что план убийства был одобрен директором ЦРУ Алленом Даллесом в 1952 г. Известно, что на октябрьском 1952 г. Пленуме ЦК КПСС Сталин обвинил ряд членов Политбюро в предательстве. В наше время ни для кого не составляет тайны, что фарлафы-изменники сидели и в ЦК, и в Политбюро, и в Правительстве. Не является сейчас секретом и то, что в 1953 году Коба[1] пытался ограничить бездумную разрушительную деятельность “никем не знаемого Фарлафа”, после

[1] По случайному совпадению псевдоним Сталина совпадает с абривиатурой Концепции Общественной Безопасности (КОБа).

чего Черномор приказал Наине убрать Сталина. Это было сделано в марте 1953 года.

Прошло почти полвека. Сталин мертв. “Хладну сталь” — “сталинизм” изменники-фарлафы трижды вонзали в грудь формировавшегося Внутреннего Предиктора не потому, что решили ослушаться Черномора, а потому, что стремились исполнить его программу во что бы то ни стало. Но занялись они отсебятиной только после того, как убедились, что голову Руслана (концептуальный центр) определить не в состоянии. Долгая, почти полувековая ночь сопровождалась тремя ударами “хладной стали”, преподнесенными народам как борьба со “СТАЛИН-измом” фарлафами перестройки на XX, XXII и XXVI съездах партии. Обнажали меч тихонько, так как, хотя и не осознавали, но боялись, что он — фальшивый и может ударить по ним бумерангом. Удирали боязливо, понимая, что мрак ночи все равно скоро кончится и тогда даже туманный взор недвижного Руслана может стать для убийц началом их конца.

Всю ночь бесчувственный Руслан
Лежал во мраке под горою.
Часы летели. Кровь рекою
Текла из воспаленных ран.
Поутру, взор открыв туманный,
Пуская тяжкий, слабый стон,
С усильем приподнялся он,
Взглянул, поник главою бранной —
И пал недвижный, бездыханный.

Этот бой “холодной” войны, идущей на протяжении многих тысячелетий, Черномор выиграл. Но выигрыш одного, даже очень важного сражения еще не означает окончательной победы в войне, тем более в войне информационной. Фарлаф и его хозяева решили, что Внутренний Предиктор России мертв. Однако, не следует забывать, что на знамени глобального знахарства лишь образ культа солнца — Амона-Ра, но не само солнце. И есть русская пословица: «На смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь». Человек родится на смерть, а умирает на жизнь и потому закономерно, что третий удар “хладной стали” разбудил “спящую” кадровую базу Внутреннего Предиктора России, главной заботой которого отныне станет потребность в формировании концепции управления, альтернативной библейской.

И это не громкие слова. За три года до подлого убийства И.В.Сталина (“джуга” по-грузински — сталь) и через два года после оглашения Директивы СНБ США 20/1 от 18.08.1948 г. в России были написаны стихи[1], знаменующие, что с библейской толпо-“элитарной” иерархией покончено.

Иерархия

Ждало бесплодно человечество,
Что с древних кафедр и амвонов
Из уст помазанного жречества
Прольется творческий глагол.
Все церкви мира — лишь хранители
Заветов старых и канонов;
От их померкнувших обителей
Творящий логос отошел.

Он зазвучит из недр столетия,
Из катакомб, с пожарищ дымных,
Из страшных тюрем лихолетья,
По сотрясенным городам;
Он зазвучит, как власть имеющий,
В философемах, красках, гимнах,
Как вешний ветер, вестью веющий,
По растопляющимся льдам.

И будут ли гонцы помазаны
Епископом в старинном храме
Перед свечами и алмазами
На подвиг, творчество и труд?
Иль Свыше волю непреклонную
Они в себе услышат сами,
И сами участь обреченную
Как долг и право изберут?

Но, души страстные и жаркие,
Они пройдут из рода в роды
Творцами новой иерархии,

[1] Д.Андреев.

Чей золотой венец вдали
Святой гигант, нерукотворною
Блистая митрой, держит строго
В другом эоне — по ту сторону
Преображенья всей Земли.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Пестая песнь — самая трудная и для Пушкина, и для нас. Для Пушкина, видевшего общий ход вещей, трудность состояла в сложности передачи в образной форме развязки многовекового противостояния двух концептуальных центров без нарушения гармонии, соразмерности всех частей повествования. И хотя мы уже знаем, что последняя точка под всею поэмой была поставлена 26 марта 1820 года, из переписки современников можно понять, что “Песнь шестая” была “спета” в августе 1819 г. Знакомый нам опекун А.И.Тургенев в письме П.А.Вяземскому от 16 июня 1819 г. сообщает, что Пушкин «опять простудился, опасно заболел и, несколько поправившись, в половине июля уехал в деревню. Откуда и вернулся в половине августа, ОБРИТЫЙ И С ШЕСТОЙ ПЕСНЬЮ». Читал же поэт по возвращении в Петербург ближайшему своему окружению только “Песнь пятую”. Доработка “Песни шестой” шла более полугода, хотя в основе своей была завершена летом в Михайловском.

Много написано пушкинистами о бурной светской жизни автора поэмы “Руслан и Людмила” в первые послелицейские годы, и, видимо, поэтому сама поэма и современниками Пушкина, и многими поколениями его потомков воспринималась не как поэма-быль, а как сказка. И не смущало леваков-пушкинистов предупреждение Пролога:

Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Всей верноподданно-жидовосхищенной критикой (другой у нас просто никогда не было и нет) в среде многомиллионного русского и русскоязычного читателя второе столетие вырабатывается устойчивый стереотип отношения к поэме как к СКАЗКЕ, хотя все шесть частей её имеют ясное название ПЕСЕН. Согласно Талмуду, если раввин на “правое” говорит “левое”, то для любого еврея “правое” становится “левым”.

Слово “сказка” во времена написания поэмы, согласно словарю В.И.Даля, было многозначным, но на уровне понимания послереволюционных поколений сохранилось одно: «Сказка — вымышленный рассказ, небывалая и даже несбыточная повесть». В то же время на Руси всегда знали, что «сказка — складка, а песня — быль». Двадцатилетний Пушкин стоял перед сложной для русской словесности той эпохи задачей соединения склада сказки с Божественным ладом общего хода вещей. По признанию отечественной и зарубежной критики, это удалось в свое время лишь ле-

гендарному Гомеру, и потому не случайно в цитируемом нами выше “Предисловии...” наряду с другими вопросами есть и такой:

«Зачем, разбирая Руслана и Людмилу, говорить об Илиаде и Энеиде? Что есть общего между ними? Как писать (и, кажется, серьезно), что речи Владимира, Руслана, Финна и проч. нейдут в сравнение с Омеровыми? Вот вещи, которых я не понимаю, и которых многие другие также не понимают. Если вы нам объясните их, то мы скажем: (далее текст на латыни. — Авт.) “каждому человеку свойственно ошибаться; только глупцу — упорствовать в ошибке” (XII Филиппика Цицерона)».

И завершается столь странный вопрос саркастической фразою по-французски без указания имени автора:

«Твоим “почему”, сказал Бог, не будет конца».

Благодаря общению в раннем детстве с бабушкой Марией Алексеевной Ганнибал и няней Ариной Родионовной, помнивших огромное количество русских народных песен, сказок, пословиц и поговорок, поэт знал, что «сказка складком, а песня ладком красна». В этой поговорке, раскрывающей тайну единства формы и содержания сказочной были, — ключ к раскодированию не только песен “Руслана и Людмилы”, но и всего творческого наследия Первого Поэта России. Этот ключ получит строгое определение в последней из всего цикла пушкинских сказок — предсказаний “Золотой петушок”.

Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.

Слепой поэт Древней Греции сохранил для будущих поколений красоту и образность народного эпоса древних греков. Но “древнегреческая красавица” стала рядовой пленницей в гареме Черномора, потому что песни Гомера не могли дать понимание народу ни о глобальном историческом процессе, ни о технологии похищения красавиц. И не потому, что Гомер не хотел, или не мог этого сделать. Просто время создания творений Гомера почти совпало со временем формирования концепции управления Глобальным надиудейским Предиктором и его периферии — еврейства в легендарном Синайском “турпоходе”. Для Пушкина, прекрасно знающего не только древнерусский эпос, но и древнегреческий, не понаслышке знакомого с Ветхим и Новым Заветами, а также с Кораном, стремление пойти дальше Гомера было результатом осознания своего предназначения. Опи-

раясь на информационную базу великорусского языка и отображая в его лексических формах общий ход вещей, он в образах прошлого угадывал будущее, поскольку в отношении понятия «ум» стоял на позициях простонародных. Намек — знаковое слово, символ — основа для напоминания и вразумления. “Добры молодцы” — современники Пушкина намек поняли так:

«Нельзя ни с чем сравнить восторга и негодования, возбужденных первой поэмою Пушкина. Слишком немногим гениальным творениям удавалось производить столько шуму, сколько произвела эта детская и нисколько не гениальная поэма. Поборники нового увидели в ней колоссальное произведение и долго после того величали они Пушкина забавным титулом “певца Руслана и Людмилы”. Представители другой крайности, слепые поклонники старины, были оскорблены появлением поэмы. Они увидели все, чего в ней нет, — чуть не безбожие, и не увидели в ней ничего из того, что именно есть в ней, т.е. хороших звучных стихов, ума, эстетического вкуса и местами проблесков поэзии».

Это пишет авторитетный критик В.Г.Белинский в одной из своих поздних статей 1844 г.

«Умному намек, глупому толчок», — говорят в народе. Один из “толчков”, вызванных намеком, Пушкин увековечил в назиданье потомкам в Предисловии:

«Возможно ли просвещенному или хоть немного сведущему человеку терпеть, когда ему предлагают новую поэму, писанную в подражание ЕРУСЛАНУ ЛАЗАРЕВИЧУ? Извольте же заглянуть в 15 и 16 номера “Сына Отечества”. Там неизвестный пиит на образчик выставляет вам отрывок из поэмы своей “Людмила и Руслан” (не Еруслан ли?). Не знаю, что будет содержать целая поэма; но образчик хоть кого выведет из терпения. Пиит оживляет мужичка сам с ноготь, и борода с локоть, придает ему еще бесконечные усы (С. От., стр. 121), показывает нам ведьму, шапочку-невидимку и проч. Но вот что всего драгоценнее: Руслан наезжает в поле на побитую рать, видит богатырскую ГОЛОВУ, под которою лежит меч-кладенец; ГОЛОВА с ним разглагольствует, сражается... Живо помню, как все это, бывало, я слушал от няньки моей; теперь, на старости, сподобился вновь то же

самое услышать от поэтов нынешнего времени!.. Для большей точности, или чтобы лучше выразить всю прелесть СТАРИННОГО нашего песнословия, поэт и в выражениях уподобился Ерусланову рассказчику, например:

...Шутите вы со мною —
Всех УДАВЛЮ вас бородою!..

Каково?..

...Объехал голову кругом
И стал ПРЕД НОСОМ молчаливо.
ЩЕКОТИТ ноздри копием.

Картина, достойная Кирши Данилова! Далее: чихнула голова, за нею и эхо ЧИХАЕТ... Вот, что говорит рыцарь:

Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу...

Потом витязь ударяет в ЩЕКУ тяжкой РУКАВИЦЕЙ... Но увольте меня от подробного описания, и позвольте спросить: если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях и закричал бы зычным голосом: ЗДОРОВО, РЕБЯТА! Неужели бы стали таким проказником любоваться? Бога ради, позвольте мне, старику, сказать публике посредством вашего журнала, чтобы она каждый раз жмурила глаза при появлении подобных странностей. Зачем допускать, чтобы плоские шутки старины снова появлялись между нами? Шутка грубая, не одобряемая вкусом просвещенным, отвратительна, а нимало не смешна и не забавна. Dixi (Я кончил: лат.)».

Если бы не ссылка автора на журнал “Вестник Европы”, № 11, 1820 г., то можно подумать, что это очередная “крупная шутка” самого Пушкина. Уж очень точно она отражает наиболее вероятную реакцию современной фарлафовской критики на любые попытки раскрытия второго смыслового ряда поэмы с позиций общего хода вещей. И потому, видимо, пушкинское

“Предисловие ко второму изданию поэмы” даже в академических изданиях советского периода отнесено в раздел “Из ранних редакций”. “Ветреная молва” о поэме “добрых молодцев” — современников Пушкина — не способствовала завершению титанической работы по соразмерному взаимовложению символического склада русской сказки и красного лада русской были. Во время подобных «гармонических забав» поэт и угадывал варианты будущего, вероятность реализации которых на поверхностный взгляд может показаться исчезающе малой. Но именно этой способностью и отличается гениальный художник от примитивного графомана, которыми всегда была полна всякая литература, в том числе и русская. Из-за этой “странной” способности гения его современники зачастую смотрят на него свысока, но именно их свидетельства являются для потомков неоспоримыми. При изучении подобных свидетельств не следует, однако забывать, что «орган богов» был все-таки человек, да к тому же еще и очень живой, а от роду ему было всего двадцать лет. И получается, что с одной стороны:

Ты мне велишь, о друг мой нежный,
На лире легкой и небрежной
Старинны были напевать
И музе верной посвящать
Часы бесценного досуга...

А с другой: «Молодо, зелено, погулять велено». Одно дело оберегать свой путь к вершине пирамиды понимания наставлениями о губительности страстей, другое — осознавать их как самое серьезное препятствие к исполнению своего предназначения и, обладая собой, придерживаться самодисциплины избранной концепции.

Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь с ветреной молвой,
Твой друг, блаженством упоенный,
Забыл и труд уединенный,
И звуки лиры дорогой.
От гармонической забавы
Я, негой упоен, отвык...
Дышу тобой — и гордой славы
Невнятен мне призывный клик!

Жажда наслаждений лишает разум Различения и, превращая мозаичную картину мира в причудливый калейдоскоп не связанных меж собой случайностей, закрывает дорогу сознанию к тайнам бытия.

Меня покинул тайный гений
И вымыслов, и сладких дум;
Любовь и жажда наслаждений
Одни преследуют мой ум.

Но осознание этого — залог победы над собой и своими страстями. Оно приходит к нему не в суетном Петербурге, а в деревне:

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе
И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца в величии неправом.
ОРАКУЛЫ ВЕКОВ, ЗДЕСЬ ВОПРОШАЮ ВАС!
В уединеньи величавом
Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Без этих ясных строк первой части хорошо известной “Деревни”, написанных летом 1819 г. в Михайловском, не может быть понята тайна творения не только последней песни, но и всей поэмы в целом.

Но ты велишь, но ты любила
Рассказы прежние мои,
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владимир, ведьма, Черномор,
И Финна верные печали
Твое мечтанье занимали.

Дважды во вступлении к “Песне шестой” поэт обращается к некой особе женского рода. Она занимала воображение даже близких друзей Пушкина. «Обращение, видимо, относится к вымышленной особе», — писал П.А.Плетнев, отвечая на вопросы Я.К.Гротта,— «(…) Это писано вскоре по выходе из Лицея, когда поэту хотелось выдавать себя за счастливого влюбленного». (Примечания к “Песне шестой” ПСС А.С.Пушкина под редакцией П. О. Морозова, 1909 г., т. 3, с. 610).

Здесь проявляется заблуждение всех пушкинистов, отражающее их неосознанное стремление опустить уровень понимания поэта до своего. Одним из первых преодолел это заблуждение историк В.О.Ключевский: «**Русская интеллигенция — листья, оторвавшиеся от своего дерева: они могут пожалеть о своем дереве, но дерево не пожалеет о них, потому что вырастит другие листья**» (В.О.Ключевский, “Афоризмы и мысли об истории”, Издательство “Наука”, 1968 г.).

Н.А.Бердяев же обратил внимание на особую роль в этом процессе А.С.Пушкина: «На петровские реформы русский народ ответил явлением Пушкина», и не только подтвердил этим мысль Ключевского, но и признал, что судьба Пушкина несколько иначе, чем судьба всей интеллигенции, связана с судьбой русского народа. Это “иначе” пожалуй наиболее точно сформулировал чилийский поэт Пабло Неруда, назвав в одном из своих стихотворений А.С.Пушкина «ангелом хранителем России».

Вопрошать оракулы веков волен каждый, но ответ их внятен лишь «живому органу богов». Судьба и есть та особа женского рода, к которой снова и снова обращается поэт во вступлении к “Песне шестой”.

Ты, слушая мой легкий вздор,
С улыбкой иногда дремала;

Руслан и Людмила. Песнь шестая

Но иногда свой нежный взор
Нежнее на певца бросала...

Принято считать, что «судьба руки вяжет, от судьбы не уйдешь». Согласно словарю В.И.Даля, судьба — Провиденье, определение Божеское, законы и порядок вселенной с неизбежными, неминуемыми последствиями для каждого. В народном мировоззрении понимание роли судьбы шире: «Не рок слепой, премудрая судьба!»

Ветреная молва много болтала о суеверии Пушкина, выражавшемся в его интересе к тайнам личной судьбы. Немка Кирхгоф, предсказавшая смерть поэту от белой лошади или белого человека, появилась в его поле зрения в 1818 г., когда система образов поэмы и их место в глобальном историческом процессе были окончательно определены, а сама поэма шла к завершению. Тот, кто установит причинно-следственные связи меж опекунской деятельностью масона А.И.Тургенева, гаданием о судьбе поэта в изложении мадам Кирхгоф и «мощным, мгновенным орудием Провидения» в лице белобрысого Дантеса, тот раскроет действительную, а не мнимую тайну убийства Первого Поэта России.

Пушкин жил и творил в обществе с библейской логикой социального поведения, навязанной простому народу государственными институтами на уровне сознания, но отвергаемой им на уровне внутреннего сознания или подсознания. Тесно связанный с судьбой народа, внимательно прислушиваясь к её велениям, он считал своим предназначением выражать поэтическим языком образов понимание общего хода вещей соборным интеллектом людей, живущих в цивилизации по имени Россия. Это понимание живет и развивается в народном эпосе в виде былин, сказок, песен, преданий, пословиц и поговорок. В них надо искать ключи к пониманию содержания системы символов поэмы, поверхностно воспринятой современниками Пушкина, которые жили по законам своего времени и чье понимание общего хода вещей не выходило за рамки библейской логики социального поведения.

Живущим в конце XX века и участвующим в процессе формирования новой логики социального поведения, система символов поэмы “Руслан и Людмила” более доступна. У нашего времени — свои трудности, связанные с ростом объема информации и с увеличением скорости обращения информации в обществе. Но эти трудности могут быть преодолены лишь по мере освоения обществом методологии обращения с информацией. Система образов поэмы, отражающая народные представления об общем ходе вещей, — всего лишь основа для развития национальной культуры мышления в условиях формирования человечной, а не толпо-“элитарной”

логики социального поведения. Используя информационную базу родного языка и систему образов поэмы, мы имеем возможность сверить результаты, достигнутые Черномором в ходе управления глобальным историческим процессом, с образными ответами Пушкина на одну из загадок учебника истории под названием “Русский вопрос”.

Наши трудности не идут ни в какое сравнение с трудностями Пушкина. Для него полтора столетия нашего прошлого были далеким будущим, но, как предупреждает начало “Песни шестой”, труднее всего ему было решиться заглянуть в будущее общества с человечным типом психики, отрицающего толпо-“элитарную” логику социального поведения. Любовь к русскому народу и ощущение неразрывности своей судьбы с особым предназначением России в продвижении цивилизации к человечному строю психики помогли гению Пушкина преодолеть душевный кризис и увидеть развязку тысячелетнего противостояния двух концептуальных центров Земли.

Решусь; влюбленный говорун,
Касаюсь вновь ленивых струн;
Сажусь у ног твоих и снова
Бренчу про витязя младого.

Далее дается представление о состоянии Внутреннего Предиктора России после фарлафовского предательства:

Но что сказал я? Где Руслан?
Лежит он мертвый в чистом поле;
Уж кровь его не льется боле,
Над ним летает жадный вран,
Безгласен рог, недвижны латы,
Не шевелится шлем косматый!

Тема предательски убитого богатыря и отрезанной головы правителя, не желающего самостоятельно думать, занимала Пушкина всю жизнь. Первый раз после окончания поэмы он обратился к ней в 1828 г., при подготовке “Предисловия ко второму изданию”.

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:

“Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?”
Ворон ворону в ответ:
“Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.”

Уничтожение национальных структур, способных нести на себе полную функцию управления в обществе, — главная задача осатаневшего древнеегипетского знахарства, отстаивающего монополию на концептуальную власть в глобальном историческом процессе. Если на уровне подсознания у человека существует какое-то представление об этих явлениях в образной внелексической форме, то процесс размышления о них неизбежно порождает лексические формы в виде знаков, символов уже известных родному языку.

Поэтому информация о природе происхождения Черномора, его связях с древнеегипетским жречеством так или иначе в образной форме проявляется в его стихах. Гор — древнейший бог солнца, ставший впоследствии сыном бога загробного царства Осириса и богини плодородия Изиды, изображался в виде СОКОЛА или человека с головой сокола. Он почитался также как покровитель фараонов. Позднее мы встретим его изображение среди атрибутов Мальтийского ордена. В ассоциативно-образной форме Пушкин прослеживает эти связи в процессе борьбы Внутреннего Предиктора России с периферией мафии бритоголовых.

Кем убит и отчего,
Знает СОКОЛ лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол — покровитель претендентов на концептуальную власть. Но египетские фараоны, даже те из них, которые были в родственных связях с жреческими кланами, погибали, когда пытались проводить концептуально самостоятельную политику. Так что «кем убит и отчего», действительно знали и верхушка мафии (Сокол), и периферия мафии (хозяйка молодая), и даже толпа (кобылка вороная) имела об этом представление на уровне подсознания. В песне говорится о том, что богатырь убит, а общество, в котором “каждый должен работать в меру своего понимания на себя, а в

меру непонимания на того, кто понимает больше" — остается жить в рамках глобальной концепции Черномора.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого,
Не убитого, живого.

Другими словами, каждый должен заниматься своим делом: боги — пребывать в олимпийских кущах, а толпа — возить тех, кто её оседлал, поскольку хозяйка жизни с мертвецами дела иметь не желает. Король умер, да здравствует король!

Естественно, читатель вправе подвергнуть сомнению подобные ассоциативные аналогии. Но дело в том, что при жизни автора стихи назывались "Шотландская песня". Под этим титлом они появились впервые в 1829 г. в журнале "Северные цветы". Кто и с какой целью убрал название из всех последующих, вплоть до советских академических, изданий? На этот вопрос отвечает глава русской масонской ложи во Франции Михаил Гердер, интервью которого под громким названием "Орден" опубликовано газетой "Политика" (№ 11, 1991 г.):

«Мы мало знаем об истории человечества, но знаем, что с самых глубоких времен существовали "посвящения" в самых разных его формах. Например, название папы римского — "понтифик", которое он принял от бывшего главного лица, жреца Рима. Можно вспомнить и строителей пирамид, и мистерии Египта и Греции. (Дельф и Ра не дают покоя главе русского масонства. — Авт.). Это зачаток всех отраслей масонства, которые я знаю. "ДРЕВНИЙ ПРИНЯТЫЙ ШОТЛАНДСКИЙ УСТАВ" как раз воспринял это и с этим связан какой-то таинственной традицией — чего нет у других, ограничивающихся только строительной символикой. Я уже не говорю о тех, кто занимается просто политикой».

Гердер занимается не просто политикой, а большой политикой и объясняет в интервью, почему в России прижились с екатерининских времен в основном ложи "шотландского ритуала". Не только голова последнего императора России Николая II была отрезана по рекомендациям представителей лож "шотландского ритуала". Все пять его предшественников, начиная с Петра III, уходили из жизни после приговоров, утвержденных

на тайных заседаниях лож, зародившихся в России, по утверждению Гердера, «как реакция против вольтерьянства, проникшего в империю при Екатерине Великой». Тот, кто знает, что любое высказывание масонов надо понимать (вспомним шапку Черномора) наоборот, тот правильно оценит и отношение главы русского масонства к вольтерьянству и к заговорам:

«У нас есть один абсолютный закон — мы не должны никогда... ни в какие заговоры... Мы признаем существующую власть, даже если она нам полностью не нравится».

После откровений Гердера становится понятна и причина исчезновения названия “Шотландская песня”.

Тот, кто способен подняться с третьего приоритета обобщенных средств управления на второй и первый, в стихах Пушкина под названием “Шотландская песня” о вороне, соколе и убитом богатыре однажды сможет услышать не только песню, но и зловещую “мелодию” ШОТЛАНДСКОГО РИТУАЛА, под звучание которой слетела не одна голова русского правителя, неспособного её правильно осмыслить. Но это будет уже не толпарь, живущий по масонскому преданию и рассуждающий по авторитету гердеров, а человек, отказавшийся от интеллектуального иждивенчества и начавший думать своей головой. Такие гердерам были страшны и в XX веке, и в XIX, а потому и исчезло название: “Шотландская песня”.

“Это все ассоциативное, а где прямые указания Пушкина на то, что глупые богатыри теряют головы не случайно, а в результате целенаправленной деятельности сынов Амона — периферии египетского жречества?” — будет продолжать сомневаться скептический читатель. Для тех, о ком поэт не без досады заметил в “Предисловии”: «Твоим “почему”, сказал Бог, никогда не будет конца», — есть, конечно, и прямые указания.

Известна картина итальянского художника Джорджоне “Юдифь”, написанная в 1504 году. На ней женщина, запоминающаяся некоторым своеобразием, с мечом в правой руке левой ногой опирается на отрубленную голову Олоферна. Репродукции с этой картины широко тиражировались в советское время. Современный читатель, лишенный доступа к откровениям иудейских пророков и не знающий содержания книги “Иудифь”, в большинстве своем не понимает, как голова полководца ассирийского царя Навуходоносора оказалась под ногой еврейской женщины. Через 15 лет после создания “Руслана и Людмилы”, в 1835 г. Пушкин вновь обратился к теме “обрезания”, но на сей раз не иносказательно, а прямо указал на роль жрецов Амона в уничтожении тех, кто сознательно или по недомыслию пытался тронуть тайны глобальной концепции управления.

Когда владыка ассирийский
Народы казнию казнил,
И Олоферн весь край азийский
Его деснице покорил, —
Высок смиреньем терпеливым
И крепок верой в бога сил,
Перед сатрапом горделивым
Израил выи не склонил;
Во все пределы Иудеи
Проникнул трепет. Иереи
Одели вретищем алтарь;
Народ завыл, объятый страхом,
Главу покрыв золой и прахом,
И внял ему всевышний царь.
Притек сатрап к ущельям горным
И зрит: их узкие врата
Замком замкнуты непокорным;
Стеной, как поясом узорным,
Препоясалась высота.
И над тесниной торжествуя,
Как муж на страже, в тишине
Стоит, белеясь, Ветилуя
В недостижимой вышине.
Сатрап смутился, изумленный —
И гнев в нем душу помрачил..

Поддался воздействию страстей — первый шаг к гибели.

И свой совет разноплеменный
Он — любопытный — вопросил:
"Кто сей народ? и что их сила”,

«Не в силе Бог, а в правде!» — скажет спустя почти два тысячелетия другой полководец и спасет свой народ и свою голову. Олоферна же мучает праздное любопытство:

“И кто им вождь, и отчего

Сердца их дерзость воспалила,
И их надежда на кого?.."

Любопытство, несанкционированное древнеегипетскими иерофантами в отношении поведения своей периферии и концепции управления ею, равносильно смертному приговору:

И встал тогда сынов Амона
Военачальник Ахиор
И   Р Е К — и Олоферн со трона
Склонил к нему и слух и взор.

ЖизнеРЕЧение — социальная функция жречества. Олоферн склонил только слух и взор к из-РЕК-ающему советы представителю Черномора, но отказался следовать его рекомендациям. Так самонадеянный богатырь царя Навуходоносора стал очередной жертвой заговора мафии бритоголовых, в котором Наина в образе Иудифи исполняла роль бездумного биоробота-палача. Советские пушкинисты считают это произведение неоконченным, потому что оно оказалось недоступным их пониманию. Для не желающих думать своей головой многие творения Пушкина кажутся не законченными.

Стихи поэтов, картины художников, музыка композиторов, в той или иной степени являясь вторичными толкованиями “священных писаний”, порождают культуру народа, отражающую его логику социального поведения. Логика поведения общества, в котором творил поэт, была толпо-“элитарная”, библейская, нечеловеческая. Но предупреждал же Н.В.Гоголь, что **«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа. Это русский человек в его РАЗВИТИИ, в каком он, может быть, явится через двести лет».** Так что это писано для тех, кому Бог дает Различение и кто, продолжая развитие Свыше данного чувства меры, стремится войти в ЧЕЛО-ВЕЧНОСТЬ. Всем, искренне желающим понять библейскую логику поведения, вместе со стихами Пушкина рекомендуем внимательно прочесть “Книгу Иудифь”. В ней есть все о технологии “обрезания” по самую голову.

«Настоящее есть следствие прошедшего, а потому непрестанно обращай взор свой на зады, чем сбережешь себя от знатных ошибок», — говорил Козьма Прутков. Мы вынуждены подробно остановиться на некоторых методах борьбы Черномора со своими потенциальными противниками с

одной лишь целью: предостеречь формирующуюся кадровую базу Внутреннего Предиктора России от “знатных ошибок”.

Но это лишь один из этапов концептуального противостояния. На этом этапе толпа, устав от балагана средств массовой информации, сначала прекращает метаться по митингам в поисках новых вождей, поскольку в её коллективном бессознательном возникает несанкционированный управленческой “элитой” вопрос: “А кто нам даст гарантии, что новый вождь через какое-то время не превратится в монстра еще более страшного, чем вождь предыдущий?”. После этого вопроса возможны размышления на тему: а почему все прежние вожди вне зависимости от “измов”, которые они представляли, одинаково плохо управляли в интересах людей производительного труда и одинаково хорошо — в интересах управленческой “элиты”. Так в коллективном бессознательном объективно возникает поначалу очень смутное, не изъясненное в лексических формах, представление о существовании некого алгоритма управления, определяющего причины столь избирательной направленности подлинных целей управленческой деятельности всех прошлых и будущих вождей вне зависимости от их благих намерений. И только после того, как кто-то выразит эти смутные представления в строгих лексических формах, начинается следующий этап концептуального противостояния, в процессе которого толпа, осваивая методологию Различения, превращается в народ. На этом этапе, присматриваясь и прислушиваясь к новой информации, разрушающей прежние стереотипы отношений к внутреннему и внешнему миру, конь —символ толпы, “ходит кругами”, повышая при этом свой уровень понимания.

Вокруг Руслана ходит конь,
Поникнув гордой головою,
В его глазах исчез огонь!
Не машет гривой золотою,
Не тешится, не скачет он,
И ждет, когда Руслан воспрянет...
Но князя крепок хладный сон,
И долго щит его не грянет.

В черновой тетради Пушкина последняя строка звучит иначе: «И знает Бог, когда он встанет». Почему произошла такая замена? Конь ходит вокруг Руслана не один. На его спине, в котомке (путевой суме всадника), по-прежнему пребывает Черномор. По части “путевой сумы” известна

важная народная присказка, раскрывающая одну из мировоззренческих загадок пушкинской поэмы: «Бог про то весть, что в котомке-то есть; а ведомо и тому, кто несет котому!» То есть Бог, конечно, все знает про обитателя котомки, но и толпе, если она хочет стать народом, пора научиться кое-что ведать про тех, кого она носит на своем горбу. Ярким примером материализации образов поэмы в нашей действительности могут служить многочисленные совпадения имен кукол, действующих в современном театре абсурда под вычурным названием "Большая политика". Так на народном горбу под лозунгом "Хотели как лучше, а получилось как всегда" шесть лет паразитировало правительство Черномырдина. Мистика? А Наина Иосифовна? А фальшивый Руслан Имранович? А швейцарский генеральный прокурор Карла дель Понте — тоже мистика?

Чтобы реальность воспринималась такой какая она есть, толпа должна понимать, чего она хочет от своих "наездников"; но еще важнее чтобы толпа различала концепции, на основании которых "наездники рулят", иначе щит Руслана, которым она хотела бы прикрыться от последствий концептуальной неопределенности управления, может просто раздавить её.

Судя по вопросу, который Пушкин включил в "Предисловие" («Зачем карла не вылез из котомки убитого Руслана?»), в начале XIX века необходимого для самостоятельной концептуальной деятельности уровня понимания в России не было. Будущее покажет, как обстоит дело с этим вопросом в конце XX века, а пока в поэме иносказательно дается оценка современного состояния Глобального Предиктора:

А Черномор? Он за седлом,
В котомке, ведьмою забытый,
Еще не знает ни о чем;

Судьба Наины в "Песне шестой" — самая темная, хотя мы знаем, что с её действиями прямо или косвенно связана судьба всех героев поэмы. Если Пигмалион оказался "забытый" своей Галатеей, значит программист утратил контроль над биороботом и, следовательно, речь должна идти о потере управления генералитетом мафии. Чтобы понять, как это могло произойти, необходимо раскрыть содержательную сторону символа "обрезания бороды", а для этого нам придется еще раз обратиться к рассмотрению процесса становления и развития ростовщической кредитно-финансовой системы, роль золота в которой занимает особое место.

Развитие общественного объединения труда с углубляющейся специализацией отдельных технологических операций и сопровождающий их продуктообмен еще на заре становления ростовщической кредитно-финансовой системы выделил ведущим товаром денежной группы золото. Золото стало инвариантом прейскуранта[1] (по-русски — текущих цен), то есть количеством золота стала измеряться стоимость всех иных продуктов общественного производства. Инвариант — самоценность.

К.Маркс заявил, что деньги — отчужденная сущность труда и бытия. Автор "Капитала", мягко говоря, произвел здесь не только подмену понятий, но и извратил систему отношений между понятиями. Деньги — средства платежа — являются сущностью, порожденной обществом и отчуждающей человека и от труда, и от бытия, непосредственно связанного с трудом. Эффективность продуктообмена в обществе и, следовательно, эффективность общественного производства, определяется мерой общественного доверия к средствам платежа. Поэтому деньги, как средство платежа, в любой форме несут информацию и о степени доверия общества к себе, как к посреднику в продуктообмене.

До тех пор, пока золото и другие драгоценные металлы в той или иной форме выступали в продуктообмене основным средством платежа, в обществе не возникало потребности юридического оформления самоценности золота и потому торговля, по существу, оставалась меновой. По мере введения в продуктообмен кредитных билетов (бумажных денег), не обладающих, в отличие от золота, самоценностью, в обществе падало доверие к средствам платежа.

Началом эпохи "золотого стандарта" (законодательного оформления гарантированного золотого обеспечения государственных кредитных билетов) принято считать период после наполеоновских войн: 1816 — 1821 гг. ("Золото", А.В.Аникин, изд. 1988 г.). Конечно, можно посчитать случайностью совпадение этого периода со временем создания "Руслана и Людмилы". Но случайности, отражающие определенные закономерности, по сути своей являются статистическими предопределённостями. Если же принять во внимание, что наполеоновские войны финансировались кланом Ротшильдов, то остается признать, что Пушкин в свои двадцать лет видел и понимал общий ход вещей лучше, чем российские декабристы-масоны, воспитанные на экономической мысли Запада. А.В.Аникин (под-

[1] «Инвариант прейскуранта» — термин теории подобия макроэкономических систем. Это товар, количеством которого измеряются все остальные цены на рынке. В силу этого цена самого инварианта неизменно (т.е. инвариантно) равна единице.

линная фамилия — Еврейский), автор упомянутой выше монографии о роли золота в финансово-кредитной системе, был настолько озабочен познаниями Пушкина о бороде Черномора, что выпустил специальную книгу “Муза и мамона. Социально-экономические мотивы у Пушкина”, изд. 1989 г. Из нее мы узнаем, что более всего еврейский аника-воин был обеспокоен ранним интересом Пушкина к закулисной деятельности банкирского дома Ротшильдов. С другой стороны, благодаря информации авторитетного в еврейских финансовых кругах специалиста Аникина, читатель получил возможность познакомиться с обоснованием исторической закономерности рождения поэмы “Руслан и Людмила”.

Борода Черномора — первое целостное аллегорическое отображение финансово-кредитной системы в литературе. И.В.Гёте, современник Пушкина, затронет эту тему десять лет спустя, во второй части “Фауста”. Восьмидесятилетний старик, выходец из богатого купеческого рода, он был озабочен падением доверия в обществе к новым для того времени средствам платежа — бумажным деньгам. Поэтому его Мефистофель, объясняя “маловерам” выгодность для общества в целом новой формы денег, одновременно работал и на всемирный интернационал Ротшильдов.

С билетами всегда вы налегке,
Они удобней денег в кошельке,
Они вас избавляют от поклажи
При купле ценностей и их продаже.
Понадобится золото, металл
Имеется в запасе у менял,
А нет у них — мы землю ковыряем
И весь бумажный выпуск покрываем,
Находку на торгах распродаем
И погашаем полностью заем.
Опять мы посрамляем маловера,
Все хором прославляют нашу меру,
И с золотым чеканом наравне
Бумага укрепляется в стране.

Однако одних заклинаний, даже в высокохудожественной форме, для восстановления доверия к средствам платежа, видимо, было недостаточно и в 1867 г. гешефтмахеры мира специальными соглашениями в Париже о введении “золотого стандарта” делают первую попытку остановить рост

“бороды” всемирного паука. С началом первой мировой войны (если счет вести от наполеоновских войн, то третьей, поскольку сражения “крымской войны” протекали на Балтике, в Белом море и на Камчатке) эти соглашения утратили силу, и до 1944 г. борода Черномора, можно сказать, росла бесконтрольно. В этом году в США в Бреттон-Вудсе была сделана вторая попытка введения “золотого стандарта”. В разработке бреттон-вудских соглашений в составе делегаций 44 стран принимала участие и советская. Сталин, поднявшийся к концу войны на уровень концептуального противостояния с Глобальным Предиктором, понимал, что устав Международного валютного фонда, разработанный в рамках этих соглашений, — всего лишь попытка Наины взять под контроль рост бороды Черномора, благодаря которой “цивилизованным” путем можно будет передушить всех “красавиц мира”. Не желая пополнять галерею висельников народами СССР, Сталин отказался ратифицировать в 1945 г. бреттон-вудские соглашения и на какое-то время закрыл для горбатого карлы пути к экспансии в СССР обобщенного оружия четвертого приоритета (мировые деньги).

“Обрезание бороды” в экономической интерпретации — отсечение Международного валютного фонда от информации о реальном золотом запаса России. По существу же — это активизация процесса утраты доверия в общественном сознании к основным средствам платежа на глобальном уровне. Поскольку со второй половины XX века основным средством платежа был доллар, то принятая Сталиным мера “обрезания” доказала свою эффективность по крайней мере при жизни одного поколения. Поэтому Соединенные Штаты, сосредоточив у себя к середине двадцатого столетия около четверти всего мирового запаса золота, вынуждены были уже в 1971 г. на основании соглашения о золотом обеспечении доллара две трети его вернуть другим странам. И хотя к 1981 г. Наина душила “бородой” уже 151 “красавицу” мира (только Швейцария и СССР не являлись членами МВФ к моменту начала перестройки), президент США в целях защиты золотого запаса страны в 1971 г. в одностороннем порядке отменил “золотой стандарт”. С отменой “золотого стандарта” де-юре была утрачена общепризнанная база сопоставления стоимостей, что в перспективе вело к утрате контроля над ценообразованием, и, как следствие, к приведению в недееспособное состояние всей глобальной системы управления уровня четвертого приоритета. Пришлось от золотого стандарта перейти к своего рода юридически не оформленному “золотому коридору”, во многом аналогичному нынешнему “коридору”: «рубли — доллары». Золотой коридор состоялся как “фиксинг” Ротшильдов (фиксируемая цена на золото, искусственно поддерживаемая трансрегиональной банковской корпо-

рацией в диапазоне 350 — 410 долларов за тройскую унцию на протяжении более чем десятилетия).

> Но “фиксинг” — только оттягивает срок, по истечении которого хозяевам корпорации придется все равно отвечать на нежелательные для них вопросы: почему не шахтеры — добытчики золота, — а Ротшильды, никто из которых за последние 300 лет своими руками не создал ничего полезного? почему Ротшильды из поколения в поколения? из каких соображений 350 — 410 долларов? а что такое цифры на долларе или любом ином “шуршавчике” без фиксинга? а что такое цифры в системе безналичного бухгалтерского учета, когда нет ощутимого доллара? а почему “фиксинг” золота, а не чего-то еще: хлеба или техногенного энергоносителя — например?

Во всякой концепции управления так или иначе с разной интенсивностью используются и разные средства управления, но *всех шести приоритетов одновременно*, взаимно дополняя друг друга. Если в какой-то концепции один из уровней иерархии средств управления утрачивает работоспособность, то поддержание устойчивого управления, гарантирующего от возникновения социального хаоса или катастрофы культуры и цивилизации в целом, возможно двумя путями: либо сменой концепции управления на иную, в которой на уровне иерархии средств управления, утратившей работоспособность, используются иные средства и методы управления; либо в прежней концепции лидерство во власти передается более высокому уровню в иерархии средств управления, чтобы в спектре средств управления доминировал, лидировал еще работоспособный в ней уровень иерархии средств управления.

Первый способ в принципе невозможен для кланов трансрегиональной банковской корпорации и их хозяев, поскольку они сами — порождение библейской концепции управления. Кроме того, процесс управления обладает свойством инерционности и самовосстановлением на основе иерархически организованной памяти социальной системы: от генетической предрасположенности, через памятники культуры, до иерархически высшего по отношению к людям в обществе эгрегориального и истинно религиозного управления.

> То есть, пока управление по некоторой концепции не потерпело неоспоримого для общества краха на наивысшем из приоритетов, она всегда будет воспроизводить себя в обществе, передавая лидерство во власти все более высоким уровням в иерархии средств управления, свойственных концепции.

В историческом прошлом это очевидно: Запад прошел путь от грубого силового диктата к диктату высоких технологий, патентов и ноу-хау через финансовый диктат, но при этом активизация иерархически высших уровней не приводила к полному отказу от низших.

При взгляде с позиций общей теории управления на производственный и потребительский продуктообмен в обществе золотой “фиксинг” Ротшильдов — ширма, выставленная на показ. Все цены в прейскуранте перевязаны друг с другом. Межотраслевой продуктообмен обусловлен культурой производства (технологиями, технологической дисциплиной, стандартами) и КОЛИЧЕСТВОМ ЭНЕРГИИ (биогенной и техногенной), вовлекаемой в производственные процессы. Если вынести за скобки технологический прогресс, то основой всего ценообразования в обществе является его энергопотенциал. Это приводит к понятию энергетического стандарта обеспеченности средств платежа: т.е. *«числа в системе бухгалтерского учета = доля от мощности энергостанций» с точностью до коэффициента пропорциональности.* Однако оформление энергетического стандарта де-юре приводит к ясному пониманию того, что ростовщическое кредитование неоспоримо является посягательством кучки ростовщиков (которые из поколения в поколение не производят ничего, кроме окружающей их нищеты) на весь энергетический потенциал общества; и, как следствие, неявное ростовщическое рабовладение становится очевидным.

Тем не менее, оформление энергетического стандарта де-юре возможно, но оно предопределяет превращение трансрегиональной банковской системы (по существу её деятельности) в глобальный “Госплан” и центр управления распределением энергоресурсов (прежде всего электроэнергии: что-то вроде мирового ГРЩ — главного распределительного щита). Но это возможно на этических принципах, открыто отрицающих двойственные нравственные стандарты Библии: на уровне сознания для толпы (рабочего “быдла”) — заповедь Моисея — не укради; на уровне подсознания для толпы “богоизбранных” иудеев через доктрину “Второзакония — Исаии” — кради все, но мягко и культурно через узаконенный ссудный процент; а для межрегиональной “элиты”, но уже на уровне сознания, — делай, что хочешь, так как все прочие — рабочее быдло для удовлетворения твоих прихотей и нужд.

При сохранении же библейской концепции, в ходе передачи лидерства от четвертого приоритета третьему в иерархии средств управления, должна гарантированно обеспечиваться устойчивость процесса концентрации производительных сил человечества методами ростовщического кредитования. При этом как бы автоматически возникает некая оболочка, скрывающая ростовщичество в новых условиях, которая воспринимается тол-

пой как неоспоримое благо, а не как средство диктата. Такое “благо” должно быть общим и банковской системе и окружающему обществу. Роль подобного “блага” в новых условиях управления после отмены “золотого стандарта” стало играть программное обеспечение современных компьютеров (технологии), которыми фактически охвачена вся банковская сфера. Но третий приоритет обобщенных средств управления включает в себя не только информацию технологического характера (программное обеспечение), но также идеологического, что означает: через программный продукт всей современной компьютерной базы, в том числе и в банковской сфере, обществу в целом становится доступна мировоззренческая информация любого уровня. Будучи периферией Черномора, наины и фарлафы остаются частью общества, и потому процесс перехода всей системы управления на более высокий приоритет создает для них благоприятные условия выхода из-под информационного контроля глобального псевдожречества.

С этого времени можно считать, что ведьма “забывает” о своем хозяине, сидящем в котомке за седлом и начинает заниматься отсебятиной, т.е. рубить сук, на котором горбатый урод сидел более 3000 лет.

После описания ситуации, сложившейся в финансовом мире к концу XX столетия, можно понять и состояние Черномора и ответить на многочисленные “почему" современников Пушкина.

Усталый, сонный и сердитый
Княжну, героя моего
Бранил от скуки молчаливо;
Не слыша долго ничего,
Волшебник выглянул — о диво!
Он видит: богатырь убит;
В крови потопленный лежит;
Людмилы нет, все пусто в поле;
Злодей от радости дрожит
И мнит: свершилось, я на воле!
Но старый карла был неправ.

«У человека воля, у животного побудка», — говорит народная мудрость. Концепция «старого карлы» изначально была неправой, нечеловеческой. Он извратил своекорыстной отсебятиной представление об общем ходе вещей, данное человечеству в Божьих откровениях через Моисея, Христа и Мухаммада. Эта отсебятина, концентрированно выраженная в доктрине

“Второзакония-Исаии”, отозвалась увеличением вектора ошибки управления обществом, воспринимаемой им как инфляционный процесс, из которого ни одна национальная Голова пока не видит выхода. “Побудка” карлы, лишившегося опоры в лице Наины и Фарлафа, своеобразное знамение начала процесса формирования новой логики социального поведения.

Меж тем, Наиной осененный,
С Людмилой, тихо усыпленной,
Стремится к Киеву Фарлаф:
Летит, надежды, страха полный;
Пред ним уже днепровски волны
В знакомых пажитях шумят;
Уж видит златоверхий град;
Уже Фарлаф по граду мчится,
И шум на стогнах восстает;
В волненье радостном народ
Валит за всадником, теснится;
Бегут обрадовать отца:
И вот изменник у крыльца.

Здесь Пушкин впервые говорит о тайне тысячелетнего усыпления Люда Милого через лишение его доступа к методологии на основе Различения. Но неблаговидная миссия тандема “Наина-Фарлаф” в этой акции может быть понята народом лишь после осознания им роли средств массовой информации как наркоза в операции усыпления общественного сознания. Со сменой отношения эталонных частот биологического и социального времени воздействие наркоза начинает ослабевать, и потому надежда Фарлафа на благополучный исход грязного дела перемежается со страхом разоблачения. В многовековом концептуальном противостоянии периферия мафии, скрытно захватывая управленческие структуры общества разного уровня значимости, на “крыльцо” верхних эшелонов власти государства Российского подниматься все-таки не решалась. Избавившись от контроля и опеки со стороны карлы, Наина занялась отсебятиной и вытолкнула Фарлафа наверх, предварительно повязав его кровью. В этом контексте свобода Наины и Фарлафа от Черномора аналогична свободе биоробота, лишенного программного обеспечения. Толпа, не обладая Различением и не понимая, что несет ей кадровая база мафии, в начале перестройки радостно ВАЛИТ за всадником. А Владимир?

Влача в душе печали бремя,
Владимир-солнышко в то время
В высоком тереме своем
Сидел, томясь привычной думой.

Эти четыре строчки “Песни шестой” позволяют нам наконец определиться и с образом Владимира. Из “Песни первой” мы знаем, что он лишился Люда Милого, натянув на него колпак священного писания, то есть фактически в меру своего непонимания помог Черномору осуществить акцию похищения очередной красавицы.

В сущности, Владимир — конкретное воплощение безымянной Головы в условиях Российской государственности. Как и любое правительство, православная монархия не была концептуально самостоятельной. Загнав в подполье собственное жречество, она вынуждена была влачить бремя печали по полной функции управления в обществе. Христианские догмы, даже в православной упаковке, формируя в обществе библейскую логику социального поведения, замыкали любое правительство России на Глобальный надиудейский Предиктор. Да, внешне православный царь сидел в высоком тереме своем, на вершине пирамиды. Но все равно это была толпо-“элитарная” пирамида, в которой полная функция управления во все времена оставалась за псевдожреческими кланами знахарей. Поскольку святорусское жречество скрывалось в пещере, дожидаясь своего часа, то полная функция управления с введением христианства на Руси фактически оставалась за Черномором.

Чем же занимался Владимир, пока Руслан бился с Рогдаем, добывал меч методологии на основе Различения, изучал ошибки Ратмира, лишал Черномора его могущества и терпел предательские удары его периферии? Все это время Владимир-солнце «сидел, томясь привычной думой». По словарю В.И.Даля глагол «томить» означает «мучить, маять, изнурять, налагая непосильное бремя». Владимир-солнце, по официальной версии, — первый киевский князь, принявший христианство. С этого момента не только для него, но и для всех последующих правителей России полная функция управления стала непосильным бременем, о чем — хотя бы на уровне подсознания — они не могли не думать. “Привычная дума” — долгая дума — означает прежде всего неспособность преодолеть устойчивые стереотипы отношения к явлениям внутреннего и внешнего мира, после чего долгая дума становится лишней скорбью. Отсюда и “печали бремя”, которое влачит душа Владимира.

Но ведь и образ правительства, оторванного от народа и скрывающего от него Знания, — Голова — тоже «влачит печали бремя». Печали бремя — бремя власти. Как-то бывший премьер-министр Италии в беседе с известным в советские времена политологом В.С. Зориным очень точно заметил: «Власть тяготит тех, у кого её нет». Другими словами, власть обременительна для тех, кто по существу безвластен[1].

“Но, витязь, будь великодушен!
Достоин плача жребий мой”, —

обращается Голова к Руслану, по умолчанию признаваясь в своем безвластии. Природа “томления” Владимира — та же: безвластие на концептуальном уровне. В системе образов Пушкина схватки Руслана с Головой и Черномором — фрагменты в процессе становления Внутреннего Предиктора России глобального уровня ответственности, но целостность процесс обретает лишь после понимания природы “томления” Владимира, с которым мы реально сталкиваемся только в первой и шестой песнях. Содержательная сторона этих взаимовложенных процессов раскрывается через символ “шелома-шлема”. В “Песне третьей” Голова после удара Руслана:

Перевернулась, покатилась,
И шлем ЧУГУННЫЙ застучал

В “Песне пятой” уже сам Руслан:

По шлему крепкому, СТАЛЬНОМУ
Рукой незримой поражен.

Не следует думать, что Пушкин по недомыслию покрыл Голову хрупким чугунным доспехом. Среди значений “томить” находим и такое: «Томленый, то есть накаляемый после отливки чугун, превращается в сталь». После падения православной монархии в лице Николая II первое правительство России, претендующее на концептуальную самостоятельность в рамках глобального исторического процесса, не случайно возглавил Сталин. Джуга — по-грузински — сталь. Процесс продолжается. Иное время

[1] Не понимая этого Д.Балашов (гумилевец, в своих произведениях часто поминающий теорию пассионарности), один из своих романов о становлении Российской государственности назвал “Бремя власти”.

— иное бремя. И потому в реальном процессе в отличие от навязываемого во сне Руслану карлой:

Бояре, витязи кругом
Сидели с важностью угрюмой.
Вдруг ВНЕМЛЕТ он: перед крыльцом
Волненье, крики, шум чудесный;
Дверь отворилась, перед ним
Явился ВОИН НЕИЗВЕСТНЫЙ;

Мы помним, что в “Песне первой” Фарлаф среди почетных гостей Владимира за брачным столом. Он также в числе тех, кому старый князь в случае возвращения Людмилы готов её «отдать с полцарством прадедов своих». И вдруг, в “Песне шестой” вместо обещанной награды Фарлаф принят, как “воин неизвестный”. В чем дело? Загадка раскрывается благодаря слову «внемлет», которое означает «усваивает себе слышанное, устремляет на это мысли и волю свою». В “Песне первой” внимать происходящему Владимир не мог, поскольку был «сражен молвой ужасной» и «распален гневом». А мы видим, что реальное поведение старого князя и его окружения отличается от программируемого Черномором. Там, во сне Руслана:

...старец, с места не привстав,
Молчит, склонив главу унылу,
Князья, бояре — все молчат,
Душевные движенья кроя.

А в действительности:

Все встали с шепотом глухим
И вдруг смутились, зашумели:
“Людмила здесь! Фарлаф... ужели?”
В лице печальном изменясь,
Встает со стула старый князь,
Спешит тяжелыми шагами
К несчастной дочери своей,
Подходит; отчими руками

Он хочет прикоснуться к ней;
Но дева милая не внемлет
И очарованная дремлет
В руках убийцы — …

Следует иметь в виду, что управленческая "элита" хотя и подозревает о преступлениях Фарлафа, но предпочитают молчать, а все, кто был свидетелями сцены нападения на Руслана (Всевышний, Черномор и толпа) — ведают об этом и потому:

… все глядят
На князя в смутном ожиданье;
И старец беспокойный взгляд
Вперил на витязя в молчанье.

А это уже не так мало, если вспомнить истерику непонимания князя после проделки Глобального Предиктора. «Молчи, коли Бог разума не дал», — говорят в народе. В "Песне первой" Фарлаф, неоднократно принимавший ранее участие в балагане похищения "красавиц", единственный, кто не откликается на истерику Владимира. Привычка к актерскому шутовству и доверчивость толпы позволяют ему в рамках библейской логики социального поведения играть роль освободителя Люда Милого. Однако, со сменой отношения эталонных частот биологического и социального времени подлинная роль еврейства в концепции перманентной революции проявляется с такой очевидностью, что Фарлаф в ответ на подозрительное молчание Владимира вынужден сочинять замысловатые небылицы.

Но, хитро перст к устам прижав,
"Людмила спит!" — сказал Фарлаф. —
"Я так нашел её недавно
В пустынных муромских лесах
У злого лешего в руках;
Там совершилось дело славно;
Три дня мы билися; луна
Над боем трижды подымалась;
Он пал, а юная княжна
Мне в руки сонною досталась;"

Так с кем же бился Фарлаф? В русском народе хорошо известно, что "леший" — лесной дух, пугало. Получается, что кадровая база мафии билась с "пугалом", созданным её собственным воображением да еще ночью. Ведь в приведенных выше стихах это показано прямо:

"Три дня мы билися; луна
Над боем трижды подымалась";

Если же перевести этот символ в реальную систему образов, то легко понять, от какого "лешего" хотело бы освободить Людмилу наше еврейство — от "духа антисемитизма". Но, как Фарлаф никогда не имел представления ни о муромских лесах, ни о духах, в них обитавших (это "духи" национальные), так и еврейство неспособно правильно идентифицировать то "пугало", которое оно создает для усыпления народного самосознания.
Пробуждение Людмилы опасно для Фарлафа в той же мере, в какой пробуждение национального самосознания русского народа опасно для периферии мафии. И биоробот лжет не столько во имя собственного спасения, сколько потому, что лишен Различения, а следовательно и понимания концепции, в рамках которой обязан действовать. Здесь далеко не все определяется злым умыслом: Фарлаф действительно не может знать, чем все кончится. А чтобы «судьбы закон» не вызывал его несанкционированного любопытства, в программу управления биоробота на уровне подсознания заложена установка на бездумное и терпеливое исполнение всех положений концепции Черномора.

"И кто прервет сей дивный сон?
Когда настанет пробужденье?
Не знаю — СКРЫТ СУДЬБЫ ЗАКОН!
А нам надежда и терпенье
Одни остались в утешенье".

Все, как и сейчас: "Альтернативы перестройке нет! Альтернативы рынку нет! Альтернативы реформам нет! Альтернативы библейской концепции нет! Ваше дело — слушать весь этот бред, надеяться и терпеть!" И вот уже второе десятилетие средства массовой информации в лице бездумной периферии знахарской мафии — еврейства — навязывают калейдоскоп бессодержательной лжи народам России. Отношение толпы, правительства и кадровой базы мафии к концептуальным установкам программы в

период глобальной перекройки сознания народа изложено в поэме в знакомой современному слуху терминологии.

И вскоре с вестью роковой
Молва по граду полетела;
Народа пестрою толпой
Градская площадь закипела;
Печальный терем всем открыт;
Толпа волнуется, валит
Туда, где на одре высоком,
На одеяле парчевом
Княжна лежит во сне глубоком;
Князья и витязи кругом
Стоят унылы;

Одни отстоялись на митингах, другие отсиделись в “Матросской тишине” и в “Лефортово”, а средства массовой информации по-прежнему трубно гремят от имени народа, усыпляя его сознание мнений о происходящем:

... гласы трубны,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремят над нею; старый князь,
Тоской тяжелой изнурясь,
К ногам Людмилы сединами
Приник с безмолвными слезами;
И бледный близ него Фарлаф
В немом раскаяньи, в досаде
Трепещет, дерзость потеряв.

Развязка приближается. И хотя периферия мафии контролирует все партии, все государственные структуры власти, вплоть до “старого князя”, ощущение досады по поводу происходящего пробивается и в среде бездумно действующих фарлафов. Ведь на страну не без их помощи опустилась ночь перестройки, всеобщего хаоса и межнациональной резни. Кто разжигает межнациональную рознь в семье народов? — Межнационалисты! Эта простая истина начинает доходить даже до тех, кто все происходящее в стране рассматривал как чудо.

Настала ночь. Никто во граде
Очей бессонных не смыкал;
Шумя, теснились все друг к другу;
О чуде всякий толковал;
Младой супруг свою супругу
В светлице скромной забывал.

Национальные толпы политизированы, но до уровня понимания мировоззрения народа им еще далеко. Немногие в стране осознают, что костры межнациональных войн на окраинах страны целенаправленно разжигаются межнационалистами — современными печенегами. Это все те же “кочевые демократы”, о которых писал Н.М.Карамзин:

«Народ сей сделался ужасом и бичом соседей; служил орудием взаимной их ненависти и за деньги помогал им истреблять друг друга» (“История государства Российского”, т. I, глава IV.).

Но только свет луны двурогой
Исчез пред утренней зарей,
Весь Киев новою тревогой
Смутился. Клики, шум и вой
Возникли всюду. Киевляне
Толпятся на стене градской...
И видят: в утреннем тумане
Шатры белеют за рекой.

Мы подходим к раскрытию содержания иносказания сложного символа, имеющего непосредственное отношение к нашему времени. И опять на помощь приходит Пушкин, давая ключи через “Предисловие ко второму изданию”, в котором есть вопрос: «Зачем это множество точек после стихов: “ШАТРЫ БЕЛЕЮТ НА ХОЛМАХ?”» Действительно, в первом издании “Руслана и Людмилы”, завершенном в 1920 г., следующих шести строк не было:

Щиты, как зарево, блистают,
В полях наездники мелькают,

Вдали подъемля черный прах;
Идут походные телеги,
КОСТРЫ ПЫЛАЮТ НА ХОЛМАХ.
Беда: восстали печенеги!

Вместо них было “множество точек”. Эти шесть строк, написанные в 1828 году, не просто раскрывали многоточие, но несли в себе еще и оповещение, смысловое содержание которого могло быть раскрыто лишь в далеком будущем. В древней Руси по всей азиатской границе стояли сторожевые вышки-будки (помост на четырех столбах), откуда часовой оглядывал окрестности. По словарю В.И.Даля вышка и холм — слова-синонимы. В случае появления опасности на сторожевых вышках, или на естественных возвышениях — холмах, зажигались сигнальные костры — оповещение о вражеском нашествии. В древнерусском языке слово «крес» означает *лонь* (т.е. кресало[1]) и жизнь одновременно. Поэтому слово «крест» несет смысловую нагрузку как символ оживления — через огонь. Историкам хорошо известно, что в Римской империи во времена императоров Нерона, Тиберия, Веспасиана рабов распинали на крестах в виде буквы « Т ». В мирском значении слово «крес-Т» — воскрес, воскресенье, оживление. Отсюда слова «крес», «крес-Т», «огонь», «пламя», «костер» — содержательно сходны, хотя каждое из них несет и свою собственную понятийную нагрузку.

Пушкинское оповещение об опасности, данное потомкам в “Шестой песне”:

Костры пылают на холмах.
Беда: восстали печенеги!

через полтора столетия было услышано русским поэтом Николаем Рубцовым и содержательно раскрыто в его широко известном “Видении на холме”:

Взбегу на холм
и упаду
в траву,

[1] Железное орудие для высекания искры из кремния на трут при добывании огня.

И древностью повеет вдруг из дола!..
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
. . . .
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и долы
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы...
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
в окрестностях
России.
Кресты, кресты...
Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Жуют траву стреноженные кони...

Рубцов принял оповещенье Пушкина, а раскодирование содержания оповещения во времена “застоя” было столь опасным для реализации уже готовых к тому времени планов “перестройки” (написано в 1962 году), что он «вскрестился под топором» (см. Словарь В.И.Даля), то есть буквально был зарублен топором. Но самое страшное в “Виденьях на холме” — даже не кресты, а “смирно жующие траву стреноженные кони”. Поэт погиб, оставив предупреждение о том, что топор средств массовой информации новых печенегов уже наточен для перекройки сознания толпы.
Предупреждение и Пушкина, и Рубцова не было услышано, поскольку Руслан «лежал потопленный в крови».

Но в это время вещий Финн,
Духов могучий властелин,
В своей пустыни безмятежной,
С спокойным сердцем ожидал,
Чтоб день судьбины неизбежной,
Давно предвиденный, восстал.

Святорусское ведическое жречество со спокойным сердцем ожидало часа, когда можно будет в соответствии с Законом времени выйти к Человечеству с объединительной Концепцией Общественной Безопасности, сохранившейся в генетической памяти Люда Милого в образной форме “Мертвой и Живой воды”.

Раскрытие образов “мертвой” и “живой” воды требует снятия покровов герметизма с её тайной доктрины. Обратимся к книге Э.Шюре “Великие посвященные”. Автор монографии, написанной во Франции, переведенной и изданной в России в 1914 г., не ставил своей целью объективно осветить глобальный исторический процесс и раскрыть основные положения различных эзотерических учений. Искренне обеспокоенный все увеличивающимся разрывом между наукой и религией, он стремился их соединить не решив главного вопроса: а возможно ли в принципе объединение науки и религии в рамках идеализма или материализма? В конце XX столетия стало понятно, что ни в рамках материализма, ни в рамках идеализма никакой адекватной объективной реальности науки и религии создать в принципе невозможно.

Анализ исторической и религиозной деятельности великих посвященных от Рамы до Христа Шюре ведет с позиций идеологического, фактологического приоритета, игнорируя хронологию и методологию различения процессов. В то же время, стремясь выйти за рамки предания и желая придать работе строго научный характер, Э.Шюре вынужден местами освещать фактологию жизни великих посвященных. В то же время обращаясь к хронологии, он вдруг замечает, что Пифагор, Лао Цзы, Будда, Сакья-Муни, Ездра и Неемиия, Солон и этрусские жрецы в Италии почему-то активно действовали в одно и то же время, около VII века до нашей эры. Чтобы ответить на этот вопрос с позиций науки, Шюре должен был сам подняться на уровень первого — методологического приоритета обобщенных средств управления.

В нашем понимании все великие посвященные — всего лишь периферия подлинного жречества — людей, владеющих основами жизнеречения и ведущих управление социальными процессами по полной функции. В своем исследовании эзотерических учений и жизни посвященных Э.Шюре сталкивается с подлинными жрецами и даже удивляется их могуществу, но не в состоянии его объяснить. В книге второй “Кришна” читаем:

«Жрецы, которые служили царям и начальникам под именем pourahitas (ПРИСТАВЛЕННЫЕ К ЖЕРТВЕННЫМ ОГНЯМ), уже превратились в их советников и министров. Они обладали большими богатствами и значительным влиянием, но

им не удалось бы придать своей касте высшую власть и неприкосновенное положение, превышавшее даже царскую власть, без помощи другого класса людей, который олицетворял собой РАЗУМ Индии в его наиболее оригинальных и наиболее глубоких проявлениях. МЫ ГОВОРИМ ОБ ОТШЕЛЬНИКАХ.

С незапамятных времен эти аскеты обитали в уединении, в глубине лесов, на берегу рек или в горах близ священных озер. Они жили в одиночестве, или СОЕДИНЯЛИСЬ В БРАТСТВА, но оставались всегда в духовном единении. В них следует искать духовных вождей, истинных учителей Индии. Наследники древних мудрецов, древних Риши, они владели тайным толкованием Вед...

Счастлив тот, кто удостоится их благословения... Цари дрожат перед их угрозами, и, СТРАННАЯ ВЕЩЬ, они внушают страх самим богам».

В этом отрывке хорошо видно, что «КЛАСС ОТШЕЛЬНИКОВ» и есть НАСТОЯЩИЕ ЖРЕЦЫ, а тех, кого Шюре называет жрецами (приставленные к жертвенным огням) — всего лишь периферия жречества, ибо настоящие жрецы никогда царям не служили. Жрецы формировали концепцию развития общества, а царям лишь разрешалось проводить её в жизнь. Поэтому их боялись не только цари, но и “зверинцы богов” (в животном или человеческом виде), которых псевдожреческие кланы называли “богами” и которых искусно использовали в античные времена в целях манипуляции сознанием верующих на уровне третьего приоритета обобщенных средств управления (информационного оружия).

В разделе “Моисей” читаем:

«Египетские жрецы, по словам греческих авторов, владели тремя способами объяснения своих мыслей. Первый способ был ясный и простой, второй символический и образный, третий священный и иероглифический. То же самое слово принимало по их желанию либо свой обычный смысл, либо образный, либо трансцендентный. Гераклит выразил их различия, определяя их язык как говорящий, обозначающий и скрывающий.

Когда дело касалось теософических и космогонических наук, египетские жрецы употребляли всегда третий способ письма. Их иероглифы имели при этом три смысла, и соответст-

вующие, и различные в одно и то же время... Два последние смысла не могли быть поняты без ключа (другими словами, если первый смысл был понятен любому грамотному человеку, то два последующих не могли быть поняты теми, кто не владел Различением в кораническом смысле. — *Авт.*). Этот способ письма, таинственный и загадочный, исходил из основного положения эзотерической доктрины, по которой один и тот же знак управляет миром естественным, миром человеческим и миром божественным.

Язык этого письма, поразительно сжатый и совершенно непонятный для толпы, обладал своей особой выразительностью, доступной только Адепту, ибо посредством единого знака он вызывал в его сознании начала, причины и последствия, которые, исходя от Бога, отражаются и в слепой природе, и в сознании человеческом, и в мире чистых духов».

То есть, один знак-слово отражал в сознании человека, владеющего “ключом” или “мечом” Различения, весь процесс триединства вселенной: материи, информации и меры. Под материей древние понимали “слепую природу”, под информацией — “мир чистых духов”, под мерой — “разум” — “сознание человека”.

Чтобы получить целостное представление о дальнейшем повествовании, необходимо еще раз напомнить, что Пушкин владел тайными доктринами святорусского (ведического) и древнеегипетского жречества.

В немой глуши степей горючих,
За дальней цепью диких гор,
Жилища ветров, бурь гремучих,
Куда и ведьмы смелый взор
Проникнуть в поздний час боится,
Долина чудная таится,
А в той долине два ключа:
Один течет волной ЖИВОЮ,
По камням весело журча,
Тот льется МЕРТВОЮ водою.

В фундаментальном трехтомном труде А.Н.Афанасьева “Поэтические воззрения славян на природу” изд. 1865 г. о происхождении понятия “мертвой” и “живой” воды говорится:

«Славянские сказки различают два отдельных представления: они говорят о мертвой и живой воде — различие, не встречаемое в преданиях других родственных народов. Мертвая вода называется иногда целящею, и этот последний эпитет понятнее и общедоступнее выражает соединяемое с нею значение: мертвая, или целящая вода заживляет нанесенные раны, сращивает вместе рассеченные члены мертвого тела, но не воскрешает его; она исцеляет труп, т.е. делает его целым, но оставляет бездыханным, мертвым, пока окропление живою, (или живучею) водою не возвратит ему жизнь.

В сказаниях народного эпоса убитых героев сначала окропляют мертвою водою, а потом живою».

В главе “Живая вода и вещее слово” А.Н.Афанасьев, справедливо считая, что в слове заключена внутренняя история человека, его взгляд на самого себя и на природу, показывает, как в самой природе «ПЕРВЫЕ ДОЖДИ, сгоняя льды и снега, просоченные лучами весеннего солнца, как бы стягивают рассеченные члены матери-земли, а СЛЕДУЮЩИЕ ЗА НИМИ (дожди) дают ей зелень и цветы. По свидетельству сказок, живую и мертвую воду приносят олицетворенные силы летних гроз: Вихрь, Гром, Град — или вещие птицы, в образе которых фантазия воплощала те же самые явления: ворон, сокол, орел, голубь. Кто выпьет живой или богатырской воды, у того тотчас прибывает сила великая: только отведав такой чудодейственной воды, русский богатырь может поднять меч-кладенец (молнию) и поразить змея, т.е. бог-громовник только тогда побеждает демона-тучу, когда упьется дождем».

Эта наиболее ясная и понятная сторона “мертвой” и “живой” воды в поэме отражена достаточно полно, что говорит о глубоком проникновении поэта в образы народного эпоса.

Но Первый Поэт России, возможно, был и человеком очень высокого посвящения (вероятнее всего на уровне реинкарнационной памяти — памяти прошлых воплощений), поскольку в совершенстве владел всеми способа-

ми подачи информации. Чтобы увидеть это, необходимо отдельно рассмотреть строки о живой и мертвой воде. Так, в первой строке:

Один течет волной ж и в о ю

В слове «один» проявляются все три способа передачи информации.
ПРЯМОЙ: «Один», т.е. первый по порядку рассмотрения.
ОБРАЗНЫЙ: «Один» — в скандинавской мифологии верховный Бог, глава небесного пантеона богов, создатель вселенной, богов и людей.
СВЯЩЕННЫЙ (трансцендентный): «Один» — 1 (единица — монада, начало и единство).
У Шюре, в книге шестой “Пифагор”, говорится о Боге Едином, познание которого раскрывается через символику числа и которое сформулировано оракулом Зороастра: Число **ТРИ** царствует повсюду во вселенной, Монада же есть начало его.
В сущности все великие посвященные (Рама, Кришна, Гермес, Моисей, Орфей, Пифагор, Платон, Иисус) говорят о триединстве материи, информации и меры, но в символах своих герметичных доктрин, которые при более внимательном рассмотрении сводятся к единой доктрине, в которой: Божественный разум, определяющий МЕРУ в соединении с Божественной МАТЕРИЕЙ, дают рождение Божественному Глаголу. (В современных терминах — ***ИНФОРМАЦИИ***).
Наиболее распространенное в нынешней цивилизации мировоззрение — дефективно и неизменно со времен фараонов. В подтверждение приведем цитату из “Книги для начального чтения” В. Водовозова (СПб, 1878 г.).
«Самая главная каста, управлявшая всем, была каста духовных или жрецов. Они предписывали и царю (т.е. фараону. — *Наша вставка*), как жить и что делать... Высшим божеством египтян был Амун. В его лице соединились четыре божества: **вещество,** из которого состоит все на свете, — богиня **Нет**; дух, оживляющий вещество, или сила, которая заставляет его слагаться, изменяться, действовать, — бог **Неф**; **бесконечное пространство**, занимаемое веществом, — богиня **Пашт**; **бесконечное время**, какое нам представляется при постоянных изменениях вещества, — бог **Себек.** Все, что ни есть на свете, по учению египтян, происходит из вещества через действие невидимой силы, занимает про-

странство и изменяется во времени, и все это таинственно соединяется в четырехъедином существе **Амун**».

То есть обобщающими категориями, осознаваемыми в качестве первичных понятий об объективности Мирозданья, в нынешней цивилизации на протяжении тысячелетий неизменно остаются: “материя” (вещество); “дух”, понимаемый и как “энергия”, “сила”, и как управляющее начало, т.е. “информация”; “пространство”; ”время”.

Хотя слова, их обозначающие, и трактовки при более детальном их описании неоднократно изменялись, но неизменным оставалось одно:

«**информация**» (“образ”, “идея”, “упорядоченность состояний и преобразований”) понятийно сокрыта и неотделима в группе первичных понятии от “духа = энергии = силы”;

«**материя**» = “вещество” при дальнейшей детализации соотносилась с четырьмя стихиями (агрегатными состояниями вещества: “земля” — твердое; “вода” — жидкое; “воздух” — газ; “огонь” — плазма, но невидимые общеприродные силовые поля, несшие энергию, смешались с информацией в “нематериальном духе”; природный вакуум — вовсе не пустота, а один из видов материи — стал “пространством — вместилищем”, а “время” стало знаком для обозначения неосязаемой непонятности.

Понятие же «**меры**» (через “five”) в таком мировоззрении — ...дцатая производная от первичных понятий, а “предопределенность” — неисповедимая несоизмеримость.

То есть наиболее распространенному мировоззрению в нынешней цивилизации свойственно смешение объективных разнокачественностей в каждом из обобщающих понятий, лежащих в основе мировоззрения; это смещение понятийных границ во внутреннем мире человека относительно объективно данных разнокачественностей.

Многовековой спор обеих личностных иерархий посвящений в нечто — материализма (академий наук) и идеализма (церквей) — не имеет ни малейшего содержательного значения, поскольку протекает в пределах приведенного В.Водовозовым “амоновского” набора исходных обобщающих категорий: “вещество” — (материя), “дух” (“коктейль” из энергии, силы, полей, информации), “пространство”, “время”, понятийные границы которых смещены относительно объективно данных разнокачественностей.

И эти догматические установки, хранимые со времен древнеегипетских преданий до наших дней, интересным образом связаны с эзотеризмом, герметизмом ведической магической культуры — знанием для посвященных в “великие тайны”, ибо в ней «не все истины должны быть

поведаны всем людям». (“Священная загадка”, М. Байджент, Р. Лей, Г. Линкольн, СПб., 1993 г.)

«Тридцатью двумя путями — чудными, мудрыми, начертал IA, IEBE, Саваоф, Бог Израиля, Бог Живой и Царь Вечный, Эль Шаддай, Милосердный и Прощающий, Возвышенный и Пребывающий в вечности, — возвышенно и свято Имя Его, — создал мир Свой тремя сеферим: сефар, сипур и сефер», — эпиграф к одному из разделов книги В.Шмакова **“Священная книга Тота”.**

И это поясняется в подстрочном примечании:

«Первый из этих трех терминов (Sephar) должен означать числа, которые одни доставляют нам возможность определить необходимые назначения и отношения каждого (по контексту, возможно: человека) и вещи для того, чтобы понять цель, для которой она была создана; и **мера** длины, и **мера** вместимости, и **мера** веса, движение и гармония — все эти вещи управляемы числами. Второй термин (Sipur) выражает слово и голос, потому что это Божественное слово и голос, потому что это Божественное Слово, это Глас Бога Живого, Кто породил существа под их различными **формами**, будь они внешними, будь они внутренними; это его надо подразумевать в этих словах: “Бог сказал: “Да будет Свет” и “стал Свет”. Наконец, третий термин (Sipher) означает писание. Писание Бога есть плод творения. Слова Бога есть Его Писание, Мысль Бога есть Слово. Так мысль, слово и писание суть в Боге лишь одно, тогда как в человеке они суть три». — “Cuzary”, 4, § 25, цит. по кн. В.Шмаков *“Священная книга Тота. Великие арканы Таро”,* 1916 г., репринт 1993, стр. 245 (выделение некоторых слов в тексте — *наше*).

Если это излагать кратко, то троица — сефар, сипур, сефер — эквивалентна триединству **мера** — ин**форма**ция — материя (**плод**).

В Коране указано на это прямо и для всех открыто: читайте, думайте, осмысляйте, понимайте: Это — Ислам, Царствие Божие. Но “высшим” иерархам ведическо-магической культуры знахарства Царствие Божие — Ислам — помеха. Поэтому в ней для всех “низших”, чтобы привести их в зависимость от “высших”, — экзотеризм — извращение мировоззрения: изначально четырехкомпонентный коктейль «пространство — время —

вещество — энергия (дух)», о чем говорилось ранее; а для переваливших через некоторую ступень посвящений — эзотеризм — первично триединство по существу: «материя-информация-мера», выраженное в каких-либо языковых формах. Хотя триединство и заменило в эзотеризме “четырехкомпонентный коктейль” ***экзотеризма профанаций истин для толпы***, но все же в нем нет главного — Различения как способности, даваемой Богом непосредственно каждому по мере возникновения жизненной необходимости.

И тот же самый процесс триединства материи, информации и меры отражен в разделе об основателе арийского эзотерического учения — РАМЕ. В нем божественный Разум представлен символом Агни, а Божественная Материя символом Сомы.

«Идея Агни и Сомы заключает в себе два основных начала вселенной, — пишет Шюре. — По учению эзотерической доктрины и каждой живой философии, Агни есть вечно-мужественное, творческий Разум (**МЕРА**. — *Авт.*). Сома есть Вечно-женственное лоно всех миров видимых и невидимых для телесных очей, сама природа или тонкая материя в своих бесконечных трансформациях» (**МАТЕРИЯ. —** *Авт.*). Здесь Э.Шюре делает замечание о том, что «Сома представляет собой абсолютно женственное начало, которое отождествляется у браминов с луной. Луна же символизирует женское начало во всех античных религиях, как солнце символизирует мужское начало. Совершенное соединение этих двух сущностей составляет величайшую сущность самого Бога».

«Из этих двух главных идей вытекает третья, не менее плодотворная, — продолжает Шюре. — Веды делают из КОСМОГОНИЧЕСКОГО АКТА НЕПРЕСТАННОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ. Чтобы произвести все существующее, Высочайшая Сущность приносит себя в жертву. ОНА РАЗДЕЛЯЕТСЯ, чтобы выйти из своего единства. Эта жертва рассматривается как источник всех отправлений природы. Эта идея, поражающая с первого взгляда и чрезвычайно глубокая, когда вдумаешься в нее, содержит в зачатке всю теософическую доктрину инволюции Бога в мире, эзотерический синтез многобожия и единобожия. Она вызывает к жизни Дионисианскую доктрину падения и искупления душ, расцвет которой мы найдем у Гермеса и Орфея. Отсюда же

истекает и учение о Божественном Глаголе (**ИНФОРМАЦИИ** — наша вставка при цитировании), провозглашенном Кришной и завершенном Иисусом Христом».

То же самое можно показать и на примере одной строки о мертвой воде:

Тот льется мертвою водою

В слове «ТОТ» также проявляются три способа передачи информации:

ПРЯМОЙ: «Тот», т.е. другой по порядку или «не этот».

ОБРАЗНЫЙ: «Тот» — имя Египетского Бога Знаний Гермеса-Тота.

СВЯЩЕННЫЙ: Гермес — Тот — не только Бог каноничных, скрытых знаний герметичной доктрины Египта. Он же — первый таинственный посвятитель Египта в тайные учения. В этом смысле Гермес — такое же родовое имя, как Ману или Будда. Оно обозначает одновременно человека, касту и божество.

Человек-Гермес есть первый посвятитель Египта; каста — жречество, хранящее оккультные традиции; божество — планета Меркурий, уподобляемая — вместе со своей сферой — определенной категории духов, божественных посвятителей. Одним словом, в трансцендентном (священном) плане Гермес-Тот — представитель сверхземной области небесного посвящения. Греки, ученики египтян, называли его Гермесом-Трисмегистом, или трижды великим, ибо они видели в нем царя, законодателя и жреца.

В египетских, как и в индийских посвящениях, существовало таинство триединства, о котором Э. Шюре повествует в главе “Видение Гермеса”, взятой из книг Гермеса Трисмегиста:

«Свет, виденный тобою вначале, — говорит Озирис Гермесу, — есть Божественный Разум, который все содержит своим могуществом, и заключает в себе прообразы всех существ. (В нашей терминологии это и есть общевселенская МЕРА или многомерная вероятностная матрица возможных состояний материи — *Авт.*) Мрак, в который ты вслед затем был погружен, есть тот материальный мир, в котором живут обитатели земли (МАТЕРИЯ. — Авт.). Огонь же, устремившийся из темных глубин, есть Божественный Глагол (ИНФОРМАЦИЯ — *Авт.*)».

Пушкин в совершенстве владел третьей ипостасью триединства — Божественным Глаголом — и, опираясь на информационную базу русского

языка, глаголами «течет» и «льется» определил главное различие между свойствами «живой» и «мертвой» воды. НАЛИТЬ можно стакан воды, ОТЛИТЬ можно колокол или истукан, т.е. в русском языке глагол «лить» говорит не только о физических свойствах материи, но и о необходимости для нее определенных, законченных форм. И, видимо, не случайно оккультные знания Тота-Гермеса, изложенные им по египетскому преданию в сорока двух книгах, дошли до нас отлитыми в форме “Книги мертвых”. Русский глагол «течь» — глагол жизни, и потому в поэме:

Один течет волной живою,
По камням весело журча,
Тот льется мертвою водою.

Обратим еще раз внимание на рис. 2 (“Песнь первая”), раскрывающий, по нашему мнению, в образной форме Закон времени. Мы видим, что скорость обновления информации на генетическом уровне (эталонная частота биологического времени) — величина постоянная, неизменная на всем протяжении глобального исторического процесса, а скорость обновления информации на внегенетическом уровне (эталонная частота социального времени) — величина переменная, возрастающая по мере развития глобального исторического процесса. Два информационных процесса, словно два ручья биологической популяции Человек Разумный: один — внутренний, отражающий смену поколений, как бы отлит в постоянную форму с волной неизменной величины; другой — внешний, отражающий смену устаревших технологий новыми, как бы «течет волной живою», т.е. волною переменной величины.

Кругом все тихо, ветры спят,
Прохлада вешняя не веет,
Столетни сосны не шумят,
Не вьются птицы, лань не смеет
В жар летний пить из тайных вод.

До определенного момента, обозначенного на рис. 2 равенством скоростей информационного обновления на генетическом и внегенетическом уровне, эти процессы касались в основном только популяции Человек Разумный и для всего остального живого на земле как бы не существовали. Но со второй половины XX века, после смены отношения эталонных частот биологического и социального времени, и человечество, и природа стали залож-

никами качественно нового информационного состояния, возникшего в результате “прогресса” технократической цивилизации.

Любая популяция может подстроиться под воздействие внешних факторов, если давление, оказываемое на нее, совершается с частотой ниже частоты смены поколений в популяции. Если же частота фактора давления превышает частоту смены поколений, то популяция либо гибнет, либо начинает мутировать, либо разрушает фактор давления. По отношению к человеческой популяции таким фактором давления, со сменой отношения эталонных частот биологического и социального времени, стал технический “прогресс” Евро-Американской цивилизации с культурой, порожденной библейской логикой социального поведения.

Анализ глобального исторического процесса показывает, что в его ходе протекает концентрация управления производительными силами человечества. Процесс концентрации производительных сил в мире — явление объективное, однако, управление им — субъективно, как и управление любым процессом. Но в субъективизме управления выражает себя истинная, а не показная нравственность множества людей, сформировавшаяся в объективно сложившихся конкретных исторических условиях. Кольцевая замкнутость в жизни общества:

> **«объективная данность исторических условий — чувство меры человека и формирование на его основе нравственности множества людей — нравственно обусловленный субъективный произвол, выражающий себя в процессе общественного управления (включая законотворчество) — порождение субъективизмом управления объективной данности конкретных исторических условий»**,

— воспринимается многими как порочный круг земного зла, из которого нет выхода.

Но в этом замкнутом в кольцо процессе общественной жизни можно увидеть два способа расширения сферы, подконтрольной любому концептуально самостоятельному центру управления: во-первых, прямая военная агрессия с оккупацией территории и перераспределением производимого продукта в пользу победителя; во-вторых, агрессия методом “культурного сотрудничества”, при которой правящей “элите” — жертве агрессии, навязывается культура, чуждая самобытной культуре народа, вследствие чего “элита” — якобы сама — в меру своего понимания управляет в интересах своего народа, а в меру своего непонимания — в интересах “культурного”

агрессора. Второй способ дает более устойчивые во времени результаты, поскольку маскирует поработительство под благо.

Древнеегипетское жречество первым приступило к профессиональному использованию метода агрессивного “культурного сотрудничества”, и этим обратило себя в знахарство. Наследующее ему глобальное псевдожречество кланов знахарей на протяжении последних трех тысяч лет сохраняет монополию на этот вид войны за безраздельное господство над всей планетой методом “культурного сотрудничества”. Оружием агрессии египетского рабовладения явилась Библия, распространение которой в среде народов сопровождалось исчезновением из структуры национальных обществ национальных жречеств и формированием евро-американского сионизированного конгломерата племен, народов, культур, государств.

Существо библейской концепции управления человечеством — в разрушении генетически предопределенной, нормальной психики большинства. В информационном отношении Библия в культуре человечества аналогична информационным вирусам в компьютерных системах: она извращает *объективно предопределенное* нормальное мировосприятие и культуру мышления, порабощая духовно всех, приемлющих это самодурство в качестве *неизвращенного* Откровения Свыше. Современный глобальный кризис человечества (экология, политика и т.д.) порожден евро-американской цивилизацией: его причина в том, что Библия антагонизирует между собой различные уровни в иерархическом построении психики человека и разрушает тем самым единство эмоционального и смыслового строя души, с которым большинство новорожденных входит в жизнь. Это — средство порабощения мира в угоду узкой над-“элитарной” группе знахарей, представляющих собой *мировое со-общество*, противопоставившее себя *мировому обществу* людей, т.е. человечеству. Так мировое со-общество знахарей уже несколько тысяч лет строит глобальную “элитарно”-невольничью цивилизацию — пирамиду подавления свободного личностного развития людей в обществе.

Есть ли выход в создавшейся критической ситуации? Выход всегда есть, но каким он будет в новом информационном состоянии общества, зависит уже не только от Черномора, сидящего «в котомке за седлом», но и от Руслана, от Людмилы и от всего человечества. В реальной жизни все три процесса (гибель, мутация и смена культуры), видимо, будут идти одновременно, но наиболее мягким, податливым звеном в этой цепи процессов, обладающим наименьшим запасом устойчивости, является культура. Отсюда сохранение человечества как вида в качественно новом информа-

ционном состоянии, в условиях новой логики поведения — на пути смены глобальной концепции развития.

Тем, кто будет утверждать, что таковой никогда не было, что вся история человечества — калейдоскоп случайных, не связанных причинно-следственными обусловленностями событий, скажем: “Должна быть!”

Такой порядок вещей Пушкин угадывал через столетия и донес до наших дней в образной форме.

Чета духов с начала мира,
Безмолвная на лоне мира,
Дремучий берег стережет...
С двумя кувшинами пустыми
Предстал отшельник перед ними;
Прервали духи дивный сон
И удалились, страха полны.

У читающего эти строки невольно возникнут вопросы. Что это за «чета духов», существующая с начала мира? Почему она безмолвная? И почему духи испугались отшельника Финна? На последний вопрос ответ дан раньше.

«Чета духов» — это Божественный Разум (Агни) и Божественная Материя (Сома), которые безмолвны до тех пор, пока, соединившись, не произведут Божественный Глагол (Информацию). У Э.Шюре это выглядит так:

«Агни есть космическая сила. Сома соответствует Агни. В действительности это напиток из перебродившего растения, который возливается при жертвоприношениях богам. Но так же, как и Агни, он существует мистически. Боги выпили его и сделались бессмертными; люди, в свою очередь, станут бессмертными, когда выпьют его у Иамы, в обители блаженных. А до тех пор напиток дарует им здесь, на земле, силу и долговечность: это — амврозия и вода обновления. Она питает, проникает в растение, оживотворяет семя животных, вдохновляет поэта и дает полет молитве. Сома — душа неба и земли, она составляет вместе с Агни НЕРАЗДЕЛИМУЮ ЧЕТУ: чета эта зажгла солнце и звезды» (другими словами, она стоит у начала мира. — *Авт.*).

Как видно из этого отрывка, Пушкин опередил Э.Шюре на целое столетие. Его отшельник, представляющий святорусское, ведическое жречество, в соответствии с Законом времени вливает жизнь в Руслана,

Чтоб день судьбины неизбежной,
Давно предвиденный, восстал.

В реальной жизни это событие, после смены отношения эталонных частот биологического и социального времени, выражается в формировании новой нравственности на основе чувства меры в условиях новой логики социального поведения, отличной от толпо-“элитарной”.

Склонившись, погружает он
Сосуды в девственные волны;
Наполнил, в воздухе пропал
И очутился в два мгновенья
В долине, где Руслан лежал
В крови, безгласный, без движенья;

Раздельное рассмотрение биологических и социальных процессов имело место в XX веке. Русский ученый — экономист Н.Д.Кондратьев, столетие со дня рождения которого отмечалось в 1992 году, обратил внимание на цикличность процессов в экономике. Какие-то закономерности, связанные со сменой поколений, пытался описать в своей книге “Этногенез и биосфера земли” Л.Н.Гумилев. И хотя Л.Н.Гумилев отмечает, что в «этнических феноменах налицо две формы движения — социальная и биологическая», тем не менее эти “волны” для него оказались “девственными”, поскольку его вывод исключал возможность их совместного рассмотрения. «Следовательно, тем или иным способом в том или ином аспекте может быть описана либо та, либо другая сторона сложного явления. При этом точность описания и его многосторонность взаимно исключают друг друга», — утверждает автор “Этногенеза и биосферы Земли”. Этот вывод не такой безобидный, как это может показаться на первый взгляд. Принявшие его, как догму, никогда не смогли бы выйти на понимание качественно нового информационного состояния общества после смены отношения эталонных частот биологического и социального времени. И Руслану пришлось бы лежать НЕОПРЕДЕЛЕННО ДОЛГОЕ ВРЕМЯ «в крови, безгласным, без движе-

нья». Л.Н.Гумилев понимает, что «история — это изучение процессов, протекающих во времени», но тут же делает категорический вывод: «Что такое время, не знает никто».

В нашем понимании «время» всегда субъективно. Необходимо лишь отдавать себе отчет в том, частота какого процесса является эталонной, когда употребляется термин “время” в смысле, отличном от астрономического. В противном случае, возможна неконтролируемая сознанием смена эталонных процессов в ходе повествования, что может привести к ошибочным выводам, как это и случилось у Л.Н.Гумилева. К счастью, в поэме жизнеречением занимается Финн, понимающий Закон времени, и потому дело Руслана в надежных руках.

И стал над рыцарем старик,
И вспрыснул ***мертвою водою****,*
И раны засияли вмиг,
И труп чудесной красотою
Процвел; тогда ***водой живою***
Героя старец окропил,
И бодрый, полный новых сил,
Трепеща жизнью молодою,
Встает Руслан, на ясный день
Очами жадными взирает,
Как безобразный сон, как тень,
Пред ним минувшее мелькает.

Осознание прошлого в системе образов толпо-“элитарной” логики социального поведения не может вызывать положительных эмоций. Действительно, история сослагательного наклонения не имеет, но необходимо учиться пользоваться сослагательным наклонением в настоящем, чтобы избежать ошибок в будущем. И, понимая это, Внутренний Предиктор России начинает работу в обществе, где будет доминировать новая, человечная логика поведения, при которой, с крушением герметизма и монополии на знание, толпа наконец-то станет народом.

Но где Людмила? Он один!
В нем сердце, вспыхнув, замирает.
Вдруг витязь вспрянул; вещий Финн
Его зовет и обнимает.

Рассредоточенное в народе святорусское жречество первым нарушает монополию на Знание библейских знахарских кланов после тысячелетнего молчания. Открывая Руслану основные положения “Достаточно общей теории управления” и методологии освоения нового знания на основе Различения, жречество принимает непосредственное участие в концептуальной деятельности, предсказывая разрушение толпо-“элитарной” пирамиды, которое вряд ли будет бескровным. Однако, «царство Зверя», согласно Откровению Иоанна Богослова, непременно сменится «царством Человека»:

“Судьба свершилась, о мой сын!
Тебя блаженство ожидает;
Тебя зовет кровавый пир;
Твой грозный меч бедою грянет;
На Киев снидет кроткий мир,
И там она тебе предстанет.”

Но меч Различения — методология — будет не только средством разрушения толпо-“элитарной” пирамиды. Он восстановит разорванные информационные связи в непрерывной чреде ушедших и будущих поколений и, разрешив загадку времени, раскроет тайну вечности. Поэтому Финн дарит Руслану кольцо — символ вечности. Но почему прикосновение кольца к “челу”, т.е. ко лбу должно разбудить Людмилу, которая пока еще находится под наркозом “тайных чар” — средств массовой информации? Дело в том, что кольцо это не простое, а Заветное.

Тора — Пятикнижие, первые пять книг Библии, дословно — свиток мудрости, по существу — тоже кольцо. Все знают, что Библия состоит из “Ветхого” и “Нового” заветов, но немногие пока еще задаются вопросом: «Наша жизнь в Едином Завете или по “тайной” доктрине?» Подобный вопрос невольно возникает при попытке целостного осмысленного прочтения всей Библии. Современный авторитет мировой “элитарной” толпы, автор нашумевших романов “Имя Розы” и “Маятник Фуко”, итальянский еврей Умберто Эко в одном из своих интервью ответил на него так:

«Возьмите Библию. В течение двух тысячелетий её использовали как “гипертекст” (гипертекст в его понимании — что-то вроде всемирной энциклопедии) — брали оттуда то одну цитату, то другую. ***Только сумасшедший может читать Библию с первой страницы до последней.»***

Что хотел этим сказать Умберто Эко? Ответ находим в Коране:

«О обладатели писания! Почему вы облекаете истину ложью и скрываете истину, в то время как вы знаете? А среди них есть такие, которые своими языками искривляют писание, чтобы вы сочли это писанием, хотя оно и не писание, и говорят: “Это — от Аллаха”, а это не от Аллаха, и говорят они на Аллаха ложь, зная это». Суры 3:64 и 3:72 соответственно.

Другими словами, в перечисленных ниже сурах дается предупреждение о том, что откровения, даваемые людям Свыше через пророков, подменялись и дополнялись своекорыстной отсебятиной анонимных “обладателей писания”, которых Коран и обличает в преднамеренной лжи. Отсюда становится понятно, что в отношении к Библии “элитарного” авторитета сокрыто (по умолчанию) предупреждение: попытка прочтения и понимания её как целостности грозит искренне верующему в священность всего “писания” помешательством, поскольку истина в нем дается прямо, на уровне сознания, а ложь — в обход сознания, по умолчанию (это — само собой разумеется, хотя определенно и не провозглашено).

Антагонизмы сознания и подсознания разрушают психику человека и действительно могут привести к умопомешательству. Следовательно, осознание Различения в жизни — это и осознанное вскрытие опасных для психики человека антагонизмов в текстах “священного писания” и восстановление самого символа вечности — заветного кольца.

Возьми заветное кольцо,
Коснися им чела Людмилы,
И тайных чар исчезнут силы
Врагов смутит твое лицо,

Но почему врагов смутит лицо Руслана? Чела, а, вернее сказать, того, что под челом — ума народа, коснется вечность, поскольку впервые в истории и труд работников сферы производства, и труд работников сферы управления будет признан одинаково равным и достойным человеческого существования. Но это произойдет лишь после того, как Внутренний Предиктор России, впервые в истории закрепит законодательно с согласия народа неприемлемый для врагов человечности Основополагающий Конституционный Принцип следующего содержания:

1. Государство Россия есть самодержавие её народов, стремящихся к Богодержавию;

2. Самодержавие народов в своей основе имеет всеобщую равную возможность освоения любого Знания, образования, выходцами из всех социальных групп каждого из народов России. Это делает концептуальное самовластье открытым уделом для добровольно-мыслящего ответственного большинства людей и исключает возможность устойчивого злоупотребления концептуальным самовластьем злонамеренным антиприродным своекорыстным осатанелым меньшинством.

3. Проведение в жизнь в текущем правлении самодержавной концепции народного жизнестроя достигается ограничением уровня потребления благ и услуг, предоставляемых управленцам и их семьям, уровнем не выше среднего в отраслях материального производства в народном хозяйстве в соответствии с пониманием существа общественной собственности на средства производства, как открытости управленческого корпуса для вхождения в него выходцев изо всех общественных групп, что неизбежно выражается в статистике занятости. Частная собственность на средства производства выражает себя в разного рода ограничениях на вхождение в управленческий корпус, формирующийся на замкнутой по отношению к обществу основе, что также выражается в статистике.

4. Контроль общества за соблюдением сказанного обеспечивается публикацией статистики и динамики её изменения по образовательному уровню, нервно-психическим заболеваниям (половым извращениям, самоубийствам в частности), доходам и бесплатному потреблению материальных благ и услуг, преступности среди всех народов и евреев, а также во всех социальных группах. Преднамеренное искажение и сокрытие указанной информации, а также иная ложь управленцев, есть измена Родине в пользу организованного сатанизма.

5. Кредитно-финансовая система России строится на принципе наращивания покупательной способности средств платежа, обеспечиваемом:

- **опережающим ростом энергопотенциала России по отношению к денежной массе, находящейся в обращении;**
- **кредитованием на беспроцентной основе;**
- **ограничением доходов и накоплений в семьях уровнем, заведомо достаточным для жизни, но не позволяющим паразитировать на чужом труде.**

Все остальное в Конституции вторично и необходимо только для разъяснения и уточнения способов осуществления в жизни общества этих пяти положений, являющихся ОСНОВОПОЛАГАЮЩИМ КОНСТИТУЦИОННЫМ ПРИНЦИПОМ.

Свобода вероисповедания и утверждение в Конституции идеала Богодержавия — разные вещи. Богодержавие и согласное с ним самодержавие народа не втиснешь в юридические рамки, определяющие способы распределения материальных благ, голосования и т.п. Но Конституция прямо должна говорить об отношении к Богу, Его Воле, Милости, а не об отношении к исторически сложившимся земным вероучениям и обрядности. “Царство Божие внутри вас есть” и каждый человек должен для себя сам: либо признать Его Волю в качестве власти; либо осознанно отвергнуть: — это и есть свобода совести, свобода воли. И, вступая в сферу управленческой деятельности в государстве-суперконцерне в качестве руководителя других людей, именно с этого самоопределения человек должен начинать деятельность.

Но, если этих пяти положений, выражающих основополагающий конституционный принцип, нет, то “конституция” и *воровской закон вседозволенности осатанелых управленцев* неотличимы друг от друга.

Осознанное принятие всем обществом Основополагающего Конституционного Принципа будет знаменовать духовное единение Людмилы и Руслана, после чего действительно, как и предсказывал Финн:

Настанет мир, погибнет злоба.

Можно сказать, что с этого времени объединившиеся народ и правительство, через исполнившее свое предназначение святорусское жречество, получают благословение Свыше на счастье, достойное человечества:

Достойны счастья будьте оба!

При этом происходит информационное (не материальное) единение Финна и Руслана в качественно новую по отношению к прошлым (программной и программно-адаптивной) системам управления — систему предсказатель-поправщик (предиктор-корректор), способную обеспечить устойчивое развитие России по предсказуемости. И Пушкин кратко и образно дает нам об этом представление:

“Прости надолго, витязь мой!

Руслан и Людмила. Песнь шестая

Дай руку... там, за дверью гроба —
Не прежде — свидимся с тобой!"
Сказал, ИСЧЕЗНУЛ.

Завершение формирования Внутреннего Предиктора России после информационного объединения Финна с Русланом означает ИСЧЕЗНОВЕНИЕ герметизма, как символа монополии на Знание жречества, неспособного принять на себя уровень глобальной ответственности и, в силу этого, превратившегося в глобальное знахарство. Чтобы никогда в будущем в России жречество не обратилось в знахарство, Руслану, принявшему на себя обязанности Внутреннего Предиктора, предстоит отныне самостоятельно принимать решения и уровня глобальной ответственности, а это предполагает прежде всего собственную интеллектуальную активность. Если её нет, а будущее все-таки открывается, то это уже не предиктор, а юродивый, для которого собственный интеллект и его активность только помеха или необязательны.

Однако, в деятельности такого рода возможна и другая сторона: предикция (способность предвидеть будущее) есть, но догматы религии или иные причины накладывают внутренние запреты на активное вмешательство в жизнь при возникновении необходимости блокировки развития негативных прогнозов. При этом в отношении к действительности возможны два подхода.

Первый: «На все воля Божия» и потому сам человек ни за что не отвечает.

Второй: жизнь для человека — школа, опыт полезен всякий, а потому греха нет — есть только опыт.

Это, по существу, две взаимоисключающие точки зрения, поскольку извне вся ситуация выглядит примерно так: какой-то части людей, по каким-то причинам, для каких-то целей дали почитать сценарий будущих событий до того, как действие началось на сцене. Но вопрос: “Зачем дали почитать сценарий до того?” — просто не встает у первых. Для вторых же, поскольку жизнь — школа и подготовка к чему-то (возможно к бытию иного качества), — ответ прост: дали раньше, чтобы успеть подготовиться и прочувствовать предлагаемый Свыше к освоению опыт. По крайней мере, это осознанная и осмысленная позиция. Первая — логически противоречива и непоследовательна, поскольку, признавая греховность человека, одновременно делает его либо жертвой рока, либо баловнем судьбы, либо отрешенным от жизни созерцателем. И тогда получается: если «На все воля Божия!», а человек ни за что не отвечает и при этом второй подход

отрицается, тогда это «падение ниц слепыми и глухими, когда напоминают им знамения их Господа», — Коран, 25:71 — 73. По существу, такая линия поведения больше похожа не столько на абсолютную верноподданность к Всевышнему, сколько на поведение биоробота, поскольку верноподданный все-таки может быть и интеллектуально активен.

Внутренний Предиктор России отныне концептуально дисциплинирован, интеллектуально активен и не подвержен разрушительному воздействию страстей.

Отсюда в последний раз в поэме дается напоминание о пагубности излишних эмоций, естественно сопутствующих живому человеку, но являющихся помехой концептуальной деятельности. Поэтому восторги, даже самые пылкие, для Руслана — немые.

Упоенный
Восторгом пылким и немым,
Руслан, для жизни пробужденный,
Подъемлет руки вслед за ним...
Но ничего не слышно боле!

Толпе простительны нетерпение и неумеренность. Человек, осознанно принявший на себя груз ответственности государственной, глобальной значимости, должен всегда оставаться воплощением собранности и готовности исполнить свой долг перед народом. Глобальный исторический процесс — не арена для спортивных состязаний; в нем, в силу того, что история сослагательного наклонения не имеет, многое решается с первой попытки, и потому в процессе концептуального противостояния важно учитывать не только опыт и знания друзей, но и противников, которых лучше держать «в котомке за седлом».

Руслан один в пустынном поле;
Запрыгав, с карлой за седлом,
Русланов конь нетерпеливый
Бежит и ржет, махая гривой;
Уж князь готов, уж он верхом,
Уж он летит живой и здравый
Через поля, через дубравы.

Наше время в поэме отражено удивительно точно. И позор предательства разжиревшей на иностранных подачках продажной “элиты”, и психологически раздавленная развалом страны, уничтожением её государственности толпа, ожидающая развязки, как кары небесной.

Но между тем какой позор
Являет Киев осажденный!
Там, устремив на нивы взор,
Народ, уныньем пораженный,
Стоит на башнях и стенах
И в страхе ждет небесной казни;

Несмотря на декларируемую гласность, по-прежнему:

Стенанья робкие в домах,
На стогнах тишина боязни;

В народе ощущение полного предательства всех структур власти. Это, конечно, не так. Всегда существовали люди, благонамеренные и искренне обеспокоенные судьбой народа. Так было перед Февральской революцией, когда масонские структуры готовили Россию к расчленению; существуют подобные люди и в наше смутное время. Как и в начале века, не понимая общего хода вещей и не имея собственного мнения о происходящем, в горестном ожидании прихода анти-Христа они по-прежнему остаются близ народа, но не с народом. Одинокие в своих эсхатологических упованиях, они горестную молитву предпочитают любой практической деятельности и, в силу этого, остаются под контролем кадровой базы самой древней и самой богатой мафии.

Один, близ дочери своей,
Владимир в горестной молитве;

МО-ЛИТЬ-СЯ, согласно Всеясветной Грамоте, — обливать себя светом звезды, сжигающей зло (МО — звезда, сжигающая зло). Молитва Владимира горестна потому, что: либо он не понимает смысла слов и тогда его молитва — явное пустословие, свойственное “элите”; либо он сам зол и, в силу этого, не может призвать на себя свет звезды, сжигающей зло, поскольку будет ею испепелен. Настоящая, искренняя молитва всегда РА-

ДОСТ-на, поскольку горестным или тщетным может быть лишь молитвозвучное пустословие. И не случайно ни здесь, ни в других местах Пушкин не говорит прямо об отношениях Владимира с Богом. Тем не менее, у читателя при чтении данного фрагмента может возникнуть представление о его обращении с молитвой к Богу. Для этого есть некоторые основания, поскольку при других обстоятельствах поэт пишет прямо:

Дрожащий карлик за седлом
Не смел дышать, не шевелился,
И чернокнижным языком
Усердно демонам молился.

Можно сказать, что Пушкин тоже пользовался методом подачи информации по умолчанию, но в рассматриваемом случае, нам представляется, это делалось им лишь затем, чтобы дать понять читателю: в отношениях с Богом всякое молитвенное общение — уникально и неповторимо. Однако, “молитва” без разумения во многом аналогична “разумению” вне молитвы. В связи с этим пророк Мухаммад учил: «Раб Божий получает от молитвы лишь то, что он понял». Из содержания поэмы видно, что Владимир был благонамерен и не стремился сам разбираться в происходящем, возможно потому, что в критических ситуациях у всех правителей, кроме советников, существует еще:

И храбрый сонм богатырей
С дружиной верною князей

которая всегда:

Готовится к кровавой битве.

Этих хватало во все времена, но особенно в последнее столетие. В начале века, не вникая в закулисные игры парвусов и бронштейнов (Наина и Фарлаф того времени), они ввергли толпу в братоубийственную гражданскую войну за интересы межнациональной мафии и пролили реки крови. Многие из них честно сложили головы за “белое” и “красное” движение. Оставшимся в живых в России и за рубежом, Наина и Фарлаф дали лопаты и позволили с энтузиазмом работать на претворение в жизнь Концепции Черномора.

В конце XX в. в стране социальной базы для гражданской войны не было, а «сонмы богатырей» и «дружины верные князей» были. И вот, несмотря на предупреждения отдельных “князей” пока еще единой армии: «Не договоримся сейчас, через год встретимся в окопах», — толпы ничего непонимающих “врагов” снова брошены в кровавую межнациональную бойню.

И день настал. Толпы врагов
С зарею двинулись с холмов;
Неукротимые дружины,
Волнуясь, хлынули с равнины
И потекли к стенеградской;
Во граде трубы загремели,
Бойцы сомкнулись, полетели
Навстречу рати удалой,
Сошлись — и заварился бой.

Наконец-то можно раскрыть и образ печенегов, без участия которых перестройка в том виде, как мы её знаем, не состоялась бы. “Печенеги” — национальные “элитарные” кланы, подогреваемые в неуемной жажде власти кадровой базой псевдонациональной мафии. Их непомерные амбиции никогда не соответствовали их способностям к благодетельному управлению, и потому властные структуры, создаваемые ими, были временными, поскольку “элита” всегда готова принести в жертву своекорыстным интересам стремление народов к лучшей жизни. Используя низкий уровень понимания толпы, люди подобного склада могут на какое-то время захватить власть, но в силу своей профессиональной некомпетентности в вопросах управления они неспособны повысить его качество в процессе формирования новой логики социального поведения. Пользуясь поддержкой “интеллигенции в законе”, печенеги выбросили представителей трудового народа из всех институтов власти. Их социальной базой изначально были воры, спекулянты, мародеры, получившие с легкой руки Наины название “предпринимателей”. Понимая, что без широкой социальной базы им долго у власти не продержаться, они используют для своего спасения процесс разжигания межнациональных войн, описание которого мы и видим в поэме.

Почуя смерть, взыграли кони,

Пошли стучать мечи о брони;
Со свистом туча стрел взвилась,
Равнина кровью залилась.

Кровь лилась в Карабахе, в Осетии, в Приднестровье, в Абхазии, в Чечне и Таджикистане. Страна, в которой представители многих национальностей веками жили в мире и согласии, — в кольце межнациональных войн, а печенеги-президенты разъезжают по миру с протянутой рукой в поисках зарубежной помощи. И мало кто из них осознает, что на глобальном уровне рубятся не “коммунизм” с “капитализмом”, а два непримиримых между собой жизнеСТРОЯ общества, две содержательно различные меры понимания общего хода вещей, т.е. два мировоззрения.

Стремглав наездники помчались,
Дружины конные смешались;
Сомкнутой, дружною стеной
***Там рубится со строем строй**;*

В этой схватке дерутся толпы, а главари мафий, как и во все времена, остаются “за кадром”, хотя русские, возможно впервые в этом столетии пытаются осознать себя как единое целое. Однако, на этот раз процесс объединения будет сопровождаться не столько привычным всем проявлением национализма, сколько осознанием уровня глобальной ответственности за судьбы мира.

Со всадником там пеший бьется;
Там конь испуганный несется;
Там русский пал, там печенег;
Там клики битвы, там побег;
Тот опрокинут булавою;
Тот легкой поражен стрелою;
Другой, придавленный щитом,
Растоптан бешеным конем...

В межнациональных войнах, согласно концепции Черномора, “печенегам” была отведена роль восставших, русским — роль их усмирителей, а “фарлафам” — роль вдохновителей резни и одновременно наблюдателей за “правами человека”. И, чтобы такой бесчеловечный “ход вещей” стал

доступен пониманию простого человека, национальные толпы должны были пройти через междоусобицу, дабы никогда в будущем “новые печенеги” и “новые русские” не смогли вновь навязать свою волю людям производительного труда всех национальностей. Состояние концептуальной неопределенности и, как её закономерное следствие — разрушительные войны, будут продолжаться до тех пор, пока в битву не вступит Внутренний Предиктор России, несущий её народам Концепцию Общественной Безопасности.

И длился бой до темной ночи;
Ни враг, ни наш не одолел!
За грудами кровавых тел
Бойцы сомкнули томны очи,
И крепок был их бранный сон;

Здесь следует отметить, что если на окраинах страны кровавые столкновения идут по плану, то в самой России сценарий по “югославскому варианту”, на который так рассчитывали в Совете Национальной Безопасности США (Директива 20/1 от 18.08.48), теперь уже можно сказать, не состоится и вот почему.

В период, так называемого застоя, вся проблематика, связанная с противоречиями в изложении различных вероучений, была скрыта внешне признаваемым большинством общества культом марксизма. Так было и в Югославии, и в СССР. Культ марксизма обеспечивал единообразие общественного управления во многонациональном обществе, вследствие чего разногласия прежних господствующих вероучений и религиозных культов разных народов не выливались во внутриобщественные антагонизмы, а тем более массовые беспорядки и гражданские войны.

Но с середины 1960 гг. думающим о жизни обществ и государств людям уже было ясно, что марксизм испытывает кризис дееспособности в отношении решения насущных общественных проблем (если быть исторически точным, то об этом предупреждал еще И.В.Сталин в “Экономических проблемах социализма в СССР”), вследствие чего необходимо думать о перспективах, о ревизии марксизма и, возможно, — об альтернативе ему, поскольку, если марксизм рухнет, а дееспособной альтернативы ему не будет, то возобновление прежних культов неизбежно, а их взаимные разногласия воплотившись в наиболее фанатичных их приверженцах, способны ввести общество в кровавую баню.

Понятно, что в условиях культа тоталитарной идеологии в государстве, невозможно в терминологически строгих формах научного повествования провести ревизию господствующей тоталитарной идеологии и выдвинуть ей альтернативу. Но художественное творчество позволяет эту общественно значимую, действительно судьбоносную, операцию осуществить вполне успешно.

К сожалению, в Югославии, многонациональной и многоконфессиональной стране, в писательской среде не нашлось людей, способных в своем творчестве отразить существующую в религиозном сознании общества полемику богословов, и, выявив при этом существо разногласий, разрешить по совести накопившиеся за тысячелетия противоречия трех вероучений. Если бы подобное явление имело место в культурной жизни народов, проживающих на Балканах, то длящейся уже несколько лет войны в Югославии не было бы.

Это может показаться мистикой, но мистика — тоже часть объективной реальности. Неважно, что в обществе возможно только малая его доля ознакомилась бы с художественными произведениями, отражающими проблематику мировоззренческого уровня и полностью согласилось бы с ними. Важно то, что были бы высказаны определенные мнения по определённой проблематике, и некоторая часть населения вела бы себя целесообразно по отношению к смыслу этих мнений. Это подобно тому, что описано в Библии, когда Лот просит Бога сохранить Содом и Гоморру, если в них есть хотя бы несколько праведников, и Бог соглашается с ним, но выясняется, что кроме самого Лота, там праведников нет, после чего Лоту с семьей предлагается покинуть обреченный на уничтожение город. Если бы в городах нашлось оговоренное небольшое по отношению к общей численности населения количество праведников, то они были бы сохранены Богом ради праведников.

В СССР, по сравнению с Югославией, *кризис краха марксизма* протекал относительно мирно, поскольку проблематикой перспектив жизни общества в этом направлении занимались не только братья-“жуки в муравейнике”, которым “трудно быть богом”[1], — Аркадий и Борис Стругацкие, но еще и Иван Антонович Ефремов. Его произведения “Туманность Андромеды” (1957 г.) и “Час быка” (1969 г.) были прочитаны многими как в СССР, так и за рубежом (“Туманность Андромеды” — один из мировых бестселлеров конца 1950-х начала 1960-х гг., и как сообщалось в прессе, Академия наук Болгарии оценивает “Час быка” как научное достижение в

[1] “Жук в муравейнике”, “Трудно быть богом” — названия произведений братьев Стругацких.

области социологии, и это действительно так, даже если сообщение прессы о болгарской Академии наук недостоверно).

В “Туманности Андромеды” и в “Часе быка” поставлены определённые цели общественного развития и высказано определённое мнение в отношении глобального кризиса цивилизации, построенной на библейской основе. Из числа прочитавших эти книги не все остались безучастны к ним, вследствие чего небезучастные ведут себя в жизни целесообразно в отношении развиваемых ими определенных мнений, продолжая то, что не успели завершить И.А.Ефремов и его предшественники.

Иными словами, пока обществоведение в СССР раздувало марксистское кадило, скрывая проблемы общественного развития за дымзавесой словоблудия, один И.А.Ефремов сделал то, чего не сделала вся обществоведческая наука социалистических стран. Сделанного им, если и оказалось недостаточно, для того чтобы полностью избежать нынешнего кризиса развития региональной цивилизации России, то вполне достаточно для того, чтобы кризис протекал не в столь острой по сравнению с Югославией форме, а опыт политических и военных процедур расчленения страны, который заправилы Запада накапливают в натовско-югославском маразме, стал непригоден для переноса его на российскую почву.

Также Россия отличается и от остального библейского Запада, а не только от Югославии, в своем отношении к библейским мифам. Здесь за всю церковную иерархию православия и её присяжных богословов поработал тоже один человек — Михаил Афанасьевич Булгаков. Благодаря его роману **“Мастер и Маргарита”** (первая массовая публикация в журнале “Москва” № 11/1966, № 1/1967) достоянием российской духовности стало «пятое Евангелие от Михаила», вложенное им в канву романа.

Этот роман предлагает читателю определиться в том, что есть наваждение и галлюцинации, а что есть истина Жизни. Библейские тексты исключают однозначное понимание этого, вследствие чего и возникает проблема выбора.

Образы Воланда[1] и его свиты, Маргариты привлекательны, и потому есть те, кто воспринимает роман как гимн их собственному демонизму, вследствие чего другие порицают этот роман за идеализацию сатанизма, тем более, что пятое Евангелие от Михаила Булгакова, включенное в сюжет романа, отрицает вероучение официальной православной церкви. Но

[1] В эпиграфе к роману слова из “Фауста” Гёте: «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Хотя было бы точнее: «вечно хочет зла и вечно совершает его, но оно обращается во благо по независящим от той силы обстоятельствам».

именно оно более распространено в российском обществе, нежели библейские канонические Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна: людей, особенно молодых, прочитавших “Мастера и Маргариту”, больше, чем тех, кто прочитал от начала до конца если не всю Библию, то хотя бы весь её Новый Завет.

В пятом Евангелии от Михаила (Булгакова) есть следующий эпизод:

«— Повторяю тебе, но в последний раз: перестань притворяться сумасшедшим, разбойник, — произнес Пилат мягко и монотонно, — за тобою записано немного, но записано достаточно, чтобы тебя повесить.

— Нет, нет, игемон, — весь напрягаясь в желании убедить, говорил арестованный, — ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил. Я его умолял: сожги ты Бога ради свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал.

— Кто такой? — брезгливо спросил Пилат и тронул висок рукой.

— Левий Матвей, — охотно объяснил арестант…»

Новый Завет, как известно начинает Евангелие от Матфея, который, как и булгаковский Левий Матвей, был сборщиком податей. То есть по существу в художественной форме М.Булгаковым высказано мнение о недостоверности канонического текста Нового Завета, о неидентичности его текстов и построенного на них церковного вероучения *исторически реально бывшему учению Христа*.

Но и это не всё. Книги Ветхого Завета делятся на канонические, традиционно признаваемые священными; и неканонические, традиционно священными не признаваемые. Библия христианских церквей Запада и евангелических российских церквей (разнородных баптистов) не содержит текстов неканонических книг. Библия Русской православной церкви содержит и неканонические. Среди неканонических книг Ветхого Завета есть книга, именуемая “Премудрость Соломона”. Соломон в ней пророчествует об устремлениях помыслов злочестивцев:

«Неправо умствующие говорили сами в себе: (…) Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим, укоряет нас в грехах против закона и поносит нас за грехи нашего воспитания; объявляет себя имеющим познание о Боге и называет себя сыном Господа; он перед нами

— обличение помыслов наших. Тяжело нам смотреть на него, ибо жизнь его не похожа на жизнь других, и отличны пути его: он считает нас мерзостью и удаляется от путей наших, как от нечистот, ублажает кончину праведных и тщеславно называет отцом своим Бога. Увидим, истинны ли слова его, и испытаем, какой будет исход его; ибо если этот праведник есть сын Божий, то *Бог* защитит его и избавит его от руки врагов. Испытаем его оскорблением и мучением, дабы узнать смирение его и видеть незлобие его; осудим его на бесчестную смерть, ибо, по словам его, о нем попечение будет.» — Премудрость Соломона, 2:12 — 20.

Хотя Соломон прямо употребляет термин “сын Божий”, но церковь не относит это пророчество ко Христу. Вследствие этого в орфографии русскоязычной православной Библии в этом фрагменте слова “сын Божий” и соответствующие им местоимения в тексте начаты со строчных, а не с заглавных букв, как в Новом Завете. После приведенных слов неправо умствующих (гл. 2:1) злочестивцев Соломон сообщает о последствиях их посягательства на казнь Христа:

«Так они **умствовали и ошиблись; ибо злоба их ослепила их и они не познали таин Божиих** (текст выделен нами при цитировании), не ожидали воздаяния за святость и не считали достойными награды душ непорочных. Бог создал человека не для тления и сделал его образом вечного бытия Своего; но завистью диавола вошла в мир смерть, и испытывают её принадлежащие к уделу его.» — Премудрость Соломона, 2:21 — 24.

То есть Соломон предвещает о *Божьей тайне от неправоумствующих*, посягнувших на казнь Христа. Это означает, что если исходить из Премудрости Соломона, а не из пророчеств Исаии, расписывающих эту казнь, что свойственно православным, католическим и евангелическим церквям, Новый Завет следует понимать совершенно иначе, ибо ничто в жизни не опровергает слов пророчества Соломона.

Иисус перед взятием его под стражу молился в Гефсиманском саду в искренней готовности принять и исполнить любую, по её существу, волю Вседержителя, включая и прохождение Свое через крестную смерть:

«... пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты. (...) Отче Мой, если не может чаша сия миновать

Меня, чтобы Мне не пить её, да будет воля Твоя» (Матфей, 26:39 — 42).

Иисус молился трижды. Молитва несла к Богу смысл, смысл вполне определённый. Перед вторым молением Он предложил апостолам Петру, Иоанну, Иакову молиться вместе с Ним. Однако и перед третьим молением Иисус застал апостолов спящими, как и после первого Своего моления: «и, оставив их, отошел опять и помолился в третий раз, сказав то же слово» (Матфей, 26:44).

Но с чего все иерархи церквей и их паства взяли, что «чаша сия» не могла милостью Всевышнего миновать Христа в ответ на Его молитву и не миновала Его? С чего они взяли, что молитва Христа была отвергнута Богом? И если кто будет настаивать на этом, то пусть подумает, чего стоят и его собственные молитвы.

Иисус учил, что Бог отвечает молитве в соответствии с её смыслом. Коран учит тому же. В Коране прямо и недвусмысленно можно прочитать об ответе Бога на молитву Иисуса по вере Его Богу и Любви:

«Они не убили его (Иисуса) и не распяли, но это только представилось им; и, **поистине,** те, которые разногласят об этом (т.е. не согласные с кораническим свидетельством), — в сомнении о нем; **нет у них об этом никакого знания**, кроме следования за предположением (Саблуков: «они водятся только мнением»). Они не убили его (Христа), — **наверное** (Саблуков: «это верно известно»), нет, Бог вознес его к Себе: ведь Бог могущественен (Крачковский: «велик»), мудр! **И поистине**, из людей писания нет никого, кто бы не уверовал в него прежде своей смерти, а в день воскресения он будет свидетелем против них!» — 4:156, 157, весь текст выделен нами.

Перед молитвой в Гефсиманском саду Иисус, призывая к молитве апостолов, предостерегал их: «бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Матфей, 26:41). Апостолы проспали, не молились и тем самым, отделившись от Христа, бездумно **приобщились в искушении ко всем прочим своим современникам.** Все прочие — это те, которые не молились вместе с Христом и не веровали *Богу непосредственно тою верою, какою веровал Иисус и которой Он учил своих современников по плоти;* это те, которые веровали в Писание (Исаия и др.), предрекавшее казнь Мессии.

Все они, включая и апостолов, пали жертвой *искушения видением распятия Христа.* И об этом своем видении казни и воскресения они засвидетельствовали в своих рассказах и текстах, отделяя тем самым себя от Христа, Его искренней молитвы и веры Богу непосредственно, о чем их загодя предупреждал Соломон, книгу которого они не отнесли к числу боговдохновенных истинных пророчеств.

О вознесении Христа, упредившем посягательство «мировой закулисы» тех лет в лице синедриона на Его распятие, свидетельствовать было некому, потому что никто из званых апостолов не молился с Христом в Гефсиманском саду.

Это вознесение Христа, упреждающее посягательство на Его распятие, Соломон во второй главе Премудрости и назвал «таинами Божиими», которых не познал никто из причастных к событиям, положившим начало христианским церквям, поскольку «злоба их ослепила их».

Теперь же, на рубеже второго и третьего тысячелетий христианской эры, каждому предстоит определиться по совести в том, кто пророчествовал по истине:

- либо Исаия — сторонник доктрины порабощения всего человечества на расово-ростовщической основе — о предстоящей крестной смерти Христа?

«Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу; и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден Он был на заклание, и как агнец пред стригущим Его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь. Ему назначили гроб со злодеями, но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха, и не было лжи на устах Его. Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его. На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; через познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет. **Посему Я дам Ему часть между вели-**

кими, и с сильными будет делить добычу (Эта часть пророчества Исаии, по-видимому, и породила раскол исторически слоившегося христианства на католическую, протестантскую и православную конфессии: наш комментарий), за то, что предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем.» — Исаия, 53:6 — 12.

- либо Соломон, возвестивший о том, что казнь Христа позорной смертью милостью Божией не состоится по причинам, независящим от тех, кто её жаждал в ослеплении искушения?

И вследствие неучастия в молитве Христа *званых к ней* апостолов — никто не может опровергнуть приведенного коранического свидетельства, данного через Мухаммада, и потому невозможно знаменовать, что Коран — не от Бога Истинного, а имитация Откровения.

М.А.Булгаков в романе “Мастер и Маргарита” сделал выбор в пользу того, что исполнилось по пророчеству Соломона, и тем самым разрешил в России важнейший богословский конфликт между христианством и исламом, которого не смогла до сих пор разрешить официальная иерархия православной церкви, к рядам которой принадлежал и отец писателя[1]. В последних абзацах романа читаем:

«От постели к окну протягивается широкая лунная дорога, и на эту дорогу поднимается человек в белом плаще с кровавым подбоем (Пилат: напоминание для тех, кто забыл роман) и начинает идти к луне. Рядом с ним идет какой-то молодой человек в разорванном хитоне и с обезображенным лицом. Идущие о чем-то разговаривают с жаром, спорят, хотят о чем-то договориться.

— Боги, боги, говорит, обращая надменное лицо к своему спутнику, тот человек в плаще, — какая пошлая казнь! Но ты мне, пожалуйста, скажи, — тут лицо из надменного превра-

---

[1] Отец писателя был профессором Киевской духовной академии, в силу чего обязан был досконально знать не только тексты Библии в различных её редакциях, но знать и историю ветхо- и новозаветных церквей, поскольку биографы характеризуют его как «ученого-священнослужителя, серьезного историка религиозных теорий» (Вступительная статья П.А.Николаева к роману в издании 1988: М.: «Художественная литература»)

щается в умоляющее, — ведь её не было! Молю тебя, скажи, не было?
— Ну, конечно, не было, отвечает хриплым голосом спутник, — это тебе померещилось.
— И ты можешь поклясться в этом? — заискивающе просит человек в плаще.
— Клянусь, — отвечает спутник, и глаза его почему-то улыбаются.
— Больше мне ничего не нужно! — сорванным голосом вскрикивает человек в плаще и поднимается всё выше к луне…»

Весть о том, что **казни Христа не было,** как о том пророчествовал Соломон, как то пояснено в Коране, как к этому же мнению пришел М.А.Булгаков в своем художественном творчестве, **это — благая весть**[1] **или нет?** — Бог не примет жертву, от совершения которой Сам же предостерег. Ведь и в каноне Нового Завета сказано: «Если бы вы знали, что значит: **милости хочу**, а не жертвы, то не осудили бы невинных...» — Матфей, 12:7; «Пойдите, научитесь, что значит **милости хочу**, а не жертвы.» — Матфей, 9:13.

Вот этому-то — милости, а не жертвоприношениям — и учатся все люди, все народы, но одни — в духовной брани со своими пороками, а другие — в кровавой войне без милости каждого против всех. И всем предоставлена возможность выбора поля брани. Югославия выбрала раскол насилу-то начавшего образовываться в строительстве социализма мирного единства многих народов, обратившись к традициям и вероучениям прошлых веков. В СССР это же выбрали национальные “элиты”, возжелавшие принять участие в бале у Воланда, не подумав о том, в качестве кого они будут там пребывать и что с ними после этого будет. Простонародье же России твердит весь XX век: **«Только бы не было войны**», и это — его выбор, отрицающий выбор и политику постсоветской “элиты”.

А Бог поддержит тех, кто выбрал Истину и непреклонно следует ей в жизни.

Все это свидетельствует о том, что в период концептуальной неопределенности зачастую происходит не только то, что планируется закулисой, но и то, что ею не планируется, что совершается в реальной жизни милостью Божьей, подчас тайно от Его оппонентов. И это — незапланированное в

---

[1] Евангелие в переводе на русский — благая весть.

аналитических центрах Черномора, пробивается и сквозь «падших скорбный стон», и сквозь «витязей молитвы».

Лишь изредка на поле битвы
Был слышен падших скорбный стон
И русских витязей молитвы.

Молитва — дело святое. И к вышесказанному о молитве добавим: «Нет принуждения в религии. Уже ясно отличился прямой путь от заблуждения», — Коран, 2:257. Это означает, что каждый сам избирает по своему нравственному произволу религию или атеизм. Внимательный же человек заметит, когда в массовой статистике, казалось бы не связанных друг с другом случаев, вдруг проявляется некая составляющая, смещающая всю статистику в соответствии со смыслом его молитв в сторону добра, благоустройства общества и мира. И тогда человеку неожиданно открывается, что зависимость статистики во множестве “бессвязных” случаев от смысла молитв и их искренности во многом доступна его восприятию, хотя ему и не дано видеть Лика Божия, в явлении Коего с ангелами многие хотели бы видеть неоспоримое знамение Его бытия.

«Он — тот, Кто принимает покаяние Своих рабов, прощает злые деяния и знает то, что вы творите. Он отвечает тем, которые уверовали и творили благое, и умножает им Свою милость. А неверные — для них жестокое наказание», — Коран, 42:24, 25. «...И нет у вас помимо Бога ни близкого, ни помощника», — Коран, 2:101. О том же в Евангелии: «...Всякий просящий получает, ищущий находит и стучащему отворят...» — Матфей, 7:7 — 11.

Главное же, что должно из всего этого понять: молитва — не эксперимент над Богом, не приказание Ему и не торг о цене за что-либо из Его милости.

Бесплоден всякий дух гордыни,
Неверно злато, сталь хрупка,
Но крепок ясный мир святыни,
Сильна молящихся рука.

А это А.С.Хомяков, современник Пушкина, о молитве в послании “России”. И мы не случайно столь подробно остановились на этике отношений

человека и Бога . «Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же, как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место», — так окончательно сформулирует поэт в образной форме критическое состояние концептуальной неопределенности в последней главе “Пиковой дамы”, после чего могут «проснуться небеса» или, другими словами, можно ожидать вмешательства внесоциального уровня в дела людские. Последующие строки — самое раннее и наиболее сильное описание ожидания этого состояния в природе:

Бледнела утренняя тень,
Волна сребрилася в потоке,
Сомнительный рождался день
На отуманенном востоке.
Яснели холмы и леса,
И просыпались небеса.

Пушкин предупреждает, что появление Руслана, подводящего итог великому противостоянию «двух идей в нравственной природе», для всех толп будет полной неожиданностью. В наше смутное время многие занимаются различными гаданиями и прогнозами. Но мало кто понимает, что чем больше не реализовавшихся прогнозов и предсказаний, тем жестче, острее проявляется концептуальная неопределенность. Стремление разрешить её любым путем, как правило, исходит с той стороны, у которой лимит времени ограничен. Так бездумно активная сторона невольно выкатывается на позицию, получившую название в Российском Флоте “минно-артиллерийской”, после чего и наступает время активных действий Руслана.

Еще в бездейственном покое
Дремало поле боевое;
Вдруг сон прервался: вражий стан
С тревогой шумною воспрянул,
Внезапный крик сражений грянул;
Смутилось сердце киевлян;
Бегут нестройными толпами
И видят: в поле меж врагами,
Блистая в латах, как в огне,
Чудесный воин на коне

Грозой несется, колет, рубит,
В ревущий рог, летая, трубит...
То был Руслан.

Вступление Руслана в битву — явление обществу “Мертвой воды” (название Концепции Общественной Безопасности) — поначалу будет восприниматься в качестве некоего чуда, далекого от возможностей воплощения в реальность. Однако по мере её осмысления в различных социальных слоях на фоне всеобщего уныния и пассивного сопротивления, взявшие её на вооружение почувствуют такую уверенность в своих силах и волю к победе, что друзья и враги новой концепции будут вознаграждены в своих ожиданиях и, наконец, увидят настоящего, а не фальшивого Руслана.

Силы Неба всегда были на стороне России, поскольку вектор целей общности её народов наиболее долгое время, по сравнению с другими регионами, совпадал с вектором целей матери-природы и Бога, её Создателя. В этом главная причина превращения духовного и географического пространства России Черномором в тысячелетнее “поле боя”. Долгие столетия, пока горбатый карла формировал с помощью наивных фарлафов “глупый рост” евро-американской цивилизации, Люд, Милый Богу, точно заботливая мать, оберегал на безбрежных пространствах России генетическую матрицу потенциальных возможностей и предрасположенностей вида “человек разумный” от издержек библейской логики социального поведения. Издержки определялись преднамеренными и неосознанными искажениями откровений, поступающих людям с внесоциального уровня организации вселенной. Так, человечество в целом, не обладая мечом Различения, получало в обход сознания через Библию прививку от Зла в период своего детства, т.е. пока соотношение эталонных частот биологического и социального времени было таковым, что не позволяло в рамках одного поколения увидеть и осознать целостность всех процессов вселенной и глобального исторического процесса в особенности.

Со второй половины XX века энерговооруженность вида Человек Разумный поднялась до уровня, сравнимого с Божественным — он овладел секретом термоядерного синтеза, т.е. технологией “зажигания звезд”. С этого момента можно считать, что детство человечества закончилось. Осознав, благодаря своевременной прививке Библией, зло толпо-“элитарной” логики социального поведения, человек встал перед необходимостью её преодоления. Однако, вид “Человек Разумный” тем и отличается от других видов, обитающих на Земле, что с завершением детства мать не освобождает себя от материнских обязанностей. Там же, где

“культура” способствует этому, где рушатся родственные связи и где конфликты поколений необратимо антагонистичны, человек деградирует в фауну. Человечество в целом сопротивляется агрессии со стороны подобной “культуры” и потому снова все надежды народов мира обращены к России. Источник же любви и ненависти к Люду Милому один — он единственный из всех народов сохранил в своей генетической памяти к концу XX столетия потенциал концептуальной самостоятельности, который будет реализован в рамках Концепции Общественной Безопасности. Этот фактор нашел свое отражение в информационной базе русского языка — единственного языка, в котором в строгих лексических формах определено различение между понятиями “жрец” и “священник”. В английском языке (информационной базы евро-американской цивилизации) слово “priest” означает оба эти понятия, и, следовательно, на уровне сознания для народов, входящих в евро-американский конгломерат, социальная функция жречества неотличима от социальной функции священника-пастора. Информационная агрессия подобного рода, несомненно, облегчила экспансию библейского мировоззрения, несомого иудо-христианством. Естественно, что экспансия концепции Черномора сопровождалась исчезновением из структуры национальных обществ жречества, несшего национальную (или многонациональную) концептуальную власть — высшую власть при разделении полной функции управления по видам власти. Социальная функция жРЕЧества — жизнеРЕЧение. Это очевидно, если вспомнить, что буква « Ж » в славянской азбуке имеет название «ЖИВЕТЕ». Корень же «РЕЧЬ» непосредственно присутствует в обоих словах.

В странах евро-американского конгломерата, куда нас так усиленно тянут современные “печенеги” в союзе с вечными странниками революционной перестройки, монополию на знания, без которых невозможно осуществлять полную функцию управления, длительное время за собой сохраняло надиудейское, надмасонское знахарство, а национальные общества, утратив концептуальную самостоятельность, в конце концов вместо жрецов, осуществляющих ЖИЗНЕРЕЧЕНИЕ, обрели пасторов, толкующих Библию.

В переводе с английского слово «pastor», кроме общепринятого «поп, священник» означает еще и «розовый скворец». Видимо, Пушкин имел представление об этой игре слов, поскольку в 1828 г., в период подготовки “Предисловия ко второму изданию “Руслана и Людмилы”, у него появилось довольно тонкое и едкое по своим намекам произведение, которое по-настоящему может быть оценено только теперь, когда Русская Православ-

ная Церковь оказалась заполонена "учеными скворцами" еврейского происхождения.

Брадатый староста Авдей
С поклоном барыне своей
Заместо красного яичка
Поднес ученого скворца.
Известно вам: такая птичка
Умней иного мудреца.
Скворец, надувшись величаво,
Вздыхал о царствии небес
И приговаривал картаво:
"Христос воскрес! Христос воскрес!"

В довершение к этому, толпы миссионеров американского, израильского и южнокорейского производства хлынули в период перестройки в Россию, чтобы плотнее натянуть на глаза и уши народу колпак "Священного писания", пошитый в ателье Черномора. На пошив этой "шапки" Глобальный надиудейский Предиктор денег не жалеет. Финансовые дотации, выделенные в 1990 г. только в США на поддержку религиозных организаций, составили круглую сумму в 54 млрд. долларов ("Вопросы философии", № 2, 1992 г., Дж. Холтон "Что такое антинаука?"). Для сравнения: бюджет ЦРУ в те же годы — 30 млрд. долларов.

Но «закон времени» объективен и действует неотвратимо. В силу этого закона одна шестая часть света в условиях формирования новой, человеческой (не толпо-"элитарной") логики социального поведения уже не может быть ни "страной дураков", ни "полем чудес", ни "полем боя". В новом информационном состоянии мировое общество либо должно сознательно войти в устойчивый балансировочный режим в системе **«природная среда планеты — культура вида Человек Разумный — статистические характеристики совокупной матрицы генетически обусловленных возможностей и предрасположенностей Человечества»**, либо погибнуть.

На критическом этапе концептуального противостояния, при котором технократическая цивилизация способна погубить и самое себя и породившую её биосферу, нельзя исключать возможного вмешательства "Божьего грома" (внесоциального уровня) с целью вразумления зарвавшихся печенегов и фарлафов мирового и местного масштаба.

Пушкин видел и понимал целостность различных взаимовложенных процессов, и потому, с точки зрения данного нами определения времени, для него не существовало ни прошлого, ни будущего, а был и есть единый объемлющий и частные взаимовложенные процессы, которые он различал и которые описывал во многих произведениях в близких и понятных народу художественных образах. И если за словом (мерой) Пушкина мы также, как и он, будем стремиться увидеть образы (информацию) определенных социальных (т.е. присущих человеческому обществу) явлений (добро и зло, любовь и ненависть, благородство и подлость, свободу духовности и кабалу ростовщичества, храбрость и трусость и т.д. и т.п.) в причинно-следственной обусловленности единого и целостного мира, то совпадение отдельных имен, фамилий и т.д., играющих конкретную роль на различных уровнях взаимовложенных процессов, не будет для нас чудом. Или иначе: чудо такого рода станет для нас частью реальности.

Как божий гром,
Наш витязь пал на басурмана;
Он рыщет с карлой за седлом
Среди испуганного стана.

Ничего не поделаешь. Поскольку Глобальному Предиктору предстоит решать проблему выживания в новых информационных условиях, он вынужден будет признать Концепцию Общественной Безопасности, и тогда методология на основе Различения — меч Внутреннего Предиктора России станет творцом чуда Победы “Закона времени”, подтверждая тем самым уже известный тезис: “Чудо-часть реальности!”

Где ни просвищет грозный меч,
Где конь сердитый ни промчится.
Везде главы слетают с плеч
И с воплем строй на строй валится;

И тогда владеющий мечом Различения вернет русской пословице её изначальную редакцию: «И один в поле воин!»[1]

[1] Название картины В.М.Васнецова, одним из первых среди деятелей культуры России указавшего на неуместность отговорки многочисленных толпарей принять бой за будущее «один в поле не воин».

В одно мгновенье бранный луг
Покрыт холмами тел кровавых,
***Живых**, раздавленных, безглавых,*
Громадой копий, стрел, кольчуг.

Поразительная вещь! При обилии ярко описанных столкновений, поединков, сражений в поэме нет ни одного прямого упоминания убийства или смерти. И даже Руслан, заколотый Фарлафом, оживает. И в битве киевлян с печенегами мы видим раздавленных, безглавых, но... **живых**. Читатель вправе спросить: “Как это может быть живой и без головы?” Оглянитесь вокруг внимательно, и вы без труда обнаружите сонмы живых, но... как бы безголовых, поскольку думают они одно, говорят другое, а делают третье, никак не связанное ни с первым, ни с вторым. Меч методологии на основе Различения поможет всем, не потерявшим головы, переработать плюрализм разрозненных фактов о непонятных для них процессах, происходящих в современном мире, в единство мнений по двум важнейшим вопросам, по крайней мере, последнего тысячелетия: “Кто виноват?” и “Что делать?”

На трубный звук, на голос боя
Дружины конные славян
Помчались по следам героя,
Сразились... гибни, басурман!

Уже пропел “третий петух”, предвещая новые времена. Сбывается угроза “атамана с сабелькой" усатой дочке ведьмы Наины: «Ох, схлестнемся мы с тобой когда-нибудь усы на усы!» (“До третьих петухов”, сказка, В. Шукшин). Здесь необходимо вспомнить о “бесконечных усах” Черномора, на которые «для пользы и красы лились восточны ароматы». Глобальный надиудейский Предиктор на уровне второго (хронологического) приоритета обобщенных средств управления (оружия) более трех тысячелетий претендовал на самую большую глубину исторической памяти. И претензии эти, благодаря эффективному поддержанию монополии на Знание древнеегипетского жречества об основополагающих категориях Вселенной: материи, информации и меры, нельзя было считать безосновательными практически до середины XX века. Лишение Черномора монополии на Знание — конец его притязаниям на «бесконечные усы». После того, как скорость обновления информации на внегенетическом уровне превысила скорость обновления информации на генетическом уровне (эталонная

частота социального времени превысила эталонную частоту биологического времени), Знания “герметистов” в принципе стали доступны всем. Однако, социально востребованы эти знания впервые лишь в России, поскольку Россия была первой жертвой Черномора, ОСОЗНАВШЕЙ свое поражение в информационной (холодной) войне. Руслан противопоставил “бесконечным усам Черномора” всю глубину исторической памяти святорусского, ведического жречества и знаний, ставших ему доступными Свыше, по его объективной нравственности. В.М.Шукшин, незадолго до своей смерти, предвидя эту схватку и продолжая традиции А.С.Пушкина, в образной форме изложил её в прогностической сказке “До третьих петухов”.

Возмездие для печенегов неотвратимо! И напрасно они будут обращаться за помощью к опекунам-фарлафам! Синайский эксперимент завершается и потому у Наины и фарлафов впереди сложные проблемы, связанные с окончанием их миссии в глобальном историческом процессе. А охваченные ужасом от результатов содеянного, национальные печенеги падут жертвой собственной верноподданности и жидовосхищения.

Объемлет ужас печенегов;
Питомцы бурные набегов
Зовут РАССЕЯННЫХ коней,
Противиться не смеют боле
И с диким воплем в пыльном поле
Бегут от киевских мечей,
Обречены на жертву аду;
Их сонмы русский меч казнит;
Ликует Киев...

С этого момента Внутренний Предиктор России начнет открыто проводить в жизнь Концепцию Общественной Безопасности, а её основные положения станут достоянием гласности. Самой большой опасностью при этом может быть организация попытки сотворения культа Внутреннему Предиктору. Хотя Руслан и осознал опасность эмоций в концептуальной деятельности, в толпе, не владеющей культурой мышления и упоенной восторгом победы, еще сохраняются условия для проявления интеллектуального иждивенчества. И поэтому задачей Руслана остается пробуждение Люда Милого в условиях формирования новой логики социального поведения.

Но по граду
Могучий богатырь летит;
В деснице держит меч победный;
Копье сияет, как звезда;
Струится кровь с кольчуги медной;
На шлеме вьется борода;
Летит надеждой окрыленный,
По стогнам шумным в княжий дом.
Народ, восторгом упоенный,
Толпится с кликами кругом,
И князя радость оживила.
В безмолвный терем входит он,
Где дремлет чудным сном Людмила;
Владимир в думу погружен,
У ног её стоял унылый.

Правительственные структуры, сохранявшие верность спящему под гипнозом средств информации народу, во времена перестройки, как и прежде, оставались под бдительным оком кадровой базы мафии бритоголовых, которая, не переставая кричать об опасности тоталитаризма, на этот раз сама сдуру влезла на вершины власти и захватила ключевые позиции во всех правительственных институтах страны. Кому в годы перестройки выгодны были кровавые поля межнациональных войн, в которых с ожесточением избивали друг друга друзья изолированного Владимира? — Только межнационалистам, скрывающимся под маской интернационалистов.

Он был один. Его друзей
Война влекла в поля кровавы.
Но с ним Фарлаф, чуждаясь славы,
Вдали от вражеских мечей,
В душе презрев тревоги стана,
Стоял на страже у дверей.

Опыт глобального исторического процесса показывает, что не существовало другого пути разоблачения и уничтожения кадровой базы Черномора помимо создания ситуации, при которой она могла бы выйти за пределы программы, сформированной в рамках концепции Глобального надиудей-

ского Предиктора. В программе Черномора фарлафам разрешалось лишь декларировать свободу, равенство, братство и демократию. Любая попытка присвоения права её реализации на уровне государственных структур всегда оценивалась программистом, как отсебятина, и воспринималась им в качестве сигнала к ликвидации её исполнителя. Понятие благонамеренности к еврею неприменимо. Печенегам — можно, фарлафам — нельзя. Появление на исторической сцене Руслана — это не только явление Внутреннего Предиктора России, имеющего представление и о Концепции Общественной Безопасности, и о программе горбуна, но и команда на информационную самоликвидацию биоробота, вышедшего за рамки программы.

Едва злодей узнал Руслана,
В нем кровь остыла, взор погас,
В устах открытых замер глас,
И пал без чувств он на колена...
Достойной казни ждет измена!

С другой стороны, после разгерметизации Знаний и выхода на понимание глобального исторического процесса, закрытая прежде библейская толпо-“элитарная” концепция Черномора вместе с неприглядной ролью в ней биоробота-Фарлафа перестает быть тайной для Внутреннего Предиктора России. Он осознает, что для перехвата управления на глобальном уровне нет нужды уничтожать исполнителей бесчеловечной программы. Да и историческая память квалифицированного программиста без права голоса в будущем может пригодиться.

Методология на основе Различения дает возможность в рамках Концепции Общественной Безопасности изменить программу таким образом, чтобы у её носителей не осталось другого выхода помимо приобщения к ЧЕЛОВЕЧНОСТИ. Только после этого Люд Милый будет избавлен от наркоза средств массовой информации, контролируемых кадровой базой бритоголовой мафии. Концепция Общественной Безопасности — образ ЧЕЛО-ВЕЧНОСТИ, переданный Руслану святорусским, ведическим жречеством для воплощения в жизнь.

Но, помня тайный дар кольца,
Руслан летит к Людмиле спящей,
Её спокойного лица
Касается рукой дрожащей...

И чудо: юная княжна,
Вздохнув, открыла светлы очи!

Наступает решающий момент: пробуждение народа после долгого сна и осознанное единение его с Внутренним Предиктором, которое должно стать началом возрождения государственности России и концом долгой ночи перестройки. Известно, что Люд Милый — Трудовой народ все происходящее в стране с 1987 г. воспринимает как дурной сон. Он ждал торжества социальной справедливости, уверенности в завтрашнем дне, мира, счастья и процветания Родины, которого в России в конце XX в. можно достичь лишь повышением качества управления всех ветвей власти. Но в прежних “элитарных” структурах власти не было даже личных потребностей к повышению качества управления обществом в целом, поскольку им самим всего хватало. Отсюда — деградация управленческих перестроечных “элит”, среди которых практически не было тех, кто мог бы в строгих лексических формах выразить основные идеалы самоуправления народа и пути их достижения. Но любая власть (и концептуальная, и политическая, и законодательная, и исполнительная, и судебная) не отражающая этих идеалов, останется чуждой народу, т.е. будет временной. Для того, чтобы Люд Милый мог сказать о Руслане: “Это он!”, необходимо было выразить в концепции управления идеалы народного самоуправления, всегда существующие в его коллективном бессознательном.

Чтобы все вышеизложенное стало реальностью, необходимо было изменить общепринятый порядок вещей, который состоял в следующем: концепция управления Черномора, не отражающая народные идеалы самоуправления, открыто не оглашалась, а камуфлировалась фарлафами очередной декоративной куклой “вождя-генсека-президента”. Падение уровня жизни, как закономерное следствие снижения качества управления по концепции, непонятной и чуждой народу, списывалось на счет куклы. И все это могло еще как-то работать до начала периода смены логики социального поведения. Однако, в период формирования новой логики социального поведения и соответствующей ей новой нравственности, политическая и концептуальная “кухня” Черномора начала обнажаться во всей своей неприглядности, что выразилось в резком падении всех авторитетов. Это — начало процесса превращения толпы в народ, т.е. пробуждением Людмилы. Но для поддержания качества управления, хотя бы на прежнем уровне, не говоря уж о его повышении, иной, соответствующий новой логике социального поведения, порядок вещей: сначала — неперсонифицированная концепция, близкая и понятная народу и отражающая его идеалы самоуправления, и только после этого — люди, её исполняющие.

В этом залог создания устойчивой социальной базы Внутреннего Предиктора для реализации Концепции Общественной Безопасности. Подобный порядок вещей не позволит мафии сотворить культ очередной куклы, дабы за её спиной делать свои черные дела, а в случае разоблачения — рассчитаться её головой, сохранив тайну своего бытия и неприкосновенность её генералитета. “Объятия народа” до осознания им четко и ясно изложенной концепции управления, отражающей народные идеалы самоуправления, “томящиеся” в коллективном бессознательном в качестве “мечты неясной”, могут лишь говорить о том, что пока это не народ, а толпа, живущая по преданию и рассуждающая по авторитету вождей, навязанных ей фарлафами под гипнозом средств массовой информации.

Казалось, будто бы она
Дивилася столь долгой ночи;
Казалось, что какой-то сон
Её томил мечтой неясной,
И вдруг узнала — это он!
И князь в объятиях прекрасной...

Окончание “Песни шестой” говорит о том, что в России с пробуждением Люда Милого восстанавливается ЧЕЛО-ВЕЧНОСТЬ, поскольку «КНЯЗЬ В ОБЪЯТИЯХ ПРЕКРАСНОЙ воскреснул пламенной душой». Другими словами, речь идет о воскресении-восстановлении подлинной государственности народа русского, которая не может отныне быть без концептуальной самостоятельности России уровня глобальной ответственности.

Воскреснув пламенной душой,
Руслан не видит, не внимает,
И старец в радости немой,
Рыдая, милых обнимает.

Что же случилось после “воскресения” Внутреннего Предиктора России? Что он “не видит”, чему “не внимает” и почему радость старца “немая”? Ответ простой: любые похвалы, привычные дифирамбы времен интеллектуального иждивенчества отныне неуместны, и потому Внутренний Предиктор будет их оценивать как попытку покушения на концептуальную самостоятельность народов России. После признания Людом Милым Кон-

цепции Общественной Безопасности Внутренний Предиктор России — исполнитель воли народа, отраженной в основных положениях концепции.

Чем кончу длинный мой рассказ?
Ты угадаешь, друг мой милый!

В финале поэт обращается к людям с человечным строем психики, и это обращение несет в себе уверенность в способностях будущих поколений к раскодированию в образной форме изложенной концепции Российской государственности.

Неправый старца гнев погас;

Все правители России со времен Владимира-крестителя, впервые натянувшего на народ колпак священного писания, не обладали концептуальной самостоятельностью и, следовательно, не могли осуществлять в обществе и полную функцию управления. Гнев старца — от непонимания общего хода вещей; неправый значит левый. Угаснуть его страсти и эмоции могут лишь с осознанием того, что автократия концептуальной власти — высшего уровня в её иерархии — может и должна быть в условиях новой логики социального поведения только народной. Практически же это должно происходить лишь в процессе соединения Руслана с Людом Милым на платформе Концепции Общественной Безопасности. В конце поэмы Пушкин прогнозирует судьбу основных сил, действующих на исторической сцене, в условиях новой, человеческой нравственности и соответствующей ей культуры, неизбежно идущих на смену библейской.

Фарлаф пред ним и пред Людмилой
У ног Руслана объявил
Свой стыд и мрачное злодейство;
Счастливый князь ему простил;

Чтобы подняться на уровень осознания причин многовекового мрачного злодейства, чинимого народам России, биоробот-фарлаф должен самостоятельно преодолеть собственную программу, заложенную со времен “синайского турпохода” самой древней, самой богатой и самой культурной мафией. Но и простить мрачное злодейство Фарлафа может только тот, кто осознал подлинную роль “богоизбранного народа” в глобальном историческом процессе. Поэтому Пушкин оставляет открытым вопрос об от-

ношении к Фарлафу со стороны Люда Милого и Владимира: им еще предстоит подняться до уровня понимания Руслана. Решение, принятое по Черномору, следует признать разумным в той части, что практический трехтысячелетний опыт управления, с учетом накопленных ошибок, должен принадлежать обществу при условии, что все секреты управления перестают быть “силой чародейства”.

Лишенный силы чародейства,
Был принят карла во дворец.

В какой роли будет подвизаться обрезанный со всех сторон карла — автор умалчивает. Вариант шута, лишенного шутовского колпака, в назидание будущим претендентам на мировое господство, кажется наиболее подходящим.

О судьбе Наины из “Песни пятой” известно, что она обратилась в кошку. Кошка — священное животное в древнем Египте, поскольку она оберегала от мышей запасы зерна в житницах жреческих храмов. Возможно, она вернулась к исполнению своих прямых обязанностей, поэтому в финале о ней ни слова. Народы России, прогнав “печенегов” и их “рассеянных коней”, должны, согласно Концепции Общественной Безопасности, вновь обрести единую семью, в которой только они и смогут преодолеть все бедствия, обрушившиеся на них в смутные времена перестройки.

И, бедствий празднуя конец,
Владимир в гриднице высокой
Запировал в семье своей.
Дела давно минувших дней
Преданья старины глубокой.

Последними двумя строками, которыми и начиналась поэма, Пушкин фактически замкнул информационное кольцо, указующее помимо глубины исторической памяти на полноту и целостность представленной на суд читателя концепции становления государственности России в рамках глобального исторического процесса.

Коснися им чела Людмилы, —
И тайных чар исчезнут силы.

Это слова из завещания Финна; после них, прочитав заново Введение, в котором шла речь о человечном строе психики, каждый читатель сможет проверить — коснулась ли вечность и его чела?

ЭПИЛОГ

Любой национальный язык по отношению к каждому человеку — объективная данность. В нем, независимо от воли и желания каждого, существуют лексикон и грамматика; понятийная база; система ассоциативных связей, позволяющая объединить через различные лексические формы подчас кажущиеся весьма далекими по смыслу образы определенных явлений жизни в единые для многих людей понятия. Человек, познавая окружающий мир, только входит в эту информационную систему, осваивает её, пользуется ею, передавая и принимая информацию; и в этом проявляется субъективизм каждого. Но в обществе субъективизм такого рода подчинен статистическим закономерностям. И статистика объективна по отношению к каждому обществу во всякое время.

Русский язык — общий для нас, для Пушкина и для тех, кто будет читать эту работу. Поэтому мы не навязываем, как это может поначалу показаться, Александру Сергеевичу Пушкину не свойственное ему мировоззрение, а, наоборот, входим в общую с ним информационную систему РУССКОЙ поэмы “Руслан и Людмила” и раскрываем через ассоциативные связи РУССКОГО языка её содержание как объективное иносказание; объективное по отношению к Пушкину, тексту поэмы, нам, читателям.

Возможно, что предлагаемый нами вариант раскрытия второго смыслового ряда содержания поэмы, отличного от того, который воспринимается обыденным сознанием, кому-то не понравится. Однако, каждый может убедиться, что его невозможно получить опираясь на перевод поэмы на какой-либо другой язык (английский, немецкий, идиш и др.), в которых иные ассоциативные связи, иная понятийная база, иные лексикон и грамматика. Предлагаемый нами для осмысления вариант — РУССКИЙ, а не русскоязычный.

Под русско-язычностью же мы понимаем использование лексикона и грамматики Русского языка, но опирающегося на не свойственные русской культуре понятийную базу и ассоциативные связи. И не следует думать, что понятийная база и ассоциативные связи придуманы нами специально в этой работе, чтобы позлить “русскоязычного” читателя. Если бы тако-

вых в действительности не было или их можно было посчитать плодом нашего больного воображения, то у “русскоязычных” не было бы и причин возмущаться: они бы просто не поняли, с чем ассоциируется их неприятие, вскрытого нами и отличающегося от обыденного, второго смыслового ряда РУССКОЙ поэмы, как иносказания о целостной концепции жизнестроя русских по духу, прежде всего. И в силу вышесказанного, мы готовы принять любую критику целостности данной концепции, но считаем, что и вестись она должна также с позиций целостности.

Мы также полагаем, что понимание Пушкиным прошлых и будущих событий российской действительности, идущих в рамках глобального исторического процесса, опиралось прежде всего на целостность эпоса славянских народов. Показать это несложно, поскольку концепция жизнестроя общества, закрытая для обыденного сознания, на поверхностный взгляд, кажущимися фантастическими образами поэмы “Руслан и Людмила” существует в той или иной форме в эпосе многих народов мира. Эпос же в истории каждого народа — первое культурное явление, в котором отражено национальное самосознание, мировоззрение и основные этапы истории становления государственности народа. Мировоззрение народа формирует в эпосе систему представлений о Добре и Зле, Справедливости и нравственных путях отстаивания Добра и Справедливости. Эпос целостен и все проблемы нравственности решает в формах художественных иносказаний, а не абстрактно-логических категориях социальной науки. В подавляющем большинстве случаев носителем Зла в Эпосе выступают собирательные образы, злостность поведения которых не связана с чуждым этническим происхождением.

Чуждое этническое происхождение обретает какую-либо значимость только в эпосе угнетаемого этнически чуждыми завоевателями народа. Эпосу свойственно только осознание собственной национальной культуры. Ни национализм, ни нацизм в эпосе не удерживаются. Нацизм, сионо-интернацизм иудеев и ответный национализма народов, порождаемые “Библией” *(“Ветхий Завет” неоднократно требует истребления “волхвов”, “ворожей”, “пророков”, “сновидцев”, т.е. людей, которые освоили некий потенциал развития в большей мере, чем окружающие, а “Второзаконие” (пятая книга Торы) требует предавать заклятию (уничтожению) представителей других народов, способных оказать сопротивление иудеям)*, — доказательство того, что “Пятикнижие” Моисеево — не древнееврейский эпос, а плод раздумий серьезных профессионалов древней социологии. К этим профессионалам мы относим, прежде всего, представителей древнеегипетского жречества, разработавших про-

грамму “Синайского турпохода” и, по всей видимости, принявших непосредственное участие в её исполнении[1].

Под национализмом мы понимаем осознание уникальности собственной культуры в сочетании с отрицанием уникальности и значимости для человечества иных национальных культур; под нацизмом — сознательное уничтожение иных культур и/либо народов, их создавших. Исходя из этих определений, ни один здравомыслящий человек не может обвинить русских ни в национализме, ни в нацизме, а лучшим доказательством справедливости такого определения может служить взрыв национализма в период перестройки на окраинах России. Если бы русские были настоящими националистами вроде англосаксов, или немцев, то эстонцы, латыши, армяне, чеченцы, татары и другие народы нашей многонациональной державы не имели бы возможности декларировать свой национализм.

Вторично к проблемам, представленным в эпосе в образной форме, народ обращается в процессе развития различных видов искусств и социологических наук: философии (богословия), истории, экономических наук. Эпос — общенародное культурное достояние и он, как правило, складывается в условиях отсутствия классового расслоения общества. Различные же Науки и Искусства складываются в процессе общественного объединения труда при объективном обособлении профессиональной управленческой деятельности, закономерным следствием которого и является классовое расслоение общества. Этими видами труда, как правило, заняты предста-

---

[1] “— Вы говорите, это чудо? Не морочьте мне голову: мои специалисты легко сделают то же самое. До поры до времени специалисты действительно справлялись. Но только до поры до времени. Все это подробнейшим образом изложено в тексте (Библии: наше добавление).

Фараоновы специалисты говорят: вот до сих пор опыт воспроизводим, а здесь уже нет, ничего не получается. То, что происходит, не вписывается в нашу теорию, эксперимент её опровергает — в свете новых данных теорию надо пересматривать.

— Ну и как, пересмотрели теорию?

— И теорию пресмотрели, и практические выводы сделали. Во всяком случае, согласно нашему преданию, главные фараоновы жрецы вышли из Египта вместе с евреями.”

Это фрагмент из беседы Михила Горелика, корреспондента журнала “Новое время” № 15, 1999 год (“Фараон принимает вызов”) с хасидским раввином А. Штайнзальцем, в котором тот прямо указывает, ссылаясь на предание (чьё? раввинов или наследников древнеегипетсого жречества? или и те и другие — представители единого клана древних знахарей?), что “фараоновы жрецы вышли из Египта вместе с евреями”. Фактически раввин Адин Штейнзальц подтверждает версию “Синайского турпохода”, не раскрывая, однако, его стратегических целей.

вители, так называемой, “элиты” — социального слоя, наиболее информированного в области прикладной фактологии, общественного в целом уровня значимости, и обремененного завышенными самооценками, лишающими его целостности и полноты мировосприятия.

Фактор нарушения целостности мировосприятия в среде дореволюционной “элитарной” интеллигенции и проявился в оценках литературной критикой того времени поэмы “Руслан и Людмила”. Допущенные в силу своего профессионализма к фактологии знания, используемого Пушкиным при написании поэмы, литературные специалисты — современники поэта — лишь добросовестно перечислили доступные им источники:

«Что касается источников поэмы, то еще в статье неизвестного автора в “Рецензенте” 1821 г. указано было на сходство с мотивами “Роландо” Ариосто, “Оберона” Виланда, “Ричардета” Фортигверры и, может быть, “Девственницы” Вольтера. Позднейшие исследователи значительно расширили круг литературных влияний, отразившихся на “Руслане и Людмиле”. Прежде всего обращено было внимание на источники русские — на сказку о Еруслане Лазаревиче, известную Пушкину по лубочным изданиям, на “Древние российские стихотворения” Кирши Данилова и на основанное почти всецело на “Русских сказках, содержащих древнейшие повествования о славных богатырях” М. Чулкова, сочинение Николая Радищева “Богатырские повести в стихах” (2 части, Москва, 1801: “Алеша Попович, богатырское песнопение” и “Чурила Пленкович”). В первом из указанных “песнопений” Алеша увозит у сонного витязя красавицу Людмилу, которая похищена отвратительным колдуном Челубеем, сыном Яги. Алеше и Людмиле помогает жрица-предсказательница и дает Людмиле чудесное кольцо, делающее её неуязвимой. Но Челубей погрузил Алешу в сон и похитил Людмилу. Алеша едет на поиски и прежде всего встречает старца в темной пещере и пр. Указывалось также на поэму Хераскова “Бахриана, или Неизвестный”, некоторые эпизоды которой действительно могли послужить образцом для Пушкина, и на сказку Карамзина “Илья Муромец”, откуда взято имя Черномора. Имена некоторых других лиц поэмы также нашлись в более ранних русских источниках: Рогдай — у Жуковского в “Марьиной роще” и у Карамзина в “Истории Государства

Российского”; Руслан — у Богдановича в драме “Славяне”; Ратмир (Радмир) — у Батюшкова в повести “Предслава и Добрыня”; Фарлаф — в договоре Игоря с греками у Карамзина в “Истории...”. Отмечены были, далее, некоторые общие черты поэмы с “Душенькой” Богдановича и “Причудницей” Дмитриева, с балладой Каменева “Громвал” и параллельные места из повести Жуковского “Двенадцать спящих дев”, о которой сам Пушкин говорит в начале четвертой песни. В отношении иностранных источников указано, что, например, битва Руслана с Черномором напоминает битву волшебника Атланта с царем Градассом и Роджером в пятой песне “Неистовый Роландо” Ариосто. Л. И. Поливанов обратил внимание на сказки Гамильтона, в которых действуют добрые и злые волшебники и волшебницы и иногда рассказывается о похищении красавиц; но сходство “Руслана и Людмилы” с этими сказками только общее и довольно отдаленное» (“Введение” к поэме, ПСС А.С.Пушкина, под реакцией П.О.Морозова, т. 3, 1909 г.).

Изложенную выше фактологию источников, имеющих внешнее сходство с сюжетной линией поэмы Пушкина, можно значительно расширить. Так, например, известно, что “Сказание о Еруслане Лазаревиче” относится к оригинальным русским сказаниям с заимствованным сюжетом. В примечаниях к “Русской бытовой повести” (изд. 1991 г.), указывается, что “Сказание” появилось на Руси «очевидно в начале XVII века как пересказ восточного сказания о персидском богатыре Рустеме имевшего древнейшие корни уже в X веке, входившего в поэму “Шахнаме” (“Книга о царях”) персидского поэта Фирдоуси».

3 февраля 1992 г., в канун встречи Нового Года по восточному календарю, по первой программе центрального телевидения был показан китайский фильм по мотивам древнекитайского эпоса “Стальная ладонь”, в котором также прослеживается сюжетная линия “Руслана и Людмилы” и в котором присутствует весь набор знакомых из поэмы образов, включая горбатого карлу-убийцу. Удивительно то, что карла убивает свои жертвы странным трезубцем (трезубец, как образ триединства материи, информации, меры, — тайное оружие и китайского знахарства?), всегда нападая сзади и оставаясь как бы невидимым. Сюжетная линия китайского варианта строится вокруг борьбы за секрет владения тайной “стальной ладони” (особый вид живой энергетики), информация о которой хранится под левой и правой

стопой огромной статуи. Финал почти такой же, как у Пушкина: освободитель пленницы, овладевший секретом “стальной ладони” (аналог чудесного меча Руслана?), получает благословение Главы сил добра (китайский вариант Владимира) и наказ пользоваться мощью добытого в бою оружия только во имя добра. Отсюда видно, что русская поэма Пушкина в какой-то мере отражает китайский и арабский эпосы.

Все творчество Пушкина целостно, но “Руслан и Людмила” занимает в нем особое место. Можно даже сказать, что все произведения Первого Поэта России вышли из “Руслана и Людмилы”. Если исходить из того, что Пушкин не занимался пустяками, а пытался своим творчеством помочь современникам и будущим поколениям разрешить серьезные социальные проблемы, то при таком подходе и в “Домике в Коломне”, и в “Повестях Белкина”, и в “Маленьких трагедиях”, и в “Египетских ночах”, и в “Пиковой даме”, и в особенности в “Медном всаднике”, который многие “пушкинисты” считают (и не без основания) самым загадочным произведением, читатель обнаружит развитие тематики, начало которой было положено в “Руслане и Людмиле”. Этот творческий подход, лишь столетие спустя, пытался повторить евро-кумир Запада Томас Манн, который как-то сам заметил, что «все мои романы вышли из “Буденброкков”» (первый роман, завершенный им, как и Пушкиным “Руслан и Людмила”, в двадцатилетнем возрасте).

Все произведения Пушкина немного загадочны, но их неуловимая и притягательная загадочность есть доказательство существования в них ***второго смыслового ряда*** (термин введен Андреем Белым при попытке раскодирования “Медного всадника”), который каждый читатель может попытается раскрыть сам в соответствии с присущим только ему чувством Меры. Так он сможет открыть, если не испугается, для себя и окружающих меру своего понимания ***общего хода вещей*** (термин, введенный самим Пушкиным). Поэтому все, кто стремится понять второй смысловой ряд “Руслана и Людмилы” и других произведений поэта, невольно встают перед выбором: либо опускать поэта до своего уровня понимания, либо подниматься до меры понимания общего хода вещей Пушкиным.

По нашему мнению, поэма описывает объективно существующий, объемлющий частные, глобальный исторический процесс. Методология имеет дело с процессами. Частные факты одновременно могут принадлежать нескольким взаимовложенным процессам. Все рецензенты и критики Пушкина, изучая фактологическое сходство поэмы с другими произведениями, как правило, избегают обсуждать процессы, для иллюстрации которых и привлекаются, возможно, одни и те же факты, существующие в едином глобальном историческом процессе. Если мы будем изучать толь-

ко факты и игнорировать процессы, их объемлющие, то мы будем иметь возможность в одну концепцию сгрузить частные факты, относящиеся к различным объективным частным процессам и, таким образом, получить концепцию объективно несуществующего процесса. Обманчивую видимость реальности концепции объективно несуществующего процесса будет придавать достоверная хронологическая последовательность смены фактов.

Обилие частных фактов, принадлежащих к длительным по времени разнородным объективным взаимовложенным процессам, при отсутствии осознанной методологии, ориентированной на распознавание процессов, выражается у множества методологически безграмотных людей в плюрализме недостоверных мнений об одном и том же объективном процессе. “Плюрализм мнений” методологически безграмотной толпы — закономерное явление. Многие представители современной интеллигенции, не понимая, что любые знания — только приданое к строю психики, самонадеянно причисляют к толпе простых тружеников, не имеющих доступа к фактологии знания. Однако, в условиях преобладания в обществе толпо-“элитарной” нравственности, те, кто мнит себя “элитой”, *видит труд со стороны,* оказываются в большей степени, по сравнению с трудовым народом, искалеченными целенаправленным воздействием на подсознание и сознание разрушающими целостность мировосприятия библейскими стереотипами поведения.

Доктор философских наук А.Бутенко, бывший до перестройки заведующим отделом общих проблем мирового социализма Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, а сегодня — один из главных радетелей капитализма, в журнале “Наука и жизнь” № 4, 1988 г., в статье “Как подойти к научному пониманию истории советского общества” пишет:

«...руководствуемся одной методологией, факты изучаем и знаем одни и те же, а к выводам приходим разным. Почему?»

И далее сам отвечает: «Это объясняется тем, что при изучении истории наряду с методологией и фактами еще существует концепция, связывающая основные этапы рассматриваемого исторического времени. Эта концепция у спорящих авторов разная, а потому одни и те же факты выглядят каждый раз в разном освещении, со своим смысловым оттенком».

Другими словами, для авторитета “от философии” не существует единого объективного глобального исторического процесса, а есть лишь множест-

во субъективных концепций, непонятно каким образом «связывающих основные этапы рассматриваемого исторического времени». Поэтому-то все концепции управления современных “философских авторитетов” как правило высосаны из пальца, а не являются отражением мировоззрения народа, среди которого они живут. В этом проявляется их методологическая нищета и в неспособность к познанию мира.

“Ну это все философия, — может возразить читатель, — интереснее как обстоят дела с “методологической нищетой” в литературе?”. Возьмем выступление Б.Н.Стругацкого на Ленинградском семинаре писателей-фантастов 13 апреля 1987 г.

«Всякий человек, который написал в жизни хотя бы двадцать авторских листов, знает, что существует две методики написания фантастических вещей. Методика номер один — это ***работа от концепции***. Вы берете ***откуда-то***, высасываете из пальца ***некую*** формулировку, которая касается свойств общества, мира, Вселенной, а затем создаете ситуацию, которая наилучшим образом её демонстрирует. Второй путь, сами понимаете обратный. Вы отталкиваетесь ***от ситуации***, которая ***почему-то*** поражает ваше воображение, и, исходя из нее, создаете мир, одной из граней которого обязательно будет определенная концепция».

Это по существу тоже признание в методологической нищете, ибо обе методики написания фантастических вещей, изложенные Б.Н.Стругацким, иллюстрируют калейдоскопичность его личностного мировосприятия. Только, если в первом случае он, даже не пытаясь понять как устроен мир, “высасывает из пальца некую формулировку” концепции и создает ситуацию, “которая наилучшим образом её (т.е. формулировку концепции) демонстрирует”, то во втором случае он просто выдергивает из целостного процесса (разумеется, социального ибо с другими писатель дела не имеет) некий факт, который ***почему-то*** “поражает его воображение” и который становится основой для создания мира, “одной из граней которого обязательно будет ***определенная*** концепция”. Но почему тот или иной факт поразил его воображение писатель ***определить*** не может, хотя и утверждает, что концепция мира, созданного его воображением, — вполне ***определенная***. Но на самом деле факт, его поразивший, — не “какой-то”, и формулировка концепции, высасываемая им из пальца, — не “некая”, а результат проявления неосознаваемой им лично, но тем не менее объективно определяющей стереотипы его отношения к внешнему миру, библейской концепции управления, которая, как мы видим, на уровне созна-

ния для него непостижима. И, если внимательно читать произведения братьев Стругацких, то можно найти в них явные признаки выражения надбиблейского демонического мировоззрения, никак не связанного ни с биосферой планеты Земля, ни с реальной хронологией глобального исторического процесса. Как и в Библии, в их произведениях отсутствует описание природы; их герои без прошлого, без родовых корней, они ниоткуда; действуют как персонажи, лишенные свободы воли, т.е. как биороботы и потому невозможно к ним проникнуться настоящими человеческими чувствами; а за кулисами сюжетов многих их произведений стоит романтизируемая тайная иерархия. И все это вместе — результат антагонизмов их сознания и подсознания и непонимания ими лично роли методологической культуры как в творчестве художников и ученых, так и в жизни всего общества.

Но если есть методологическая культура, то частные факты пропускаются через призму метода, в результате чего появляется субъективная концепция объективного процесса. И первый критерий достоверности субъективной концепции объективного процесса — сходимость с реальностью прогнозов развития объективного процесса в будущем и вскрытие ранее неизвестных фактов в их причинно-следственной связи в прошлом.

Новые, ранее неизвестные факты и общественная практика с течением времени либо подтверждают правильность субъективной концепции объективного процесса, либо вынуждают авторов концепции совершенствовать её, а то и пересматривать. Поскольку один и тот же объективный процесс проявляется в многообразии частных фактов, то разным исследователям могут быть доступны, как мы убедились на примере поэмы “Руслан и Людмила”, разнородные совокупности фактов. Но если они изучают не факты, а один и тот же объективный процесс, и обладают достаточно высокой методологической культурой, они неизбежно с течением времени придут к единой концепции одного и того же объективного процесса в силу общности свойств отображения.

Приведем только один пример, из которого станет более понятной и разница между динамичной символикой и статичной аллегорией, и то, что истина — всегда исторически конкретна. Многие читатели после ознакомления со вторым смысловым рядом пушкинских произведений задают вопрос: “А зачем иносказания, особая система символов? почему Пушкин не мог написать обо всем прямо, как дано в расшифровке.” Попробуем только представить: начало XIX века и все написано прямо...

Людмила[1]

ПОСВЯЩЕНИЕ

Красавицам, Людмилам мира,
Я посвящаю этот труд...
Когда-то Черного кумира
Они по стенке разотрут
И, сбросив дьявольский венец,
Свободны будут наконец!...

ПРОЛОГ

В глуши российского подворья,
Где не изгажен русский дух,
По-прежнему у Лукоморья
Шумит листвою старый дуб.
Там по цепи злаченой ходит,
Как в старину, ученый кот;
Идет направо — песнь заводит,
Налево, как известно, врет.
И пусть бы врал, да плоховаты
Пошли у витязей дела:
Одни, подавшись в демократы,
Разоружились догола;
Другие не сдают мечей
Для переделки на орала,
Смекнув, что вряд ли царь Кощей
Перековался на Барана.
И Дядька тут им не указ;
Да тот и сам в обход законов

[1] Стихи были написаны в 1992 г. и были опубликованы под этим названием в приложении к газете "Россиянин" по заказу Санкт-Петербургского отделения Русского Национального Собора.

Российский золотой запас
Крадет для братьев-соломонов.
Хиреет, рушится держава,
Народ уже устал стонать...
Однако кот пошел направо —
Пора и песню начинать...

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

В высокой гриднице своей
Сидел растерянный и жалкий
Внебрачный сын еврейки Малки,
А стало быть, совсем еврей —
Владимир-князь. Гнездился ад
В душе и так довольно темной.
А ведь еще три дня назад
Людмилы, дочери приемной,
Играл он свадьбу... пир шумел,
Веселье набирала пьянка,
И на Людмилу взгляд не смел
Поднять славянский гой Русланка.

Руслан...Владимир сжал кулак;
Руслан и Русь — звучат похоже.
Язычник... горделивый враг...
Но здесь политика дороже.
Немало сил потратил он,
Чтоб в эти дикие пространства
Внедрить иудо-христианство;
Был Византией награжден...
Потом узнают, что почем,
Его не принявшие сдуру;
Паля огнем, круша мечем,
Он уничтожит их культуру...
Теперь в берлогу нужно влезть,
Где кнут ничто, там пряник славно,
Где надо — лесть, где надо — месть,
Здесь на руку любовь Руслана.
Объединению земли
Препон в языческой усадьбе.
И мысли снова привели
Владимира к минувшей свадьбе.
Он вспомнил тьмы слепящий круг

И гром невероятной силы
И в тишине, наставшей вдруг,
Весть о хищении Людмилы...
Четыре витязя лихих
Тотчас на поиски помчались
(Руслан печальный среди них).
Известно, как они расстались

На перекрестии дорог:
Рогдай поехал на восток,
Фарлаф на север потянулся,
Ратмир на юг, где каганат;
Руслана чуткий конь рванулся
На догорающий закат.
Ноздрями, видно чуял он,
Где черной силы бастион...
Пока усталого коня
Руслан торопит в нетерпенье,

Позволь, читатель, отступленье...
Дух Пушкина, прости меня...
За то, что тронул труд нетленный
Твоей поэзии священной,
Что в необъявленной войне
Я взял «Руслана» за опору,
Но если б жил ты в эту пору,
Ужель остался в стороне
И с умилением взирал
На все российские напасти
Иль бессловесно презирал
Нуворишей, пришедших к власти?
Нет! Мощь душевного огня,
Потомок знойных абиссиний,
Ты снова бы отдал России...

Дух Пушкина простил меня,

Простил и легкость дал перу,
Мои сомнения рассея
О целях первого в миру
Антисемита Моисея...

Итак, читатель, поспешим
На запад следом за Русланом.
Там в предрассветии туманном,
Среди белеющих вершин,
В пещере древний старец Финн
Руслана встретил как родного,
И слушал тот святое слово
При свете трепетном лучин.

«Я в мудрых книгах прочитал,
Мой сын, весь путь родной державы
И будущее нашей славы,
И века страшного провал.
Смотри: людей уничтоженье,
Двадцатый век... начало смут,
Когда надолго управленье
Шестиугольные возьмут.
Что дальше видим... не стихию,
Не чужеземные полки —
Зубами рвут в куски Россию
Неистовые собчаки...»
«Собаки?» — вещего поправил
Руслан, словечком удивлен.
Тот молвил:«Может...» и добавил —
«Я в терминах не столь силен».
И, грустно глядя на Руслана,
Взяв пыльный список со стола,
Сказал: «На русского Ивана
Порою не хватает зла.
Читай! С тех пор, как в том же веке
Пустили на правленье сесть

Убийцу-зверя в человеке
С числом шестьсот шестьдесят шесть,
Все вкривь пошло. Потом в столице
Мэр Нойман с кличкою «Попов»
Под иудейской колесницей
Подавит наших дураков.
Или еще штришок забавный,
Смотри-ка, неплохой расклад:
В разведке русской будет главный
Опять из этих... Киршенблат?
Причем все скажут, что ж такого
Плохого, не поймем никак?
Раз взял он кличку Примакова,
Так значит это наш... примак!
Руслан! Нелепые картины,
Дурацкий путч, как балаган, —
Все это происки Наины!»
«Иосифовны?» — встал Руслан.
«Да нет», — пергамент убирая,
Сказал спокойно старина, —
«То — то ж Наина, но вторая,
Как будто царская жена.
Давно к России страсть питал,
Внедрясь с религией невинно,
Под скромным именем Наина
Крутой еврейский капитал.
Масонской мафии дитя,
Вскормленное идеей роста,
Покроет скоро, как короста,
Просторы наши не шутя!»
«Ну, в нашем времени разбой, —
Вскричал Руслан, — а там подавно!»
Впервые правою рукой

Перекрестившись православно[1]
«Спокойно, витязь, саранча
Имеет маленький изъянчик:
У них в деснице нет МЕЧА —
МЕТОДОЛОГИИ, мой мальчик!
Когда по выжженной пустыне
Водил их Моисей, тогда
С далеких предков и поныне
Их отучали от труда,
Кормили «манною небесной»
Из царства «пламенного Ра»;
Методикой почти чудесной
Жрецы владели, мастера!
Скрепили в третьем поколенье
“Трудом” достигнутый эффект,
Внедрив идею разрушенья
Как генетический дефект...
Любой генетик-простофиля
Создаст вам в рамках трех колен
В известной мушке дрозофиле
Устойчивый мутантный ген!

У тех, кто труд не разумеет,
Полголовы — один муляж.
Увы, бессильно сожалеет
Об этом факте разум наш.
Лишенный напрочь в правой части
Уменья строить “общий вид”,
С тех пор незримой служит власти

[1] У Пушкина в поэме этого нет, как нет и выражения его отношения к христианству вообще, как религии. Хотя об этике отношений человека и Бога поэт упоминает неоднократно. Автор этих строк, хотя и написал всё это, не выбрался из-под “библейских глыб”, вследствие чего его мировоззрение путаное: для него и Мухаммад, учивший, что нет божества, кроме Единого Бога, предвечного и нерожденного, Который превыше того, чтобы у Него были дети, — пророк, и «Божья Матерь» — царица небесная.

Сей левомозгий инвалид».
«И что же, так на все века?»
«Да нет, — сказал старик, — пока...
Пока закрыты будут знанья
И сохранится герметизм,
Дотоль в международном зданье
Бал будет править сионизм.
Но там, на рубеже столетий,
(Запомни, витязь, ты — народ!)
От иудейских лихолетий
Весь мир освобожденья ждет!
Открой при случае Коран,
Найди второй главы реченье:
Там МЕЧ был Моисею дан —
ПИСАНИЕ и РАЗЛИЧЕНЬЕ!
С писаньем Вера нам дана,
А Различение — сокрыто
Затем, чтоб черная “элита”
Планетой правила одна.
Взамен в Россию был внедрен
Гнуснейший[1] *институт кредита,*
А алкогольное корыто
В среду языческих племен
Так пододвинуто Наиной,
Что влезешь, как ни поверни,
Чтоб мы смекали, как они,
Одною левой половиной.
Секреты здорово стеречь
Приходится “элитной” касте,
Но ты добудешь этот МЕЧ
На гибель сатанинской власти!
Вперед, мой сын, России славу,

[1] Гнусность института кредита не в нем самом, а в том что кредиты даются под процент, превышающий процент роста рентабельности производства, темпы роста его энергообеспеченности, и как следствие, темпы роста производства в неизменных ценах.

Людмилу в горницу верни!
Проедешь топь — сверни НАПРАВО,
Прощай... Господь тебя храни!»

И витязь устремился вдаль...
Его настиг соперник нервный,
Рогдай. И в битве беспримерной
Руслан вскричал: «Умри!» А жаль...
Рогдай последний был оплот
Языческой “элиты” ратной.
Но дело сделано — обратной
Дороги время не дает!

Война, конечно, есть война...
Иной Руси вставала слава,
Являлась новая страна
Как православная держава!

Чтоб гордый росс не сильно вырос,
Тогда нам и внедрили “вирус”...
Потом, как помним, поле брани
Руслан пересекал, скорбя,
Шепча: «О поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями?»
Здесь выбрал он на всякий случай
Копье от битвы роковой
И, проскочивши лес дремучий,
Чуть не столкнулся с ГОЛОВОЙ.
Не вышло с нею диалога,
Та стала дуть, подняв копье,
Руслан рванулся на нее,
Но продвигался ненамного.
Покуда гнев вскипает в нем,
Понаблюдаем за конем.

Гнедой все признаки толпы

Великолепно проявляет:
Натужа грудь, она стопы
На путь неверный направляет
И жмет под лозунгом “Свобода!”,
Объята страхом и слепа,
Не вызревшая до народа
Национальная толпа...
Точь-в-точь как ныне вся орава
За радикалами вослед
Рванула, словно в пасть удава,
В вонючий западный кювет.
Да ведь скакнула всей страной,
Как кот на масляную кринку,
И к “демократии”, и к рынку
Пришла отарою шальной.
А мы вернемся к Голове
Но только во второй главе...

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Вообще-то, головы без тел —
Особый повод для раздумий —
И в части мавзолейных мумий,
И в смысле повседневных дел...
Поэт блестяще передал
Трагедию такого рода:
Ведь власть от своего народа
Была оторвана всегда.
А может видел наяву
Расстрел жестокий на Урале,
Когда российскую главу
Друзья свободы оторвали?[1]...

[1] Но наследник-цесаревич Алексей Николаевич выжил и прожил долгую жизнь простым трудящимся человеком, учительствуя в школе. Его дети и внуки

Дом Ельцин снес (такой каприз),
Кто б охнул:«Ты не прав, Борис! »

Но нам пора рассказ вести,
Как Голова теснит Руслана,
Сильней любого урагана
Так дует, что не подойти.
Руслан смекнул, чем взять башку,
Явив немалые таланты,
Придал значенье ЯЗЫКУ
Как инструменту пропаганды.
В момент пронзает он копьем
Язык хохочущему диву.
А взявши инициативу,
Все — дело техники потом!
(О, пресса наших радикалов
С неумолкающим враньем,
Когда народ проткнет копьем
Твое раздвоенное жало?!)
Удар в опавшую щеку,
И Голова, рванувшись странно,
Уже лежала на боку,
А МЕЧ сверкал в руке Руслана...
От возбужденья вне себя,
Герой летит и дальше рушить
И обрубить ей нос и уши,
(Как агентуру КГБе?).
Но слыша стон Главы сраженной,
Узрев тоску погасших глаз,
Остановился вдруг смущенный
И слушает ее рассказ:

«Ты вразумил меня!» — «Ну вот», —
Руслан подумал равнодушно, —

живут и ныне. Все пришло к идеалу Русских сказок: царские дети женятся на простых русских девушках и живут долго и счастливо.

«Бывает власть и впрямь послушна,
Когда народ ее прижмет.
Теперь, когда окончен бой,
Лишь покаяний не хватало».
«Виновна я перед тобой!» —
Тотчас же Голова сказала.
«Семья, где я ребенком рос,
В братишки мне взяла урода;
Имел он “самый глупый рост”
Как символ “малого народа”.
Но ум у дьявола купил,
Умел логично строить схемы,
И силу в бороде хранил
Кредитно-денежной системы!
Копаясь в древних книгах, он
Насобирал туманных знаний,
Что некий МЕЧ хранят славяне,
Которым будет умерщвлен
Наш договор, скрепленный
братством,
Он — сгинет со своим богатством,
Я — буду головы лишен!
Меня меж тем уговорил он скоро,
Что МЕЧ тот должен быть у нас;
И, взяв на плечи Черномора,
Я в путь пустился в тот же час.
В подвале на краю земли
Мы все же этот МЕЧ нашли.
Меж нами спор произошел,
Кто истинный владелец клада?
И Черномор сказал, что надо
Найти консенсус... И нашел!
Уловку выдумал масон!
К земле советует прижаться,
И кто услышит первым “звон” —
“Свобода! Равенство! и Братство!” —

Тот до конца мечом владей,
А значит и толпой людей!
Припал я к зелени травы,
Стремясь не пропустить ни звука,
И... вмиг лишился головы!
Вот нашей простоте наука!
Мой остов, символ русских бед,
Библейским тернием обросший,
Остался на века отброшен
От мудрости славянских Вед!»

Читатель, стоп! Куда спешить?
Прошу отвлечься о сюжета,
Чтобы совместно разрешить
Загадку Первого Поэта!
Признаюсь, что не в силах я
В одном вопросе разобраться:
Зачем понадобилось “братцам”
Тащиться в дальние края,
Искать предмет, который может
В определенный кем-то миг
Практически угробить их?
А коль нашли... так уничтожить
Есть смысл немедленно его,
Чтоб избежать судьбы печальной!
Но прятать... прятать для чего,
В башке отнюдь не гениальной?
Пора символику раскрыть!
МЕЧ — это ЗНАНИЯ! Конечно,
Их можно временно “зарыть”,
Как поступил колдун, но вечно
Скрывать нельзя. За этот труд
И вправду голову сорвут!

«Так», — продолжала Голова, —
«Я был коварно обезглавлен!

И злою волей колдовства
Хранить опасный МЕЧ поставлен.
О, витязь! В сонме длинных лет
Мне думать времени хватало;
Не откажи мне в просьбе малой,
Народу передай совет:
Пока не вникнет россиянин,
Что враг ему не царь, не барин,
Не вор и не аристократ,
Не коммунист, не бюрократ,
Не зарубежный попечитель,
Не многословный обличитель,
Не дымный город, не село,
А — сионистское мурло!
Пока он это не осилит
И на словах, и на делах,
Томиться матери-России
В международных кандалах!
И будет красное ли знамя,
Трех или больше -цветный флаг,
Пока мы ходим под жидами,
Русь будет превращаться в прах!
Они в усердии и страсти,
К народам не скрывая злость,
Концептуальной служат власти,
Которой Русь, как в горле кость!
Ты спросишь, как же инвалиды
С одной абстракцией в мозгах
Дошли к вершине пирамиды,
Откуда правят всем на страх?

Здесь все историей сокрыто...
Но некий Флавий выдал факт:
В колено древнее левитов

Внедрился жрец-иерофант![1]
Вот кто хранитель древних знаний,
В Египте запасенных впрок,
Строитель вавилонских зданий,
Вершитель судеб и пророк!
Лишь он подписывает ордер
На жизнь и смерть любой страны,
В его руках масонский орден,
Безумный сеятель войны;
Правительства — его игрушки,
А приоткрывших тайну в дверь —
Будь это Моцарт или Пушкин —
Яд или пуля ждет теперь...
Народов стародавний вор
И есть он — карла Черномор!
Да помни! Не был русский флаг
Трехцветной тряпкою масонской!
Светилось золотое солнце
На черном фоне... Злобный враг...»

Тут Голова закрыла очи
И замолчала... больше с ней
Не будем головы морочить,
У нас задачи поважней!
«Так!» — рассудил Руслан, — «я два
Уже источника имею!
И Финн, и эта Голова
Дают ключи — через еврея

---

[1] Газета *“Новый Петербург”*, 06.02.97 в статье *“Все раввины от одного предка”* сообщает следующее: «Группа исследователей из Израиля, Канады, Англии и США, проведя большую работу, опубликовала её результаты в журнале «Nature». Изучив наследственный материал раввинов в общинах евреев-ашкенази (Центральная и Восточная Европа) и сефардов (Южная Европа), они убедились, что все священники, даже издавна разделенных сообществ, действительно происходят от одного предка по мужской линии. Генетическая разница между священниками и их паствой в местной общине намного больше, чем разница между раввинами отдаленных друг от друга диаспор».

К его почти что божеству,
Предиктору незримой власти.
Но где таится этот мастер?
Как с ним столкнуться наяву?
Чтоб от ошибки уберечь
Себя, источник нужен третий!
И этим третьим будет МЕЧ —
Методология столетий!
Вперед! К грядам швейцарских гор!
Там то ли Ра-ви, то ли Ле-ви —
Короче, карла Черномор
Штампует цепи русской деве!»

И вновь Руслан помчался в путь,
В себе уверенный отныне...
А нам пора передохнуть
Перед явленьем героини!...

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Один прозападный клеврет,
Поклонник бунта и стихии,
Сказал, что, мол, поэт в России —
Гораздо больше, чем поэт!

Он врал! Поэт и есть поэт!
Но вот когда её пространства
Певцы всемирного гражданства
Заполнят — жди, Россия, бед!
У них во дни народных смут
Всегда готова колесница.
Тогда покой им и не снится,
Какой там, к Гангнусу, уют!
Гарцует “нобелевский класс”,
Лауреаты сексуалы:

«Внимайте, русские коалы,
Россия-сука, слушай нас!»
Пришпилен на копье призыв,
Изъятый с западной помойки,
Вперед скитальцы перестройки
Летят, поводья опустив!

Ах, как им кажется легко
Разрушить вековое древо,
И то направо, то налево
Их флага клонится древко!
Но вот болтаться без опаски
Налево справа по бортам
Дозволено одним котам —
И то, как говорится, в сказке!

О, муза, ветреная дева,
Не уровняй меня с котом,
Не дай и мне свернуть налево
В моем рассказе непростом!
Опять свирепствует Сион,
Скрыв словоблудием бездарность,
Взметнулась вновь “пассионарность”
Псевдоэтнических племен!
Люд милый! Не смирись с пятой!
Россия! Вкупе с небесами
Раздвигни твердь земли святой,
Как лед под рыцарями-псами!

А что Людмила? Милый люд?
В сетях у коршуна-злодея
Глядит на горы, холодея,
Ей страшен дьявольский уют,
Противна роскошь; и девица,
Поддавшись настроенью, раз
Хотела даже утопиться,

Да образумилась тотчас.
Потом и ела, и пила
И на дурацкие уловки,
Протесты в форме голодовки
Или плакатов, не пошла!
Ведь верх здоровое начало
Всегда одержит у славян,
Конечно, плен — не балаган...

Вот слуги мерзкого кагала
Ее раздели... Так в веках
Нас раздевает вертопрах,
И мы смирились с раздеваньем,
Как с древней западной игрой...
Не спит. Удвоила вниманье.
А ты, читатель наш, утрой!
По пирамиде пониманья
Взберемся выше на этаж...
А кстати, вот и карла наш!

Не “выход”, а явленье века!
Скорей напоминает он
Обряды пышных похорон
Преставившегося генсека!
Возложенную на подушки,
Арапы бороду несут...
Но занимательней, чем Пушкин,
Не описать нам сцены тут.
Как будут пленницы вести
При важном появленьи карлы
Как спутает “стратегу” карты;
Прошу, читатель, перечти
Картинки из девичьей спальной,
Что натворила там княжна.
А мы напомним лишь печальный
Финал визита колдуна:

Застряв в валютной бороде,
Арапы, паникой объяты,
Как депутаты-демократы,
Своих придурочных идей
Не могут выразить словами,
Мычат и, брызгая слюной,
Размахивают рукавами,
Не выдав мысли ни одной!
И тащат карлу из "гарема"
Что дальше? Это их проблема!

Работая с "Русланом", гений
Заботой странной был польщен:
Его курировал масон,
Известный Александр Тургенев.
И торопил, поправлял
Все в сторону "жуковской" фальши.
Поэт спокойно отправлял
Его рифмованно подальше:
«Тургенев — верный покровитель
Попов, евреев и скопцов!»
Даю цитату, как любитель,
Для пушкинистов-стервецов!
Не знаю степень посвященья
У этих дутых дураков,
Но степень жидовосхищенья
У них не ниже облаков!...

А мы послушаем совет,
Что россиянам дал поэт!
По поговорке мудреца:
«Здоровый дух — в здоровом теле!»
России надо встать с постели
И с бритой головы жреца
Содрать Священного Писанья
Все закрывающий колпак.

А дальше занести кулак
Над псевдошефом мирозданья:
И можно не лупить вполне,
Но гаркнуть на такой волне,
Чтоб сбить извечное зазнайство,
Запутать в бороде густой,
Стандарт разрушить золотой
И все гешефтное хозяйство!
Загнать в тупик бесовский клан,
А после вступит в бой Руслан!

Но дело с колпаком сложнее...
Теперь невидима, княжна
Гуляет по садам одна,
Не опасаясь чародея.
Вдруг видит: будто бы в дыму
Стоит Руслан! Он сильно ранен,
Ужасен вид его и странен;
Людмила ринулась к нему!
Постой Людмила! То капкан!
Но та уже в объятьях “мужа”...
И тут охватывает ужас
Людмилу! Это — Лже-Руслан!
(Имранович?). В нем выступает
Обличье злого колдуна!
И падает без чувств княжна,
И сном волшебным засыпает...
Тут и решил колдун седой
Людмилу приласкать немного,
Но слышит клич призывный рога!
Руслан зовет его на бой!
И карла в злобе неземной
Вновь деве шапку одевает
И в неизвестность улетает...

Людмила спит... И всей страной

Закрывши и глаза, и уши,
Спит Русь под шапкою карлуши...
А чтоб сожрать ее скорей,
Международная пиранья
Колпак Священного Писанья
Натягивает ей сильней!
И получает для обедов
Из плоти, выжженной дотла,
Команду “суверенитетов”
Плюс самостийного хохла,
И даже не хохла, скорее,
Коль речь идет о Кравчуке —
То самостийного еврея,
Что у Моссада на крючке!
А мы, читая “Суперкнигу”,
Все не отыщем до конца
Надежно спрятанную фигу
Бритоголового жреца!?

Но у Завета и Ислама
Есть общий стержень — Божий суд!
Возьмет ли кто-нибудь за труд
Писание поставить ПРЯМО?!
Как то советует Коран
И русский братец Иоанн[1].

[1] Имеется в виду выходец из крестьян Иоанн Самарский (Чуриков), основатель течения в православии «чуриковцы», в котором абсолютная трезвость (включая и отказ от церковного причастия вином) — норма жизни. Для конца XIX — начала XX века его учение было благом, поскольку могло стать основой для дальнейшего продвижения к истине, но к концу XX века оно стало законсервированной догмой, вследствие чего очищение Библии от отсебятины знахарей социальной магии в Православии не состоялось. Упоминание братца Иоанна в этом контексте обусловлено тем, что цитируемый стихотворец следовал учению братца Иоанна.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ты отдохнул, читатель мой?
Тогда вперед! По нашим планам
Стоит на очереди бой
Между “швейцарцем” и Русланом.
Тут главное, что сделал “рог” —
На воздух вытащил злодея.
А гласность колдунам не впрок;
Они становятся слабее.
Удар, что страшной булавой
Руслан по шлему получает,
Его смутил, но заставляет
Сильнее думать... головой.
Теперь бы было в самый раз
Серьезный повести рассказ
Об управленческих маневрах,
Как медленных, так и крутых,
Но мы и так уже на нервах;
Для знатоков оставим их...
Маневр Руслана был таков —
Отскок внезапный, без разбега,
И карла шлепнулся в Покров,
Подняв вокруг фонтаны снега.
Ну, здесь немного новостей:
Всегда в российском ареале
Сверхчеловеки всех мастей
В покровах снежных застревали.

Пока колдун соображал,
Руслан кредитную систему —
“Седую бороду” — зажал
И тем почти решил проблему.
Хоть карла, тоже хитрый пес,
Его под облака унес!
Руслану тяжело, не скрою,
Но и далече от земли

Он щиплет бороду порою,
Скупая доллар за рубли.
Ах, как Руслану в этот миг
Не помешала бы подмога.
Словесник наш, штамповщик книг,
Ну, шевельнись же хоть немного!
Но тщетно! Гордый русопят
Под той же шапкой сном объят...

А вас, друзья, не утомила
Интеллигентов наших роль?
Как только чуть нажмет Людмила
На русофобскую мозоль,
Сейчас же окрик: Шовинисты!
Из черной сотни мужичье!
И даже... Русские фашисты!
Ну, заметалось воронье!
И сердобольный русский люд
Опять во власти у иуд.
Не разберясь, устроить “гром”
Тут может наш “доброжелатель”.
Уж не зовем ли на погром?
Не дай нам это Бог, читатель!
На то хватало дураков,
Когда за дело брался мастер,
Подкинув в сотню мужиков
Валетов самой темной масти.
А мы с семнадцатого года
Не в силах удержать пока
Погромов русского народа
От мора, водки и штыка.

Когда все это началось,
Теперь не просто догадаться,
Тем более, что наши “святцы”
Хранит иноплеменный гость.

Скорей всего, когда штыком
Народ прогнал другого “гостя”
И либерал наш с мужиком
Растряс по заграницам кости.
Вот там им и вплели мотив,
Засевший в голову прилично,
Что русский, мол, мужик ленив,
А жизнь, мол, недемократична.
Интеллигенция тогда
На части резко разделилась:
Одна в Россию возвратилась,
Другая села навсегда
О русском мужике “тужити”.
А это, понимаем мы,
Милей из лондонского сити,
Чем из какой-то Костромы...
Как мужика отбить от лени,
Гадала, потирая лоб...
Вот тут-то карла — Черный гений
Ей и всучил “КАЛЕЙДОСКОП”.
А в нем — блестящие картинки,
В швейцарском сшитые дворце:
В нем и фаланстеры, и рынки,
Но всех красивей — О Че Це!
Ну, незадача — хоть в конце,
Но влезли в чуждую культуру!
Раскроем аббревиатуру:
“О” — это “обще”, “ценность” — “Це”
“Ч” — “человеческие”. Скажем:
Кто может ценности достать,
Тот посвященней может стать
И богоизбраннее даже.
Но... “ОЧеЦе” дают лишь в долг,
Их надо возвращать с приплатой.
«Что делать!? Так устроил бог!» —
Картавит ментор тороватый...

Любил наш благородный гусь,
Прильнув к глазку калейдоскопа,
Узреть, «Что вся прочла Европа?»[1]
И транспортировать на Русь!
Увидит, например, «Свобода!»,
И, этим камешком пленен,
Поднимет колокольный звон
От Польши до краев восхода.
Или надумает сначала
Создать «общеевр/.../ейский дом»
(Частицу «ОП» — вплетем потом,
Чтоб ритмику не нарушала).
То, обвинив народ в разбое,
(Мужик-то наш, известно, тать)
Он государство “правовое”
Вдруг вознамерится создать.

Так новый русский либерал
Домой вернулся просвещенным,
В какой-то мере посвященным,
Во что — убей, не понимал!
Но ложу посещал исправно,
Как синагогу иудей,
И гибнул иногда бесславно
За “генераторов идей”.
Рисунки Пушкина дают
Для размышленья пищу тоже.
Читай: «И я бы мог как шут».
Но где-то прокололась ложа.
А ровно через сотню лет
Шестым (по ритуальной мере)
Повешен был другой поэт —
Сергей Есенин — в «Англетере»...

[1] 22-я , последняя октава “Вступления” символической поэмы А.С. Пушкина «Домик в Коломне».

Вот так веками масонье
Пророческое душит слово
От Пушкина и до Талькова...
Внимай, Отечество мое!
Но тяжко наш интеллигент
Идет на схватку с сионизмом —
И интер-наци- онанизмом
То объяснит в любой момент.
Его ошибка не простая,
Скорей — глобальная, друзья,
Международных волков стаю
Считать за нацию нельзя!
Когда же сбрасывают шоры
Розанов там ... или Шульгин,
Звереют псы масонской своры
На части рвут — итог один.

А что их главный кукловод,
С Русланом прыгнувший в полет?
Взлетевши чуть не на луну,
Остервенело небо «пашет».
Кто у кого из них в плену —
Русь — у него, иль он — у наших?
Момент забавен, но суров,
Идет война на пораженье
Не двух соперников — МИРОВ!
Двух уровней мировоззренья!

Вот сникший карла наконец
В свои владения спустился
И о судьбе своей взмолился
Перед Русланом бритый жрец:
«Не дай, о витязь, умереть,
И я послушным буду впредь!»
«Живи, — сказал Руслан, — иуда,

Но бороду твою —
вот так-с!»
И обрубил МЕЧОМ. О чудо!
Был карла — вышел Карла Маркс!
Портрет того, что ввел народы
В семидесятилетний шок!
«Так значит вы одной породы!» —
Смекнул Руслан, достав мешок.
И карлу посадив в котомку,
Зашнуровал, ворча негромко:
«Отныне будешь, лгун проклятый,
Шутом на людях
выступать ...»
А мы хотели приступать
Уже пожалуй к песне пятой.
Но прежде поглядим, однако,
На исторический процесс
И проследим, какой «прогресс»
России послужил во благо?...

С трудом переваривши Тору
И весь запутанный Завет,
Русь стала подниматься в гору
На Православии... Так нет!
По Вере справившие тризну
Большевики в известный год
Колпак еврейского марксизма
Вмиг натянули на народ!
Чуть свыклись с этою покройкой
И стали спину разгибать,
Как новой шапкой — перестройкой
Загнали люд в тупик опять!
Вновь «мастера» российский дом
В перестроении мышином
Своим измерили аршином
И поняли «своим» умом.

Однако же портной нахальный,
Который эти шапки шьет,
Предиктор, может, и глобальный,
Но если ныне не поймет,
Что после смены «эталона»
Пришли другие времена,
Что «против времени закона
Его наука не сильна[1]», —
Беды ему не избежать,
Так могут и в шуты не взять!

Своим же, что толпою жадной
Дошли до банков и трибун,
Напомним: «Страшен русский бунт,
Бессмысленный и беспощадный!»
Мысль Пушкина! Добавим к ней,
Что бунт осмысленный — страшней!

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Перечитав последний лист,
Не сделать бы нам вывод ложный,
Что это все писал безбожный
Упрямый материалист.
Но что есть Бог — не нам судить!
Нам лишь известно из преданий,
Кого впрягли переводить
Стихи египетских сказаний.
И тот, кто древний текст добыл
Евангелий, осмыслит много:
Ведь вера в Бога, то — не вера Богу,
А БЕ — не синоним «был».
Попы в догматике своей
От торы долго не отстанут.

[1] А.С. Пушкин «Руслан и Людмила», Песнь первая.

И Моисей у них — еврей,
Да и Христа в евреи тянут.
Но если поразмыслить строго,
(Хоть Библия — не наш предмет)
Поймем, что истина — от Бога,
А ложь — от правивших Завет.
“Нормально” думающий ахнет,
Читая эти письмена,
Где диалектикой не пахнет,
Но фактология — страшна.
И как уныло утверждает
В «Неве» проклюнувшийся прыщ[1]:
«По горло фактов мне хватает,
В методологии я нищ!»
Вот та черта, где в этой стае
Обороняются, как львы,
Патрон последний сберегая
Всегда для личной головы!
Не видя выхода из круга,
В истерике забились все:
И Меттер, строя «Пятый угол»,
И «белка» в «Пятом колесе»[2].
Но почему всю жизнь был падок
Бродить Бердяев, например,
С «волшебным фонарем химер»[3],--
Из области ба-а-альших загадок...
Загадки, впрочем, лишь игра.
Одну вам разгадать под силу:
Зачем поэт сравнил Людмилу
С Дельфирой. Что за Дельф и Ра?

А то, что знал он без сомненья,

---

[1] Журнал «Нева», № 1, 1989 год, М.И. Меттер, эссе «Пятый угол».

[2] «Пятое колесо» (ведущая — Белла Куркова) — популярная программа на Ленинградском телевидении времен начала перестройки.

[3] И.Кант — о бесплодной философии.

Что есть сокрытые от глаз
Два мощных центра управленья
Сознанием народных масс.
Египетско-эллинский мост,
Где из-за плотности солидной
Формировался «глупый рост»,
То есть финансово-кредитный.
И центр — славянский. Этот был
Рассредоточенно-свободным
И с направлением природным
В конфликт, как первый, не входил;
Чем был, конечно, повод дан
Певцам чужого идеала
Твердить, что вечно отставала
Россия от «цивильных» стран.
Любвеобилием пронизан,
Славянский жрец был «простоват» ,
А потому был частью вписан
В «евангельский» конгломерат;
А частью стал, как в страшном сне,
Подпольем в собственной стране.
Вот что поэт имел в виду,
Сравнив Людмилы дар свободный
С Дельфирою мужеподобной.

А я к Руслану перейду.
Он, окрыленный от побед,
Своей невесты ищет след.
Но где Людмила? Где Народ?
Не загнан ли плутом коварным
И он в «синайский турпоход»,
Чтоб выйти однополушарным?
От этой мысли сгоряча
В неодолимой жажде мести
Руслан размахами МЕЧА
Пошел в куски кромсать поместье.

Все, что попалось на пути
Под гневную десницу князя,
Крушилось, Бог его прости!
Мосты — «хозяйственные связи»,
«Беседки» местного ЦеКа —
Сносила все его рука!
Руслан! Руслан! Ну как ты мог?!
Методология — не шашка!
Но, благо, случай тут помог,
Была с Людмилы сбита шапка.
Его невесты милый лик
В сетях яснеет, проявляясь.
Князь сети рвет, но... грустный миг:
Княжна лежит, не просыпаясь.
И даже перекройки шум
Не разбудил девичий ум.

Устал Руслан, он удручен,
Обратно едет тихим ходом.
Что ж он теперь? Хоть и с МЕЧОМ
И вроде бы уже с народом,
Но крепко спящим... Кто гипноз
С Людмилы снимет? Вот вопрос!
Кому его не задавали —
В ответах — голубой туман.

У тихой речки на привале
Однажды отдыхал Руслан.
Вдруг видит: молодой рыбак
Челнок свой к берегу причалил,
Красавица его встречает...
Но что за юноша? никак?..
Тут был не в шутку огорошен,
Узнавши рыбака, Руслан.
Да это же хазарский хан,
Соперник безусловно в прошлом!

Опять вопрос? Его могли бы
Решить вы сами без труда:
Иудо-христианство «рыбой»
Обозначается всегда.
Напомним, тем кто позабыл,
Как юный хан попался в сети.
Двенадцать дев в пути он встретил,
Тринадцатую — полюбил.
Но сложный путь прошел, пока
Не превратился в «рыбака».
Сначала был он «окружен»,
(О базах вспомним мы едва ли!)
Тихонечко коня лишен,
(Так от народа оторвали!)
«Та меч берет, та — пыльный щит»
(Вот вам «конверсия» в натуре!),
Плюс «баня». В этой процедуре
Людмилы образ был забыт.
Но эти девы не пленили
Ратмира. Он покинул их,
Женился на «другой» Людмиле,
Стал незаметен, скромен, тих.
«Рыбачил»... исподволь масоня.
Но, благо, хоть его жена —
Не пошлая рыбачка Соня —
«Пастушка милая»... Она
Детьми хоть и была богата,
Да их судьба, как темный лес;
Так из истории исчез
Хазарский каганат
когда-то.
(Не то ли ждет и наш народ,
Коль за хазарами пойдет?)
Предполагаем, что Гайдар
Потомок ветреный хазар.

Грешно бы было крюк не дать
И с Головой не повстречаться.
Чтоб та могла урода-братца
Обрезанного увидать!
Усвоив, что отомщена,
Уснула вечным сном она,
Но на прощанье наделила
Злодея термином таким,
Что тот, наверно, до могилы
Молился демонам своим!
Эх, головы! Предполагать,
Кто недруг, следует при теле,
А уж поскольку отлетели,
Удел ваш — дуться и моргать.

На фоне лунного пятна
Тревожно проносились тучи.
Уставший на зеленой круче
Лежал Руслан в объятьях сна.
Нам сновидения знакомы,
Плод подсознания они!
Меж тем как проявленье дремы —
Галлюцинациям сродни;
А потому Руслана сон —
Не хитрая дремота Лиды.
Сон — вещий! И какие виды
Он проявляет, есть резон
Прочесть в поэме между строк,
Глядишь, и извлечешь урок...
Сейчас в пророчествах сильны
У нас и физик, и политик;
Но горе, ежели за сны
Возьмется психоаналитик;
Знаток от пупа до колен,
Он сон любой немедля вскроет,
Эдипов комплекс вам откроет

И гомосексуальный крен.
Но нас интересуют сны
Совсем не с этой стороны...

Не забывайте, кто «живет»
В котомке за седлом в неволе.
Он, напрягая биополе,
Свой декларирует «подход»,
Подбрасывая князю темы
В неконтролируемый сон,
Ему навязывает он
Свое решение проблемы.
Уже, поди, успел забыть,
Что клялся князю не вредить.
Ведь мог Руслан, имея власть,
Его убить одним ударом,
Но можно ли позволить даром
Такому опыту пропасть?
Руслан уже махался раз
МЕЧОМ направо и налево;
И, как мы помним, нашу деву
Тогда, считайте, случай спас...
То дело прошлое, а сон
Сейчас тревожит мысли наши.
Руслан, княжну не удержавши,
Стоит над бездной наклонен,
Там стонет в пропасти народ...
Руслан к нему, как бы с крылами,
Летит, вдруг видит за столами
Какой-то мрачный пир идет.
Там старый князь со всею свитой,
Там и хазарский дезертир,
Там и Рогдай, как не убитый.
И тут Фарлаф на этот пир
Людмилу (спящую?) приводит.
Владимир этому не рад,

«Князья, бояре — все молчат»,
И сновидение уходит.

Весь сон — переплетенье лжи.
В сознание Руслана прямо
Закладывается программа,
Что больше нет надежды жить;
Князь «льет мучительные слезы»,
Свой сон не в силах перервать,
Но понимает, что прогнозы
Народу тяжкие давать
Какой-то проходимец рад.
(Нет, карла — ты не демократ!)
Победу просчитав заране,
Мнил карла, что Руслан один,
И не учел, что вещий Финн
В энерго-информационном плане
Его сильней. Но до поры
Не мог он начинать игры.

Два человека в трудном споре
Найдут развязку у узла,
Но в тройке — двое могут вскоре
Объединиться в пользу зла.
Христос апостолов затем
По двое посылал когда-то,
Поскольку видел, что тандем —
Надежней связка, чем триада.
Вся управленческая часть
Должна идти по этой схеме,
Концептуальная же власть
Всегда работает в тандеме:
«Предиктор» — задает прогноз
И формирует вектор цели,
Причем, — надолго и всерьез.
«Корректор» — на конкретном деле

Процесс подправит в нужный час,
Короче, все , как не у нас...
Где век блефует у руля
Международная ватага,
Не зная курса корабля
И не предвидя «оверштага»[1]
Команде, правящей на мель,
С такой не справиться нагрузкой.
Руслан и Финн — вот вам модель
Концептуальной власти русской.

Ну, а пока при злой луне
Руслан забылся в тяжком сне.
Вот тут-то и подобралась
К нему «слюбившаяся» пара —
Фарлаф с Наиной. Три удара
Смертельных получает князь:
И красно-белый геноцид,
И спровоцированный голод,
И зверский гитлеровский молот
Вложил в удары... паразит.

Но здесь еще не вскрытый слой,
Где у жука-пушкиноведа
И мысли нет рассудок свой

[1] «Оверштаг» — название поворота парусного корабля, при котором корабль поворачивает относительно направления ветра так, что ветер в какой-то момент времени дует прямо в нос. Поворот «фордевинд» — название другого поворота, при котором корабль пересекает направление ветра так, что ветер дует прямо в корму. Поворот фордевинд требует более слаженной работы команды, и поэтому, если квалификация команды вызывает сомнения, чтобы не порвать паруса и не поломать рангоут, вместо поворота фордевинд осуществляют поворот оверштаг.

В случае такой замены, если в действительности необходимо повернуть направо, начинают поворот налево и поворачивают на лево до тех пор, пока корабль не ляжет на курс, который требовал правого поворота. Такая процедура выполнения оверштага создает сначала иллюзию поворота в одну сторону в то время, как на самом деле поворот осуществляется в другую. На это и намекает стихотворение.

Поднять до уровня Поэта.
Зато поэта самого
Подтаскивают со стараньем
До пониманья своего,
Вернее, до непониманья.
Но вот дотошный гражданин
Воскликнет: «Раз выводит сказка
И лже-Русланов, и Наин,
То где же к времени привязка
К суровым КУЛЬТА временам...
Мы не нашли, как не листали.
Показан ли в “Руслане” Сталин»?
Что ж, если кто раскрыть не смог
Эзопа слог замысловатый,
То нас обязывает долг
Короткой пушкинской цитатой
Проверить времени спираль:
«Изменник, ведьмой ободренный,
Герою в грудь рукой презренной
Вонзает трижды ХЛАДНУ СТАЛЬ!»
Проверим? Спящая Отчизна,
Фашизм разбившая страна
И впрямь была поражена
Трехкратно «трупом» сталинизма.
Два съезда — первых два удара:
Двадцатый и двадцать второй —
Нанес, как с пьяного угара,
Троцкизмом посланный «герой».
А ближе к завершенью века
Удар шумливый, но пустой
Направил съезд двадцать шестой
Рукой последнего Генсека...
Но чем орудовал «Фарлаф»?
Ведь от Рогдая он в испуге
Бежал, доспехи растеряв,
Оставшись при одной кольчуге!

Наина четко изучила:
МЕЧА Руслана — не поднять!
(Что в нашем смысле — не понять)
И свой клинок ему вручила
С программой действия. Причем
Приказ был жестким раввината:
Руслана надвое мечом
Рассечь, как подлый карла брата.
Но конь Руслана вдруг заржал,
Да так, что «покачнулось» поле.
Программа сломана! Фарлаф
Был выведен из-под контроля.
(Плох биоробот, а поди,
«Смекнул», что главное — в груди!)

Да! Русь кололи столько лет,
Но всю ее не перетычешь!
Казалось все... России нет,
И вдруг — высвечивает Китеж!
Людмилу спящую забрав,
Пылая бесполезной страстью,
Умчался «доблестный» Фарлаф.
Из щелки сцену увидав,
Колдун решил: «Ура, свобода!»
Но, как Борис, он был не прав.
Сиди в котомке, квазимодо!
Наина, в кошку обратясь,
(Ну шельмы же, масоны эти!)
Забыв, что карла есть на свете,
Скорей удрала, веселясь.
Да ей грустить и не пристало,
Пока до настоящих дней
Все телерадиоканалы
И все газеты служат ей.
Тут даже наш «народник» влип,
Охаяв русскую цензуру,

Вписал в славянскую культуру
Утесовско-высоцкий хрип.

Да, русский центр управленья,
Что говорить, почти убит.
Конь тщетно князя теребит —
Толпа на грани просветленья;
К тому же что-то происходит
В технократическом «верху»,
Там тоже мысль шальная бродит
Подразобраться, «кто есть ху».
(Надеюсь, знатоки цитат
Простят нам скромный плагиат?)
И пусть Фарлаф украл Людмилу,
Но поспешили «мудрецы»
Списать все русское в могилу —
Есть святорусские жрецы,
Потомки Всеясветной Речи,
Они крепили тайный фронт,
Хранили русский генофонд,
Прицельно отбивая нечисть.
Дрожи, Фарлаф! Уже готова
У Финна «Мертвая вода»,
Ее концепция тверда
И для предателей сурова!
Да и кувшин с «Живой водой»
Уже к Руслану на подходе...
Ты думаешь, читатель мой,
Мы завершим на грустной ноте?
Как бы не так, нам с давних пор
Врачами запрещен минор.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Любой пират из банды Флинта

В сравненьи с нынешним —
джентльмен.
Мой друг! Пора вставать с колен,
Из топких дебрей «лабиринта»
Искать пути к живым ключам,
Чтобы Фарлафам-палачам
И прочему шальному сброду,
И надмасонскому уроду
Кафтан наш был не по плечам.
Чтоб, каково ни наряжались
Они то в женщин, то в мужчин,
Исход предвиделся один:
«Фу!» — и ребята растерялись.

* * *

Меж песней пятой и шестой
Был перерыв почти полгода;
Теперь сказали бы «застой»,
Возможно... Но иного рода.
Ведь время, что течет сейчас,
Для Пушкина грядущим было.
Песнь пятая звучит для нас,
В ней наша спящая Людмила
И наш Руслан. Но вот в шестой,
Где безвозвратно канул в Лету
Наш век жестокий и пустой,
Должно быть собранным поэту,
Чтоб проявить сквозь тьму веков
Значение событий главных.
И как «живой орган богов»[1]
Он здесь себе не знает равных.
В прогнозах жрец попу не брат;
Владея целостной картиной,

[1] Ф.И. Тютчев о А.С. Пушкине.

Он не скует свободный взгляд
Догматами, как паутиной.
Не зря его «заклятый друг»
Тургенев, явно с толку сбитый,
Писал: «Явился Пушкин вдруг
С шестою песней и ...обритый».
Так, строя образ до конца,
У Пушкина был смысл, конечно,
«Войти» в дельфийского жреца
Не только мыслью, но и внешне.
Отсюда странное начало
«Ты мне велишь»... за рядом строк
Уже вторично прозвучало
«Но ты велишь»... Да кто же мог,
Кто так бесцеремонно смеет
Певцу свободному велеть?
Особа твердая, заметь;
Тут пушкинист иной сумеет
Вести исследований гон
Годами... жертвуя карьерой,
Стоял ли Пушкин за портьерой
В покоях Долли Фикельмон.
А лучше б сердце берегли
Тот день холодный и короткий,
В который за перегородкой
Стенала в горе Натали.
Так кто велит? Кому мольба?
Судьба, читатель мой, судьба!
Она велит определенно,
Презрев иронию хлыщей,
Помочь потомкам удивленным
Увидеть «общий ход вещей».
В игривом стиле монолога
Увидит каждый, кто не слеп,
Взаимовложенность судеб
России и ее пророка.

Atande! Мы через века
Забрались в самый заповедник.
Между эпохами посредник —
Лишь стихотворная строка.

Продолжим. Финн остановился
В хранимом Богом уголке.
Зеленой змейкой плющ завился
На худосочном стебельке,
Гранита треснувшие плитки,
Платан, обугленный грозой,
Рябые, тусклые улитки,
С упругой слитые лозой.
Здесь за скалистою грядою
Текут волшебные ручьи
С живой и мертвою водою.
Два духа к ним хранят ключи,
За много верст не допуская
Ни экстрасенсов, ни Наин, —
Совсем другое — вещий Финн.
Кувшины в воды опуская
Спокойно наполняет он.
И мы не будем волноваться,
Нам ясно, что Руслан спасен.
С ключами надо разобраться.
Вот «льется», как скульптуры льют,
Источник с «мертвою водою»;
Лишь он способен русский люд
Скрепить концепцией одною.
«Живой волною» ключ «течет»
По диалектике закону —
Он призван вопреки Сиону
Вдохнуть уверенность в народ.
Но любознательный при этом
Здесь новый уровень найдет;
Ключи еще с одним секретом:

Течет «ОДИН», а льется «ТОТ»,
ОДИН — Бог Мира Триединый,
Его начало и венец,
А ТОТ — Гермес — считай отец
Эзотерической доктрины,
Подхваченной жрецами Ра
И для непосвященных — скрытной.
Теперь читатель любопытный
Тут может думать до утра;
Пусть разбирается один,
Мы за Фарлафом последим.

Да! Где Фарлаф? — обеспокоясь,
Уже тревожится народ.
А он , как в неком фильме НОИС
(Читайте задом наперед),
Из века в век, как заводной,
Ползет со спящею княжной.
Чуть карла потерял контроль
Над иерархией кагала,
Вмиг отсебятину погнала
Наина, навязавши роль
Освободителя — мессии
Фарлафу. Ну а тот и рад:
Въезжает важно в стольный град,
Триумф вкушая на России.
Но что за встреча? Почему
Владимир нервно-беспокоен,
Тем более — не рад ему;
Вдруг стал он «неизвестный» воин.
Неужто князю в седину
Вошло бесовское коварство?
Не он ли обещал полцарства
Любому, кто спасет княжну.
У князя, сникнувшего в горе,
Немой вопрос встает во взоре:

Откуда этот идиот?
И тут Фарлаф понес такое,
Что вяли уши у бояр,
Решивших, что жених в запое:
Как он, не устрашившись чар,
В жестокой битве с лешим, чудом
Сумел Людмилу отобрать.
Тут не захочешь — станешь врать,
Коль школу проходил с Талмудом,
Который, насадив кругом
Антисемитскую идею,
На все века вменил еврею
Сражаться с призрачным врагом.
Отсюда ложь, хоть вдохновенье
Фарлафа кинуло уже.
Князь молча внемлет, но в душе
Имеет сильное сомненье,
Что почивающий народ
Разбудит «избранный» урод.

Не зря мы князя не узнали,
Он ведь действительно не тот;
Да и поэт его в финале
Не «солнце» — «солнышко» зовет.
Пока витал смертельный сон
Над обескровленным Русланом,
Века промчались над курганом
И изменился «ЭТАЛОН».
Похоронив под грудой «глыб»
Свой хвост кусающего змея,
Окончилась эпоха РЫБ,
Сменившись эрой ВОДОЛЕЯ.
Да, да, читатель дорогой,
Владимир-князь уже другой.
У Пушкина в последней части
Мы видим двадцать первый век,

Руслан и Людмила. Эпилог

Когда впервые встал у власти
В России — русский человек.
«Мой сын, — ожившему Руслану
Сказал волшебник, — с этих пор
Фарлафа гнусному обману
Уже подписан приговор.
К концу подходит век бездарный
Возьми кольцо, коснись княжны —
И сгинут вековые сны,
И день наступит лучезарный.
Ну а пока — не дремлет враг,
Беда над Русью. Как шакалы,
Предчувствуя свой близкий крах,
Восстали межнационалы.
Вот конь, вот меч. Спеши, Руслан,
И помни: волей Провиденья
Тебе высокий жребий дан
Спасти славян от разоренья.
Будь в этом непреклонен, сын».
И в воздухе растаял Финн.

«Но между тем какой позор»
Держава русская являет.
Конечно, витязь ждал беду,
Финн просветил его немало;
Но то, что перед ним предстало,
Увидеть сложно и в бреду.
Сначала вариант такой:
«шатры белеют над рекой».
Здесь был у Пушкина «сигнал»,
Да Томашевский «не заметил»
И многоточие — согнал,
Проведав, что поэт секретил.
«Костры пылают на холмах»,
А месяц август — это «ПЫЛКИЙ» —
Так пишет Даль в своих томах.

Вот и чеши теперь в затылке,
А девяносто первый год
Домысли сопоставив даты, —
И печенеги-демократы,
Свершившие переворот,
Уже ясны, как на ладони.

Вернемся в поле. Толпы-кони
Там бьются на смерть кто кого:
Схватились с русским молдаване,
С азербайджанцами — армяне,
Не понимая, для чего
Сцепились. Там грузин грузина
без видимой причины бьет;
Там раздирает общий флот
Зазнавшаяся Украина.
И плохо всем от свалки той,
Никто не видит, в чем причина;
Лишь улыбается Наина
С ее суровой красотой.
Но это к слову. С этих пор
Костры на кручах вносят ясность:
«Крес» — суть пылающий костер,
«Крес-Т» — грозящая опасность.
Через века оповещенье
Святоотеческих жрецов
Воспринял Николая Рубцов,
За что и получил «крещенье»
по ритуалу — топором,
А исполнитель — лишь завеса,
Как тень белесого Дантеса,
Сработанного «за бугром».
Там на Россию включена
Вся психотронная машина;
В основе принципа — лавина,
Толчок — и катится до дна.

Пример недавний: после путча
Сгубила многих мысль одна,
Что на бульвар проникнуть лучше
Не через дверь, а из окна.
Что их вело? Смятенье? Страх?
Закончим о крестах-кострах.
Не искажая — слово в слово

Цитируем стихи Рубцова:
«Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях
России.
Кресты, кресты...
Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони».

Конец цитаты. Мы с тобой,
Читатель, различим в тумане:
Поныне связанной толпой
Пасутся кони-россияне.
Вот и испытывают зуд
Миссионеры всей Европы,
Сгоняя православный люд
На католические тропы.
Они не ведают еще,
Что рассечет Руслан стреножье
И Русь укроет Матерь Божья
Своим серебряным плащом.

Итак, поля кипят войной,
А что за городской стеной?
Мужчин пленит стаканов звон,

И к женам нет у них стремлений —
Зловещий действует закон
Трех алкогольных поколений.
Не замечая грязь и тлен
В конец оглушены «металлом»,
С дебилом пьет олигофрен
И даун пляшет с маргиналом.
В какой притвор не загляни,
Повсюду страшные виденья:
кругом свирепствуют “они”,
Во всех системах управленья.
В селениях и городах,
В церквах и университетах,
В театрах, банях и судах,
В парламентах (читай в кнессетах)
Глубокомысленно решают,
Научно выпучив зрачки,
И, как древесные жучки,
Славянский терем разрушают.

В Кремле, заламывая руки,
От бед хиреет старый князь;
Вокруг, визжа и веселясь,
Пришельцы празднуют Хануки.
Дворец, как ярмарка открыт,
Бояре мирятся с позором,
Людмила, как и прежде спит,
Но у Фарлафа под надзором.
Весь этот мерзкий балаган ,
От нетерпения сгорая,
Мечом, как перышком играя,
С кургана наблюдал Руслан.
Смущенный карла за седлом
Не удержался от совета,
Припомня, видно, о былом:

«Круши!» — Но витязь ждал
рассвета.
И с первым солнечным лучом
Он путь прокладывал МЕЧОМ:
Все то, что с видом деловым
Взрастила правящая скверна,
Назвавши «трестом мозговым»,
Летит, как голова Олоферна.
И рушится за строем строй...

Нам дальше критика знакома,
Предвидим крик: «Вот ваш герой
И докатился до погрома!»
Но вы ошиблись! Свет МЕЧА —
Свет знаний — головы не сломит;
Не зря в котомке карла стонет,
Свои заклятия шепча.
Он понял: на вооруженье
Руслан взял тактику врагов
«Культурного проникновенья»
И вымывания мозгов
Без правого ингредиента,
Из всех общественных систем,
Толпа молчит. Но вместе с тем
Как будто и ждала момента,
Когда прихлопнет грязный пир
Вновь объявившийся кумир.
Но кто владеет Различеньем,
Тот понял: князь — не новый Туз —
Предиктор с высшим назначеньем
Нести ответственности груз
И за народ, и за дворец,
И за Россию, наконец.

Пока смакует перемены
Толпа, Руслан летит скорей

К дворцу. И видит у дверей
Финал неповторимой сцены:
Одетый, как заморский граф,
Читает проповедь Фарлаф
О том, что неугоден Богу
Весьма ленивый русский люд,
Что нужно вызвать на подмогу
Международный фонд валют,
Что в бедах русская душа
Всегда сама и виновата —
Ей не понять, как хороша
Купель заморского сената;
Что золотой польется душ,
Когда пойдем клониться к Бушу,
Что нет греха продать и душу,
Коль за нее отвалят куш.
Произнося всю эту гнусь,
Он головой кивает странно
И говорит не «Русь», а «Гусь»
И тут встречает взгляд Руслана,
И в нем читает приговор...

Как пал предатель на колени
И каялся — на этой сцене
Задерживать не будем взор.
Что тут поделаешь, всегда
Плевки в историю опасны;
Закону времени подвластны
И биосфера, и звезда,
И толпы пьяных мужиков,
И ордена часовщиков.
Как не росло бы самомненье
У избранного шельмеца,
С Железной Волей Провиденья,
С Законом Высшего Творца
Ему тягаться не дано;

Играть в великое — смешно.

Пора теперь будить народ,
Руслан с кольцом к нему идет,
Душа не сгинет в долгих снах,
Кольцо России — круг нетленный,
Кольцо — любви нетленный знак
И символ вечности Вселенной.
Кольцо Руслана на пути
Этнического всплеска росса;
Здесь нам никак не обойти
Национального вопроса.

По нациям нигде сейчас
Не сыщешь сведений в канонах,
Но два определенья оных
Звучат, как классика для нас,
Одно — (не вышел бы конфуз
С демократической натурой!)
Дал Сталин: Нация — союз
Народа с общею культурой,
Круг общих радостей и бед
На территории единой,
И на дороге жизни длинной
Одних традиций давний след.
От Пушкина добавку дам:
«Любовь к отеческим гробам».
В классификации такой
Себя любой найти сумеет,
Кроме бандита и еврея.
«Историк» Герцль — изрядный плут
Сионистического толка
Издал небезызвестный труд,
Где нации дана трактовка:
«Те, кто в рассеянии века
Идею пестуют до гроба,

Те, против общего врага
Кого объединяет злоба,
Имеют полные прав
Быть нацией!» — Ну, голова!
Желающий, поди, проверь!
В такую схему на серьезе
Никто не впишется теперь,
Кроме S-ида и мафиози!

Оставлен меч! Добра и зла
Уже он разграничил силы.
Кольцо касается Людмилы.
С вопросом: «Долго я спала?»
Красавица глаза открыла,
Затем вздыхает и встает.
Сбылось: С Предиктором народ
История соединила.

Тем завершаем наш рассказ,
Да и столетье на исходе.
Раз ожила душа в народе,
Зажили дружно. В добрый час!
Владимир больше не страдал,
Причем Руслану, словно сыну,
Все царство, а не половину
По акту строго передал.
И даже карлу оправдали,
Учитывая дряхлость лет,
Его пристроили в Совет,
Но права голоса не дали.
Наину видели не раз
В каком-то кооперативе,
Но не в Москве, а в Тель-Авиве,
Бог в помощь! Лишь бы не у нас,
У наших аллергия к ней ...

Но то — дела грядущих дней...

ЭПИЛОГ

С кем холодно, а с кем любя,
Читатель, нам пора прощаться.
Возможно, мы теперь тебя
Настроим чаще обращаться
И к фарисейским письменам,
И к книгам Первого Поэта.
Как решена задача эта,
Судить, естественно, не нам.
Конечно, автор будет рад
Твое увидеть пониманье,
Что повесть — пусть и подражанье,
Но не отпетый плагиат.
Ведь мы не шли бы напролом,
Но повседневная отрава
Людей враньем дает нам право
Под неизведанным углом
Взглянуть на лирику и драму,
И на «коломенскую даму».
Вдруг кто-то и задаст вопрос,
Как мог картежник знаменитый
ЧеКа-линский сказать всерьез:
Не «бита» дама, а «убита»?
Нелюбознательный сглотнет
Все, как библейские рассказы:
Исход, Синайский турпоход,
Содом и прочие проказы.
Кому же истина милей,
И кто с рассудком не в разладе,
Тот доберется, где «теплей»:
Ну, например, к «Гавриилиаде».

Или пробитую не раз
Увидев в «Выстреле» картину,
Найдет швейцарскую вершину —
Тому на пользу наш рассказ.
Глядишь, толковый демократ
И повернет направо «Взгляд».
И чем быстрей очнется он,
Тем раньше умереть могла бы
Программа «Обезьяньей лапы»,
Подкинутая князю в сон.
Нас бьют приемами простыми,
Чтоб стала наша голова,
«Как иудейская пустыня,
И как алтарь без божества».
А «дуэлянты» с двух концов
Друг друга кроют «Аргументом»,
Являются ли документом
Листки «сионских мудрецов»?
Но разве в том , скажите, суть,
Реальность это или сказки?
Факт то, что кто-то, как по смазке,
Проводит в жизнь всю эту муть.
Потом смекнете! Разве мог
Без правой половины мозг
Всех «мудрецов» сионской школы
Такой состряпать приговор?
Скорей, лихие «протоколы»
Слепил швейцарский Черномор,
Подбросив, как бы мимоходом,
Свой труд масонскому «уму».
А тот духовную чуму
Разнес по странам и народам.

* * *

И, наконец, когда меж книг

Вам попадется идиотский
Какой-нибудь дебильно-бродский
Абстрактно-вознесенский стих,
То, и помывши руки мылом,
Вы для острастки все равно
Прочтите Пушкина, чтоб было
С вас смыто черное пятно.

Как видите, все доходчиво и однозначно понятно, но только после прочтения Пушкина и прозы расшифровки.

Послесловие

Так Пушкин задолго до современных социологов и философов дал истинный метод творческого постижения общего хода вещей:

«Провидение не Алгебра. — Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из оного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть ***случая*** — мощного мгновенного орудия Провидения[1]».

Непредвиденный случай — мощное мгновенное орудие Провидения — при взгляде на Мироздание с точки зрения индивида и общества представляет собой замыкание отрицательных обратных связей в иерархически высшем объемлющем управлении: отрицательных — не в том смысле, что отрицательные обратные связи — объективно плохие, хотя кем-то могут восприниматься и в таковом качестве, а в том смысле, что через отрицательные обратные связи подавляется уклонение от идеала, предопределённого иерархически наивысшим управлением Вседержителя.

Проявление гениальности в художественном творчестве — личностное восприятие возможных вариантов развития будущего с исчезающе малой вероятностью, устойчивое управление которыми в переходных процессах способно до неузнаваемости преобразить мир.

И тайна гениальности, особого дара Пушкина — в этом. Как поэт, художник, человек с богатым воображением и развитой интуицией, он среди

---

[1] А.С.Пушкин. “О втором томе “Истории русского народа” Полевого”. (1830 г.). Цитировано по Полному академическому собранию сочинений в 17 томах, переизданному в 1996 г. в издательстве “Воскресенье” на основе издания АН СССР 1949 г., с. 127. Слово “случая” выделено, самим А.С.Пушкиным. В изданиях, вышедших ранее 1917 г., слово “случая” не выделяли и после него ставили точку, выбрасывая текст «— мощного мгновенного орудия Провидения» (см., в частности, издание А.С.Суворина 1887 г. и издание под ред. П.О.Морозова 1909 г.): дореволюционная цензура полагала, что человеку, не получившему специального богословского образования, не престало рассуждать о Провидении, вследствие чего его мнения по этим вопросам до общества доводить не следует, дабы не подрывать ими авторитет казенного богословия; а церковь не относила Солнце Русской поэзии к числу писателей, произведения которых последующим поколениям богословов пристало цитировать и комментировать в своих трактатах. В эпоху господства исторического материализма издатели А.С.Пушкина оказались честнее, нежели их верующие в Бога предшественники, и привели мнение А.С.Пушкина по этому вопросу без изъятий.

всех прочих вариантов будущего видел и варианты с исчезающе малой вероятностью их реализации. Отображая их в иносказательных образах через символику, доступную и понятную большинству простого народа, он тем самым в обход сознания через подсознание (благодаря неантагонистичной системе оглашений и умолчаний) формировал матрицу возможных состояний будущего России.

В результате — семь поколений многих народов, живущих на необъятных просторах нашей Родины, росли и воспитывались под воздействием особой притягательности его символики, формируя при этом соборный интеллект — необходимую основу для развития особой цивилизации, в которой непосредственное участие в созидательном творческом процессе принимают все читатели Пушкина.

Четвертая редакция завершена 5 мая 1999 г.